

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

32-том

МАҚАЛАЛАР, КИНОСЦЕНАРИЙЛЕР

1951–1954

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7
Ә 82

*Қазақстан Республикасының Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Редакциялық кеңес:
Кеңес төрағалары – *М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов*

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы *У. Қалижанов*

Кеңес мүшелері:
*Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанатиянов Б., Қасқабасов С.,
Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали Қ., Мағауин М., Мұртаза Ш.,
Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.*

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

32-том: Мақалалар, киносценарийлер. 1951–1954. – 412 б.

ISBN 978-601-294-174-6

Мұхтар Омарханұлы Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 32-томына “Қазақ халқының ұлы ақыны”, “Реалистік драма жолында” атты мақалалары, “Алуа” пьесасының негізінде орыс тілінде жазылған киносценарийлері (“Большая судьба”, 2 нұсқа; “Ее доля”) кірді. Бұл шығармалар 1950 жылдардың басындағы идеологиялық қысымның дәуірлеп тұрған кезінде жазылған.

Кітап ғылыми жұртшылыққа, қалың оқырман қауымға ұсынылады.

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7

ISBN 978-601-294-174-6 (32-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет
ISBN 978-601-294-142-5 және өнер институты, 2014

Мақалалар

ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ҰЛЫ АҚЫНЫ

Жүрегіңнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла.
Соқтықпалы, соқпақсыз жерде өстім,
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма.

Абай болашақ ұрпаққа сөзін осылай арнады. Бұл өткеннің құлазыған ғасырларынан өзіне бейтаныс, басқа, бірақ жарқын болашаққа сенімді жол салған ақынның айтқан сөзі еді. Даланы торлаған надандық түнегіне ол шамшырақтай сәуле төкті және таңы атып, күні шығатын жаққа апаратын жолды өз халқына талмастан көрсетті.

Иә, өзі өмір кешкен және өлең жазған ғасыр үшін Абай жұмбақ болды. Ал ол біз үшін жұмбақ па?

Біз Абайды қазір қараңғы жұмбақ ретінде емес, қазақ әдебиетінің шамшырағы ретінде қабылдаймыз. Социалистік ұлы Отанның өзара ортақ идеяларымен, күресімен, жеңістерімен туысып кеткен халықтары Абайды қастерлеп еске алады.

Ақынның қайтыс болғанына елу жыл өтті. Бірақ біз үшін Абай өткен күннің ғана ақыны емес, халықтың алға қарай қажырлы ұмтылуында ақын онымен бірге болды – ал мұндай ақын өлмек емес, өйткені оның шығармаларына уақыт шек қоя алмайды.

Қазақ халқы бір кезде адамның өмірін мүшелмен санаған. Ал поэзияның аңыз болған қайнары Әбілхаяттан мәңгі суын татқан жыршы үшін мүшел ғасырлармен өлшенеді. Өзінің еңбегін жете бағаламаған және аз түсінген замандастарын артқа тастап, Абай дәл бүгінгідей, біздің қасымызда тұр.

Халқының күресі мен азабын, тағдырын өз үлесіне алған ақынның есімін біздің әділетті совет халқы аса қастерлейді. Абайдың қайтыс болғанына елу жыл толғанын атап өте

отырып, біз ақынның уақыт сынынан мүдірмей өткен ұмытылмас, қымбатты және ұлы мұрасын еске аламыз.

Өзінің көптеген тұстастарының айтуына қарағанда, Абай өленді өте ерте, он екі жасынан бастап шығарған. Оның бұл кезеңде шығарғандарының көпшілігі бізге жеткен жоқ. Абайдың жас кезіндегі өлеңдерінің кейбіреулері және бірқатары ұмытылған, болмаса жоғалып кеткен, шығармаларының аттары ғана сақталған. Мысалы, сүйікті қызы Тоғжанға арналған өлеңдерінің тек бастапқы жолдары ғана белгілі, жас Абайдың ақын қыз Қуандықпен айтысуының ауызша мазмұны ғана сақталған. Қазақстанда ол кезде жазу-сызу нашар дамыған болғандықтан, бізде Абайдың жас кездегі өлеңдерін сақтаған, оның өмір тарихын баяндайтын, тұстастары жазған мемуарлар, хаттар, жазбалар жоқ. Үстем тап өкілдерінің ақынға деген қатынасының да салқыны бұған аз тиген жоқ. Егер халық поэзияны терең қастерлеп, ақын атын жоғары бағаласа, ру байлары: “Құдайға шүкір, біздің рудан бір де ақын, бір де бақсы шыққан жоқ” деп күпінетін. Поэзияға осындай көзқарастың әсерімен Абай өзінің көптеген өлеңдерін жас достарының атынан таратқан.

Ру таластарының қым-қуыт дау-жанжалына амалсыз араластырылған Абай әкесінің әділетсіздігімен, қаталдығымен келісе алмады және көп істерге, әкесінің ырқына көнбей, әділ үкім шығарып отырды. Абайдың халық арасынан шыққан адал, ақылгөй адамдармен дос болуы және жас кезінен бастап орыс мәдениетіне бой ұруы Құнанбайға ұнамады. Қатал, айлалы әке мен әділетті, қайсар баланың арасында елеулі тартыстар жиі-жиі болып тұрды.

Жиырма сегіз жасқа келгенде Абай әкесімен біржола ажырасады. Ол енді тағдырын өзі белгілей алатын болады. Абай, ең алдымен, орыс тілін үйренуге қайтадан бет бұрады.

Оның жаңа достары, негізінен, кедей рулардан шыққан талантты жастар, ақындар, жыршылар және орыс интеллигенциясының таңдаулы өкілдері болады. Есейген, мәдениеті өскен Абай орыстың классикалық әдебиеті мен Шығыстың халық творчествосын оқи бастайды.

Отыз бес жасқа келгенде ғана Абай творчествоға қайта оралады. Бірақ бұл кезеңде де Абай өз өлеңдерін жас

достарының атынан таратады. Тек 1886 жылы, қырық жастан асқан соң, “Жаз” деген атақты өлеңін жазғаннан кейін ғана Абай шығармаларына өз атын қояды.

Отыз жастарға келгенде Абай феодалдық-рулық ортадан біржола түңіледі. Ол патша үкіметі тұтандырып отырған рулық тартыстың халық үшін өте ауырға соғатынын анық көреді.

Нағыз ақын әрі патриот Абай халыққа оның неге қасірет шегетінін түсіндіруге тырысты. Өзінің өлеңдерінде ол феодалдық-рулық билеп-төстеушілерді аяусыз әшкерелейді және халықты өнер-білімге шақырады.

Абай орыстың жер ауып келген жетпісінші-сексенінші жылдардағы революционерлерімен танысады. Олар революцияшыл интеллигенциясының өкілдері, Чернышевскийдің жолын қушылар еді. Солардың бірі Е.П. Михаэлис — Щелгуновтың жақын досы, белсенді қызметтесі болған.

Михаэлис те, сондай-ақ Семейге кейінірек жер ауып келген оның пікірлестері де жас адамдар болатын. Абайдың олармен таныстығы кешікпей үлкен достыққа айналады. Орыс достары Абайдың өз бетімен білім алуына ерекше назар аударып, зор көмек көрсетеді. Олар Абайдан қазақ халқының тарихы, поэзиясы, әдет-ғұрпы және искусствосы жайында көп мәлімет алады, өздеріне бейтаныс өлкенің табиғи-географиялық, экономикалық жағдайларын, тұрмысын зерттейді. Мешеу қалған қиырдағы өлкеге орыс мәдениетін тұңғыш таратушылар да, халықтың өмірі мен тұрмысын өзгертудің, оны ағартудың жақтаушылары да солар болды. Біз Михаэлистің көптеген еңбектерін және Леонтьевтің “Обычное право у киргизов” деген көлемді зерттеуін білеміз. Орыстың демократиялық интеллигенциясының бұл өкілдері халықты ағартуды царизмге қарсы күрестің маңызды құралы деп санады. Абай сияқты адамдарды орыс әдебиеті классиктерінің және орыс мәдениетінің басқа да алдыңғы қатарлы өкілдерінің мұрасымен таныстыруы — олар үшін, әрине, маңызды міндет болды.

Абайдың бұл достары орыстың ұлы жазушылары мен алдыңғы қатарлы саяси-әлеуметтік қайраткерлерінің еңбектері мен ойларында бейнеленген орыс халқы туралы шындықты

қазақ өлкесінің қалың еңбекші бұқарасына жеткізуге тырысты. XIX ғасырдағы азаттық идеяларға толы орыстың классикалық әдебиетінің асқан гуманизмі мен терең революцияшылдығы, оның царизмге қарсы өшпенділігі, оның езілген бұқараны қорғап көтерген өшпес даусы Сибирьде де, Қазақстанда да қоғамдық ойды өмірге оятты, тәрбиеледі.

Ал Абай болса, қазақ халқының ғасырлар бойғы қараңғылықтан құтылатын бірден-бір дұрыс жолы – орыс және қазақ мәдениетінің жақындасуында деп білді. Ұлы ақын-ағартушы халықтардың туысқандығы мен достығы идеяларын жақтаушы болды. Өзінің өлеңдерінде ол қазақ халқына орыс халқын патша отаршылдарынан айыра білуді көрсетуге тырысты.

Тура тілді кісіні дейміз орыс,
Жиреніп, жылмаңдықты демес бұрыс.
Жылпылдақтап айрылып, сенісе алмай,
Адамдықты жоғалтар ақыр бұл іс.
Сенімі жоқ серменде сырды бұзды,
Анық таза көрмейміз – досымызды.
Қылт етпеге көңілдің кешуі жоқ,
Жүрегінде жатады өкпе сызы.
Дос асықтың болмайды бөтендігі,
Қосылған босаспайды жүрек жігі.

Орыс халқының рухани мәдениетінің нағыз бағалылықтарын тауып, таныған шақта Абайдың ой-өрісі мейлінше кеңейеді. Абай Пушкин мен Лермонтовтың, Крыловтың, Салтыков-Щедрин мен Лев Толстойдың құштар ардақтаушысы болады. 1886 жылдан бастап ол Крылов, Пушкин, Лермонтовтың шығармаларын қазақ тіліне аударады.

Абай тек қана ақын емес, сонымен бірге музыкант, қазақтың халық музыкасын терең білген, жете бағалаған адам болды. Ол бірқатар мелодиялар шығарды. Ақынның мелодиялары, негізінен, оның қазақ поэзиясына жаңалық енгізген өлеңдеріне (“Сегіз аяқ”, “Алты аяқ”, т.б.) арналған еді. Ол өзінің “Евгений Онегиннен” жасаған үзінді аудармаларына да осындай мелодиялар шығарған. 1887–89 жылдарда Пушкин есімі және оның геройлары Онегин мен

Татьянаның есімдері сол әндермен бірге бүкіл далаға кең таралды, қазақ халқы үшін қазақ ақындары мен қазақтың эпикалық поэмаларының геройларындай сүйікті, жақын болып кетті.

Сексенінші жылдардың аяқ кезінде ақын, ойшыл, музыкант Абай халық жақсы білетін әрі аса қадір тұтатын кісі болады. Оған тіпті алыс жерлерден ақындар, музыканттар, жыршылар келеді. Даңқты Біржан, соқыр ақын Ажар, Қуандық, Сара және басқалар оның өлеңдерін бүкіл кең далаға таратады.

Мұқа, Ақылбай, Кәкітай, Мағауия сияқты жас таланттар, ақындар, жыршылар Абайдың төңірегіне топталады. Олардың кейбіреулері Абайдан үлгі алып, өздігінен білімін көтереді, орыс әдебиетін оқып үйренеді, тарихи, романтикалық және салт поэмаларын жазады.

Абайдың маңына тек қазақтар ғана емес, шығыс халықтарының қуғынға ұшыраған (көбіне татар жастары), азат ойлы адамдары да келеді. Сибирьдегі ссылқадан өз еліне қашып бара жатқан кавказдықтар Абай аулында айлап жатып қонақ болады. Абайдың аулы бірте-бірте Шығыстың прогресшіл ойдағы, алдыңғы қатарлы адамдары келетін орталыққа айналады.

Абайдың талантын бағалаушылардың саны жыл сайын молая береді. Тек Абайдың өз өлеңдерін ғана емес, сонымен бірге оның достарының да шығармаларын ел ішінде көшіріп алып, жаттап, әнге қосып айтады. Батыс және орыс жазушыларының Абай оқыған романдарының мазмұнын тыңдаушы-ертектілер ауызша түрде бүкіл далаға таратады. Орыс халқының Ұлы Петр туралы ертегісі, Лермонтовтың поэмалары, Лессаждың “Хромой бес”, тіпті Дюманың “Үш мушкетер”, “Генрих Наварский” сияқты шығармалары (соңғыларын Абай орысша аудармасынан оқыған), шығыстың “Шаһнама”, “Ләйлі – Мәжнүн”, “Көрәғлы” сияқты поэмалары далаға осылайша келген.

Абай өзінің балаларын орыс мектебінде оқытады. Әбдірахман деген баласы Петербургтегі Михайлов артиллерия училищесін бітірген. Ал Ақылбай, Мағауия сияқты балалары әкесінің жолын қуып, ақын болады. Ақылбай “Дағыстан” атты сюжеттік романтикалық поэма жазады. Мағауия шығармаларының ішіндегі ең тәуірі – Абайдың

ақыл-кеңесімен жазылған, құлдың қожасы плантатормен күресін суреттейтін “Медғат – Қасым” поэмасы (поэmanın оқиғасы Нілдің жағасында болған).

Абайдың және оның достарының ақындық, ағартушылық және әлеуметтік қызметі феодалдық ауылдың ескілігіне, рушыл дауерлерге, халықты қанаушыларға және соларға сүйенген царизмге қарсы бағытталады.

Абайдың еңбектері, оның әлеуметтік қызметі және үстем тапқа өшпенділігі царизмнің сенімді жалдаптары – дала феодалдарының ызасын келтірді. Олар білімді, қайсар ақын ту еткен идеяларға және ақынның өзіне қарсы лас, зұлымдық тартыс жүргізді. Абайдың бұл жаулары чиновниктермен, билеуші таптың интеллигенциясымен бірлесе отырып қимылдады.

Абай царизм үшін қауіпті адам қатарына, Далалық өлкенің генерал-губернаторына дейін жетеді. Шындықтың батыл жаршысы, әлеуметтік тәртіптің әшкерелеушісі болған ақынды приставтар, урядниктер, болыстар үнемі аңдуға алады.

Бірақ ақынның жаулары халықтың Абайға деген сүйіспеншілігінен қаймықты, сондықтан да олар ақынға қарсы ашық қимыл жасай алмады. Олар тартыстың небір опасыз түрлерін пайдаланды. Рубасыларының бірі, Абайдың қас жауы – Оразбай өз маңында даланың Абайға қарсы азулыларының барлығын топтайды. Олар ақынның достарын қудалады, ал Абайдың үстінен губернаторға, уезд бастықтарына, патша соттарына айыптау арыздар, домалақ хаттар жолдады, ақынның өз басын “ақ патшаның жауы”, “бүлікшіл”, “әкелер мен ата-бабалардың әдет-ғұрпын, салт-жоралғысын бұзушы” деп кінәлады. Осындай арыздардың салдарынан бірде Абайдың аулына Семей қаласы полицмейстрінің өзі жанына жандармдар отрядын ертіп келіп, тінту жасайды. Ал 1897 жылы билеушілердің көрінеу-көзге демеуімен феодалдар Абайға қарсы опасыз қастандық жасайды.

Семейдің губернаторы да Абайға талай рет кәрін тікті. Бірақ ақынның өз халқы арасындағы беделінен қаймығып, ол Абайды жер ауып келген достарынан айырумен, олардың тығыз байланысын үзумен ғана шектелді.

Бірақ Абайды халықтан бөліп алуға болмайтын еді. Тіпті алыстағы уездерден көптеген адамдар Абайды іздеп

келіп, ақыл-кеңес сұрайтын. Ру арасындағы үлкен-үлкен дау-тартыстарда ел ең әділ би Абайдың үкіміне, соның төрелігіне құлақ асатын. Мысалы, Көктұма, Қарамола, Балқыбек съездерінде Абай әділетті үкім айтып, қалың халық бұқарасының мүддесін қорғайды.

Абайдың әлеуметтік қызметі мен ақындық шығармалары дала жастарының арасында әсіресе белгілі болды. Көптеген жиындарда, ойын-тойда, қыз ұзатып, келін түсіргенде жыршылар мен ақындар Абай өлеңін айтатын. Абайдың өз аулының қыздары ұзатылғанда өздерінің жасауларының ішінде Абайдың өлеңдері мен поэмаларының, нақыл сөздерінің қолжазба жинақтарын ала кететін болған. Мысалы, Әсия, Уәсила, Рахила сияқты және басқа да қыздардың сондай қолжазба жинақтары осы күнге дейін сақталған.

Даланың атқамінерлері мен байлары Абайдың даңқы халық арасына кең тарағанын көре алмай, ақынды және оның достарын қуғынға ұшыратқанын жоғарыда айттық. Олар Абайдың жақындарын, тіпті туған ағасы Төкежанды да ақынға қарсы жауықтырады, өсек-аяң, өтірік-жаламен достарын Абайдан алыстатады, сөйтіп ақын жүрегін терең жаралайды.

Өшпенділік пен қастандықтың осындай түнек ауырлығында жүрген Абайға орыстың алдыңғы қатарлы қоғамдық, халықтық-демократиялық ой-пікірінің таңдаулы дәстүрлерінде тәрбиеленген, өз ісінің болашақ мұрагері, талантты баласы Әбдірахманның өлімі аса ауыр қайғы болып тиеді. Петербургте оқып жүрген кезінде-ақ туберкулезге шалдыққан Әбдірахман Верный қаласында Дала артиллериясының поручигі болып, аз уақыт қана қызмет істейді. Ол 1895 жылы, 27 жасында қайтыс болады. Оның өліміне арнап Абай көптеген әсерлі өлеңдер шығарады. Бұл өлеңдерде ол өзінің баласынан ғана емес, сонымен бірге үміткер досынан, мұрагерінен айрылған әкенің, халық бақыты үшін күрескердің қайғысын білдіреді.

Топас, дөрекі жауларының қуғынына ұшыраған, ауыр тартыс қалжыратқан Абай ауыр өлімнің қайғысынан серпіліп болмай-ақ, тағдыр оны тағы да қатты соққылайды: Абайдың екінші баласы, талантты ақын Мағауия қайтыс болады.

Осындай бақытсыздық қатты жаншып, еңсесі түскен Абай өзінің қайғы-қасіретінен бой жаза алмайды, Мағауия өлгеннен кейін қырық күн өткен соң, алпыс жасқа қарағанда, өзінің туған даласында ақын қайтыс болады.

Абайдың сүйегі Шыңғыс тауының бауырындағы өзінің Жидебай деген қыстағының жанына қойылады.

Абайдың өлеңдер мен поэмалардан, аудармалар мен ғақлиялардан тұратын әдеби мұрасы соңғы жолы үлкен-үлкен екі том болып басылды. Ақынның көп жылдар бойындағы ойлары мен толғаныстарының, ізгі жаны тебіренуінің аса бір қымбатты нәтижесіндей бұл еңбектері енді, тарихи тұрғыдан қарағанда, қазақ халқының рухани мәдениетінің жиынтығы сияқты болып көрініп отыр. Туған халқының өткендегі ауызша, жазбаша ескерткіштерде сақталған ақындық мұрасына терең бойлаған Абай сол мөлдір бұлақтан құнарлы нәр алып, өз поэзиясын молықтыра білді. Қазақ халқына ол кезде жете таныс бола қоймаған тәжік, әзербайжан, өзбек сияқты шығыс халықтарының классикалық поэзиясы да Абай поэзиясына прогресшіл ықпал жасады. Бірақ қазақ мәдениетінің келешекте өркендеуінің кепілі, оның тарихи дамуы жолында сенімді жолбасшысы болған орыс мәдениетіне (ол арқылы бүкіл европалық мәдениетке), ең алдымен, оған дейін қазақ халқына мүлде белгісіз орыстың ұлы классиктері қалдырған мұраға Абайдың үміт артуы орасан маңызы бар факті еді. Ерекше дарынды, кемел ойлы Абай жаңа мәдениетті ақыл сарабынан өткізе, өз бойына сіңіре білді. Осындай асыл қазынаны қабылдаудан суретші Абайдың өзіндік айқын ерекшелігі өсіп, көркейе берді.

Абай қазақ халқы әлі меңгеріп жетпеген мәдениеттерге бой ұрғанда, жаңа көркемдік суреттеу құралдарымен ғана молыққан жоқ, рухани дүниесін жаңа идеялармен де байытты. Өзінің идеялық жаңа творчестволық байлығының асылына келгенде, Пушкин сияқты, Абай да қалың жұртқа ортақ, сонымен бірге анық ұлттық, халықтық ақын.

Абайдың сексенінші жылдардағы өлеңдерінің көпшілігі қазақ қоғамының тағдырына арналды. Сонымен қатар, ақын халқының бүкіл рухани қатынасын терең көркемдік-сыншылдықпен қайта қарап, өзінің ақындық жаңа программасын ұсынды.

Бұл шығармаларында Абай қалың бұқараға жақын келеді. Алайда оның поэзиясының халық творчествосынан зор айырмасы барын дәл осы тұста айқын көреміз. Абай бірде-бір өлең жолында халық творчествосының қалыптасқан дәстүрлі сөз жүйесі мен ақындық ой бітімін қаз-қалпында ала салмайды. Абай ауыз әдебиетіндегі сөздерді де, образ жүйесін де, стиль тәсілдерін тереңдетіп, жаңа ой, сезімдермен толықтырады, оның өлеңдерінде өзгеше бір идеялар мен жан сезімдері жүреді. Ең алдымен, бұл шығармалардан ақынның ескілік әдет, билеуші феодалдардың азғындық мінездері, қараңғылық, дау-жанжал жайлаған, еңбекші бұқара мұқтаждық пен жоқшылықта өмір сүрген сол кездегі қазақ аулының қоғамдық қалпына бітіспес көзқарасы айқын көрінеді. Абайдың көптеген өлеңдерінде (“Қартайдық, қайғы ойладық”, “Қалың елім, қазағым, қайран жұртым”, “Күлембайға”, “Көжекбайға” және т.б.) надандық, дәуекестік, парақорлық, араптамақтық, қазақ халқын билеп-төстеушілердің рухани бейшаралығы өлтіре сыналады. Семьяға, ата-анаға, жас ұрпақты тәрбиелеуге, әсіресе әйелге жаңа көзқарас қазақ әдебиетінің тарихында тұңғыш рет соншама моральдық тереңдікпен айтылады.

Шығыс әйелдерінің халық поэмалары мен тұрмыс-салт жырларында суреттелетін қайғылы, бақытсыз халі Абай творчествосында жаңа мағынаға ие болады. Өз поэзиясында Абай әйелдің жан-жүйесін көрсетеді, ал бұл жөнінде бұрынғы поэмалар мен жырларда аз айтылатын да, әйелдің қасіретті тағдырына сырттай ғана баса көңіл бөлінетін. Абай сүйген адамын өзі қалаған әйелдің махаббаты қаншалықты жан тебіренерлік, кіршіксіз таза, терең болатынын, оның қиыншылықпен қолы жеткен бақыты үшін күресте қажырлы, берік екенін көрсетеді. Абай қазақ әйелін, ананы семьяның тірегі ретінде жырлайды, оның жанқиярлығын, даналығын, шын көңілмен берілген достыққа беріктігін, оның адал, тамаша жанының тұтастығын мадақтайды. Қалыңмалға, көп қатын алушылыққа, әйелді күндікте ұстаушылыққа жан-тәнімен қарсы шыға отырып, ақын өлеңдерінде әйелдің қоғамда тең праволы болуы үшін күреседі.

Абай бұрынғы ауылдың ғасырлар бойғы ескіліктерін, енжарлық пен жалқаулықты қатты түйреумен бірге, ақылы

бар, бойында күші бар адамға қажетті қасиет ретінде еңбекті сүйшілікті жырлайды.

Ол өзіне дейінгі дидактикалық, уағыз поэзиясының канондарын бұзды. “Мен жазбаймын өлеңді ермек үшін”, “Өлең – сөздің патшасы, сөз сарасы”, “Біреудің кісісі өлсе, қаралы ол” атты өлеңдеріндегі өзінің ақындық программасында Бұхар жырау, Шортанбай, Дулаттарды қатал сынап, олардың поэзиясын “құрау-жамау” деп атайды. Абай оларды жас ұрпаққа рухани азық бермей, халықтың қоғамды қайта құру күресіне зиянын тигізгені үшін, өткен, құлдық заманды жырлап, дәріптегені үшін айыптайды. Абай жаңа поэзияның биік мақсаты, міндеті – халыққа қызмет ету, адамды қайта тәрбиелейтін және қоғамды қайта құруға көмегі тиетін жаңалыққа шақыру деп біледі. Халықтың еңбек етіп, өз правосы үшін күресуі ғана дала кедейіне тәуелсіздік әпереді, білімге, аянбай оқуға ұмтылу ғана жас ұрпақтың қолын жақсы өмірге жеткізеді.

Оқуға шақыруды Абай жалаң уағызбен айтпады. Абайдың бүкіл поэзиясы, оның жаңа лебізді, орамды өлеңінің, өмірлік қуатқа толы образдарының күші қазақ қоғамын ескірген идеялар мен сезімдер шеңберінен шығарды, ауыл еңбекшілерінің ортасынан шыққан адамдардың басын қатырған мұсылман медреселерінің схоластикасы мен балдыр-батпақтарын аяусыз шенеді.

Абай шығыс поэзиясына, Таяу Шығыстың бұрынғы және сол тұстағы мәдениетіне келгенде де өзіндік бетін сақтай білді. Ол түпнұсқа арқылы (ішінара шағатай тіліндегі аудармасы арқылы) араб-иранның бүкіл батырлық-діни эпосын, Шығыстың Фирдоуси, Низами, Сағди, Хафиз, Науаи, Физули сияқты классиктерін білді. Жас шағында ол қазақ өлеңіне “ғаруз” өлшемін тұңғыш рет енгізіп және сол классиктердің ақындық лексикасынан алынған көптеген араб-парсы сөздерін енгізіп, әлгі ақындарға өзі де еліктеген еді. Кейін, халық творчествосынан искусствоның анағұрлым өмірлік берік негіздерін тауып, Абай шығыс әдебиетінен халық шығармалары – “Мың бір түнді”, парсы мен түріктің халық ертегілерін, халық эпосын жоғары бағалады. Ол әңгімелеген “Шаһнама”, “Ләйлі – Мәжнүн”, “Көроғлы” поэмалары ел арасына кең таралды.

Таяу Шығыс мәдениетін, тарихын зерттей жүріп, Абай Табари, Рабғузи, Рашид ад-Дин, Бабыр, Абулғазы Баһадур хан және басқаларының еңбектерімен танысты, сондай-ақ шығыстың діни ғалымдарының пайымдауындағы логика мен мұсылман правосы негіздерін де білді. Абай Таяу Шығыстың ежелгі мәдениеті ғана емес, сонымен бірге өз заманындағы мәдениетімен де жақсы таныс болатын. Ол татардың тұңғыш ағартушыларының да еңбектерін білетін.

Жаңа туып келе жатқан ең бір кертартпа діни-саяси ағым – панисламизм мен пантүркизмге Абай сол жылдардың өзінде-ақ дұрыс баға бере білген еді, бұл ағымды қазақ молдалары, қожалары, дала феодалдары жанын сала қолдайтын. Бұл бағытқа қарсы, Абай өз халқы мәдени прогреске орыс халқының ұлы мәдениетінен үйрену арқылы жетегінен насихаттап, өзі де соны жүзеге асырды – бұл ретте ол өмірінің ақырына дейін дәйекті, табанды болды. Ол панисламизм мен пантүркизмді шығыс халықтарының ғасырлар бойғы оқшаулығы мен мешеулігін тапжылтпай, нығайта түсетін топас фанатизм деп есептеді.

Ұлтының және діни нанымдарының өзгешелігіне қарамастан, барлық халықтардың бейбіт, тату тұруына негізделген ағарту үшін нағыз жалынды күрескер Абайдың көзқарастары мейлінше кең әрі батыл, еркін болды. Әлеуметтік және мәдени өмірдің барлық мәселелерін езілген бұқараның тұрғысынан қараған ойлы, дана художник Абай – қазіргі күнде өзінің “ғажайып” жамылғысынан айрылып, халықаралық империализмге жалданған, буржуазияшыл-кертартпалық ұлтшылдық мәнін әшкере еткен панисламистік және пантүркистік идеялардың залалды әсерін сол кездің өзінде-ақ алдын ала көре білді.

Өзінің творчествосында Абай осы жалған “Шығыстың оянумен” бірге бір қадам да басқан жоқ. Абайдың ақындық мұрасында, әсіресе махаббат жайындағы өлеңдерінде, лирикалық толғануларында, “Масғұт” атты философиялық-моралистік поэмасында шығыс классиктерінің әсері шүбәсіз екенін көреміз. Бірақ ол шығыс поэзиясы классиктерінің кезінде болашаққа бет бұрған, дамып, жаңа бір нәрсеге айналуға мүмкіндігі бар табыстарына ғана мұрагерлік етті. Абай шығармаларындағы идеялық-көркемдік мазмұнның реализмі, сезім шынайылығы, өмірді терең бойлап сезіну,

адам қатынастары мен дүниені нақтылы түрде қабылдау – дәстүрлі шығыс поэзиясының жаңа өмір мен жаңа ұмтылуларды бойына сыйғыза алмай, әлдеқашан тозған сипаттарына мүлдем қарама-қарсы, өзгеше.

Тіпті Абайдың өз діни нанымдары мен ішкі сенімдерін бейнелейтін өлеңдері де мұсылман дінінің кітаби догмаларынан мүлдем басқа. Айқын сыншыл ойды жақтаған Абай, көбіне исламның ресми түрде уағыздалған догмаларын тікелей жоққа шығарып отырады. Ол үшін дін – тек адамның жеке басының моральдық жетілуінің құралы ғана. Молдалар мен фанатиктерге, ислам мен схоластиканы таратушыларға, құраншыларға арналған өлеңдерінде ақын оларды “малқұмар көңілі бек соқыр, бүркіттен кем бе жем жесі?” деп аяусыз ажуа етеді.

Алайда Абайдың үнемі дәйекті бола бермегенін атап өткен жөн. Молдалар мен ишандардың діни фанатизмін, екіжүзділігін, пайдакүнемділігін сынай отырып, Абай бірсыпыра өлеңдерінде, әсіресе қара сөздерінде дінді жақтады. Дидактикалық өлеңдеріндегі насихатының бірқатарын Абай ислам заңдарымен дәлелдеді. Ол діннің негіздерінің өзін мақұлдамайтын саналы, дәйекті философиялық материализм дәрежесіне көтеріле алмады.

Оның көзқарасындағы осындай әлсіздіктің бір себебі сол – феодалдардың халық бұқарасын адам айтқысыз қанап отырғанын әшкерелей, жек көре тұра, Абай сол қанаудың таптық сипатын әбден түсініп жетпеді. Оның бүкіл өмірі өткен кішкене өңірдің көшпелі тұрмыс жағдайы мәдени-экономикалық факторлардың тарихи маңызын жете бағалауға мүмкіндік бермеді. Бұл мәселелерге орыстың ұлы революцияшыл-демократтары сияқты ықылас қоюшылықты және экономикалық укладты өзгерту күресін түсінушілікті оның творчествосынан таба алмаймыз. Оның ағартушылық сипаты басым еді де, келешекке деген үмітін қазақ халқының сол замандағы оқу-білімге тезірек жуықтауына, гуманистік идеяларды кең тарату идеяларына артты, ол мұның қайнар көзі орыс мәдениетінде деп білді.

Абай өздігінен білім алудың ұзақ жолын өтті. Пушкин, Лермонтов, Крыловтардан бастаған ол алпысыншы, жетпісінші жылдар әдебиетімен де танысты, тек ақындарды ғана құрметтемей, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин

сияқты ұлы прозаиктерді де түсінді. Орысша аудармалар арқылы Абай Гете мен Байронды, Батыс Европаның басқа да классиктерін білді. Орысша аудармалар арқылы ол ежелгі замандардағы әдебиетпен де танысты. Ақынның достарының айтуы бойынша, Абай Батыс философиясымен де қызықсынған көрінеді (мысалы, Спиноза мен Спенсерді оқығаны, Дарвин жайын сұрастырғаны мәлім). Алайда оның философиядан алған білімі белгілі бір жүйеге түспеген еді. Маркс және оның ғылымы туралы ол білмеген болса керек.

Абайдың орыс классиктеріне творчестволық жолмен келуі ақын қызметінің әрбір жаңа кезеңінде жаңаша болып отырады. Крыловты аударғанда, Абай оның мысал моралін қазақ ұғымы мен түсінігіне сәйкестендіре, кейде өзгертіп, өзгеше бір нақыл сөз түріне келтірді. Бірақ “Қанжар”, “Жолға шықтым бір жым-жырт түнде жалғыз”, “Теректің сыйы”, “Жалау”, “Демон” үзінділерін алсақ, Лермонтовтан аударылған өлеңдерінің ішінде өзінің дәлдігі мен шеберлігі жағынан күні бүгінге дейін бұлардан асқан аударма жоқ.

Абайдың Пушкинге көзқарасында бүгіндей бір өзгешелік бар. “Евгений Онегин” үзінділері аудармадан гөрі, Пушкин романын шабыттана әңгімелеуге ұқсайды. Бұл ретте Абай шығыс поэзиясында ертеден қалыптасқан “нәзира” үлгісін қолданып, өзінен бұрынғы ақындардың тақырыбы мен сюжетін жаңаша баяндайды. Мысалы, “Ләйлі мен Мәжнүн”, “Фархад пен Шырын” және “Александр Македонский” (Ескендір) туралы поэмалардың сюжеттерін ертедегі тәжік, әзербайжан, өзбек классигі Науаиге ұқсап, Александр (Ескендір) мен Аристотельді осы қайталау планында жырлайды. Ұлы мұраны еркін ақындық баяндаудың осы мәнерін Абай “Евгений Онегинге” де қолданған. Татьяна мен Онегин образдарының биік поэтикалығына, шынайылығына ғажап қалған Абай олардың тарихын баяндайды, олардың ұлы қастерлі сүйіспеншілігінің бағалылығын баса көрсетеді және оны қазақ жастарының ұғымына жақындатады. Абай версиясында “Евгений Онегин” эпистолярлық роман түріне ие болған.

Татьяна мен Онегиннің сүйіспеншілік хаттарына мелодиялар шығарып, оларды ақындардың репертуарына енгізген, сөйтіп бұл есімдердің ел арасында кеңінен белгілі

болғаны соншалық — дала жастарының сүйіспеншілік хаттары солардың сөздерінен басталып отырған.

Қазақ әдебиетінің өркендеуі үшін Абайдың аудармашылық жұмысының зор маңызы болды, бірақ оның орыс әдебиетімен байланысы мұнымен ғана тамамдалмайды. Бұл мәдениет пен көркемдік дәстүрлердің аса күшті ықпалын Абайдың өз творчествосынан іздеу керек. Мысалы, Пушкинді Абай басқа орыс классиктерінен гөрі сиректеу аударған. Солай бола тұрса да, оның орыс ақынымен байланысы өз творчествосында әрі терең, әрі айқын көрінді. Оның лирикалық ойға шомуларында, табиғат суретін реалистікпен беруінде, махаббат иесі әйелдің жүрегін терең түсінуінде, әлеуметтік сарындардың адамгершілік үнінде Пушкиннің көптеген сипат белгілері бар.

Пушкиннің және дүние жүзінің ақындық мәдениетімен іштей терең байланысу ғана Абайдың жылдың төрт мезгілі туралы өлеңдерін, лирикалық өлеңдері мен ақындық толғаныстарын, ақын қызметі жайындағы өлеңдерін, Александр Македонский мен Аристотель туралы поэманы жазуына мүмкіндік берді.

Ақынға арналған өлеңінде Абай ақынды қоршаған ұятсыз-арсыз, енжар ортаға оның тәуелсіздігін, шыншылдығын, ер тұлғасын, шабытты ойының шиыршық атып шарқ ұруын қарама-қарсы қояды. Абай өзінің поэзиялық көзқарастарында Пушкинмен осылайша туысып жатады. Абай көркем проза жазбаған, бірақ болыстарды, чиновниктерді, билерді, атқамінерлерді өлтіре сынап, мысқылдаған сатиралық өлеңдерінде ол Салтыков-Щедринге көркемдік жағынан да, саяси жағынан да жақын.

Шәкірттерге арнаған бір өлеңінде Абай Салтыков-Щедринді халыққа зорлық-зомбылық көрсетушілердің дәлме-дәл суреттерін берген жазушы ретінде атайды.

Өкінішке қарай, Абайдың Герценді, Белинскийді, Чернышевскийді және Добролюбовты қаншалықты білгендігі және қалай қабылдағаны туралы мәселе осы уақытқа дейін өте аз зерттелген. Тек жоғарыда аталған революцияшыл-демократтардың жолын қуушылар Абайдың жақын достары болғаны және оның өз халқының азат, өнер-білімді болуын мақсат еткен арманына ортақтасқаны ғана белгілі. Бұл проблемамен тек Қазақстанның ғалымдары ғана

шұғылданып қоймауы керек, өйткені орыстың демократиялық интеллигенциясының күресі ұлт аймақтарында, патша колониясының ұлттық ақындарының ой-пікіріне қалай әсер еткенін түсіну үшін мұның үлкен мәні бар. Крыловты, Пушкин мен Лермонтовты аударғанда Абай алдына тек көркемдік қана мақсат қойды ма? Бұл алпысыншы жылдағылар программасының ішінара жүзеге асуы, Чернышевскийдің халық бұқарасын тарихи жемісті, нағыз азат етуші білімдермен ағарту туралы ойларының жүзеге асуы емес пе?

Біздің заманымызда ұлы ақын мұрасы қалай меңгерілуде, Абай өмірі мен творчествосын зерттей отырып, советтік ғылым өзінің алдына қандай проблемалар қояды деген мәселеге тоқтап өту қажет.

Қай халықтың болса да дүниежүзілік мәдениетке берген озат нәрсесінің бәріне үлкен ықыласпен қарайтын біздің советтік әдебиеттану ғылымымыздың социалистік мәні Абайдың ақындық мұрасын жан-жақты зерттеу, оның творчествосын, өзін Қазақстан мен Совет Одағында ғана емес, сонымен бірге шетелдерге де кең насихаттау фактісінен айқын көрінеді.

1909 жылы Кәкітай Ысқақов Абайдың таңдамалы шығармаларын тұңғыш рет басып шығарады. Бұл кітапқа ақын өлеңдерінің үштен екісі ғана енді және онда ғылыми түсініктер берілмеді. Кәкітай жазған шағын алғы сөзде Абайдың өмірбаяны жәйлі қысқа мәлімет және оның творчествосы мен көзқарасы туралы тым жалпылама ғана пікір болды. Бұдан кейін ақын шығармаларының Ташкент пен Қазандағы екі баспасы Кәкітай баспасын қайталады. Октябрьге дейін Абайды зерттеудің нәтижесі осындай болды.

Ал қазір ше?

Абай жайында жазылған еңбектердің библиографиялық көрсеткішінің өзінде-ақ қалың кітап боларлық жұмыстардың аттары аталады; мұнда стиль мен тілдің проблемаларын, Абай творчествосының идеялық мазмұны, оның өмірбаяны туралы проблемаларды, көптеген басқа мәселелерді қозғайтын ғылыми еңбектер де, мақалалар да бар.

Алайда бұл көрсеткіш те Абай жайындағы еңбектерді, әсіресе соңғы жылдарда қазақ, орыс жазушылары мен

ғалымдары, тарихшылар, педагогтер, журналистер жазған мақалаларды толық қамти алмайды.

Абай есімі оқу программаларына енгізілген, оған оқулықтан орын берілген, шығармаларының бірқатар нұсқалары хрестоматияларға кіргізілген.

Ол туралы пьеса, кинофильмдер жасалды. Осындай ортақ зор еңбектің арқасында Абай бүкіл совет халқына тіпті жақын болып алды. Ол туралы Москваның, басқа қалалардың көптеген оқушылар конференцияларында айтылады, мектеп оқушылары жазбаша шығарма жазады. Қазақстан ғана емес, Москвада, Ленинградта, Бакуде және басқа қалаларда студенттер диплом жұмыстарын жазады, оның творчествосының әр саласынан диссертациялар жазылуда.

Бұл салада көп істер істелді. Сондықтан да ақынның мұрасын, оның өмірі мен дәуірін онан әрі зерттеудің проблемаларын еске түсірудің маңызы зор. Бұл проблемалардың ішінен ең алдымен ақынның өмірбаянын терең зерттеу проблемасын айтуға болады.

Абай өмірбаянын “биографизмнің” тар шеңберінен шығару керек. Оның творчестволық және өмірлік жолын реформадан кейінгі дәуір шындығының нақтылы жағдайлары белгіледі. Бұл жағдай жазушының жаңа типін туғызды. Алтынсарин де, Абай да осындай жазушылар болды, олар феодализмнің кертартпа негіздеріне қарсы шаруалар наразылығын білдірушілерге айналды.

Абай творчествосының халықтығын зерттеу – айрықша маңызды міндеттердің бірі. Өткендегі еңбектерде бұл проблеманы дұрыс шешуге қазақ әдебиеті “бірыңғай ағынмен” дамыды деген аса қате түсінік кедергі жасады. “Бірыңғай ағын теориясы” рухында жазылған зерттеулерде Абай өзінің тағдыры мен творчествосын байланыстырған ортадан – қазақтың реформадан кейінгі дәуірдегі шаруалардан оқшау алынды.

Мақалалардың көпшілігінде Абайдың халықтығы ақынның қайдағы бір мұрат-мақсатқа ұмтылуы ретінде көрсетіледі, ол мұрат-мақсаттың өзі нақты тарихи сипаттарсыз, қайшылықтарсыз көрсетілді, асылына келгенде, марксизмнің “еңбекшілер бұқарасының тарихын, халықтар тарихын” ескеру керек деген қағидасы еленілмеді.

Жазушы өз дәуірімен байланысты, оның халықтығы – тарихи әрі дамып отыратын категория. Лениннің Чернышевскийге, Герцен мен Толстойға, Горькийге берген бағасында бұл мейлінше терең әрі тамаша ашылған.

Абайдың тікелей халықтығы – халықты езушілерді каналушы бұқараның тұрғысынан әшкерелеуінде. Бұл ретте ол халықтың ауыз әдебиетіндегі нақыл сөздерді, мөтелдерді, тілдегі метафораларды, халық юморының тәсілдері мен құралдарын пайдаланады. Ол ауыл кедейін, батырағын, қазақ әйелін, қарапайым адамдардың бейбіт еңбегін жақтайды, надан әкелердің содырлы мінез-құлықтарының кесірі тиетін жас ұрпақты жақтайды. Бұл – тікелей халықтық белгілер. Шығармаларын өз халқының тілінде жаза отырып, ақын халық ойы мен арманын неғұрлым өткір, терең түрде жеткізу үшін бұл тілді байытып, дамытады. Абай халық жыршылары айта алмаған, бірақ халық бұқарасының санасында жүрген ойларды айтты.

Осыдан келіп Абай халықтығының екінші бір сапасы басталады. Халықтың саналы түрде түсініп болмаған, стихиялы тілектерін саналы түрде айтып, бұл үшін өз бойына жинаған нәрді пайдаланып, сол кездегі орыс мәдениетінің шыңына құлаш ұра, ақын жалпы мәдениеттік, жалпы тарихтық маңызы бар бүкіл ұлттық қазына жасайды. Оның творчествосында көрінген Белинскийдің, Чернышевскийдің эстетикалық принциптері, оның өлмес, өшпес лирикалық туындылары, Пушкинді, Лермонтовты, Крыловты аударушы және насихаттаушы ретіндегі ағартушылық қызметі, адамгершілік қасиеті жоғары адамның маңызы мен ұлылығы туралы поэмалары – айрықша бағалы қазына. Бұл шығармаларда Абай халық тағдыры, халықты езушіліктен құтқару амалдары туралы тікелей айтпайды, бірақ та Абай мұрасының бұл саласы да терең халықтық болып табылады.

Бүкіл дүние жүзінің алдыңғы қатарлы ақындық мәдениетінің маңызды элементтерін қамтыған Абай шығармалары қазақ әдебиетін, оның бүкіл мәдениетін ғасырлық оқшаулану, мешеулік қалпынан шығарып, жоғары тарихи сатыға көтерді. Абайдың халықтығы мынада: ол өз халқының рухани көзі болып, алысты көре білді, халық үшін ойлап, халық үшін сезіне жүріп, оның тарихи келешегін көрсетіп берді.

Абай реформадан кейінгі дәуірдегі қазақ шаруаларының тарихи тәжірибесін дұрыс бейнелеп, түйіндеп көрсетті. Бұл жәйт оның творчествосын “еңбекші бұқара тарихының”, озат қоғамдық ой тарихының фактісі етті.

Зерттеушілер Абай творчествосы мен орыс әдебиетінің байланысы туралы аса маңызды бір проблема жөнінде аса көп жұмыс жүргізуге тиіс. Біздегі жұмыстардың бәріне ортақ кемшілік – бұл мәселенің тар көлемде қойылуында. Зерттеушілердің назары ең алдымен Абайдың Крыловтан, Пушкин мен Лермонтовтан аударған аудармаларына ауды; Абайдың Белинскийге, Герценге, Чернышевскийге, Некрасовқа, Салтыков-Щедринге қатынас жайындағы мәселе күні бүгінге дейін қаралған да емес.

Бұлардың үстіне, Абайдың орыс әдебиетіне қатынасы жайындағы мәселе Абайдың бүкіл орыс мәдениеті мен философиясына, эстетикасы мен публицистикасына қатынасы жайындағы мәселеден бөлек қаралып жүр. Бірсыпыра еңбектерде Абайдың орыс мәдениетіне келген жолы туралы мәселе оның достарымен тікелей байланыс жасауы шеңберінде ғана айтылады, мұның өзінде, әлгі дос дегендері – 80–90-жылдардың халықшылдары дәріптеледі де, олардың Абайға еткен әсері асыра бағаланады.

Ақыр аяғында, Абай творчествосының орыс әдебиетіне қатынасы, әдетте, идеялық жағынан анықталады да, Абайдың орыс әдебиетімен байланыс жасауы арқасында туған жаңа көркемдік форма мен жанр мәселесі ауызға да алынбай қалады.

Біздің алдымызда қандай міндеттер тұр?

Методологиялық маңызды міндеттің біріншісі – Абайдың орыс әдебиетіне қатынасы жайындағы мәселе даму үстінде зерттелуі керек. Абай жиырма жыл бойы орыс әдебиетінің таңдаулы дәстүрлерін творчестволық жолмен қабылдап отырды. Бұл дәстүрді игеруде оның өз жолы бар. Татьяна мен Онегин туралы нәзира жасаудан, Пушкин мен Лермонтовтан аударудан Абай Некрасов пен Салтыков-Щедринді зерттеп үйренуге келді. Біз осынау жолдың кезеңдерін, бірінен-бірінің сапалық ерекшелігін, араларындағы байланыс-жалғастарын анықтауға міндеттіміз, біз мұның бәрін әр дәуірдің сипатын белгілеген саяси оқиғалармен, соның ішінде орыс және қазақ халықтарының

қарым-қатынасымен тығыз байланыстырып зерттеуіміз керек.

Абайдың орыс әдебиетіне қатынасы оның творчествосынан айқын көрінеді, әдебиетті қоғамдық сапаның өзге түрлерінен бөліп алмай, орыстың демократияшыл озат мәдениетінен Абай алған бүкіл байлықты сырдаң тартқызбай, бұл қатынасты барлық шын, объективті байланыстармен зерттеу қажет.

Абай творчествосының Шығысқа қатынасы жайындағы проблемамен де тереңірек, сын көзімен қараңқырай шұғылдану керек, мұның өзі – өте аз зерттелген мәселелердің бірі. Бұрынғы зерттеулерде Абайдың иран әдебиетімен байланысы деп айтып жүргеніміз, шынында, тәжік, өзбек, әзербайжан классиктерімен байланысы, былайша айтқанда, бүкіл совет елі таныған жазушылармен – советтік шығыс әдебиетінің қарт классиктерімен байланысы еді.

Абайдың Науаиге, Низамиге, Физулиге қатынасын және оның Қожа Ахмет Йассауидің “Хикматы” сияқты мистикалық әдебиетке қатынасын қадағалай отырып айыру қажет. Алғашқылары Абайды өздерінің биік шеберлігімен, гуманистік ойларымен, ішінара эстетикалық көзқарастарымен тартты. Шортанбай, Мұрат, Әбубәкір сияқты, өзінен бұрын болған немесе өзімен тұстас кер-тартпа, консервативтік ақындардай емес, Абай бүкіл жердегі өмірді, оның ішінде қоғамдық өмірді қайта құру жолындағы күресті жоққа шығарған суфизмге мейлінше қарсы.

Абайдың Шығысқа қатынасы ақын творчествосының әр кезеңінде әрқилы болғанын есте ұстау қажет. Егер жас кезінде (1860–1865) жай еліктеуден бастаса, есейіп, ержеткен шағында (1886–1904) Науаи мен Низамиге сырттай еліктемей, олардың дәстүрлерін творчестволық жолмен, сын көзімен қабылдады. Бұл ретте “Ескендір” поэмасында Низамидегі Қызыр пайғамбардың орнына Аристотель образын енгізгенін, Ескендірді қандықол басқыншы етіп көрсеткенін айтсақ та жеткілікті.

Бұрын араб аңыздарының шартты түрде ғана белгіленген геройлары болған Тариэль, Нестан, Дареджан, Автандилдің образдарында өзінің көзқарасын және өз кезіндегі грузин қоғамының этикалық нормаларын білдірген Шота Руставели

сияқты, Абай да шығыс классикасының сюжеттері мен образдарын пайдалана отырып, белгілі дәрежеде, Масғұт образы арқылы сол тұстағы әрі өзі ортақ болған ойлар мен толғауларды бейнеледі.

Онан соң, Абайдың шығыс классиктеріне қатынасын зерттегенде, бұл байланыстың ұтымды жақтарымен қатар (форманы жетілдіру мүмкіншілігі, Абайға тән адамгершілік қасиеттің кеңірек ашылуы), классикалық шығыс әдебиетінің: орта ғасырлық жағдайлардың әдеби стильді тежеуі, діни сарындар, фантастикалық сенуден шыққан күр қиял, бірқатар көркемдік форманың енжарлығы сияқты теріс жақтарын да естен шығармау керек.

Абайдың ислам дініне қатынасын зерттегенде, бір жағынан, оның көзқарасы мен творчествосында феодалдық идеологиялық қалдықтар бар екендігін ескерсек, екінші жағынан, Абай жақтаған шаруалардың идеологиясында діни ескі ұғымға сенушілік бар екенін де ұмытпау керек. Абайдың көзқарасындағы діни элементтер, сөз жоқ, оның творчествосының әлсіз жағы болды, өйткені Абайдың 90-жылдардағы, осы ғасырдың бас кезіндегі революцияшыл жұмысшы қозғалысымен байланысы болмады, ол діни элементтер ақын, ойшыл Абайдың негізгі бағытына қайшы келді.

Біздің зерттеулерімізде Абайды төңіректеген ақындар творчествосының әлеуметтік сипаты ұзақ уақыт бойы даралап ашылмай келеді...

Абай мұрасын зерттеушілердің алдында тұрған маңызды тақырып — қазақтың демократиялық әдебиетінің бұдан былайғы дамуындағы Абай дәстүрін тексеру. Бұл саладағы басты міндет — ХХ ғасырдың бас кезіндегі қазақтың демократияшыл ақындары Дөнентаевтың, Торайғыровтың Абай дәстүрін қалай жалғастырып өкеткенін анықтау, әсіресе бұл ақындардың орыс мәдениеті мен әдебиетіне көзқарастарындағы сабақтас жайларды анықтау болып табылады. Жаңа тарихи жағдайда, ең бір ұлы революцияны дайындау дәуірінде олардың Абай нәр алған орыстың революцияшыл демократтарының озат идеясын, орыс классиктерінің реализмін қандай дәрежеде қабылдап, онан әрі қалай дамытқанын айқындау қажет. Олар Абай ізімен жүргенде өз дәуірінің озат идеяларымен қаншалықты рухтана

білгенін, сол дәуірді толық көрсету үшін қандайлық жаңа әдеби формалар тапқанын ашу керек.

Ақырында, қазақ совет әдебиетіндегі Абай дәстүрлерінің проблемасын жан-жақты көтерудің, қазақ совет әдебиетінің таңдаулы шығармалары негізделіп жазылған социалистік реализм әдісі мен Абай реализмі арасындағы ішкі байланысты анықтаудың терең мәні бар. Абайдан біздің ақындарымыз бен жазушыларымыз қабылдаған демократиялық элементтерді айқындаумен бірге, Абайдың көркемдік формаларына, оның ақындық тіліне қазақ совет әдебиетінің қандай қатынасы бар екендігіне айрықша назар аудару керек.

Абайдың шығармаларындағы саяси-әлеуметтік идеялар соларды туғызған экономикалық базиспен бірге құрыды. Бірақ Абайдың сол шығармалары мен көркем образдары онда суреттелген дәуірмен бірге өліп қалған жоқ. Олардың әсер етушілік қуаты – өз тұсындағы халық өмірін Абайдың мейлінше кемелденген көркем формада бейнелеуінде. Абайдың нақтылы саяси-әлеуметтік, этикалық, эстетикалық идеяларын совет жазушыларының творчествосынан іздеп жатудың қажеті жоқ, бұл жеміссіз жұмыс. Бірақ совет жазушылары социалистік қоғамның талап-тілектеріне жауап бере отырып, Абайға тән дәстүрді – Отанды, өнер-білімді сүю, өктемділікті жек көру дәстүрін дамытады. Социалистік рухани мәдениеттің негізінде Абайдың таңдаулы мұраттары гүлдене түсті, қазіргі дәуірге лайық ой-сезімге айналды.

Қорыта келе айтарымыз, Абайдың өмірі мен творчествосын зерттеу проблемасы неғұрлым кең, принципалды, жан-жақты талқыланса, оның мұрасын зерттеу нәтижелері соғұрлым жемісті, елеулі бола бермек.

Поэзияда, музыкада, қоғамдық-азаттық ой-пікір саласында өлмес-өшпес шығармалар берген Абай қазақ халқының өткен замандағы өмірін зерттеуші біздің ұрпаққа таңғажайып тұлға болып көрінеді. Ол өз халқының тарихында тау шынарындай биік тұр. Ол қазақ халқының ғасырлар бойғы мәдениетінің таңдаулы нәрін алды және бұл қазынаны орыстың және Батыс Европа мәдениетінің игі әсерімен молықтырды.

Абай өз халқының және Таяу Шығыстың қоғамдық ойының Октябрьге дейінгі тарихындағы ең прогресшіл

қозғалысты басқарды. Қазақ халқының тұңғыш ағартушы қайраткерлерінің бірі болған ол, қазақ қоғамының орыстың озық мәдениетіне жақындасуына бөгет жасаған кедергілерді дәйекті түрде күйретіп отырды, сөйтіп кертартпалық құрылысқа қарсы, сәулелі болашақ үшін ортақ күресте орыс және қазақ халықтарының қосылуына жәрдемін тигізді. Абай есімі бізге сондықтан да қымбат. Ұлы Отан соғысы жылдарында Ұлы Одақтың барлық халықтарымен туысқандық ынтымағын өзінің күресімен, жеңісімен нығайта түскен, Отанымызды қорғаған қазақ жауынгерлері мен офицерлерінің арасында ақын өлеңінің дәл бүгінгідей, соны үнмен естілгені де осыдан. Барлық рухани қазыналарды жауынгерлік сынға салған жылдардан өз Отанының таңдаулы ұл-қыздарымен бірге өтіп, Абай біздің социалистік бақытты бүгінгімізге бұрынғыдан да жақын, бұрынғыдан да қымбат бола түсті.

Қазақтың жаңа мәдениетінің негізін салушы, қазақтың классикалық поэзиясының шұғылалы шыңы — Абайдың мәңгі өшпес даңқының ең асқақ айғағы, міне, осында.

РЕАЛИСТІК ДРАМА ЖОЛЫНДА

Советтік драматургия — әдебиеттің мол, күрделі арнасының бірі. Сондықтан жалпы қазақ совет әдебиетінің алдында тұрған міндеттер жайында айтылған сөздер, аталған шарттар біздің драматургиямызға да мейлінше ортақ шарт — міндеттер болады. Оларды айрықша, нақтылап еске алып өтсек, ең алдымен қазақ совет драматургиясын біз социалистік реализм драматургиясы дейміз. Бұның ең іргелі негіздері: советтік патриотизм, биік идея, партиялық зор сана, халықтық мол сипат және мейлінше өмірлік шындығы терең драматургия болу керек. Осындай сапалы драмалық шығармалар ғана еңбекші жұртшылығымызды коммунистік тәрбиеге баулитын үлкен себепкер бола алады.

Аталғандай талап, мүдделерге сай боларлық шығармалар үлгісін біздің жұртшылығымыз орыс совет драматургиясынан ең алдымен көріп, нәр алып келеді. Қазақ совет драматургтері де өздерінің іздену, өсу жолында идеялық-көркемдік тәрбиені, үлгі, өнегені сол алдыңғы, озғын сапалы орыс совет драматургиясынан алады.

Үлгі ала отырып, соның табысына табыс қоса білген өскендігіміз қандай? Болмаса кемшін соғып, олқы түсіп жатқан шикілік, шалағайлық жағдайларымыз қайсы?

Осы жайларды ұлы әдебиеттің биік өресіне шендестіре, салыстыра отырып талдауымыз: арналы талдау, ой туғызарлық талдау болса керек.

Орыс совет драматургиясының бірнеше өзгеше, оқшау тұрған қасиеттерін еске алып өтейік. Мысалы, социалистік реализмді ең биік көркемдік сапада баурай білген Горький шығармалары бар. Орыс совет драматургиясы 20-шы, 30-шы жылдардың өзінде ірі өріс, өрнек тапты. Ұлы Отан соғысы дәуірінде орыс совет драматургиясы және де бірнеше биік өрге шықты. Өмір шындығына сай етіп, халықтың патриоттық сезімін бейнеледі. Оның басқыншы

жауға деген жиренішін өзгеше өктем сана дәрежесінде көрсете білді.

Бірақ Одақ көлеміндегі драматургиялық табыстар жақсы болумен қатар, бірнеше жайдан недәуір елеулі олқылықтарға, кемшілік, қателіктерге де ұшыраған болатын. Бұндай кезде Орталық партия Комитетінің 1946–1948 жылдардағы идеология мәселелеріндегі қаулылары ұлы ұстаздық, басшылық жасады. Сол қаулылар мен партия көрсетіп отырған негізгі даналық нұсқаулар орыс совет драматургиясын және соған ілес қазақ совет драматургиясы сияқты салалардың барлығын тарихтық жаңа зор өріске қарай бастады.

Осы қатарда, Отан соғысынан кейінгі жылдарда совет драматургиясының ірілеп өсуіне бөгет жасаған жалған жүйесымақтарға соққы берілді. “Конфликтсіздік жүйесі” деген жаңсақ, жалған жүйесымақтардың залалды сырлары әшкере болып, қатал сынға ұшырады.

Орталық партия Комитетінің 1946 жылғы 26 августегі “Драма театрларының репертуары және оны жақсарту шаралары туралы” деген атақты тарихи қаулысында қазақ драматургі Әбділда Тәжібаевтың “Біз де қазақпыз” деген залалды пьесасы аталғаны мәлім. Кейін біз толығырақ тоқтайтын бір саламыз сатиралық комедиялар болса, соңғы жылдарда қазақ драматургиясында бұл ретте де теріс, татымсыз, нашар шығармалар туып жатқанын білеміз.

Сонымен, қазақ совет драматургиясының II съезд бен III съезд арасында жүріп өткен жолын шолуға кірісер алдында түйіп айта кететін айрықша бір-екі тезисіміз бар.

Бірінші – социалистік реализмді драматургияда барлау жолында озған орыс совет драматургиясының жақсы үлгісінен жақсы түрде оқып өсуіміз қандай болды? Бүкілодақтық совет драматургиясының ортақ қазынасына сапалы қазына қоса алдық па? Бұл жөндегі барлық сын мен таразы талабымыз реалистік пьеса туғызу жөніндегі табысымыз бойынша өлшену шарт.

Қазақ совет прозасы тәуір табысқа жеткенде реалистік роман тудырғанын ең зор тарихтық критерий етіп айтысады. Сол өлшеумен драматургияға келгенде, “реалистік драма үлгісін туғыза алдық па, жоқ па?” деген талғауды, менің білуімше, осы III съезд үстінде ең бір үлкен өлшеуіш, мерзім етіп еске ала сөйлеуіміз керек. Бұл – бірінші жай.

Екінші, драматургия жолында қазақ совет әдебиетінің өсуіне залал келтірген олқылықтар, әртүрлі натурализм, формализм, нигилизм тәрізді теріс бағыттардың қазақ совет драматургиясына келтірген залалы қаншалық екенін ашып айту да съезд баяндамасының міндеті деп білеміз.

Сонымен, біз екі тұрғы тақырып алдық. Ең күрделі мәселе – социалистік реализм көлемінде қалыптанған қазақ советтік реалистік пьесаның жайы. Барлық сын ойлардың, ізденгіш ойлардың таразысы, тиянағы сол жөнде. Еске ала кетейік, тегінде, реализм – әрбір анық бағалы көркем шығарманың ең сенімді іргесі. Сондықтан оның жайындағы проблема жеке бір стильдің ғана мәселесі емес, одан әлдеқайда кең проблема. Ал сол реализмнің не үлкен шарт, өлшеуі – шындық. Шындықты көркемөнер критерийі, жапа-жалғыз және өзгеше терең, ғылымдық критерий деп білу керек.

Осындай реализм таразысын ең үлкен өлшеуішіміз етіп атап отырып, қазақ совет драматургиясының қалпына келейік. Сонда “Орыс драматургиясының классикалық үлгілеріндегі реализмнен үйренуіміз қалай?”, “Советтік орыс драматургиясының жаңғырып дами түскен реалистік трагедиясынан үйрене өсуіміз қалай?” деп барлап көрейік.

Мысалы, Гоголь үлгісінде, немесе Островский аңғарында, әлде Чехов стилінде, болмаса М. Горький пьесаларының сарынында туған шыны, толық мәнді, реалистік қазақ пьесасы “пәлен шығарма” деп айта аламыз ба? Одан бері келе, Октябрьден бері орыс совет драматургиясы советтік дәуірдің өз болмысынан тудырып, 20-жылдардың өзінде советтік классика деп аталып отырған қадірлі бір топ пьесаны туғызды. 30-жылдардың оларға қосқан бағалы үлгілері тағы бар. Ұлы Отан соғысы күндерінде туған, кейінгі ұзақ замандарда қадірлі қазына боп қаларлық бірнеше орыс советтік пьесалары және мәлім.

Осы 37 жыл бойында, атап өтсек: “Күйреу”, “Броне-поезд 14-69”, “Дауыл”, “Любовь Яровая”, “Мылтықты адам”, “Эскадраның апаты”, “Қорқыныш”, “Майдан”, “Орыс адамдары”, “Шапқыншылық” сияқты пьесалар туды. Ал қазақ совет драматургиясында осы аталған пьесалардың тым құрыса бірде-біріне шендес келетін, совет тақырыбындағы анық, толық тұрақты қасиеті бар шынайы

көркем пьеса туғыза алдық па? Туғыза алғамыз жоқ! Бізде тәуір пьесалар бар, тіпті көркемдік сапасы жоғары дәрежеге жеткен, шеберлікпен жазылған бірен-саран пьеса да бар. Бірақ олар совет тақырыбына жазылған пьесалар емес және мен кейін толығырақ дәлелдеймін, олар анық мәніндегі реалистік пьесалар да емес.

Біз драматургияда әлі творчестволық методтың ең үлкен қадірлі, арналы жолын толық танып, түгел баурап алмай отырмыз. Нақтылап айтқанда, біз драматургиялық творчествода реалистік әдісті, көркем реализмді бар көлемінде шын мәні, нәрімен бағалай алмай келдік. Осы жай біздің олқылығымыздың зоры.

Қиын жанр, ең жауапты жанр және сәті келген шағында ең бір көптік жанр – драма жанры. Осы жанр біздің жас қазақ совет әдебиетіміздің артта қалып келе жатқан жанры болып отыр. Бұл жөнде нақтылы қысқа ғана, бірақ тиянақты бір ғана жайға жауап беріп көрейік. Белинский айтып еді: “Анық зор таланттың әрбір бейнелеген адамы – тип және сол бір тип оқушы үшін таныс емес білісі” (знакомый незнакомец) деген. Әдебиеттің өзге жанрларының бәрінен бөлек драматургияның аса қиын бір өзгешелігі, ол тек қана адам жайындағы шығарма. Ендеше, оның адамдарының көбі бірдей типтер болу керек. Ал тіпті болмаса, әр пьесада тым құрыса бірден-екіден, жұрт жадында жүретін жұғымды-жұғымсыз типтер болу шарт.

Орыс совет драматургиясында біз: Любовь Яровая, Окорок, Швандя, Огнев, Шадрин сияқты талай адамдардың бүгінгі совет жұртшылығына күнделік таныс, білісіндей мәлім типтер екенін білеміз. Ал біздің совет тақырыбына жазған пьесаларымызда жаңағы орыс совет пьесасының Одақ жұртшылығына танытып берген типтерінің бірде-біріне барабар келетін, болмаса шендес шығатын тип бар ма? О да жоқ! Бұның себебі біреу-ақ. Біз реалистік пьеса жөнінде маркстік-лениндік эстетиканың жүйелік бір жайына тоқтап өтейік. Мысалы, советтік болмысты суреттеу міндетінің ішінде ең қасиетті тақырып – еңбек тақырыбы.

Ал сол еңбекті қалай суреттеу шарт еді? Еңбекті, геройлық еңбекті совет жазушысы біздің тірлігіміздің ең қасиетті мазмұны есебінде бейнелеуі шарт. Бұл арада біздің көркем шығарманың этикалық және эстетикалық сапасы танылып,

қасиеті арта түседі. Ал сол қасиетке, мысалы, пьесада ойдағыдай жету үшін тек қана адам: терең, көркем, шебер бейнеленген болу керек. Ендеше, Белинский айтқандай: “Анық көркем пьесаның ішіндегі адамдар жазушының тек өз басынан туған жасанды адам болмай, өмірлік шындықтан туып, көркем қалыптанған адам болу шарт”. Сонда көркем образ көркемөнер көлемінде болмысты елестетудің өзгеше формасы боп шығады.

Пьесада әсіресе идеяның өзі де адам образында ғана қалыптанып, тек сол образ арқылы ғана тірлік тыныс табады. Типтік шығарма туғызудың тетігі сонда. Реалистік шығарма жазудың ең терең сыры, ең қиын талабы, ең шеберлік түйіндері тағы сонда.

Өткеннің тәжірибесін қорытып кеп, қазақ совет драматургиясына болашаққа бағыт белгілегенде, енді реалистік пьеса туғызу шарты бүгінгі этапта қазақ совет драматургиясының қатты бір қарманып ойланатын жайы деп білеміз. Сондықтан бұл баяндаманың негізгі проблемалық мәселесі осы реалистік пьеса жайы. Енді сол тұрғыдан қарағанда, біздің жеке жазушылар мен көптеген пьесаларымыздың қалпы қандай? Негізгі, ең үлкен талап деп атап отырған реалистік пьеса жөнінде қазақ драматургиясының қаншалық табысы мен нақтылы жеткен өрісі бар? Ол кімнің шығармаларында, қай тақырыпта?

Екінші, жоғарыда біз еске алып өткендей, реализм стилінде жазылмаса да, көркемдік, шеберлік қасиетімен қазақ драматургиясының қазынасы, асыл бұйымдары саналып келген кейбір шығармалар қалай бағалануы шарт? Бұған да жауап айту жөн.

Осылардың үстіне, қазақ совет драматургиясы көп жылдар бойында советтік тақырыптар жөнінде де өзінше көп ізденіп, көп талпынды. Сан жағынан көп шығармалар тудырды. Солардың ішінде, сонау арман еткен аса көркем, толыққанды реалистік пьесалар шықпағанымен, халқымыздың коммунистік тәрбиеде рухтануы жөнінде кез-кезінде көп пайда келтірген талай шығармалар бар. Шамасынша, кез-кезеңі бойынша сол шығармалар жайы осы баяндамада және де талдану керек.

II съезд бен III съезд аралығында Қазақстанның республикалық, облыстық және колхоз-совхоздың театрларында,

театрлық үйірмелерінде қойылып, жұрт алдына шыққан пьесалардың саны мен осы баяндамаға әзірлену үстінде оқып, танысып шыққан пьесаларымның саны 40 шамалы болды. Бұлар тақырып жағынан мейлінше мол, жан-жақты кең, көп материалды қамтиды. Осы қатарда тәжірибесі өскен атақты жазушыларымыздан атайтындарымыз: Ғабит, Сәбит, Әлжаппар, Шахмет, Әбділда, Ғабиден, Мұсатай сияқты әдебиеттік ұзақ жылдар тәжірибесін драматургиялық творчествоға да арнаған жазушылар.

Бұл топқа бергі жылдарда үлкенді-кішілі еңбектерімен кеп қосылған жаңа драматургтеріміз: Иманжанов Мұқан, Байжанов Шамиль, Сатыбалдин Қапан, Ахтанов Тахауи, Баймұхамедов Нығмет сияқты жолдастар.

Осы жазушылардың еңбегі арқылы қазақ драматургиясы екі съезд арасында едәуір жемісті, елеулі жол кешіп өтті. Нақтылап айтқанда, тақырып жағынан көлемді үш үлкен топқа бөлінетін шығармалар пайда болды. Бұлардың алғашқы бір тобы – эпос, фольклормен, тарихпен байланысты “Қозы Көрпеш – Баян сұлу”, “Алдаркөсе”, “Жомарттың кілемі”, “Алтынсарин”, “Шоқан” сияқты пьесалар. Екінші тобы – тарихтық-революциялық тақырыпқа арналған Амангелді жайындағы пьесалар. Үшінші – совет тақырыбына, бүгінгі күн болмысына, шындығына арналған пьесалар. Жазылып, жарыққа шығу кезеңдеріне қарағанда, осы үш саладағы пьесалардың жиыны біздің Отанымыздың басынан кешкен соңғы дәуір, үш кезеңмен байланысады.

Алғашқы бір кезең – Ұлы Отан соғысына шейінгі кез. Екіншісі – Отан соғысы дәуіріндегі шығармалар. Үшінші дәуір – Отан соғысынан кейінгі, бүгінгі күнге дейін дамыған тірлікке ілесе жүріп суреттеген шығармалар. Осылардың ішінен өз шамасынша пісіп, толысып шыққан шығарма дегендерді айрықша атап өтеміз. Сонымен, екшей тізгенде, табыс есебінде санайтындарымыз: “Қозы Көрпеш – Баян сұлу”, “Достық пен махаббат”, “Миллионер”, “Амангелді”, “Алтынсарин”, “Гүлден, дала”, “Шоқан”, “Көктем желі” сияқты пьесалар.

Бұл шығармалардың қатарынан анық, даусыз көркемдік қасиетімен, талантты пьеса есебінде үздік шығатын – “Қозы Көрпеш – Баян сұлу”. Советтік тақырыпқа жазылған шығармалар ішінде, “Қозы Көрпештің” көркемдік

дәрежесіне жетпегенмен, өз орнында тұрақты, салмақты бағасы бар, советтік тақырыптағы анық табыс деп айтуға келетін бірнеше пьесалар да бар. Сол ретте ауызға алдымен аларлық шығарма – “Достық пен махаббат”.

Бұдан былайғы сөзді біз жеке жазушылардың табыстық қасиеті бар деп екшеген шығармаларын талдауға арнаймыз. Тек реалистік пьесаны шарт етумен қатар, біз реализмнің өзі туралы тағы бір ойымызды анықтай түсейік. Тегінде, реализм адам баласының көркемдік жолындағы дамуының ең жоғарғы сатысы болумен қатар, жалпы реализм түсінігі, реализм дейтін ұғым – ол өзі де үдеп, дамып отыратын ұғым. Реализм бұрынғы әдебиетте де болған. Тіпті бағы замандағы Софоклдың трагедияларында орын алған реализм де бар. Шекспирдің реализмі өзіне бөлек, Пушкиннің, Гогольдің реализмін де бірінен-бірін басқалап айыра танимыз. Сол сияқты социалистік реализм дәуірінде, мысалы, осы баяндамада біз ауызға алатын реализмнің де алуаны бөлек. Бұл реализм – жалпы барлық әдебиетіміздің негізгі методы социалистік реализмнің драматургиядағы талабын топтап түйіп айтатын өмірлік шындықтың, социалистік эстетиканың ең зор негізі.

Енді осы тұрғыдан қарап, қазақ совет драматургиясының II съезден соңғы жылдардан басталған ірі табыстарына тоқтайық. Туған мезгілінде және өзінің қазақ совет драматургиясында алатын орнына қарағанда, осы 15 жыл ішіндегі қазақ драматургиясының ең зор табысы біздің талантты жазушымыз Фабит Мүсірепов жазған “Қозы Көрпеш – Баян сұлу” пьесасы болады. Осы пьесаны ұғынып, талдап көрейік. Жоғарыда реалистік пьеса жөнін барлық талабымыздың тірегі, тетігі еткен халде “Қозы Көрпеш” пьесасына қалай қарауымыз керек? Ең алдымен бұл пьесаның оқшау тұрған өзгеше ірі қасиеттерін атап өтейік.

Белинскийдің айтқанына орай бұл пьеса адам жайында. Ал адамдары сом, салмақты, шебер қалыптанған. Өзінің поэзиялық, психологиялық шындықтарымен аса көркем кейіптелген адамдар бар. Горькийдің пьесаға қойған талабы бойынша – пьеса сюжетті болу керек. Оқиғасы шиеленіскен, қою құрылысты болу шарт. “Қозы Көрпештің” құрылысында бұл зор талап та ақталған. Пьесада халықтық тілге поэзиялық қасиет бітіріп, әсем күйлілік қалпында

кестелеген. Бұл пьесаның ішінде жырланған сезімдер, молынан ашылған жеке-жеке мінездер, барлық тартыс атаулының өсіп, өрбуі, шарықтап жетіп, шарт сынып аяқталуы – барлық осы сипаттары өз қалпында, өз орнында үлкен шеберлікпен қиюласқан. Фабит Мүсіреповтің “Қозы Көрпеш” пьесасы – қазақ драматургиясының ғана емес, соңғы 15 жыл ішіндегі бар қазақ әдебиетінің көркем шығарма туғызу жолындағы биік белінің бірі.

“Қозы Көрпеш” пьесасы – қазақ әдебиетінің бір салада ірілеп өскендігінің айғағы. Драматургия құрылысы қиын, ауыр жанр болғанда, “Қозы Көрпештің” жазушысы сол қиыншылықтарды шеберлікпен, ақындық, көркемдік ұсталықпен шеше білген. Пьеса осы сипаты арқылы қазақ әдебиетінің қатты өскендік айғағы болып шықты. “Қозы Көрпешті” қазақ әдебиеті өзінің үлкен мақтаны ете алады.

Сондықтан да қазақ театрының сахнасында, қазақ совет көрушілерінің көңілінде бұл спектакльдің аса ыстық мәнді, тұрақты қазыналық қадірі бар.

Ал енді осындай ірі қасиеттерін атаумен қатар, реалистік пьеса жасау жолындағы ізденгіш зор талаптарды еске ала отырып, соны осы ең жақсы деген пьесаның өзіне өлшеу-мөлшер етіп байқасақ, нені көреміз? Көретініміз – бұл пьеса реалистік пьеса болып шықпайды. Бұл – романтизм үлгісіндегі пьеса.

Екі түрлі романтизмнің – реакциялық романтизм, революцияшыл романтизм деп бөлінетін жіктерін бұл пьесадағы романтизмге шендестірсек, “Қозы Көрпеште” ол екі романтизмнің екеуі де жоқ. Социалистік реализм үлгісінде жазылған “Қозы Көрпеш” болса, онда біз “революцияшыл романтизм пафосына құрылған шығарма” дер едік, бірақ бұл пьеса ол қалыпта шықпаған.

Идеялық ең биік мүддесі – халықтық ұғым, сезім, санасы, махаббат азаттығы. Содан ары, ескі тақырып көлемінде социалистік реализм әдісімен жазылатын қоғамдық ірі талап, идеялық терең пафос, мысалы, ескілік атаулыны әшкерелеу пафосы, соны құрту, жою пафосы дейтін еңсесі биік ойлар бұнда жоқ. Өз орнында, өз дәуірінде, өз тақырыбына сай ағартушылық бағасы бар “Қозы Көрпештің” идеялық салт-санасының ең биіктеп барып жеткен төрі әлгі ғана.

Ғабит пен біз жастық, албырттық шақтың ыстық отты сезімі билейтін адамдар емеспіз. Талантты жазушы Ғабиттің табысы мен салмағы, жеткен өрі, көтерілген биігі “Қозы Көрпеш” пьесасы десек, менің өз басым оны Ғабитке жеткіліксіз дер едім.

Шынайы, үлкен табыс, үлкен шеберлік өрісі Ғабит үшін “Қозы Көрпеш” алуандас романтизм стилінде емес, ол анау “Оянған өлкедей” боп Қарағанды тақырыбына жазылатын ірі еңбектерде. Реалистік полотно жасау жолындағы өрісте деп кесіп айтар едім. Бұлай дейтін себебім не? “Қозы Көрпешке” қайта оралайық. “Қозы Көрпештің” Ғабит қалыптаған болмысын, бар тынысын, шығарма ішіндегі шындығын алып қарасақ, осындай шығарма тек қана советтік дәуірдің, социалистік мәдениет құрушы қайраткерінің ғана туғызатын пьесасы ма?.. Жоқ! Менің ойымша, дәл “Қозы Көрпеш” үлгісіндегі халықтық-ағартушылық сананың дәрежесіндегі пьеса ХІХ ғасырдағы, халықтық санадағы жазушының жазуында да мейлінше боларлық шығарма.

Бұл пьеса революциялық романтизм дәрежесіне өзінің барлық аңсағанымен, еңсесімен жетіп болмаған. Романтизм, Шиллер үлгісіндегі романтизм, қайталап айтайын, Шекспир үлгісіндегі де емес, анық “Зұлымдық пен махаббат” стиліндегі, Шиллерше шыққан романтизм “Қозы Көрпеш” пьесасының көркемдік стилі мен ішкі болмыс кенеуін қалыптайдды.

Бұл тұста Энгельстің айтқан бір ойын еске алмай болмайды, “Шиллер үшін Шекспирді ұмытпау керек” деген еді. Сонда Энгельс Шиллерден нені таппады, Шекспирдің қай қасиетін жоқтады? Менің ойымша, Шекспирдегі романтизм реалистік кеңдікке, даналыққа, кемелдікке қосымша бір сипат есебінде қатысады. Ал Шиллерде болса, романтизм адамды көбінше кең көрсетпейді. Барынша жалындап, өзеуреп тұрғанмен, адамын бір-бір-ақ сезімге, бір-бір-ақ импульске қадалтып алады. Оның адамында анық, дана келген жан-жақты, әр тарау мол диапазонды, кең құлашты кемел сипат болмайды. Сол ерекшеліктер “Қозы Көрпеште” де бар.

Сондықтан да жоғарыда айтқан поэзиялық, қызықтық, қалың оқиғалы ыстық жалынды жайлардың бәрі де пьесаның

ішіндегі адамдарды тар ауданда, бір-бір-ақ сезім, бір-бір-ақ сипаттың, бірден-бір ғана импульстің адамдары етіп шығарған. Мысалы, Қарабай – тек сараңдық импульстің құлы. Жантық – тек қана шағымқой, аярлық импульсін ұстанады. Қодар – негізінде жалғыз ғана қызғаныштың тұтқыны. Қозы мен Баянда жақсы сезім, сұлу сезім болса да, тек қана махаббаттың сусағандары, тұтқындары болады да қояды. Осы жайды пьесадағы жаңағы аталған басты геройдың бәрінің сөздерінен, сезімдерінен айқын көреміз. Аңсағандары мен әрекеттерін білдіретін сөздерін алсақ, соның 90 проценті жаңағы бір-бір-ақ сарын болады.

Рас, “Қозы Көрпеш” жазылатын қарсаңында әдебиеттік тарихтық бір жағдай болды. Барлық совет әдебиеті көлемінде біз “Шекспирден үйрену” деген жақсы бір аңғардың соңында жүрдік. Соған бой ұру салдарынан “Қозы Көрпештің” ішінде Ягодай шағымқой аярдың қазақ топырағындағы егізінің сыңары боп Жантықтың туғаны рас. Бірақ сол Жантықтың бір өзінің келуімен шекспирлік сипат келмейді екен. Ягоның ар жағында күнес белдей болып Отелло, Дездемона психологиясы тұр. Олардың адамдық кең, өзгеше терең және аса шыншыл сипатталған бейнелері жатқанда, Яго бір-ақ импульстің адамы боп жүре беруге болар еді.

Ал “Қозы Көрпеш” ішінде барлық кейіпкер бір-бір-ақ сезімдердің адамдары болғандықтан, Жантық арқылы келген шекспирлік элемент “Қозы Көрпештің” барлық идеялық көркемдік бітімін биікке көтеріп өкетпеген. Адамдар ылғи бір жақты ғана, олар бір-ақ қана қырларынан көрінеді. Сондықтан әр образдың реализмге шарт болатын кеңдігі мен жан-жақтылығы болмайды. Қаншалық қызықты, әсерлі, қою оқиғалы болғанмен, “Қозы Көрпеште” толысып жетпеген, творчестволық жастық ыстық та болса, жалынды да болса, тар тынысты танылып тұрады. Оның ең үлкен себебі, кейбір реалистік элементтері болғанымен, пьесаның негізгі стилі романтизм арнасында қалғандықтан.

Рас, Ғабит Мүсіреповте реалистік әдіспен социалистік реализм дәстүрінде жазылған басқа пьеса бар. Ол “Қозы Көрпештен” мүлде бөлек стильде қалыптанған Амангелді жайындағы пьесалары. Тегінде, Амангелді әрекетіне байланысты Ғабит жазған отызыншы жылдар ішіндегі

алғашқы вариант пьесаның өзі де реалистік стильде қалыптанған болатын. Бері келе, Ұлы Отан соғысынан кейін Ғабит сол Амангелді тақырыбына тағы оралып, жаңа, тың вариантта соңғы пьесасын жазды. Тақырыптық, образдық, сюжеттік, барлық мазмұн санасымен, тіл, сезім, әрекет атаулысымен бұл пьесадағы жағымды, жағымсыз бейнелердің бәрі де көбінше шындық, реалистік үлгіде қалыптанады.

Реалистік стильді өнімді творчестволық оймен қолданғандықтан, негізінде әр адам өзінің тарихтық ортасында сенімді күйде суреттеледі. Кейіпкерлердің кеудесіне келетін сезімі, тіліне оралатын сөзі, қайраты мен әрекеті, қимыл-қажыры, мінездері тегіс заманына лайықты шындықпен беріледі. Бұл адамдардың жаңағы санаған сезімі, ойы, істері, мінездері Ғабиттің суреттеуінде әсіресе “Амангелдінің” соңғы вариантында типтік жағдайда жаратылған типтік образдардың сипатын танытады. Бірақ, сонымен қатар реалистік пьеса болу бағытында қалыптанған “Амангелді” пьесасының да барынша толық үлкен көркемдікке жете қоймауына себеп боп тұрған едәуір кемшілік-олқылықтары бар.

Соның ең бастысы, “Амангелді” тақырыбын жазуда Ғабит бір пьесаның көлеміне сыймайтын екі дәуірді бір Амангелді арқылы тұтас көрсетем деп жаңсақ басып жүрген сияқты. 1916 жылғы Амангелді, азамат соғысы кезіндегі Амангелді, біздің ойымызша, екі пьеса болмаса, бір пьесаға сыймайтын тарихтық тақырыптар. Әсіресе іс-әрекеті қою келген, қалың болған кезеңдерін алғанда, пьесалық тартыс орнына хроника кернеп кетеді. Сондықтан да “Ленин Октябрьде”, “Ленин 1918 жылда”, немесе “Мылтықты адам” сияқты пьесаларда қысқа мезгіл ішіндегі қалың тартыс алынады емес пе?

Осы жағынан қарағанда, аясы аз пьеса көлемінде шарасыздық күйге өзін-өзі салған авторлар “бар амангелділік әрекеттерді бір-ақ береміз” деп талпынады да, арман еткен мүддесіне жете алмай қалып отырады.

Амангелді жөнінде қызық, қою тартысты, күшті пьеса жасау үшін аз мезгілдің тартыс-тайталасын шоқтай қып жия суреттесе, сол пьесаның сәті оңайырақ түсер еді. Болмаса Ғабиттің мынау пьесасында жаңа тарихтың таңында аяғына

оралып жүрген, типтік жанасы жоқ хандықтың пьесадан орын алуы лайықсыз сияқты. Осымен қатар, реалистік образ жасауда “Амангелді” пьесасында кейбір адамдардың, соның ішінде әсіресе жағымды зор кейіп Амангелдінің, өзінің және Петр Логинов тәрізді орыс халқының жағымды өкілі болған адамның образдарын бейнелеуде реалистік қонымды шындыққа қабыспайтын көріністер бар.

Амангелдінің алғаш сахнаға шыға көрсететін кейбір өз әрекеттері, мысалы, приставты атқа өңгеріп алып қашып кетуі, Эверсман жандаралдың алдында тағы атқа міне шапқылай жөнелетіні, аспаннан құс атып түсіретіні тәрізді киноның әдісіне қызығудан туған жасандылықтар бар.

Сонымен қатар кей кезеңдердегі Амангелдінің диалогтері, мысалы, Зілқарамен сөйлескендегі сөзі – ұзақ, тұзсыз, драмасыз солғын жүріп жатады. Қысыр кеңес, іш пыстырар жай сөздер драмалық шығармалардың көркемдік қасиетіне өзінің сылбыр, созалаң, шикілеу қалыптарымен көп залал келтіреді.

Ал адамның сөзі мен сезімін, мінезін алғанда, Тымақбай образынан қызық шыққан, көркем шыққан образ болмағаны жарамсыз. Тымақбай – қоғамдық сырына қарағанда, жағымсыз ортаның жат адамы. Бірақ соған өлшеусіз, көп күлдіргі, жазықсыз простак сипаты сынсыз берілген тәрізді.

Ал осы пьесадағы орыс халқының ең жақсы өкілі Петрге келгенде, Тымақбай үшін табылған типтік сезім, типке лайық тіл табылмаған. Оның орайына Петрдің образын Ғабит тіл мен сезім жағынан жеңіл, үстірт жасаған. Бұл пьесадағы Петр аты орыс болғанмен, сөйлер сөзде, пьесаның ең қымбат сырлы өзгеше материалы – тіл жөнінде нағыз қарапайым қазақ боп қалыптанады. Петр: “әйтеуір бір кірбең бар арамызда” дейді. Осында “кірбең” деген сөз тек қазақтың ғана аузында және өте анайы қазақтың аузында болатын сөз. Петрдің тағы бір төмендегідей диалогі бар: “Үйкүшік боларын сезінген қазымыр жанның дәрменсіз қыжыртуы да әшейін, басқа не бар дейсің?” – деп сөйлейді. Осылайша фольклорлық теңеу қолданып, қазақтың ескі шешендік үлгісінде осынша оюлап, кестелеп сөйлеу Петр образына мүлде қонбайды.

Петрдің кадеттер туралы айтатын кейбір сөздері, сөйлемдері мүлде жабайы қазақы тілде айтылады. Бір емес, пьеса-

ның өнбойында осылай өз бойына, образына, болмысына конбайтын тілмен жағымды геройдың сөйлеуі оны суреттеген бояуды көп жерде жалған бояу етеді. Ендеше, осындай тұстарда пьеса реалистік, өмірлік, шындық талаптарынан табылмай қалып отырады.

Негізі қазақ совет драматургиясының реалистік пьеса жасау бағытында туған “Амангелді” пьесасының осы алуандас олқылықтары бар. Бірақ, қалай да, бұл пьеса соңғы жылдардағы реалистік пьеса сипаттарын шебер жазушының тілімен едәуір елеулі етіп танытып тұрған шығарманың бірі болады.

Қазақ драматургиясы көлемінде 6-7 пьеса жазып, кейбіреулері сахнаға қойылып жүрген автордың бірі – Әбділда Тәжібаев. Әбділда ең алдымен драматургияға “Ақ қайың” атты пьесаны Әуезовпен бірге жазысу арқылы келді. Одан бері де “Көтерілген күмбез”, “Біз де қазақпыз”, “Жомарттың кілемі”, “Гүлден, дала”, “Дубай Шубаевич” сияқты пьесалары туды. Соңғы аталған бір топ пьеса бірнеше стильде жазылған. Кейбіреулері “Жомарттың кілемі” сияқты ертегі-аңыз тақырыбына жазылса, “Көтерілген күмбез” – тарихтық аңыз. “Біз де қазақпыз” символистік сарында, “Гүлден, дала” комедия стилінде, “Дубай Шубаевич” сатира үлгісінде жазуды мақсат, мүдде еткен еді.

Бас-аяғы 14-15 жылға созылған, жаңағыдай драматургиялық әр алуан стильдерге барған тәжірибе бар. Жоғарыда аталған талабымыз – реалистік пьеса жазу шартының тұрғысынан қарасақ, тек “Гүлден, даланың” кейбір тәуір жақтары болмаса, жалпы алғанда, драматургияда Әбділда көбінше сәтсіз, теріс, кейде орасан қателік бағыттарға, жайларға шырмалумен келеді.

Сол олқылық пен кемшіліктердің ең әуелгі жиын себебі, зор себебі – бұл жазушының реалистік пьеса жазу жолына түспей, адасуынан. Бір кездегі идеялық, творчестволық адасуының себебі формалистік түрдегі еліктегіштік болды. Сол кезде ол Орталық партия Комитетінің қатал сынап, әшкерелеп, мінеген тізімінен шықты. Онда Әбділда Г. Ибсен пьесаларының ескі жолына еліктеді. Оған қызыққанда, драматургияның дүниежүзілік даму тарихын білгендіктен, әдебиеттік мәдениетті терең түсініп танығандықтан барған жоқ. Тек жеңіл ғана, жұқалаң ғана дерек алып, дақпыртқа

сеніп, қызыққыштықпен ғана барды. Қай заманда болсын драматургияның ұлы асқарлары символистік пьесалар емес, реалистік пьесалар арнасында жүріп жатқанын аңдамай барды. Ол жолда реалистік, шын бағалы көркемдік Әбділдаға табылатын түрі жоқ еді. Абырой, қасиет табу орнына, біле-білсе, қасірет тауып шықты.

Өмір шындығы мен көркем әдебиет шындығы терең тамырларымен айқыш-ұйқыш нық байланысып, айқасып жатпаса, көркем шығарма тумайтынын ойлау керек, жауапты түрде ұғыну керек еді. Әбділда сол қорытындыны алғашқы сәтсіздік тәжірибесінен жасай алмады. Рошальға қосылып “Жомарттың кілемі” деген пьесаны жазды. Бұл пьесада және де жарқыраған жылтырға, арзан әшекейге құмарлық аңқып тұр еді. Тағы да реалистік дәстүрге аса шалғай жайлар көрінеді.

Есте болсын, ертегілік тақырыптан да, эпостық тақырыптан да аса көркем, аса қонымды реалистік пьеса жасауға болады. Оның мысалына біздің драматургтерге Назым Хикметтің “Махаббат туралы аңыз” атты пьесасын атап өтеміз.

Ал Әбділда мен Рошаль қазақтың ертегі аңызынан не шығарды? Халықтың қазынасына, халықтың қиялына мүлде қонбайтын, қиыспайтын өрескел жамаулар, жалған формалистік бояулар жақты.

Бері келе Әбділда бірнеше жылдан соң драматургия жанрына қайта оралып, “Гүлден, дала” деген пьеса жазды. Бұл пьеса алғаш рет Жазушылар одағында оқылып талқыланды кезеңінде көп ойлар айтылған-ды. Жазушының осы тақырыпта едәуір елеулі жаңалықтар тапқанын, көрікті көріністер, көңіл шақтарын бере білгенін – өсу жолындағы жақсылық деп бағалау болған.

Бірақ сонымен қатар бүкіл Одақ көлемінде драматургияның соңғы бір жылдарда кейін қалуына себепші болған “конфликтсіздік жайы осы пьесада күдік туғызады” деп айтылған пікірлер аз емес-ті. Кейін қанша түзедік дегенмен, автор да, театр да бұл пьесаны сол бір әлсіздік жағынан биікке шығарып, дәлді, белді етіп әкете алған жоқ.

Қатардағы тәуір ғана пьеса, орташа ғана спектакль шыққан еді. “Аспаннан құс тістеген” асқан кесек табыс бұл пьесада да даусыз күйде туа қойған жоқ-ты. Бірақ соңғы

жылдардың сәтсіз пьесалары көп болып, театр искусствосы шөліркеп жүргендіктен, “Гүлден, даланы” мүлдем дана осы екен деп біліп, алып ұшып, асыра бағалап кетті. Бірнеше жыл бәйгесін өткізе алмай жүрген орындар қос-қосарлап үкі-танасын түгел тақты.

“Реалистік пьеса туса, болса екен” деген шартымызды осы “Гүлден, далаға” және де әкеп, өлшеу-мөлшер таразы етіп байқасақ, не шығар еді? Бұл шығармада реалистік элементтер бар екені даусыз. Бұрынғы натуралистік, формалистік үлгіге сырт еліктегіш автор мынау шығармада көбінше өмірлік шындыққа жақындай түскен, қабыса келген деуге болады. Бірақ солай дей тұра, бұл шығарма және де толық көркемдік сипаты жеткен, анық реалистік пьеса болып кетпеген. Ол әсіресе осы пьесадағы күлкі комедия шығарам деген жайлардан байқалады.

Аты комедия болғанмен, “Гүлден, даладағы” күлкі не қуантпайды, не жирентпейді. Көбінше дәрменсіз, тек зорлықпен ғана, болымсыз ғана езу тарттыратын, тұздығы татымсыз күлкілер. Өмірдің өзіне нық байланысты терең шындықтан туған күлкі болса, бір сәрі еді. Бұл шығармада және де “кей пьесалар, кейбір спектакльдер осылай күлдіруші еді ғой” дегендей, өмірден гөрі тағы да бөгде шығармалардан ауысып жүрген әдебиеттік кезбе күйлер, литературные реминисценции көбірек көзге түседі.

Адамның күлкі жөнінде қолданған тілі, сезім, сөздігі — бәрі де зорланып шығып, қонымсыз болады да, қызықтыра тартпайды. Міне, осы жайдың және жоғарыда айтылған үстірттік әдеттің аса бір сәтсіз, өрескел көрінісі Әбділданың соңғы пьесасы “Дубай Шубаевич” тұсында бір араға түгел жиылған. Бұл пьеса сол себепті жұртшылықты әсіресе қатты түңілтіп отыр.

Белинский: “Анық көркем комедияның негізінде терең мәнді мысқыл жатады. Атаулының діндегі кейіпте (характерлерде) болғанда, адам бейнесі көркем боп қалыптану шарт, жалған түрде жаннан жасалған болмау керек”. Ал “Дубайдың” бар адамы сол жалған, жасанды жандар. Белинский және де: “Шын таланттың әр адамы — тип” десе, “Дубайдың” бар адамынан бір тип шықпаған.

Гоголь, Щедрин аттарын ауызға алғанда комедиядан не талап етілер еді? Ең алдымен бейнелеген кейіпкерде

қоғамдық, типтік сипат болсын дейді. Драмалық коллизияда (қақтығыста), конфликте биік сапалы мысқыл мен қоғамдық мазмұны, тереңдігі Гоголь үлгісінше үйлесіп келсін дейді. Міне, осы сипат, қасиет орыс комедиясының реалистік және ұлттық белгісі боп еді.

Жолдастар! Мен қазақтағы жас комедияның көрі әзірейілі болғым келмейді. Ол рольде, әрине, қадір де, қасиет те жоқ. Бірақ сонда да қазақ совет комедиясы дегеніміз “Дубай Шубаевич” болатын болса, бұрынғыша айтқанда, оның “бетінен жарылқасын”. Кей жазушылар мен әсіресе искусство адамдары Шубайды шәлей мақтаса да, тумай тоқтап тұр. Солай болмасқа әдді жоқ.

Бұл пьеса жөнінде конфликт жайын, типтік ерекшелік, жалпы пьесаның архитектурасын айтып, атап жатудың қажеті жоқ. Мынау сәтсіз, теріс шығарма, тұтасынан алғанда жасанды, жалған, фальш іргесіне құрылған. Сондықтан бұнда шынайы сән де, мән де жоқ.

Сатира жөнінде сан цитата тапқанмен, ешуақытта “сатира – сатира үшін” бола алмайды. Сатираның стилі әсірелеуді, ойнақыны, жеңілдікті кешірсін-ақ. Бірақ сонда да әсте өмір шындығынан тыс тұрған жайдан тумайды. Қайта өмірдегі мол міннен, сан сорақыдан, көп көргенсіздіктен туады. Соларды жиып топтайды да, сатира обобщение жасайды.

Жә, “Дубай” осы жағынан қарағанда, қай өмірдің іргесінен туды?

Қазақстандағы жап-жас қана ғылым майданының айналасындағы қандайлық қаптап кеткен сорақы шындықты әйгілемек болды? Сондай сорақылық, сол майданда анығы осылай-ақ бар ма еді? Жоқ, ондай күй біздің өмірде жоқ болатын. Ендеше, пьесаның негізі жасанды, фальш. Аталған фальштің үлкені – пьеса өмір шындығынан мүлде жұрдай. Себебі, дүние жүзінде осы пьесада суреттелгендей институт жоқ та, ондай оқымыстылар да болмайды. Анығында, бүкіл Советтік Қазақстан топырағында облыстық емес, ВАСХНИЛ филиалында бір ғана мал өсіру институты бар. Ол – Қазақстан ғылым орындарының ішіндегі мақтанышы боларлық институт қайсы десе – соған татиды. “Дубай” пьесасының көрсетпегі сол институт десек, ол жала. Бұл тұста әдеттегі обобщение дейтін ұғымды қолдануға

келмейтін бір жай бар. Себебі: егер дүниеде бірден-бір ғана, мысалы, қазақ университеті, қазақ консерваториясы, қазақ филармониясы болса — сіз пьесаңызда сол орындардың бірінің атын атап сын-сатира жазсаңыз, “айтқаным обобщение, сендер емес” деген жалтаң сөз жауап болмайды. Атын атап айыптаған коллективіңіз алдында (ия, коллектив, өйткені институттың директоры, орынбасары, сектор бастықтары, кіші қызметкерлері бір жағынан кеңсе ішінде және де көрсетілсе, оның коллектив болмасқа шарасы жоқ), міне, сол коллектив алдында жаңағы айтқандай айыптағаныңыз үшін сіз морально жауапкерсіз. Сөйтіп, сіз не шынды айттыңыз, не жала жаптыңыз.

Ал осы тұрғыдан қарасақ, не көреміз? Өмір шындығын таныту былай тұрсын, пьесаның өн бойындағы тартыссымақ оқиғаның бәрі тек бір ғана ойдан шығарылған қылмысты ғана таратып баяндайды. Онысы институтқа, жаңағы ғылым орнына тек қана обывательдің жапқан жаласы. Негізі осы болған соң конфликті де жалған, адам да жалған — жанды қуыршақ. Совет комедиясы дамығанда социалистік реализм негізінде өркендейді десек, бұл пьеса ол арнадан мүлде алыс, ерсі, қарсы жатыр.

Жә, “Дубай” пьесасының осылай шығу себебі не? Себебі: тағы да Әбділданың өмірден, шындықтан негіз нәр алмай және де формалистік, натуралистік еліктегіш әдетке басуында.

Реалистік комедия, бағалы сатира осындайда туа ма? Тумайды, әрине. Сөйтіп, пьеса жазу тәжірибесіне қарағанда, Әбділда жауапты жанр жөнінде терең ойлап жазып жүрген жоқ, осы жанрмен ойнап жазып жүрген тәрізді. “Олай да жаза алам, бұлай да жаза алам” деген тәрізді, пьесалар жазудың сыртқы приемдарына машықтанып, пьеса жазу формасын меңгеріп алған да, жаза салатын болған. Міне, Әбділда жазған жасанды пьесалардың осындай өкінішті шыны бар сияқты.

Біз Әбділданың драматургиядағы қатесін қатал сынап, қатты айтып отырмыз. Бұның себебі мұқату да, құрту да емес, әрине. Менде “үстем” дерлік ниет болған емес, болуы мүмкін де емес. Бірақ біз есеп беріп отырған дәуірде анық даусыз, екі үлкен өрескел творчестволық қате жіберіп отырған жазушы Әбділдаға өзгеден бөлегірек, қаталырақ

талап айтылмаса, онда біздің жіксіз, жалтақсыз сын айтамыз дегеніміз бекер. Әбділладан таланты, шеберлігі көп төмен жүрген драматургтерге біз осы баяндамада жеңілірек сын айтуымыз мүмкін. Ол да бұрғандықтан емес. Сол жазушылардың, солғын жазса да, міні Әбділда мініндей болмағанынан. Ал осының үстінде “Бұл сынды бұрын неге айтпадың?” дейтіндер болар. Бұрын Әбділда ғана емес, тіпті бүкіл қазақ драматургиясы туралы, дәл осы баяндама тұсында болмаса, мен үңіліп ойлап, желілі сын тізіп, барлап көрген емеспін.

Сондықтан көп нәрсе туралы жеңіл ғана, сырт қана бір-екі ауызша сөз айтқаным болмаса, тереңдеп ойланып, жазып таратып сөйлеген де емеспін. Сол ретте кейде сын пікірім, кейде сынсыз сүйсінген қате пікірім де дәлелденбей, таралып ойланылмай, селқос жүре берді. Мысалы, мен “Біз де қазақпыз” туралы Орталық Комитеттің қаулысына шейін тәуір пьеса екен деп өзім де қателесіп жүргемін. Енді, міне, бүгін ғана бар ойым, сынымды таратып, желілеп айтуға тура келгенде, Әбділда жөнінде де, өзге бұрын өзім пікір айтып көрмеген пьесалар мен авторлар туралы да ойдағы шынды, сынды өз түсінігім шамасынша негізді сын тұрғысынан шолып өтпек болдым.

Тағы бір ауыз көлденең бір жай жөнінде... Жоғарыдағы тәрізді шыннан туған қатаң сөздерді сыналушы жазушылар “қастан сөз” деп түсінбес деп сенеміз. Сонымен қатар оларға деген сын сөзді “ежелгі бір есептердің керегіне жаратам” деп, сыналатын жолдастарды түйгілей түсуді ойлайтын жандар да болмас деп білеміз. Бұл жайлардың не бірде-бірі, не екеуі де бола қалса, ол біздің әлі де, жақсы күннің өзінде де жақсы сынға жақсы көңілмен жете алмай жатқанымызды білдірер еді. Өкініш үлкені де болар еді.

Осымен драматургияның өзіне нақтылай оралғанда, қазақ совет драматургиясына едәуір шығармаларымен атсалысқан Сәбит Мұқанов туралы біраз пікір айтып өтеміз. Сәбит — қазақ мәдениет тарихында және Бүкілодақтық совет әдебиеті көлемінде еңбегінің салмағы зор жазушының бірі. Ол жолы кең жазушы болғанда, әдебиеттік бар жанрда көп-көп шығармалар жазған жемісті, өнімді жазушымыз. Рас, Сәбиттің драматургиядағы орны оның поэзиядағы, прозадағы орнымен барабар емес.

Біз драматургиядағы Сәбит еңбегін ең алғашқы бір шығармасы мен қазіргі ең соңғы шығармасы екеуін шолып талдаумен сипаттап ұғынбақ боламыз. Ең алғашқы шығарма дегеніміз – “Күрес күндері” атты пьесасы.

“Күрес күндерінде” көрінген конфликт, адам мінездері шындықтан бірде-бір кез оқшау, шалғай кетпеген. Сәбит тегінде реалист жазушы. Ол анық өмірге жақын етіп алған адамдарына аса қонымды, нанымды тіл де, сөз де, сезім мен іс-әрекет те бере білді.

“Күрес күндері” пьесасы типтік жағдайда қалыптанған типтік кейіптерді сол пьесаның бас геройы Жақыптың бейнесімен де, жағымды герой, халық өкілі кедей Қыстаубай бейнесімен де нанымды етіп көрсеткен. Осы екі герой – Сәбиттің кейін прозалық үлкен шығармаларында да үнемі көрініп жүретін, революцияның алғашқы жылдарындағы қазақ еңбекші аулы тудырған шынайы, толыққанды образдар.

Реалистік пьеса жасау жолында алғашқы елеулі бір табысты “Күрес күндерімен” танытқан Сәбит кейінгі көп жылдар бойында сол алғашқы табысының бетімен үдеп өрлеп кете бермеді. Жалпы алғанда, келесі көп жылдар бойында Сәбит жазған бір топ пьесаның бәрі де сол солғын, сәтсіз шығармалар боп келді. Бұның себебі, Сәбиттің кейде өзі мейлінше бар сезімі, демі, тілі, әрекетімен қақ қарсында тұрған шын өмірдің шынайы адамын жасай біле тұра, бірақ сол бейнелерді бірталай кездерде шегінен асырып, жалған жайға, жасанды оқиға, ертегі тәрізді қызықсымақ күйлерге бұрып әкетеді. Сәбитте бұл жағына келгенде көбінше натурализм, арзан қызық қуған үстірт схематизм дендеп кетеді.

Сол жай пьесаларынан да жеңіл жазылған қалыпта байқалып отырады. Өзі негізінде өмірді сонша жақсы білетін және барынша шыншыл реалист жазушы жаңағыдай жаңсақ бояу, жасанды жайлармен өзіне залал келтіре береді. Өмір шындығының үстіне оқушысын, көрушісін не қыса естен тандыра елтітіп алмақ боп, өз бояуына, өзінің шындық материалына өзі сенбей кететіні бар. Міне, осы жай Сәбиттің соңғы драмалық шығармасы “Шоқан” пьесасының алғашқы варианттарында тағы да көріне жүрді. Қазір осы съезд қарсаңында “Әдебиет және искусство”

журналының жетінші санында “Шоқан” пьесасының әзіргі соңғы варианты басылып шықты.

“Шоқанда” да Сәбиттің реализмі, шығарманың маңызды, шыншыл, қонымды қасиетін, жақсылығын қалыптаған, қазақ тіршілігіне, тарихына жақын қабысатын қалалық, семьялық, қоғамдық, тарихтық және жеке адамдық болмыс шындық пен қарым-қатынастарды суреттеген жағында пьеса жақсы шыққан. Мысалы, Шоқан, оның әкесі Шыңғыс, шешесі Зейнеп, Мұса бейнесі, Айжан, Жайнақ, Малтабар, Ерден образдары өздерінің бар рольдерімен сезім, сана, психологиясымен анық реалистік қалыпта бейнеленген. Сол ретте генерал Гасфорт, Фредерикс, Катерина Гутковская, Лиза образдары да қазақ бейнелерінен басқаша мінез, машықтарымен, сөз, сезім өзгешеліктерімен жанды, нанымды бейнелер болып қалыптанған.

Қысқасы, Омбы қаласын, қыр жағдайын, тарихтық салттық заман шындығын, сол замандағы жаңағы аталған адамдардың басқаша психологияларын Сәбит реалист жазушының алғыр өнерімен сенімді бейнелеген. Бірақ осындай жақсы сипаттарымен қатар, “зор адам жөніндегі ұлы нысана реалистік көркем шығарма ретінде ойдағыдай шыққан ба?” десек, бұл қалыпта “Шоқан Уәлиханов” атты пьеса әлі көп жағынан жетісе алмай, толыса алмай тұрған сияқты. Осы кемшіліктің екі себебі бар.

Бірінші себебі – пьеса қанша айтқанмен шақ мезгілдің, шағын материалдың көлемінде қызық құрылады. Ал Шоқан деген тақырып, оның барлық мол арналы, әр тарау өмірін алсақ, бір пьесаға өсте сыймайды. Пьеса үшін Шоқанның не Омбы дәуірін алып қана, немесе Түркістанға қарай аттанған жолын ғана суреттеумен, көп түйінді сол кезеңдерге түйіп беру дұрыс болар еді. Әрі Омбы, әрі Петербург пьесаның ішіне кірген соң, екі қалада, екі бөлек қауым ортасында алыс-тартыс, тірлікке араласып жүрген Шоқан өмірі екі пьесаның тақырыбы боп кетеді. Себебі, екі қалада бірінен-бірі бөлек екі топ адам шығады. Осындай үлкен материалдың бар бойын пьесаға сыйғызам деп, тартыс оқиғасын көпсітіп, далитып алу – драмалық құрылыстың заңына қайшы келіп жатыр. Бұл – бір себеп.

Екінші себеп – Сәбит осы пьесаның әр вариантында орыс тарихындағы, Россия көлеміндегі аса ірі адамдардың атына

құмар. Солардың әрбір оқушы мен көрушінің санасында салмағы зор екеніне сенеді де, Сәбит “сахнаға өздерін кіргізсем болады” деп ойлайды. Драмалық белі бекіп, идеялық еңсесі көтеріледі, биіктейді деп сенеді. Ал шынында осы пьесаға Семенов Тянь-Шанский, Чернышевский, Александр II патша, Авдотья Панаева, Потанин тәрізді адамдардың бір-бір суреттерде, немесе екі суретте араласып, тез жоғалып кетіп отыратыны шығарманы қатты әлсіретеді.

Жаңағы адамдар пьесаның ішінде тартысқа, драмалық анық шиеленіскен түйін, тартысқа араласпайды. Олар романда келетін: кең, баяу, ұзақ-сонар жайлардың тұстарында көрінеді. Өздері және пьесаның басында экспозицияда көрінсе бір сәрі. Анық драмалық тартыстың заңы бойынша ең қатты ширап, шырқап, құмарланып өсетін кезеңінде сахнаға шығады да, бар оқиғаны, драмалық түйінді тартыс қалпынан ыдыратып әлсіретіп, сейілтіп жібереді. Тартыс суынып кетеді. Себебі, бұл адамдардың пьесаға араласуы драмалық түрде емес, хроникалық, эпикалық түрде араласу болып отыр.

Осылайша пьеса реалистік пьесаның жанрлық заңдарынан шалғай басады. Өмірлік материал пьесаның ең жауапты тұсында драматургиялық заңда қалыптаспай, натуралистік, шикі материал қалпында қалады. Өмір шындығы мен драмалық шығарма көлеміндегі көркемдік шындығы қабысып, табыса алмайды. Сырттан зорлықпен жанастырған жапсырма боп сезіледі.

Сөйтіп, реалистік пьеса жазуға мүмкіншілігі жете тұрған күйде жазушы драматургияның даусыз, талассыз заңдарын орындамау, қабыл алмау себепті шығармасына шикілік, жетіспегендік қалпын әкеледі. Міне, реалистік шығарма жасау жолындағы олқылық пен кедергінің бір алуаны осылай болатынын біз Сәбиттің “Шоқан Уәлиханов” атты пьесасынан осындай күйде көреміз.

Қазақ совет драматургиясында, соңғы 15 жыл ішінде он шақты пьеса жазып, көрнекті табыстар танытқан қазақ драматургінің бірі – Әлжаппар Әбішев. Әлжаппар көбінше драматургияда қиын жанрда үздіксіз әрекет етіп келеді. Тақырып жағынан қарағанда, бұның шығармалары тегіс совет дәуіріндегі болмыстан, табыс, тартыс шындығынан алынған.

Отан соғысынан бұрынғы дәуірдегі Отан қорғау тақырыбы (“Отан үшін”), совет азаматтарының достық бірлігі (“Жолдастар”), Отан соғысы үстінде болған еңбекерліктер (“Достық пен махаббат”), шаруашылық құрылыс майданындағы жеңіс, жетіскендіктер (“Қырағылық”), ауыл шаруашылық болмысындағы жаңалық, өрлеу табыстар (“Бір семья”), содан Отан соғысынан кейінгі бесжылдықтағы ғылым, өнер қайраткерлерінің халық шаруашылығын өркендету жолындағы әрекеттері (“Әке үкімі”), бейбітшілік күрес жолындағы сақтық пен қырағылық тақырыптар – барлығы да Әлжаппар пьесаларының соқталы өзектері, арнаулы арқалығы болып келген.

Осы тақырыптардың ішінде әсіресе бір тақырыпқа Әлжаппар бірнеше пьесасында және прозалық шығармасында көп оралып соғып отырды. Онысы – Қарағанды тақырыбы. Сондағы жұмысшы табының тірлігі, тартысы, табысы, өсіп-өрлеуі Әлжаппардың бұл бір топ шығармаларының көрнекті арнасы болды. Осы жөнінде бұл жазушының еңбегіне тікелей қатысы бар, “Правда” газетінде июль айында жазылған Н. Тихоновтың мақаласын еске аламыз.

Ол мақала қазақ әдебиетінің, әсіресе проза саласының өскенін атап өткен еді. Және де сол өсудің елеулі бір ерекшелігі есебінде “жұмысшы табын көрсететін шығармалар туды” деген. Осы тақырып – Әлжаппар шығармасында көп жылдан бері үзілмей келе жатқан анық өзекті арна. Рас, Қарағанды сияқты кен ошағында азаматтық, отаншылдық жаңалық, жақсы ұрандар жолында жасаған тартыстар Әлжаппар пьесалары мен прозалық шығармаларында көп қайталап отырса да, қадірлі қиын тақырып, бірталай шақтарда Әлжаппарда да сәтті болып, ойдағыдай толықтық, көркемдік тауып шыға алған жоқ.

Бұл жөнде, мысалы, “Жас түлектер” романы едәуір күрделі өмір жайын қамтығанмен, биік дәрежелі көркем шығарма боп қалыптана алмады. Қарағанды тақырыбына алғаш жазылған Әлжаппар пьесалары да ойдағыдай өрістен табыла алмады. Бірақ өмір материалын талмай зерттеу, іздену арқасында өз тақырыбын барынша сүйіп, соған барымен беріліп іздену соңында ақыры Әлжаппар өмір шындығы мен көркем шығарма шындығының тоғысқан түйінін таба білді.

Ұзақ еңбек нәтижесінде Әлжаппардан анық реалистік үлгіде қалыптанған бір де болса ойдағыдай көркем шығарма туғанын көрдік. Ол тағы да сол Қарағанды тақырыбына қайталап, еселеп ізденіп жазу нәтижесінде туған “Достық пен махаббат” пьесасы. Әзірге совет тақырыбына жазылған қазақ пьесаларының ең тәуірі, ең тұрақты көркемдік сипатқа ие болып шыққаны осы “Достық пен махаббат” деп білеміз.

Ауыр да болса әділін айтуға тура келген шақта, біз даусыз мойындайтын екі түрлі шындық бар. Ең әуелі қазақта драматург саны көп болмағанмен және ескі тақырыптарға едәуір тәуір шығарманы тудырғанмен, көп жылдық драматургиялық стаждары бар, тәжірибелері бар Мұхтар Әуезов, Ғабит Мүсірепов, Сәбит Мұқанов тәрізді жазушылар жаңа тақырыпқа ойдағыдай, тұрақты, жақсылық касиеті мол шығармалар бере алған жоқ.

Екінші және көңілсіз де болса мойындайтын бір жай – қазақ совет драматургиясының соңғы жылдардағы жаңалықтары, соның ішінде Әлжаппардың өзінің жазып жүрген пьесалары да, сол ертерек кезде жазылған “Достық пен махаббаттың” теңіне, шеніне бара алмай, жете алмай жүр. Әсіресе соңғы жылдардағы сатиралық комедиялар үлгісінде жазылған қазақ пьесалары шынында да ерте кездерде жазылған “Күрес күндері”, “Амангелді”, “Достық пен махаббат” дәрежелерінен көп төмен шығып жатыр.

Бұл жай – орыс совет драматургиясының кей жағдайына ұқсайтын жайдың бірі. Орыс драматургиясында да соңғы жылдардың конфликтсіздікке, сатиралық комедияға бағытталған шығармалары жиырмасыншы, отызыншы жылдар тудырған советтік классикалық пьесалардан төмен болудың үстіне, Ұлы Отан соғысы кезінде туған “Фронт”, “Нашествиелерден” де сонауірлым әлсіз ғой.

Осы бір жағымсыз жай біздің драматургиямыздағы бірнеше автордың еңбегіне жайыла көрінді. Ал “Достық пен махаббатты” бұл жағынан қарасақ, ондағы конфликт өте нық шиеленіскен берік тартысты баян етеді. Ондағы жағымды-жағымсыз елеулі образдардың, мінездердің көбінде анық типтік сипаттар бар. Осындай драматургиялық элементтері берік материалға сүйенгендіктен, бұл шығарма

сюжеттік жағынан мейлінше қою, қалың оқиғалы, келісті боп шыққан.

Екі съезд арасындағы елеулі табыстарымыздың анық бірі осы пьеса екенін бағалаумен қатар, бұнда да кейбір кемшіліктер барын атап өтеміз. Ол – Әлжаппардың соңғы уақытқа шейін жазып келген көп шығармаларында басым болып көріне жүретін бір бояудың жайы. Анық реалистік шығарма толық күйде қалыптанғанда, адамның аузынан шыққан сөз бен іштегі сезім, ойдың бәрінде бұлжымай “рас, осылай” дегізіп, бас идіретін нақтылы дәлдік болу шарт. Пьесада сол өлшеу-мөлшерлер аптека таразысына өлшенгендей өте шетін, нәзік нақтылықты сақтау қажет.

Әлжаппардың ең жақсы пьесасының өзінде де, мысалы, орыс адамы Миронның сөйлеу, ойлау тілінде анық орыс адамының психологиялық, ұлттық өзгешелік-ерекшеліктері, аса шартты, қажет ерекшеліктері дәл шыға бермейді. Қазақылану көбірек болады. Екінші, кейбір адамдары өзінің ішкі сырын, көңіл күйін айтар шағында әсірелеп, лепіре жалындап кетеді. Осы екі жайдың екеуі де, әсіресе пьесада тілдің, сөздің ең талғағыш таразы болатын ерекшелігін ойдағыдай ескере алмай жатқандықты көрсетеді.

Біз Әлжаппар жазған “Бір семья”, “Күрес әлі біткен жоқ”, “Әке үкімі” тәрізді пьесалардың бас-басына талдау айтпаймыз. Бар пьесаның көбіне ортақ бір жақсылық пен бір кемшілігін атай кетеміз. Жақсылығы – Әлжаппар шамасы жеткенше, барынша, конфликтіні нық шиеленістіріп алуға тырысады. Адамдарының тартысы өмірлік қатаң, ширақ тайталасқа арналады. Бұнысы шығармасының қызықты, сюжетті болуына көп көмек етеді.

Бір мықты конфликт, қызық сюжет іздеймін деп, кейде Әлжаппар “Әке үкімі”, “Күрес әлі біткен жоқ” сияқты пьесаларда өмір шындығы жағынан даулы көрінетін жасанды, шытырман оқиғаларға қызыққыш боп жүр. Осы жайды бұл жазушы жалаң сюжеттілік іздеу қалпынан гөрі өмірге нық, берік байланысты сюжеттілікке қарай ауыстыруы керек.

Әлжаппар тәжірибесінен реалистік пьеса тудыру шарты осындай жайларды талап еткізеді.

Әлжаппар тәрізді өзінің жазушылық талаптарын, көп жылдық іздену еңбегін тек қазақ совет драматургиясына

арнаған жазушының бірі – Шахмет Хұсайынов. Шахметтің қаламынан туған пьесалар саны онға жуық. Бұл есепке ол жазған колхоз, совхоз сахнасына арналған бір-екі актылы шығармалардың санын қосып тұрғамыз жоқ. Шахмет те, тарихтық революциялық тақырыптағы Амангелді жайындағы пьеса мен “Алдаркөсе”, “Шаншарлар” тәрізді, бұрынғы тақырыпқа жазылған пьесалары болмаса, тегінде, негізінде көбінше бүгінгі советтік, жаңа тақырыпқа жазатын жазушы.

Шахметтің үш шығармасында елеулі табыстық, жазушылық өнер көрінді. Бұлары – “Алдаркөсе” комедиясы, “Сахара үстіндегі жалау” атты Амангелдіге арналған тарихтық пьеса және соңғы жылдарда сахнаға шыққан сатиралық комедиясы “Көктем желі”.

Жалпы Шахмет еңбектерінен осы үш шығарманы елеулі еңбектер дегенде де, біз осы шығармалардың сапалары әр алуан, әр сатыда, әр дәреже тәуірлікте тұрғанын еске ала сөйлейміз. Осы жөнінен қарағанда, “Алдаркөсе” гротеск-комедия есебінде, жанрлық ізденулері бар, фольклор күлкісіне заңды, қонымды түрде қабысып шыққан, әсірелеген сықақ есепті болады. Халықтың қоғамдық мазақ, әзілін творчестволық түрде жеңіп меңгерген табыс бар.

Бүгінгі тақырыпқа жазылған “Көктем желі” атты комедия “Алдаркөседен” стиль, әдіс жағынан мүлде басқа шыққан. Ол комедия стиліндегі реалистік жанрға көп сипатымен көңілдегідей қонымды боп шыққан. Қазіргі қатаң сыналып жүрген фальштік тартысқа, іске, мінезге құралған соңғы жылдар комедияларынан “Көктем желінің” көп жақсы айырмасы бар.

Шахметтің пьесасында жағымсыз адамдардан, Мойтық, Шаймұқандардан жағымды адамдар ортасы сонауғұрлым көп. Олар күшті, есті және салмақты істермен, сөз, мінездермен анау құнсыз бірлі-жарымды қатты қағып, өздері де әйгілеп, әшкерелеп жүреді.

Сатиралық комедия атаулыда күлкіге, мазақ-ажуаға ұшырайтын ескінің қалдықтары болса, тегінде, олар бір пьесаның ішінде жалғыз өздері билеп-төстеп, тайрандап жүрмеу керек. Олардың сұмдығы мен құнсыздығы совет көрушісіне, оқушысына сол пьесаның өз ішінде жерленіп, қакқы-соққыға айқын ұшырап отыру шарт. Оларды көріп

отырып оқушы мен көруші қолма-қол жиреніп, өкімін айтып, сол сорақылықтан, ластан, шылықтан жирену үстінде өзі биіктей, өскелеңдей ағара түсу қажет.

Шахмет пьесасының әшкерелеу зілі де, тәрбиелеу өрісі де осылай лайығынша екі жақты, салмақты және реалистік шығарманың қалпына лайықты, нанымды боп шыққан. Рас, бұнда бір колхозға екінші колхоздың жер жыртып беретін көмегі өмірдегі шындыққа ойдағыдай үйлес шықпаған деген дау бар. Бұл драматургиялық құрылысқа соншалық үлкен мін, нұқсан болатын жай деп ойлауға келмейді. Ол туралы тек сол колхоздың бірі-біріне көмек беруін аудан арқылы, немесе МТС ретімен дәлелдей түсу керек еді деген ғана ескерту айтса жетерлік.

Мен бұл пьесаны реалистік биік сипатқа жеткізбей тұрған жай – жалпы Шахметтің пьеса жазуда қолданатын тілінде, сөз әлпетінде дер едім. Шахмет “Көктем желі” пьесасында кейіптердің (характерлердің) және халдің (положениенің) күлкі жағдайларын тапқанмен, әр комедияға өзгеше шарт, міндет болатын тілдің, сөздің тапқыр, өткір, құлпыра құбылып тұрған татымды күлкісін жеткізе алмаған.

Сондықтан осы пьесадағы бірде-бір адам айызынды қандырып айтқан бір ауыз “алып соққандай” дейтұғын әзіліне, мысқылына, тапқыр сөзіне, қырғын қалжыңына тап бола алмайсың. Оның орнына күлкі көбінесе тек қана хал күлкісі болады.

Осыған жалғас Шахметтің драматургиядағы тәжірибесі жөнінде бір үлкен сын талапты айта кету шарт. Шахмет драматург болса да, тіл, драматургиялық шартты терең ұғынып, түгел баурап ала қоймаған. Бұның ең анық жайы әсіресе Шахмет жазған ең бір жауапты тақырып, Амангелді турасындағы “Сахара үстіндегі жалау” атты пьесада аса айқын көрінеді. Ол пьесада Шахметтің тілі екі алуан. Мысалы, сондағы Шоң, Әбдіжапар сияқты адамдар өздеріне өте лайықты тілмен шешен тапқыр сөйлеп, әр диалогін нысанаға дөп тигізіп отырады.

Ал әңгіме тек жағымды герой Амангелді, Кәрбоз, немесе армия бастығы (командирі) сияқты адамдарға қарай ауысса болды, Шахметтің тілі толып жатқан фальш, жасанды күйге түседі. Үнемі бір жалған пафос, жасанды ой-сезім, сөйлемдер бірі үстіне бірі ошарылып,

аса нанымсыз, келеңсіз боп кетеді. Мысалы, Амангелді: “...Түбінде Қанайдың қаны үшін оқ аузына оралатынынды ұмытпа!”, “Торғай даласының шаңын аспанға шығармай, бауырдан қан ағызбай, қолдарыңа түспеспін...”, немесе Амангелді сөзінде: “сұм ойларыңның астында сорғалаған көз жасы аз ба еді...” деген сияқты көпірме, жасанды, жалған жалындар көп.

Осындай жалған пафос, жалаң фальш атаулыны армия командирінің аузынан сәт сайын естисің. Армия командирі 40-бетте Амангелдіге: “Қыран екеніңді сезбесең, қияға қанат серіпшейсің. Алысқа көз жібермейсің, көктен төмен сорғалап жауыңа да төне алмайсың, сыға алмайсың өкпесін”. 42-бетте армия командирі: “...Мына қайқы болат қылышты сізге сыйлаймын!” – деп, таза қазақ фольклорының тілімен сөйлейді. Және тағы сол: “Көп жұлдыздың ішінде Темірқазық жалғыз-ақ, жалғызым деп сақта!” – дейді. Немесе Амангелді “басқан ізіңе жеміс екпей, дерт егетін ежелгі әдетің еді” – деген тәрізді ақылға сыймайтын алыпқашпа, жалған бояумен жалындайды.

Ізіне кісі жеміс еге ме, сірә, оған ешнәрсе шыға ма? “Ізге дерт еккен” деген қандай логика, образдық логикаға сыяды? Осындайдан барып кесек образға жалған, жасанды бояу интонация жабысады. Ол образды әлсіретеді, ол образ пьесаны жүдетеді. Сөйтіп келіп, ойдағыдай реалистік пьеса боп шығатын тақырып Амангелдіге “шамаң келеді” дегенді бұл авторға да айту қиын. Жаңағы сөз мысалдарын көп келтірген себебіміз, Шахмет қазақ драматургиясында біздің бәріміз бір кезде көп тұтынған жалған пафос, көпірме сөзді көпке шейін қалдырмай, тастамай, шектен шығара көп қолданған жазушы болатын. Сол сипаты мына кейін жазылған ең соңғы және, біздің білуімізше, барлық Шахмет еңбегінің ең көрнекті, көңілді табысы “Көктем желі” комедиясының өзінде де білінеді.

Сөйтіп, тіл жайы Шахметтің әлі аса зерлеп, ерекше көп ізденуі қажет екенін байқатады. Тегінде, Шахмет өзі бар күшін, ізденулерін, көп жылдарын арнаған ауыр жанр, қадірлі жанр драматургияда дұрыстап тіл таппай, үлкен өнер таппайды. Ол жазған пьесалардың реалистік шарттарға неліктен толық сай бола алмай жүргенін осымен байланысты деп білеміз.

Қазақ совет драматургиясына күрделі бір ғана пьесамен атсалысса да, сол бір шығарма көлемінде өте салмақты және үнемсозар өнер танытқан жазушының бірі — Ғабиден Мұстафин. Біз еске алып отырған оның көлемді, драматургиялық еңбегі “Миллионер” пьесасы.

Бұл шығарма реалист жазушы Ғабиденнің көркемдік, идеялық үлкен табысы деп саналған, көп тілдерге аударылып, көп елдер оқушыларына мәлім болып, мақтау алған “Миллионер” повесінің тақырыбына жазылған.

Екі шығарма көлемінде де жазушы Ғабиденнің нанымды, көркем жаңалық туғыза білетін алғырлығы айқын көрінеді. Сонымен қатар осы екі шығармада және де Ғабиденнің сюжет құрудағы, әсіресе тартысты таратудағы кемшілік-олқылығы да байқалады.

Драматургия жайын сөз қылғандықтан, біз “Миллионер” пьесасына жаңағы екі тұрғыдан талдау жасап көрейік. Реалистік көркемдік “Миллионер” пьесасының ең алдымен өмірлік шындыққа нық байланысты бекем негізінде. Өмірлік болмыс тұрғысынан қарағанда әрі көркем нанымды және соның үстіне орамды, шебер түрде қамтыған шындықтар бар. Замандық-қоғамдық, ішкі психологиялық сипаттарды тартыс үстінде, әр кезеңде, көңілдің әр сәтіне орай келетін тілмен өте орынды таратып беретін келісімдер бар. Жарастық, келістілік бар. Әсіресе Ғабиден творчествосының ең асыл қасиеті — адамдарының аузына оралатын, өз лайығымен берілетін тілде. Сол ретте Жақыптың аузындағы сөздер, Жомарттың тілі, өз орнында Алманың, Жанат сияқты адамдардың сөйлейтін тілдері бүгінгі ең шебер, тап-қыр ойлы, тартымды сөздер деуге болады.

Кей жолдастардың: “Ғабиден шығармаларында геройларға берілген тіл мен сөз өмірдің дәл өзіндегі колхозшылардың, көпшіліктің сөйлеп жүрген тілінен артығырақ, әсемірек”, — деп, соны күдік етіп айтатыны болады. Біздіңше, бұл орынды, дәлелді күдік емес. Қайта Ғабиден шығармаларының қазақ совет әдебиетіндегі аса айқын озғын қасиеттерін дәл бағаламау, танымау болар еді.

Анығында, жазушы өзі суреттеп отырған халықтық, қоғамдық ортаның жағымды адамдарына шешен, тапқыр, ойлы, көркем тіл бітіре білу керек. Қай заманда болса да халықтың ішкі қасиетін көркем шеберлікпен сипаттайтын,

бағалы еңбегі бар жазушының бәрі де сол халықтың жүрегінде жүргенін тіліне оралтады, ойында дәл қалыптанып аталып, танбаланып шықпаған, бірақ санасының түпкірінде тұнып жатқан шындығын тапқыр ой етіп, көркем сөз, монолог, диалог етіп паш етеді емес пе?!

Сол ретте Ғабиденнің Шығанаққа, Жақыпқа, Амантай мен Жомартқа, Жанат пен Алмаға, Жанботаға ойлататын ойлары, сездіретін сезімдері, сөйлететін сөздері соншалық қонымды, келісті қалыптанады. Осылар сөйлейтін тілдегі әр алуан айтқыштық пен тапқырлық, дәмділік біздің бүгінгі колхозды еліміздің өскелең жұртшылығының өсіп көркейген, шеберленіп өнерленген тілі болуға мейлінше үйлеседі.

Сол сипатының өзімен “Миллионер” пьесасы қазақ сахнасына соншалық қонымды, орамды, соны тіл алып шықты. Бұнысы “Миллионер” пьесасының оқшау, үздік шыққан қасиеті, анық жақсылығы болатын.

Бірақ сонымен қатар және айтуға тура келеді, “Миллионер” пьесасы, осындай бағалы қасиеттері бола тұра, екінші бір жағынан ойдағыдай жерден шыға алмай, олқы соқты. Онысы пьесаның сюжеттік, драматургиялық тартыс, құрылысының біртұтас толық шебер құрылысқа жете алмау себебінен.

Бұл пьесаның тартысы соңғы актыларға ауысқанда әлсіреп, босаңсып, нашарлап кетеді. Ал осы кемшілік пьеса “Миллионер” ғана емес, повесть “Миллионердің” де елеулі олқылығы еді. Әрине, тартыс драманың аяғына қарай өскелеңдеп, үдеп ширығып, өрлей түсудің орнына, босаңсып, жайылып, баяулап, ыдырап кетсе, қандай жақсы адамдар, қаншалық жақсы тіл мен оқиғаға араласса да, пьеса олқы соға береді.

Міне, реалистік шығарма жасау жолында кейбір күшті, ерекше элементтерді ойдағыдай табыстай әкеле білген Ғабиденнің сол ауызға аларлық тәуір пьесасының өзі де анық, толық реалистік пьесаның өрісіне жете алмай тұрғанын көреміз.

Қазақ драматургиясының екі съезд арасында ізденіп өсу жолында бірнеше сәтті-сәтсіз пьесалармен әр кезде ілесіп отырған драматургтің бірі – Мұсатай Ақынжанов. Өзі тарихшы-жазушы болғандықтан Мұсатайдың тарихтық

тақырыпқа жиі барғыштап, творчестволық ізденулері заңды талаптар. Осы жолда Мұсатайдың бір топ тақырыптарының ішінде жұртшылыққа көбірек мәлім болып сахнаға шығып, тұрақты орын алғандары соңғы жазған екі шығармасы. Біреуі – қазақ ертегісі, фольклоры негізінде құрылған ертегілік-қиялдық пьеса “Алтын сақа”.

Екіншісі – анық тарихтық тақырыпқа жазылған “Ыбырай Алтынсарин” пьесасы. Мұсатайдың жазушылық табысына елеулі, салмақты күйде қосылатын шығармасы – осы “Ыбырай Алтынсарин”. Бұл шығармада барлық қазақ пьесасынан біз талап етіп келе жатқан реалистік элементтер көп көрінеді. Ол жайды біз Ыбырайдың өз бейнесінен, оның жауы Найзақара, Шоңмұрын, Доспол, Жақай образдары сияқты жағымды-жағымсыз бейнелердің бәрінен байқаймыз. Осы топ заманына, ортасына, өмір шындығына лайықты дұрыс бейнеленген кейіптер.

Атқаратын тарихтық, қоғамдық және идеялық функциясына қарағанда, Ыбырайдың достары – Доброходов, әйелі Айғаныс және кейбір шәкірттер қатесіз, дұрыс ойдың бетінде орынды сөздер сөйлеп, іс-мінез жасап жүреді. Бірақ осы адамдар жағымсыз бейнелердің ішінен Кржановский тәрізді губернатор, Кошкин, Медведев сияқты адамдардың бәрі де жазушының өз ойынан туған. Көп жағынан жасанды бейнелер болып қалыптанады.

Осы пьесадағы шындық пен жасандылықтың арасы қандай? Тарихтық жүйелік, ғылымдық жағынан алсақ, пьесада көрсетілетін халдердің, тартыстардың түп қалыптары, мазмұны, мәні өмірде, тарихта да осы алуандас болуы мүмкін. Доброходов жақсылығындай терең идеялы жақсылық, Кржановский қастығындай қатал, дөкір, суықбауыр қастық – бәрі де тарихта орын алған қоғамдық саясаттық жайлар екені рас.

Ал бірақ, сонымен қатар өмірлік шындық пен анық реалистік шығармада талап етілетін көркемдік шындық соншалық нанымды, қонымды боп, мойын бұрғызбастай иландырып ертіп әкете ме десек, бұл сұрауларға берілетін жауаптың көбі осы пьесаға жағымды жауап бола алмайды.

Нанымды шындығымен қатар, осы пьесаның ішінде көп ойлар мен істер, пікір таратқан сөздер тікелей тартқан социология тезистеріне айнала береді. Көп жайлар

жазушылық шеберліктен гөрі оқымысты тарихшының қорытынды ойларын топшылаған үстірт долбар болып шығады. Тартысын, тайталасын, өмірлік көрінісін жинастыра қарастыр-ғанда, “Ыбырай Алтынсарин” пьесасы қазақтың қадірлі қайраткерінің бірі Ыбырай жөнінде едәуір тәуір шыққан пьеса тәрізденеді. Сол сипаттың бұл шығармада бар екені де рас. Бірақ өмір тарих шындығы мен реалистік көркемдік шындық екеуінің түйісіп табысуында жасандылық байқала береді.

Сондықтан пьеса өзінің шеберлік көркемдігімен иландырудың орнына ақылды тенденциясымен илантады. Болғаннан гөрі, болуға мүмкінінен де гөрі, “болса екен” дейтін ындынымен иландыруға тырысады. Анығында, шығарма шынайы толық сипатты реалистік көркемдікке жеткен шақта тенденция, тырмысу, ындын, пиғыл тәрізді қоспаларды керек етпейді. Өзінің қонымды келген, дөп тиген толық жарастығымен жабыса үйлеседі, таныла кетеді. Сонысымен шеберлік, бағалылық қасиеттерін табады.

“Ыбырай Алтынсарин” пьесасының бойында, орысша теңеумен айтсақ, ақ жіппен көктелген жайлар білініп тұр. Осындай жәй тәуір пьесаның кемшілігі есепті болып жүр. Бұл да реалистік көркем шығарманың үлкен талабы ойдағыдай жерден шыға қоймағанын байқатады.

Жоғарыда біз еңбектерін шолып өткен бір топ жасамыс драматургтерімізден басқа соңғы жылдар ішінде қазақ совет драматургиясына тың еңбектерімен келіп қосылған жаңа бір топ жазушылар да бар. Олардың ішінде Қазақстан жұртшылығына аттары мәлім бола бастағандары — Мұқан Иманжанов, Шамиль Байжанов, ақыннан драматургияға атсалысып жүрген Қапан Сатыбалдин, сыншыдан драматургияға араласып жүрген Тахауи Ахтанов сияқты жазушылар.

Мұқан Иманжановтың “Менің махаббатым” атты пьесасы республика театрларында қойылып, “Социалистік Қазақстан” газетінің бетінде бір мақалада бірыңғай мақтаған баға алды. Ал пьесада жалпы советтік драматургияның соңғы жылдарда кейіндеп қалуына кедергі себеп болушы конфликтсіздік құрылыстың айқын таңбасы бар.

Сол себепті пьесадағы тартыс әрарау, бытыраңқы. Шебер жазылған пьесада әсте кешірілмейтін, кездеспейтін күй бар. Бір тартыс орнына екінші қақтығыс, үшінші қатар

оқиға ауысып түсіп отыратын сахналық хроника, немесе театр тілімен баян етілген ұзақ очерк тәрізді болып кетеді. Негізгі геройлар Ақан, Кәмеш арасындағы қоғамдық жай мен бас мәселесінде екеуінің шалғай келісінен туарлық драмалық конфликт аса жасанды шыққан. Бұл жағдайлар анығында жақсы пьесада салмақты, драмалық түйін себебі болуға, өмірлік шындық жағынан алғанда, әбден мүмкін еді.

Бірақ жазушы сол жайдың өзін ойдағыдай тарата алмаған. Шын шиеленісетін орынды, қонымды өмір шөргезіне адамдарын алғашқы перденің басқы суретінде жақындатып, төндіріп әкеледі де, кейін сол жайды драмалық жолмен тарата алмай, шындықтан алыстап, жасанды жайларға түсіп кетеді. Бұл ретте, ең кең кешіріммен ойлаған кездің өзінде, жағымды герой деген жас ғалымы Ақан Кемелев совет жасына лайықсыз карьерашыл қиянаттар қалпына, жағымсыз бейнелердің мінезіне ауысады.

Ал жазушының тілегені ол емес. Осылайша пьесаның тартыс ағымын шеберлік тапқырлықпен басқара алмаған жазушы өз ойына ерсі-қарсы келетін қорытындыларды еріксіз жасатады. Сол сияқты пьесада автордың ойы бойынша әсте үлкен орын алуға арналмаған, бірде-бір идеялық, өмірлік, көркемдік қасиеті жоқ, әлдеқалай адасып қалған мешанка Бике Болатова осы пьесаның ішіндегі бар геройлардан артық орын алады. Оны мен Бөкенбаев арасындағы құнсыз, мәнсіз сылқың-сылтың, қиқаң-сиқаңдар спектакльді көрушіге пьесаның басқа мән-жайынан еріксіз тартымдырақ боп кетеді.

Ал осы халдер жазушының тілеген, мақсат қылған пьесасына тақырып еткен жайлары ма? Жоқ, бұлай емес. Ендеше, пьесаның айтайын дегені бір жақта, қалтарыста қала беріп, ойламаған, күтпеген жайлары алдыңғы орынға шығады да, спектакль бытыранды, аламыш, піспеген шығарма боп аңғарылады. Бірақ сол кемшіліктермен қатар, дәл осы пьеса түбінде Мұқаннан реалистік пьеса туғыза алатын жемісті еңбек күтуге мүмкіншілік береді. Пьесаның ішінде кей кездерде көңілге аса қонымды, тиімді боп келетін реалистік элементтер аз емес және кейбір сатиралық образ жасауда оларға тән орынды, лайықты тіл табуда Мұқан едәуір елеулі өнер танытады. Бұл жазушыдан реалистік шығарма тосуға мейлінше болатындығын, оның өмірлік

шындықты, әр саладағы мамандық білімді, деректерді жақсы зерттегендігін көрсетеді.

Реалистік пьесаның драмалық шығармадағы ең үлкен шарты, айнымас, кемімес шарты – ең алдымен пьесаның тілі дейміз. Осы ретте екі жазушыны екі сипатымен айрықша атап өтеміз. Бұның бірі – пьесалық жақсы тілді танытқан жазушы да, екіншісі – тілсіз драмалық құрылысты едәуір біліп, баурап алған жазушы.

Жақсы тілді драматург дейтініміз – Қапан Сатыбалдин. Сахнаға қойылмағандықтан, басылып шықпағандықтан, Қапан жазды деген көлемі үлкен пьесамен таныстығымыз жоқ. Бірақ қысқа көлемді “Қолғабыс” атты бір перделі комедияға қарасақ, Қапанның пьесадағы тілі аса риза қылатын тіл екенін көреміз. Осы кішкене пьесаның өзінде Қапан өте орамды, дәмді, соншалық шебер тіл танытады. Соңғы кездерде шыққан комедия деп, сатиралық комедия деп аталған үлкенді-кішілі бірнеше пьесаларымыздан комедияның тозбас, өшпес құралы – сөз күлкісін көре алғамыз жоқ. Естен кетпес, ауыздан-ауызға көшіп жүретін, “алып соққандай” өткір қалжың, тамаша әзіл, күлдіргі мысқыл жағы көбінше жұтаң, тіпті жұрдай комедияны көреміз.

Сондықтан да олардың кейбірінде күлдірем деген сөздер өзінің дөкірлігімен түрпідей тиеді. Ал Қапанның аз ғана комедиясының ішінде көп жерде аса тапқыр әзілдер кездеседі. Әрі халыққа, колхозшы жұртшылығына соншалық жұғымды және халықтың өз алуанында, стилінде жанынан шығарған әдемі мысқылдары, әзілдері тап түсіп, дөп тиіп отырады. Бар пьесаның көлемінде драмалық құрылыс жағынан олқылықтар болса да, тіл жағында бірде-бір диалогке, жеке сөзге ешбір мін тағуға болмастай, мөлдір, тапқыр тіл бар.

Қапанды тілі жақсы жазушы дегенде, екінші бір жазушыда тіл жұтаңдығын олқылық есепті еске алып ек. Ол жазушымыз драматургияға жаңада араласқан, бірақ пьеса жасаудың әдісін жап-жақсы меңгерген жаңа автор – Байжанов Шамиль. Бұның біз білген “Делегат Данияр” және “Әлия Молдағұлова” пьесалары осы жазушы үшін тіл жақтарынан айрықша талаптарды әдейі бөліп алып, баса айтуды шарт етеді.

“Делегат Данияр” – драмалық құрылыс, сюжет қоюлығы, тартыс тұтастығы жағынан қарағанда едәуір қызықты боп шыққан пьеса. Бірақ оның әр вариантының бәрінде және кейін жазылған Әлия турасындағы пьесада да Шамиль Байжанов тіл жағынан аса олақ. Не халықтық, не көркем әдебиеттік тіл қазынасының шеберлік, шешендік үлгісін пьеса танытпаса, ол шығарма көркем шығарма емес, пьесалық материал ғана. Ол драманың өзін емес, қаңқасын (скелетін) ғана, схемасын ғана берген еңбек болады. Онда ет те, қан да жоқ. Ендеше, онда күйдіретер, сүйдіретер, сүйсіндіретер, әсер етер жан да жоқ. Әрине, бұндай еңбектер реалистік пьеса жазу шартынан, өресінен өрескел жырақ кетеді.

Жаңадан қосылған жазушылардың бірі – Ахтанов Тахауи. Бұл “Арыстанның сыбағасы” атты кіші көлемді, екі акт, үш суретті пьеса жазып, өзінің сыншы ғана емес, көркем шығарма тудыра алатын мүмкіншілігін едәуір тәуір танытты. Пьесада керекті орында қонымды ойлар, сөздер де жанрдың талабына сай қалыптанғаны байқалады. Бірақ сондай тәуір жайлар танытқанмен, тұтасынан алғанда “Арыстанның сыбағасы” елеулі бағалы пьеса болып шыға алмаған. Себебі, осы пьесаға алынған тақырып пен өмірлік материал шағын, болымсыз ғана. Бұнда ұзақ шырқап, алысқа тарап, үлкен көлемді болып пьеса жазылар жөні жоқ, мүмкіндік жоқ.

Журнал көлемімен санағанда 30 бет боп шыққан пьеса, акт саны аз аталғанмен, кішкене пьеса емес. Ал оқиға, тартыс, әрекет атаулыны алсақ, бір ғана актының бас-аяғында аяққа құйған астай әрі өткір, әрі қызықты, әрі мысқыл ажуа, тиянадай табылған шығарма болар еді.

Тақауи аз материалды ұзаққа сағыздай созып, көп жерде құрғақ сөзді көбіктей көпсітіп, молайтып алған. Пьесаның өз тақырыбына тұжырымды жиналатын бір ғана жай Тойғанбектің қылмысы ғана болар еді де тұрар еді. Сол аз пьесаға жететін де қоятын. Ал енді осы зоопарктың аңдарының сыбағасын қылмыс жасап, қиянат қып, тартып жейтін жыртқыштың қасына және апарып махаббат тақырыбын жапсырудың бірде-бір қисыны жоқ еді.

Пьесада сондай қонымсыз ортаға нанымсыз жайды жамағандықтан, қақ жарымына дейін қысыр кеңес, заңнан тыс ұзақ-сонармен кетеді. Әрине, жеңіл комедия көлемінде,

кішкене пьеса арнасында да реалистік шындық пен көркемдік шарттар бар. Бұл алуандас пьесалар ең алдымен сол шартына жауап боларлық болса, соның өзі жарар да, жетер де еді.

Қосымша баяндаманың көлеміне сыймас болған соң, біз драматургия жанрының қатарында тексеруге болатын бірнеше салаға тоқтай алмадық. Ол – музыкалық драматургия түріндегі либреттолар, балалар әдебиетіндегі драматургия үлгілері. Бұл жөнде біздің үлгі етіп алғанымыз – Орталық партия Комитетінің драмалық театрлар репертуары жөніндегі үлкен қаулысы. Сол қаулының тақырыптары қазақ драматургиясында қалай өрбіп, қалыптанып келе жатқанын талдай шолуды жеткілікті жай деп білдік.

Қорыта келе айтарымыз, Коммунистік партияның совет әдебиетіне арналған сындары мен өсу шарттары біздің бүгінгі сын талаптарымыздың арқа тіреу діңгегі, бағыт беруші басшы ұстазы есепті болды. Осы баяндаманың жазушыларға қоятын шарт талабына басшы да сол ХІХ съезд ойлары.

ХІХ съезден бері қарай болып өткен Жазушылар одағының пленумдары, “Правда” бастаған орталық баспасөз жүзіндегі совет драматургиясы жайына арналған қатаң сын, биік талаптар және де біздің баяндамамыздың бағыты мен мақсатын билейді.

Сол талаптар тұрғысынан қарап, жоғарыда біз шолып өткен барлық пьесалардың әр топтарына ортақ жалпылық ерекшеліктерді қорыта айта кетейік. Біздің сын талабымыздың түйіні – идеялық көркемдік сапалардың ойдағыдай үйлесуінен туатын шеберлік. Сол шеберліктің үлкен өресі деп реалистік пьеса тудыруды проблемалық бел етіп атадық. Осы бір ғана мөлшер таразының өлшеуіне салғанда, жоғарыда біз жарамды деп атаған әр тақырыптағы пьесалардың әр дәрежеде, әр алуан жақсылықтарымен қатар, олқылықтары да байқалды. Соларын жеке талдаудан өтіп, топтай, жинай айтсақ, мысалы, тарихтық тақырыпқа жазылған шығармаларда байқалатын кемшілік қайсы? Ол “Амангелдінің”, “Шоқанның” мысалына қарағанда, бір пьесаның көлеміне сыймайтын материалды өлшеусіз мол қамтығандықтан, пьесаның жанрлық заңдары бұзылып отыр. Реалистік нанымды, қонымды күйде құрылып келе

жатқан шығармалар жаңағы себептен көбінше хроникаға ауысып кетеді. Драмалық тақырыптың өрбу, өнуінің орнына, соңғы актыларда тың тақырыптар шығып, пьеса құрылысы заңнан тыс жайылымға ауысып кетеді. Ендеше, реалистік көркемдік құрылыс босаңсып кету себебінен шығармалар драмалық архитектурасы жағынан олқы түседі.

Сандары мол, тәрбиелік мәні зор жаңа тақырыпқа жазылған пьесалардың көбінен байқалған кемшіліктер – бұларда адамның типтік сипатта ойдағыдай толық суреттелуі олқырақ шығады. Соның ең үлкен себебі, совет адамының сөйлесер сөзі, сезер сезімі, ойлар ойы көбінше дәл келе тұрып, едәуір кездерде шындыққа шалғай шығады. Жасандылық, натуралистік, схемалық бояулар басып кетеді.

Соңғы жылдарда жазылған бір топ пьесаларда конфликт жайы мен сюжеттік жалпы құрылыс жөнінде әлсіздік, әр алуан жетіспегендік айқын байқалады. Комедия үлгісінде жазылған пьесалардың тәуір шыққан үлгілерінің өзінде де күлдіргі тіл жетпей жүр. Тапқыр, өткір, есте қалар әзіл, қыбын тапқан қалжың, тапжылтпас мысқыл, тап басқан ажуа, қысқасы, “алып соққандай” дейтін айтқыш, тапқыр тіл жоққа тән.

Реалистік комедия шартының бір талабы ретінде, қазақ комедиясына бұл жайды айрықша атап өтер едік. Осы тұрғыдан еске алынып өткен пьесаларымыздың бар тақырыптағы, әр стильдегі үлгілерінің бәріне біртұтас ортақ кемшілік, олқылық дейтініміз және бар. Ол – осы баяндама басында аталған орыс классик драматургиясынан және орыс совет драматургиясынан үйренудің, үлгі алудың өзі ойдағыдай өріске жете алмай жатқандық жайы.

Қорыта келген кезде, жаңағы атаған жалпылық кемшіліктермен қатар, біз сол жоғарыда аталып өткен пьесаларымыз туралы ең үміткер сүйсінген ойларымызды тағы да атай кетеміз. Аса қиын жанрда өсу жолы оңай емес. Қатты сын, қатал талаптар білдірумен қатар, қазақ совет драматургиясы біз есеп беріп отырған кезеңде өзгеше өскенін біз әсте ұмытпаймыз.

Қазақстан жазушыларының II съезіне дейін болған қазақ совет драматургиясынан соңғы 15 жыл ішіндегі драматургия құлаш ұрып, көп ілгері кеткенін білеміз.

Драматургия жанрының ІІ съезден бергі өрістеп, өсу нәтижесінде қазақ сахнасында біз бұл күндерде Советтік Қазақстан тіршілігінің сан саласын көреміз.

Осы ретте енді алдағы өсу, даму міндеті қазақ драматургтерінің есіне қандай жайларды айрықша ескертеді десек, мен бүгінгі күннің бір тақырыбын әсіресе ерекше көңіл бөліп айтар едім. Ол барлық Ұлы Отанымыздың өзгеше қызықты, көрнекті майданының бірі болып отырған Қазақстандай республикамыздағы биылғы жылдың тарихтық ұлы науқаны туралы. Нақтылап айтқанда, ол — тың және тыңайған жерлерді игеру тақырыбы.

Біз дәл осы күндерде, ауыл шаруашылығы жөнінде республикамыздың биылғы алғашқы жыл жоспарын ойдағыдай ада қып шыққан ардақты табысына қуаныштымыз да мақтанамыз. Әсіресе сол табыстарға жеткізіп отырған партия басшылығына барымызша алғыс айтамыз. Бар жүректен өзіміздің қадір, құрметімізді білдіреміз.

Сонымен қатар Коммунистік партияның Қазақстандай өлкеге арнап көтерген туына жазылған ұранды, қазақ жазушыларының қатарында қазақ драматургтері де өз ойымыз, өз жүрегіміз айтқызған ұранымыз деп танимыз. Осындайлық ұлы тақырыппен қатар, партия, совет басшылығы жалғастыра көтерген тағы бір зор мәселе тақырыбы бар: ол — Қазақстанда мал шаруашылығын барынша биік, басқаша сапаға шығару. Бұдан былай Қазақстанда мал және мал өсіру саласындағы адам жәйі жөнінде ең қадірлі актуал тақырып боп, біздің бар жанр әдебиетімізден өзгеше орын алуы шарт.

Бүкіл ардақты Отанымыз — Совет Одағы көлемінде Қазақстанның шаруашылық, мәдениеттік, саясаттық тарихы биылғы жылдан бастап ерекше зор асқар биік белге басты. Біз сондайлық тарихтық белге, рубежге жетіп тұрмыз. Ендеше, сол республикамыз өрлеп, биіктеп асып келе жатқан белге барлық әдебиеттік табысымыз да қатар басып, қалыспай жетсін! Осы жөнінде, қазақ совет драматургиясына көп жылдар еңбек етіп келе жатқан жасамыз жазушылармен қатар, жаңа қосылатын жас драматургтеріміздің бәрі де өздерінің жақын айлардағы, жылдардағы ең үлкен міндетін сол жаңағы аталған ардақты тақырып деп білсін.

Жақын шақта жарқын табысқа жету жолында социалистік реализм көлеміндегі санасы мен сапасы зор советтік қазақ драматургиясын ең алдымен сол тың көтеру тақырыбына жазылған зор сапалы реалистік пьесалармен өркендете берейік.

Әрбір шабытты, табысты еңбегіміздің тұсындағы дана досымыз, ұстазымыз Коммунистік партияның, совет халқының қазақ драматургтеріне арналған сенімін сондайлық үлкен жемістермен ақтайық!

Кино- сценарийлер

БОЛЬШАЯ СУДЬБА

Киносценарий

Действующие лица

Алуа.

Сатай — ее отец.

Жанат — ее бабушка.

Догал — бай.

Дулат — его отец.

Мардан — его брат.

Жаппар — молодой человек.

Нина... (Нина Ивановна Ершова).

Сапар — следователь, после — крупный деятель.

Арман — студент, после инженер, деятель.

Сексек — родственник Алуы
и другие.

І часть

Ненастная ночь. Аул бая Дулата в юртах. Между юртами слабые тростниковые изгороди (*чиш*). Бушует ураган. Отчаянной жалобой стонут густые кустарники, со свистом склоняются стебли чия. Тревожный шум стоит и над аулом. Напуганные ураганом блеют овцы и козы, мычат коровы, воют верблюды. Возбужденно и яростно лают собаки, слышно ржание коней.

Пастухи и служанки, ежась от дикого ветра в своих лохмотьях, берегут скот бая. А овцы готовы в каждую минуту оторваться от аула, побежать под ураганом на свою гибель.

Старый бай Дулат и сын его молодой Догал одеты тепло, они разгоняют по аулу не только мужчин и женщин, но даже и детей. В руках у них кистени.

К ночному аулу приближается тысячный табун откормленных коней, их стерегут трое верховых табунщиков. Кони сытые, дикие, группами шарахаются от аула.

Остановив весь табун около стада овец, подъезжает к своей драной, прокопченной, темной лачуге на краю аула молодой табунщик. Под ним белый, густогривый жеребец. Сбросив на землю длинную березовую палку (*соил*), спрыгивает с коня Сатай. Это рослый, внушительный, богатырского сложения человек.

Промокший весь под дождем, грустный и усталый, он входит в свою лачугу-юрту.

Старая мать Жанат и маленькая шестилетняя дочка его Алуу не спят еще, они встревожены. Но в юрте нет ни костра, ни топлива. Однако родные встречаются приветливо, теперь только они решили прилечь отдохнуть.

Сатай ласкает Алуу.

— Почему же ты не спишь, Алуу, малюсенькая моя!

— А я ждала тебя...

– Зачем ты ждешь? Не надо... Надо спать.

За дочку отвечает бабушка:

– Вот, не спит... Даже глаза не сомкнет, когда тебя нет.

И все только такая со времени смерти матери, голубка моя!

Заметны следы глубокой печали на красивом личике Алуы... Она только теперь, слегка успокоенная, легла около отца.

А на улице все больше растет тревога.

Старый бай подошел к юрте Жанат с криком:

– Выходи на улицу! Выводи и девчонку на сторожку скота!

– Почему не выходит Сатай? – кричит и молодой хозяин Догал, подошедший тут же.

Сатай встает осторожно, чтобы не разбудить прикорнувшую около него дочку. Не спешит с выходом на улицу. Старуха Жанат шепчет сыну:

– Чего они напугались? О каком враге говорят, Сатай?!

– Да разве они живут покойно! Ведь целое лето враждовали с баем Отарбаем из-за должности управителя. А теперь вот перешли на грабеж, набеги. Только недавно эти угнали лошадей Отарбая... А сейчас слух ходит, будто и Отарбай послал сюда свою шайку... Во главе этой шайки, говорят, двое братьев-разбойников Кулан и Булан. Вот и дрожат бай, боясь их набега.

Сатай на улице. Накинулись на него с руганью бай:

– Как ты смеешь спать сегодня?..

– Сегодня могут напасть враги!..

Сатай показывает на свою промокшую одежду:

– Я промок, продрог за ночь...

– Замолчи! Скорее на коня! – кричит в ярости молодой бай.

– Имели бы вы хоть каплю жалости... ведь человек же я! – говорит обиженный Сатай.

Кинулся на него с занесенным кистенем Догал. Ударяет Сатая, заносит кистень для нового удара. Но Сатай схватился за кистень, Догал кричит на него со злобой, изо всех сил старается вырвать палку, но не может. Выбежала плачущая Алуа:

– Не обижай... Не бей моего папу!..

– О, проклятые злодеи! – шепчут губы Жанат.

Старый бай подталкивает Сатая к коню, приказывает ему сесть на белого жеребца...

* * *

Кидается на аул стремительной лавиной отчаянная толпа всадников... Они влекут за собой свирепо лающую свору собак. Барымтачи скачут со странным гиканьем, перестукиваясь на скаку своими соилами, непрерывно кличут “Кеу! Кеу!”. В ауле начинается смятение. Дикие кони понеслись губительными потоками, топча овец, перескакивая через лежащих коров, верблюдов, опрокидывая бедные лачуги.

А барымтачи на скаку настигают бегущий табун, ударяя длинными соилами отделяют крупных коней от молодняка, стремятся угнать побольше лошадей. В самой гуще врагов скачут вожаки грабителей, рослые, свирепые на вид Кулан и Булан. Они носятся с дикими выкриками. Понеслись из аула в погоню табунщики. Впереди них на белом жеребце несется Сатай. Он высоко занес свой длинный соил. Нагнал врагов и, подстегнув жеребца, настиг одного барымтача, ударил соилом и, схватив за спину, сбросил с коня. Тут двое других противников стали переговариваться на скаку:

- Пусти его в середину!
- Бери белого жеребца в середину!
- Белого жеребца бери!

Охваченный яростью и азартом боя, Сатай принимает их вызов:

— Слезай с коня! — ударяет с такой силой, что тот, уронив свой кокпар, свечой падает со скачущего коня...

Так скачут в сторону, один за другим, кони сбитых с седел всадников, из числа противников и табунщиков. Наконец, уцелели только трое всадников. Это Кулан, Булан и Сатай.

Настигнув двух разбойников, Сатай вначале отбивает от них группу уводимых ими коней, а затем бросается на них самих, повелительно кричит:

- Слезай! Сдавайся!

Но воры нападают на него разом. А Сатай, нанося быстрые, меткие удары по голове Кулана, сбрасывает его с коня... И только занес он свой соил над головой Булана, успел ударить противника, но тут же раздался выстрел Булана...

Перед своей лачугой напуганная Алуа, дрожа от холода, глядит в ночную темноту...

— Папа! Ага!.. Папочка! — шепчут ее губы.

Она прислушивается к каждому звуку. Доносятся до нее удары соилов, топот коней. Отчаянное ржание табуна. Все лают собаки — мешают различить ей нужные звуки... Она как бы молит... “остановитесь”, “тише”, “что с папой?!” И тут раздается выстрел в ночи. Вдали, в той стороне аула, куда пристально глядели ее расширенные глаза, блеснул зловещий огонек. “Папочка родной!” — воскликнула Алуа.

Лежат на земле сраженные братья-разбойники Кулан и Булан. А возле них лежит раненый и окровавленный Сатай. Над его головой, обнюхивая своего седока, стоит белый жеребец с низко опущенной головой.

* * *

В бедной лачуге, на убогой постели лежит умирающий Сатай. У изголовья сидит мать, заливаясь слезами. Обняв грудь отца, рыдает дочка Алуа. Еле шевеля губами, Сатай выцеливает слова:

— Несчастные мои! В могиле остается мать. Сироткой с колыбели остается дочь. Нет у ней матери, а сегодня умру и я. Оставлю вас у чужого порога. Хоть бы у людей оставил... Нет, у логова хищных зверей, у волков... Кто вас пощадит, кто защитит вас? — глаза Сатая останавливаются на маленьком человеке у входа. Этот человек, по лицу взрослый, но телом шуплый, тощий и необыкновенно маленький — Сексек. Сатай продолжает говорить:

— Единственный сородич... вот Сексек... Но... что толку! Сексек утирает слезы рукавом:

— Умрешь ты, не считай и меня за живого. Какой толк из меня... я и сам остаюсь сиротой, хуже Алуы...

Сатай в предсмертной агонии. Закружилось, растворилось все в какую-то туманную, неразличимую массу. Из

его уст вырываются слова борьбы: “Сдавайся!”, “Слезай!”, “Слезай!”.

Перед его глазами мелькнула голова белого жеребца, а напротив его чернобородый огромный барымтач, занесший соил для удара. Схватился с ним Сатай и видит, как постепенно лицо противника превращается в волчью морду с раскрытой хищной пастью, накинувшуюся на Сатаю.

Но из этой волчьей морды вдруг вырастает лицо молодого бая Догала. Он кинулся с руганью на Сатаю. Но они оба схватились за кистень, борются, чтобы вырвать его друг у друга. Картина прошлой ночи. Мелькают перед Сатаем, сменяя друг друга, лицо Догала и волчья морда... и скоро они задержались мраком. Оборвалось дыхание у большого. Погиб человек.

Лежит без памяти Алуа. Согнулась в тяжелой кручине, будто переломленная, старуха Жанат.

Понесли труп отца на могилу.

* * *

Опять на той же убогой постели лежит в предсмертных муках старуха Жанат. Возле нее одинокая Алуа. Она чуть выросла, на лице неизбывное горе. На глазах слезы:

— Бабушка, бабуся... на кого ты меня одну-одинешеньку покидаешь? Бабушка моя!

Иссохшие губы старухи шепчут ей заветные слова:

— Родимая... Птенчик мой! О, господи... ты так жесток, беспощаден?!.. Нет... Нет... никого нет! Но будь крепка, несчастная моя... Крепка и упорна... Запомни: “Не мольбой защищаются, а борьбой”... Будь такой, как мой Сатыш, твой отец — сильной, могучей... Что я скажу тебе еще?

Алуа в изодранном платье, с растрепанными волосами, чуть вытянувшаяся, берет в руку лопатку, поданную Сексеком, бросает в могилу бабушки последние горсточки земли. Похоронена и она, ее бабушка.

— Бедная бабушка!.. Нет уже и тебя!

Бредет по голой, безлюдной степи одна, она сиротка.

Босоногая, с непокорной взлохмаченной головкой идет, в горячих слезах, шестилетняя сиротка Алуа.

Вдали от нее бредет горестный Сексек.

А в байском ауле веселое оживление, суматоха. Дымят и кипят самовары у земляных очагов (*жер ошаков*), варится мясо в многочисленных огромных, круглых котлах (*казанах*). Между большими белыми юртами высоко натянуты арканы (*керме*), к ним привязаны оседланные, упитанные кони. Мечутся услужливые слуги, служанки. В большой, богато убранной коврами, шелковыми пологами, одеялами, вышитыми подушками юрте молодой бай Догал ухаживает за гостями... Тут молодые богачи, их горделивые, холеные жены...

Не помня себя, не ведая о том, куда зашла, идет, громко плача, Алуа. Гости в юрте бая, услышав ее рыдания, удивленно переглянулись...

Заглянув в двери, Алуа увидела веселую, беспечную компанию гостей, развалившихся на подушках.

А на высокой кровати полулежит холеный байский сын Мардан в гимназическом мундире. Торчат жесткой щетиной его волосы, подстриженные ежиком. Возле него сидит красивая невеста, лаская джигита. Мардан балуется, пуская клубы папиросного дыма в личико женщины. Она захлебывается и кашляет, смеясь.

Увидев плачущую девочку у двери юрты, Мардан соскочил с кровати.

Глядя исподлобья на Алуу, зашагал важно в ее сторону... Тонкий, затянутый в нарядный мундир юноша то закидывает руки назад, то засовывает их в карманы, грозно предстает перед плачущей девочкой. Топнув ногой, он приказывает ей замолчать.

— Бабушка... единственная бабушка умерла! — плачет Алуа.

Но подошел к ней Мардан, отталкивает от юрты.

— Умерла, так пожалуйся богу... не только твоя бабушка, но и покрепче умирают!.. Не мешай людям. Иди! Уйди подальше! — отгоняет он девочку.

Алуа на изодранной постели бабушки. Она вдруг падает на подушку. Пусто, одиноко в бедной лачуге.

Лишь один Сексек вносит немного сухого кизяка в юрту. Покачал головой, глядя на плачущую девочку, погладил ее по лбу.

II часть (1926 год)

Алуа выросла, ей около 14–15 лет. На ней рваное платье и изодранный камзол.

В большой юрте бая Догала около узорного чия (*ширмы*) Алуа крутит за ручку большую бочку маслобойки... Усталая, с изможденным лицом, она трудится беспрестанно, тяжелый труд не под силу ей, крупные капли пота льются с ее озабоченного лица.

В юрту вошли нарядные гости, их привел сам бай Догал.

Здесь щегольски одетый, высокий Сеит, бородач Жакеш с заплывшими узкими глазами, горбоносый, костлявый безбородый Байыр и толстый коротыш мирза Сартай и другие бай и мирзы помоложе...

При появлении гостей холеная байбише, старшая жена бая, делает знак Алуе – войти внутрь узорной изгороди в юрте и работать там.

Устроившись там, Алуа продолжает свою работу.

По приказанию байбише, Алуа выходит из-за чия обслужить сидящих полукругом баев. Она носит в одной руке небольшой тазик, а в другой держит кувшин, из которого поливает на руки гостей... То наклоняясь, то поднимаясь, она переходит от гостя к гостю. На ее фигуру и лицо обратил свое внимание Сартай. Указывая на девушку, толкнул соседа Байыра, шепчет ему на ухо...

Теперь обратили свои жадные взоры на Алуу все остальные мирзы.

Попивая кумыс из узорных чашек, закусывая горячим кавардаком (*жаркое*), бай заговорили об Алуе.

Сартай обращается к Догалу:

– Мирза Догал, чья же дочь эта девушка?

Вопросительно глядят на Догала и другие гости.

Догал понял их, рассмеялся.

– Она дочь давно погибшего нашего табунщика, сейчас наша служанка. На что она далась вам?! – смеется он.

Сартай наклонился к Догалу и продолжает, состроив сластолюбивую мину:

– Дорогой Догал, душа соблазнена, ведь чувствует же твое нутро... Ее-то, бедную, одеть бы получше, освободить бы

от тяжелых трудов, да взять бы в белую юрту, да холить бы, как птенчика... – хохочет он. Его поддерживают дружным смехом опьяневшие мирзы.

– Как ее имя? – спрашивает Сартай.

– Алуа...

– Алуа... Алуаш!.. Носить только на ладонях и ласкать, ласкать бы без конца...

Услышав свое имя, Алуа озирается испуганно. Дальнейшие речи она слышит, продолжая свою обычную тяжелую работу, слушает, презирая и пугаясь этих людей.

Сеит, поглаживая свои холеные усы, высказывает решение:

– Ну, за что же, однако, страдать-то? Девушка в руках мирзы Догала, все в его воле... Соблазнится кто-нибудь из вас, решитесь и возьмите ее второй, третьей женой и все...

Сартай говорит с азартом:

– Истинно... возьму... Отдашь, Догал, или нет?

Догал, сидевший молча и посмеивавшийся над своими гостями, заговорил решительно:

– Нет! Я сам возьму ее младшей женой – токал! Вырастил, выхолил лисичку и отдай ее чужому, за что? – хохочет он нагло...

Испуганная, возмущенная Алуа вскочила, но села вновь. Не будучи в силах убежать, вновь принимается за работу.

Пожилой человек, единственный старший среди гостей, бросает реплику молодым мирзам:

– Вы торгуетесь за девушку? Один соблазнен, другой забирает. А где же будет при этом советская власть?

Алуа прислушалась к этим словам с надеждой.

Осеклись баи... Один из них добавил:

– Что скажете суду, следователю?.. Они ведь близко.

Сартай теперь подтрунивает над Догалом:

– А-а, бай, ну, как теперь? Не мне, так и не тебе, выходит?

Алуа слушает с презрением.

Входит в юрту Жаппар... приветствуя старших гостей, он сел в их кругу.

Догал угощает его кумысом.

Сеит снова завел прерванный разговор:

– Вот приехал человек советской власти. Спросите у Жаппара – разрешает советская власть взять новую жену сверх прежней?

Его просьбу поддержали другие:

– А, ну-ка, пусть скажет Жаппар!

– Ты хоть и не власть сам, но около нее! Разрешает или нет?

Жаппар снял легкий малахай свой, у него зачесанные волосы, это красивый юноша.

Он заговорил тихо, спокойно:

– Вы, вероятно, слышали и сами... Правда, что власть не разрешает калым, насилие против воли! Ныне это уже не слова, а дела. Чего же вы прикидываетесь несведущими? – усмехнулся он.

Догал засмеялся, передразнивая Жаппара:

– Ну, положим, и теперь кто захочет – возьмет, кто согласится – выйдет! Где же этот Сексек... позвать его сюда!

Испуганная Алуа вскочила снова. Она вышла за ширму... Удивленные мирзы уставились на нее. Алуа остановила взгляд на Жаппаре... И он тоже впился взором в ее красивое, встревоженное лицо. Чуть задержавшаяся Алуа пошла плавной, красивой походкой к выходу.

– Вызвать Сексека! – кричит ей в спину Догал.

– О, птенчик! Птенчик белокрылый! – страстно вздыхает Сартай.

Напившись кумыса, уходит Жаппар.

Входит в юрту истощенный, в изодранной одежде Сексек...

Догал приказал ему:

– Садись!..

Полупьяный Догал заговорил бесцеремонно:

– Ну, Сексек! Длинный разговор у нас с тобою! Соглашение! Коротко – твоя сестра Алуа стала невестой. А вырастил я сам. Не будь меня, не помни я бога, разбрелись бы по свету... А теперь решил сам же взять эту твою сестру... Коротко, мне нужно твое согласие... Вот перед этими почетными людьми скажи о своем согласии... Встанешь с этого места моим шурином. Шурином Догала ты станешь! – он смеется,

наглый, самоуверенный. Его друзья – баи – смеются также нагло, поддерживая Догала.

– О, сват Сексек, тебе наше почтение!

– Да будет свято наше сватовство!

– Какое это счастье – иметь шурином Сексека!

– Самому счастливому только и быть в родстве с Сексеком.

– Ну, мы тебя слушаем, ждем тебя, шурин Сексек! – насмеваются надменные гости бая.

А Сексек сидит молча, поглядывая на них, затем, приподнимаясь на колено, заметил Догалу:

– Мирза, меня нет в этом разговоре! – сказав это, замолчал.

Догал смотрит с угрозой:

– Как ты сказал?

– Нет меня, я не при чем!

– И что хочешь сказать?

– Сверх двух жен возьмешь не меня, а Алуа, так возьми согласие у нее!

– Я прошу вначале твоего согласия... Будешь согласен ты... никуда она не уйдет!

Сексек шарахается испуганно:

– Не дай господи... Оставьте, оставьте, мирза! Нет, нет, оставьте насмешку... Меня нет тут! – хочет уйти из юрты.

Догал крикнул вслед:

– Как ты сказал, собака?! Остановись, стой!

Сексек убегает.

* * *

Как в день смерти бабушки, на той же рваной постели Алуа сидит в слезах. К ее юрте приближаются нарядные пожилые женщины.

Надменно, насмешливо оглядывают они бедную юрту.

Полная смуглая баба решительно шагнула внутрь юрты. С лукавым, обманчивым лицом вошли и другие женщины, они подносят Алуе наряды. Девушка оторвала свое лицо от постели. Все ее существо выражает сейчас решительный протест. А женщины заговорили, одни наставительно, другие строго, повелительным тоном:

– Не бывает девушки без замужества!
– Порадуйся счастьем своим!
– Какая беднячка достигла такого счастья?...
– Подумай только – чьей ты будешь женой-то...
– Не третьей, а даже седьмой женой пойдет за него любая ханша...

Но упряма Алуа в своем протесте. Она выкрикивает в лицо старухам:

– Не надо мне... Пусть погибель этому счастью! Не пойду, не пойду за него. Слышите, я не согласна!..

Но женщины набросились на нее, разорвали ее старую одежду, насильно напялили на нее принесенную ими одежду невесты.

– Мы поведем, поведем тебя вечером в молодую юрту Догала!

А на краю байского аула в молодой белой юрте высокая кровать с костяной резьбой, шелковый полог, богатое убранство на стенах, на полу. Здесь расхаживает пополневший, с холеной черной бородой бай Догал.

Вошла к нему полная смуглая баба, бывшая в юрте Алуы.

– Да будет удачлива твоя птица, дорогой!* Сказано: “Достойного и под овчиной узнаю”, точно так же твои глаза верно угадали ее красоту под лохмотьями. Какое только счастье выпало этой сироте и нищей! Стоило надеть ей твои наряды, как стала точно гурия.

Догал одаряет ее деньгами.

В ауле приготовления, съезжаются гости. Среди них мужчины, женщины разных возрастов.

– Догал женится!..

– Новую токал (*молодую жену*) выбрал!

– Говорят, она краше всех жен... – переговариваются между собою гости...

К Алуе, мечущейся в юрте, входит усталый, удрученный Сексек. У него теперь маленькая жиденькая борода. Оглянув Алуа, он то восхищается, то печалится вновь. Очень красива девушка в этом богатом наряде. Но у ней на глазах слезы.

* Обычное приветствие по случаю женитьбы.

– Пас верблюдов. Все пасу их табун...

Алуа рванулась к нему, заговорила в отчаянии:

– Не выйду замуж за Догала, за собаку! Это он убил моего отца, одинокого отца моего. Про него сказал папа, умирая, что это хищный волк. Не забыла я это... не продамся... Умру, но не пойду замуж. Лучше покончу с собой, повешусь в этой несчастной лачуге, на этом аркане бедной бабушки моей.

Схватив со стены “жель-бау” (*арканы, скрепляющие верхнюю часть юрты*), накидывает петлей себе на шею, хочет повеситься...

Сексек с криком бросается спасать ее, не может вырвать веревку из ее рук... но догадывается своим ножом перерезать аркан и тем самым помешать девушке повеситься.

Нагнувшись над упавшей Алуой, он говорит с жаром:

– Послушай, только послушай меня! Ведь с новостью я пришел к тебе. Кажется мне, что я привез добрую весть для тебя. Не от меня подмога тебе... Какая польза от меня? Но вот сегодня в поле я встретил человека. Такой особенный джигит... Но какой только джигит-то! – расхваливая этого человека, он забывает о своем деле: – Всем джигитам на зависть... Как ягодка, дунуть и в рот положить...

Гневная Алуа быстро оглянулась на него:

– Разве я джигита просила у тебя? Скажи хоть, что дальше?

Сексек опомнился и рассказывает торопливо:

– Да, да, об этом!.. И ты послушай – как можно спастись-то.

Алуа встала, схватила Сексека за плечи, торопит его с рассказом...

* * *

...Пастух верблюжьего табуна Сексек прилег к горбу своего верблюда и играет на сыбызгы (*род флейты*) грустную мелодию. Услышали ее пастухи овец... Трое таких пастухов: Назарбек, Бейсен, Оспан едут на волах в сторону Сексека.

– В поле рыдает его сыбызгы, а в доме – сестра... Видели вы несчастного Сексека? – говорит пастух помоложе. Это Бейсен.

Старший из этих пастухов Назарбек машет рукой Сексеку, зовет его.

Пастухи, батраки Догала, сошлись угрюмые, печальные. Заговорил Оспан:

— Избили, покорили тебя, исторгая ее слезы, принудят Алуа... неужели так и вышло, что от пешего пыли не видно, от одинокого голоса не слышно?

Сексек зарыдал, сидя на своем верблюде.

— Как быть? Как быть? Посоветуйте хоть что-нибудь...

Отвечает ему Бейсен:

— Все мы знали Сатая, одинокой сироткой осталась Алуа... Если она не согласна, то ведь есть только один путь спасения... Надо же сказать ей об этом...

Назарбек недоверчиво:

— Какой путь? О чем ты говоришь?

— Пусть бежит к советской власти...

— А точно спасет ее советская власть? — спрашивает Оспан.

Понукая своего вола, энергично двигаясь на нем, Бейсен говорит уверенно:

— Спасет она... Это власть бедняков и обиженных... Кого она защитит, как не таких сирот?

Назарбек не скрывает своего сомнения:

— Да кто знает... Как бы и там не опередил конь Догала... Законы знает он, и хитрости все ему ведомы. Разве легко вырваться из его петли? Зря пострадаешь, Сексек.

Бейсен говорит с возмущением:

— Ну брось ты пригнать к земле, как верблюда... Из-за таких вот напастей все не решаешься поехать и пожаловаться советской власти... Сидим вот на байском проклятом скоте... (*Ударяя вола по уху.*) Зиму и лето сидим, пасем его добро, а за шесть лет не имеем никакого заработка. Все батраки, решительные люди говорят, уже получают свою долю от многих таких баев, как Догал.

Оспан согласен с Бейсеном:

— А мы только покоряемся по-прежнему. Оскорбляют — терпим, бьют — переносим... Скажи, Сексек, передай хоть через людей о своей обиде... Расскажи о горе девушки...

– Не сделаешь этого и не мужчина ты... – подкрепил слова Оспана Бейсен.

Назарбек покачал головой, повернул своего вола:

– На гибель Сексеку вы это говорите... От Догала и сам бог не избавит!

Он отъехал, остальные двое пастухов едут рядом с Сексеком.

Сексек заиграл на сыбызге прежнюю грустную мелодию свою.

Пастухи видят верхового. Он выехал из-за холма, едет навстречу.

Бейсен и Оспан узнали его. Советуют Сексеку торопливо:

– Сексек, посмотри сюда... Запомни этого джигита!

– Он приезжал, верно, к своим родным... А работает он в одной советской канцелярии... Зовут его Жаппар! Мы отъедем от вас. Поговори-ка ты с ним, расскажи про сестрино горе. Он и посоветует что-нибудь.

Сексек один. Он снова затянул свою печальную мелодию.

Далеко уносится в степь эта печальная мелодия. Услышал ее одинокий молодой джигит и остановил коня.

– Это что за кюй? – спрашивает джигит.

– Это кюй Алуы... Песня прощания моей племянницы Алуы.

Наигрывая снова, Сексек льет слезы. Он рассказывает джигиту о горе родственницы: услышав имя Догала, джигит встревожился.

– О-о, если Догал – это не шутка...

Тут же он вспоминает Алуу, эту девушку в рваном камзоле, но красивую, стройную, он хорошо помнит – видел.

– Постой-ка! – вдруг хитро глянул он на Сексека. – Ты смотри, никому не говори, что этот совет дал я. Сестру ты можешь спасти. Вот за теми дальними черными холмами есть урочище Сары-Булак, большой аул там. И там же есть советский суд, исполком, союз кошчи... Там же есть такая красная юрта... Ты вообще слышал про советскую власть? А?

Сексек с раскрытым ртом, быстро замигал и неуверенно кивает головой.

- Слышал.
- Ну вот... А ты слышал, что она спасает девушек от насилия?
- Слышал, да мало, мало...
- Так вот, бери свою сестру в эту же ночь и бегите туда...

* * *

...Ночью, около группы лежащих верблюдов проходят, крадучись, двое.

– Этот вот, быстроход... На всех ведь я скакал... Давай, садись.

Сексек подсаживает Алуу на верблюда, сам садится позади нее... и они отъезжают от ночного аула. Услышав собачий лай, Сексек пригиная плечи Алуы, шепчет: “Нагнись! Нагнись!”, а сам так прилег на бок, что между горбами верблюда его почти не видно. Его выпученные пугливые глаза все чаще ворочаются в сторону аула.

– Да нагнись, нагнись! Ну, какая ты громадина! – приговаривает он, стараясь наклонить Алуу к другому боку верблюда.

Алуу замечает с сомнением:

– Что толку – нагибаться или нет? Верблюда видно же, как гору?!

– Как ты не понимаешь?.. Лишь бы людей не видно было на нем... А про верблюда подумают, что пошел щипать траву...

Они вдали от аула, кругом безлюдно... Погоняя верблюда, Сексек уже приговаривает с удовлетворением:

– Так лучше, чем бежать на коне...

– Но погонятся на коне – быстро настигнут нас...

– Ничего... Раз кони целы в ауле, не подумают, что бежали на верблюде. Скажут, что спрячутся где-нибудь под яром возле аула. Не станут искать вдалеке. Вот ведь как хитро придумал Сексек-то. Пока проснется аул, мы перевалим через черные холмы.

В ночном ауле бая Дулата суматоха. Торопливо носят бабы. Сбегаются к опустевшей лачуге Алуы мужчины.

Озлобленный, нервный прохаживается бай Догал. Он шагнул в молодую юрту, сорвал полог, раскидал в ярости одеяла, подушки. Схватил плетку. Забежал в большую юрту и накинулся на старшую жену:

– Куда задевала? Ты ее спрятала?!

Сердито отворачивается от него горделивая, полная байбише (*старшая жена*). Хлещет ее плеткой бай. Кидается в юрту второй жены. Там красивая, высокая женщина с холодным лицом. Насмешливо глядит она на раздраженного мужа.

А муж заревел:

– Куда ты задевала ее? Вы надоумили ее бежать? Где она?

Но она не отвечает, а только насмехается над мужем. Ее тоже осыпает ударами плетки бай. За его спиной, выглядывая из юрты, насмешливо глядит старшая жена.

На улице Догал собрал пастухов, слуг, соседей.

– Где кони? Все ли в ауле?

– Кони тут. Все в ауле.

– А конь пастуха? Может, бежала на нем?

Оглядываются люди и видят, что и серый конь пастуха щиплет траву возле юрт.

– Кони целы...

– Бежала пешком?

– Пешком...

– Ну, так где-нибудь тут, поблизости она...

Так успокоительно толкуют люди, и Догал приказывает:

– Так, вероятно, прячется где-нибудь под яром.

Ищите... приволоките ее ко мне до зари... Бежать от меня? Нет, от меня не уйдешь!.. Бегите, тащите ее!

* * *

Днем между юртами бая и за аулом стоят на привязи оседланные кони. По их сбруе и по виду заметно, что это кони богачей.

В юртах собрались аксакалы, холеные бай, чалмоносные муллы, хаджи – степные воротилы.

На устах у всех слова гнева, осуждения новшеств в степи:

– Отбирают жен?.. Сбивают их с пути, подзывают тайком!

– Губят семьи!

– Все творят судья, следователь, власть...

– Сами власти возвращают женщин!

– Что спрашивать с народа, когда сами поступают так!

– Пусть теперь пеняют на себя!

Напившись из многих огромных пиал кумыса до отвала, эти баи выкрикивают угрозы властям и, наконец, разъяренной толпой бросаются к коням. Скачут, вооруженные соилами, шокпарами, в сторону черных холмов. Их многочисленная ватага, взяв в свою гущу бая Догала, несется, как в набег, в погоню за Алуой...

...Алуа и Сексек приехали на своем верблюде туда, где расположились советские учреждения. Они идут к большой юрте, у входа которой поднят красный флаг, а на двери вывеска “Облисполком”... Заглянув только в дверь, Сексек идет дальше. Впереди новая большая юрта, там Народный суд... Не решаясь войти и сюда, ведет Сексек Алуу еще дальше. В следующей юрте он видит своего знакомого, сидящего за высоким столом сбоку... А у самого переднего угла другой большой стол, за ним сидит человек начальственного вида.

Увидев своего знакомого, Сексек быстро потянул Алуу назад на улицу и громко зашептал ей скороговоркой, расхваливая джигита.

– Он! ...Вот он! ...Он самый!.. О нем я говорил вчера. Смотри. Какой джигит! Назови хоть джигит, хоть девица-красавица!.. Как ягодка – только подуть и в рот взять!..

Они снова входят в юрту. Сексек потянулся к джигиту, но тот, узнав Сексека, напустил на себя холодную важность. Но сам беспрестанно поглядывает на Алуу.

Эта юрта оказалась канцелярией следователя Сапара.

Расспросив Сексека, следователь узнает об Алуе, о ее ходатайстве спасти от бая Догала. Следователь говорит приветливо. Обратившись к Алуе, он спрашивает:

– Как вас зовут?

– Алуа!...

– Вы хотите получить себе свободу?

Алуа смущена. Она говорит очень тихо, боязливо.

– Да, ага. Я говорю так и боюсь!..

Замолчала и заплакала тут же. Сапар подошел, подсел к ней, старается заговорить с ней мягче:

– Чего и кого ты боишься? Расскажи все. Ты была просватана?

– Нет. Но хотел взять, не просватав.

– А кто это? Как его зовут?

– Это Догал. Я у него с шести лет служила рабыней.

Отец погиб от пули, когда пас его табун... Захотел взять насильно третьей женой. Бежала. Побежала к советской власти... Но я боюсь... догонит... отберет снова... Скажите, агажан, вы советская власть, да?

Сапар ласково улыбается.

– Не вся советская власть... Но один из ее людей...

И по поручению советской власти я буду защищать тебя.

Алуа метнула в его сторону глаза, наполненные слезами:

– Это правда? Ага, ага, родной, советская власть, отец родной! – то улыбается, то плачет она вновь.

Сапар погладил ее по волосам:

– Мы защитим тебя и не дадим обидчикам, насильникам.

Но сговоримся с тобою заранее. Ты запомни, что я скажу тебе теперь. Бай Догал постарается не выпустить тебя. Возможно, что он и прискачет сюда. Обманом или испугом он задумает тебя взять. А ты будешь говорить лицом к лицу с ним. Мы спросим тогда у тебя: “Хочешь ли ты идти замуж за Догала?” И ты не пугаясь, не смущаясь, скажи тогда то, что сказала мне сейчас. Советская власть защитит тебя, но она тебе советует, чтобы ты и сама защищалась от врага... Понятно?

– Понятно! – ответила Алуа тихо, в ее задумчивых глазах теперь нет слез. За ее спиной стоит Сексек, беспрестанно кивая головой Сапару, он добавляет:

– Мы поняли, дядя, советская власть!

– Так пройдите сейчас в красную юрту... Пойдемте, я покажу вам ее!

Следователь хочет идти сам... Но, видя такой теплый прием этих людей со стороны своего начальника, подсакивает к ним тот самый джигит и предлагает свои услуги:

– Позвольте я... Я провожу их?

Группа стоящих на улице людей, увидев Алуу с Сексеком, начала толковать вслух.

– Эта девушка, бедняжка, тоже, видно, приехала за свободой!

– Недаром от следователя вышла!

Алуа слушает это и смущается. А Сексек, идущий позади нее, закивал головой, подтверждая догадку человека.

Тут же раздался второй голос из группы сидящих:

– Девушка хороша, но джигит-то у нее не ахти как...

– Бежала от лысого к плешивому... Что толку от такого молодца!

А Сексек добродушно смеется в ответ.

Жаппар привел беглецов в красную юрту. Здесь самое лучшее убранство. Посредине юрты большой длинный стол, на нем журналы, газеты, книги. По стенам висят портреты вождей, лозунги.

Заведует красной юртой высокая, красивая русская девушка с золотистыми косами и большими глазами. Около нее трое казахских девушек. Одна постарше других, Саруар – учительница, остальные две девушки молоденькие, по виду похожи на Алуу.

Жаппар поясняет русской девушке Нине про Алуу.

Нина сама подошла к Алуе:

– Молодчина девушка! Бежала? Хорошо. Третья жена старого бая! Позор! Здесь ты свободна. Не бойся.

Алуа смотрит на Нину, удивленно, но с доверием.

– А я все равно боюсь. Бай Догал сильный, у него много людей.

Сексек также поддакивает ей, боится и сам:

– Он избивает, не жалеет... насилует кого угодно!

Нина, усадив их обоих около себя, повернулась к Алуе.

– Все не так. Бай Догал был сильным перед одинокими бедняками. А советская власть не испугается его. И не даст ему тронуть вас... Да еще накажет его, скажет – зачем обижал вас?!

Сексек наступает со своими вопросами:

– Значит, Догал нам не хозяин теперь? И мы можем уйти от него?

Нина говорит, улыбаясь, успокоительно:

– Догад не хозяин вам. А скоро, наоборот, вы сами (указывая на Алуу и Сексека) будете хозяевами всего: земель, скота, юрт, зимовок! Всеми хозяевами будете вы сами!

Алуу рада. Она благодарно, доверчиво прижалась к Нине:

– Мы? И скота, и юрт – хозяева?!

Нина кивает ей:

– Станете хозяевами еще большего!

– А что же еще большее? – спрашивает Сексек.

Нина показывает им на портрет Ленина:

– Посмотрите на этот портрет, это ведь Ленин! А он сказал: “Пусть каждая кухарка научится управлять государством”.

– Чем?.. Чем?... – переспрашивают Сексек и Алуу.

Нина переглянулась с Саруар, и Саруар говорит по-своему:

– Управлять мемлекет!*

– “Менмен”, – хочет повторить Сексек, не понимает.

Нина догадалась по-своему и добавляет:

– Пусть научится управлять советской властью, – сказал Ленин! Понятно?

Алуу рассмеялась, кивнула Нине. Сексек и Алуу подошли к портрету Ленина.

– Одно имя твое благо, да стану жертвой духа твоего, родной, – говорит Сексек.

А Нина обняла Алуу и повернула ее.

Она ласково потрясла Алуу за плечи, подвела ее к столу, усадила и поручила Саруар записать данные о ней.

Саруар тоже приветлива с Алуой, записывает. Тут подошел к столу и Сексек и с удивлением смотрит на то, как пишет на бумаге казашка Саруар.

Покончив с Алуой, Саруар усадила и Сексека, она принимает его за жениха Алуы. Называет его “жезде” (“зятек”).

– Как ваше имя, жезде?

– Имя мое Сексек.

* Мемлекет – арабское слово – означает государство.

Саруар и остальные девушки засмеялась. Засмеялись и любопытные слушатели.

– И вправду, на самом деле мое имя Сексек...

Саруар не может скрыть удивления:

– Да разве бывает такое имя?

– Не бывает... Но, видишь, меня так прозвали...

– Как прозвали? А ваше имя, данное вашим отцом?

Сексек разочарованно махнул рукой.

– Ну, да и отцовское имя не больно красивое – назвал Жумир... Круглый... Круглый... да что я, печка или арбуз, что ли? Что подвернулось на язык, то и дали. Наоборот, Сексек еще имеет смысл, тут есть причина.

Люди вокруг прислушиваются к нему, смущенно слушает его и Саруар. А Сексек рассказывает:

– Прозвали Сексеком потому, что я долгие годы пас коз в ауле бая Дулата. А казахи называют духа, покровителя козьего стада – Сексек-ата. Но величать меня “ата” дед не захотел и дал вот половину имени святого.

Саруар спрашивает его дальше.

– Ну, а вы согласны вступить в брак с Алуой?

Тут засмеялись Сексек и Алуа. Сексек отвечает с важностью:

– Ну, зачем же... На что мне брак с Алуой? Ведь она сестра мне...

Люди засмеялись с удовлетворением. А Саруар уже не понимает, в чем же дело.

– Так как же тогда?...

Сексек тут поясняет:

– Да так, сестра решила бежать, а я не смог ее оставить. Да остаться около такого волка, как Догал, после ее побега у меня не хватило духа... Боялся, что задаст такую порку... Потому и решил бежать вместе...

Люди прислушались к нему понимающе.

А Сексек рассказывает:

– Жены и детей у меня нет. И у Алуы нет родственников, кроме меня. Ну вот – бежала она, бежал и я.

Нину поражает его объяснение.

– Но ведь вы могли уйти и без побега?

– Нет, свобода нужна Алуе, нужна и мне... Не уходи теперь, – я не избавляюсь от Догала. Сызмальства я вырос

у их порога. За своего меченого раба считает. Сколько пробовал сбежать в детстве и каждый раз словит и лупит, а потом заставит стадо пасти. Снова прошу – дайте свободу Алуе, дайте и мне. Запишите и за мной свободу... Теперь умру там, где умрет Алуа... Держусь за ее подол, как за храброго...

Люди смеются над ним. Смеется и сам Сексек.

– Хотите – смейтесь, скрывать что ли мне свою правду... Буду как кукушка за жаворонком, всюду следовать за Алуой. Кукушка кладет свое яичко в гнездо жаворонка, а затем огромный птенец кукушки так ведь и ходит за маленьким жаворонком. И мы будем так же...

Девушки спрашивают Сексека.

– Есть ли у вас какое-нибудь мастерство? Что вы умеете делать?

Сексек отвечает с удивлением:

– Какое еще мастерство! Ничего не умею! Разве все люди имеют мастерство? Бывают же люди вовсе никакие не мастера.

Люди начали насмехаться над ним. Это задело Алуу... наклонившись около Сексека, извлекает из-за его голенища сыбызгу (*дудку*) и подает Сексеку. Сексек улыбается.

– Но это не мастерство... а игра...

Девушки и джигиты вокруг стали просить Сексека об игре на дудке. И Сексек затянул замечательную, трогательную, красивую мелодию на сыбызге.

Прискакали к советским учреждениям баи. Говорят громко, возбужденно:

– Девушка тут!

– Пусть выведут ее сюда и не мутят народ!

– Верните нам жен наших!

– Идите, ищите ее... – доносятся дикие выкрики верховых возле знакомых юрт.

Услышав эти возгласы, испугался Сексек. Кто-то сообщает возле юрты:

– Пришла погоня. Прискакал сам Догал! С ним целая ватага!

Алуа заплакала с горя. Забегали девушки. Разошлись мужчины, бывшие около юрты. Сексек мечется по юрте, ищет местечко, куда бы мог спрятаться. Вдруг он

обнаруживает опрокинутый вверх дном огромный котел у стены юрты. Согнувшись в комок, Сексек быстро забирается под этот котел. Только время от времени поблескивают из-под края котла его быстрые, выпученные глаза и торчит кончик его бородки.

Он лежит под котлом, точно зайчик зимой в снежной ямке своей, тревожный и беспокойный.

Спрыгивая с коней, баи спешат несколькими группами в разные канцелярии. Одна их группа вошла в волисполком. Там их встретил молодой работник с невозмутимым, решительным лицом.

— Что, у вас у всех бежали жены?

— Нам нужна беглянка... девушка Алуа...

— Куда запрятали ее?

Председатель волисполкома смотрит с презрением на этих крикунов. Говорит, не отвечая им, а осуждая эту толпу:

— Нет сил в степи, чтобы вырвать девушку отселе!

Баи заговорили сердито:

— Не просто девушка, а невеста!

— Невеста почтенного человека!

— Девушку из помолвки, жену из семьи вырывать не позволим!

— Власть — так пусть будет правая власть...

Председатель волисполкома заговорил в упор последнему крикуну:

— Как ты сказал? Какую власть, с какими законами ты хочешь, говори правду?

Бай снова, не скрывая своей злобы:

— Говорю о законах нашего народа... Пути дедов, шариат и вера наша давняя есть у нас!

Председатель отвечает громко, внушительно:

— По такому пути велишь идти советской власти? Запомните — прошли те времена у вас. И не смейте кричать здесь, не то быстро устроим.

Он оглядел молчаливо упрямые лица баев:

— Волисполком не видел эту девушку. Но заявится она сюда, получит свою свободу и здесь крепко защитят ее.

Крикливые старики баи уходят из этой юрты, как побитые... Так же выходит, не получив ответа, группа людей из канцелярии суда.

Зато в юрте следователя Догал в тесном окружении решительных и упорных аткаминеров ведет переговоры со следователем.

– Да, девушка Алуа Сатаева прибежала сюда! – отвечает спокойно следователь.

Чернобородый бай Жакеш вступает в переговоры за Догала:

– Она была женой нашего мирзы Догала и вышла за него по своему согласию...

– А что, если она ушла, не согласившись быть его женой?

– Это неверно, девушка была согласна, она приняла даже подарки, посланные мирзой Догалом. Что же это значит, как не ее согласие?

Поддерживают Жакеша другие баи.

– Не согласна, так пусть скажет своими устами!

– Пусть повторит при нас!

Загалдели, поддерживая этих, другие аткаминеры:

– Пусть скажет самому мужу...

– Разве советский закон одобряет кражу человека?

– Закон – так пусть защищает не украдкой, а в открытую!..

Оглядев всех этих спорщиков холодным, презрительным взглядом, спокойный и уверенный, ответил следователь:

– А что вы скажете, если девушка заявит вам – сгиньте с вашим Догалом?

– Пусть заявит об этом вот тут...

– Пусть скажет с глазу на глаз...

Следователь делает знак Жаппару и тот идет из юрты.

А на улице, около красной юрты самое большое возбуждение толпы. Часть баев здесь оттеснила от юрты двух милиционеров, окружила их плотным кольцом. А другая группа отчаянных крикунов наступает на юрту, старается заглянуть в нее, раздвинуть кошмы. В юрту доносятся их выкрики:

– Девушка тут! Вырвать ее...

– Вытащить силой!

– Пустите!

Эти крикуны отбрасывают в сторону Саруар и двух остальных девушек, ставших у двери.

А Сексек под казаном не находит успокоения, то и дело пугливо таращит глаза из-под котла, прячется вновь.

Ворвались в юрту безбородый, длинноносый горлан и с ним несколько бородачей аткаминеров.

Алуу прижалась к дальней стене юрты. Сейчас нет слез на ее глазах, больше решимости на лице.

Угрожая своими плетками, кинулись на нее вошедшие:

– А-а, беглянка, попробуй, вырвись!

– Посмей только уйти от Догала!

– Стой! Остановись! Не трогать! – скомандовала тут рванувшаяся Нина. Подскочив к Алуе, она загордила ее своим телом от хищников.

Но враги не останавливаются. Они наступают кучей... И тут Нина выхватила свой браунинг:

– Посмейте тронуть – уничтожу!

Готовые растерзать Нину, остановились насильники в бессильной злобе.

– Убирайтесь вон! Кет! – повелительно указывает Нина левой рукой на дверь.

Безбородый Байыр, главарь здешней группы баев, крикнул в ответ Нине:

– Прочь, так прочь сама!

Он крепко дернул Нину за руку.

Нина отскочила в центр юрты, скомандовала громко:

– Милиция! Сюда, милиция!

Двое милиционеров забежали в юрту. Они скомандовали:

– Стой! Отойди!

Но баи, стоявшие у дверей, оцепили их и не позволяют вытащить оружие.

Разъяренный Байыр снова откидывает Нину, ставшую на пути, кидается к Алуе... Нина снова крикнула с самым решительным видом:

– Отойди! Прочь!

Байыр не останавливается. Тогда Нина выстрелила, целясь над его головой...

Байыр отпустил Алуу, чуть подался назад. Нина снова заслонила собой Алуу и заговорила:

– Возьмете ее, лишь убив меня. А я, скажу вам, баи, не умру, пока не уложу шестью своими пулями шесть человек из вас... так и знайте. Не отдам Алуу!

Обе стороны стояли молча, в упор враждебно глядя друг на друга.

Вошел в юрту Жаппар. Он крикнул на баев, оцепивших милиционеров:

– Отойдите, уйдите прочь! Что за бесчинство? В огонь лезете? Прекратить!

И все баи, как будто смущенные перед Жаппаром, молча покорились ему.

Жаппар шагнул к Нине:

– Следователь требует к себе Алуу. Идите, ведите ее туда!

Безбородый Байыр задержался в юрте и заметил двум другим баям:

– Только Жаппар удержал, запретил... Не он, так посмотрел бы на них!..

Нина, обняв одной рукой Алуу, выходит вместе с ней из юрты, где баи, невольно отстраняясь, дают им дорогу... И на улице Нина, Алуу, Жаппар проходят сквозь враждебный строй нахлынувших с боков противников. Они входят в юрту следователя.

Теперь в этой юрте, кроме прежних баев, еще собралось много других приспешников их. Нина подводит Алуу к столу следователя и сама, отступив назад, стала возле девушек, тоже вошедших теперь сюда. Жаппар садится за стол для ведения протокола.

Следователь Сапар обращается к Алуу официально:

– Сатаева Алуу, правда ли, что вы являетесь женой Догала Дулатова?

Алуу смущенно глядит на следователя, но отвечает отрывисто:

– Неправда.

– А правда, что по своему согласию хотели выйти за него замуж?

– Неправда...

– А чье же платье, одежда на вас? Догал вот заявляет, что это все его дары, что он так одел вас?! Как вы объясните это?

Алуу замешкала с ответом. На лице ее справедливая обида и волнение. Одолевая смущение, она будто решается на сопротивление.

Пользуясь ее задержкой и поддерживая последний вопрос следователя, заговорили баи:

– Попробуй объяснить!

– Скажешь – сама сшила?

– Или достала из сундуков Сатая?

– Пусть назовет того, кто одел ее в такой наряд.

Слушая эти слова, Алуа испытывает все большее возмущение, она смело и осуждающе оглядела лица белобородых, чернобородых баев и решила на борьбу:

– Вначале они сами насильно напялили на меня эту одежду... А мое старое – порвали... А теперь я думаю, что эта одежда моя... Я с детства служила рабыней у байских жен... Мой отец умер, защищая его табуны... А платили нам?.. Нет, ничем не платили... Пусть вот аксакалы, карасакалы скажут перед вами, что это неправда!.. Пусть они еще поклянутся своими душами, что я, моя мать, моя бабушка несчастная и мой отец, отважный табунщик бая, вместе не заслужили вот этого байского барахла на мне! – она кончила, и в юрте наступило молчание.

С удовлетворением вздохнула Нина. Казашки-девушки смотрят с восхищением на Алуу.

Следователь, такой же беспристрастный с виду, официально задает последние вопросы:

– Итак вы, Сатаева Алуа, не хотите быть женой бая Догала, да?

– Вы не считали себя его невестой и не были таковой?

– Нет!.. Нет!

* * *

В красной юрте все еще ползает казан, как огромная черепаха, а из-под него торчит борода, личико Сексека. Теперь все его лицо в саже. Высунувшись, он прислушивается вокруг. Потихоньку выкарабкался из-под казана.

Он кинулся к стене юрты, раздвинул кошмы и видит, как отъезжают от аула разрозненные, побежденные, уже смиренные всадники. А со стороны юрты следователя идут Нина, Алуа, Саруар и другие девушки. С ними Жаппар. Эта молодежь идет сияющая, веселая. Алуа то обнимает, то целует Нину.

При виде их Сексек вынул свою сыбызгу, заиграл весело на ней. А сам веселый, чумазый, поблескивает белками пугливых, но выразительных глаз.

Войдя в юрту и глядя на Сексека, хохочут девушки. Не подозревая нелепости своего вымазанного лица, смеется и Сексек, играя на сыбызгу, приглашает девушек к пению.

Запела Саруар... подтягивает песню и Жаппар.

Алуа сейчас заговорила с двумя девушками. Одна из них говорит:

— И я, как ты. Хотели выдать второй женой, бежала сюда.

— А меня из-за калыма хотели выдать за слепого жениха! — добавляет вторая. — Спасла красная юрта! Нина!

— А что делаете тут? — спрашивает Алуа.

— Учимся!..

— Учимся тут! — и девушки показывают свои книги, тетради. Предлагают тетради Алуа. Она благодарно принимает книгу и тетрадь.

Запела вместе с Саруар, Жаппаром и Нина. Они жестом просят поддержать их пение. Запели две девушки около Алуы.

Смущенная, нерешительная, вдруг запела и Алуа. Но с ее пением влилось что-то чудесное, милое, необычайно красивое в напеве и в тембре.

Участвуя в пении, Нина, Жаппар и Саруар выражают своими взглядами приятное удивление. Одна за другой остановились другие девушки. Теперь поет одна Алуа. Волнующе нежное, юное и чистое раздается переливчатое пение Алуы.

Как птичка, долетевшая погожим вешним днем до своих родимых кустов и веток, поет она, забывши обо всем пережитом.

III часть (1928 год)

Безбрежное море песков. Виднеются кочующие пески, глубокие впадины, песчаные бугры. На пустынном песчаном холме, подгребая землю, воет одинокий волк. Высоко на небе парит обитатель пустыни – коршун. На этой безводной, песчаной пустыне кипит работа сотен и тысяч людей.

В зной, под палящими лучами солнца, среди волнистых барханов Каракумов, неустанно трудятся отряды самоотверженных строителей. В самой передней и самой большой группе рабочих знаменитые украинские грабари, за ними множество тачечников. Налаженный ритм труда руководит их волей, движением и энергией. На многих местах действуют скреперы, то там, то сям видны работающие грейдеры. Здесь же, вытянувшись в ряд, производят работу и экскаваторы “Марион”. Муравьями копошатся массы людей, группами растянувшиеся на многие километры вдоль железнодорожной насыпи Турксиба. По готовой “дорожной насыпи” раскладывают шпалы, готовят путь для рельс. На этом участке работают массы казахских, украинских и русских рабочих. За шпалами, волоча рельсы, быстрыми темпами движется и группа растяжки. С однообразной и непрерывной командой “бросай” швыряют рельсы. Вагонетки с рельсами не успевают подходить к рабочим, занятым кипучей трудовой деятельностью, как они моментально тают в руках укладчиков.

Часто раздаются однообразные голоса дружно действующих рабочих:

- Бросай, бросай! Правая легче!
- Левая сильнее, удар!

За ними, наступая вслед, идет работа заболтовщиков. И у них все движения точные, быстрые, умелые. За заболтовщиками спешат костыльщики. Бронзовые, полуголые тела рабочих блестят на солнце. Перед группой казахских рабочих, укладывающих шпалы, выползают на насыпь несколько змей. Они обвилились вокруг шпал. Они пытаются выползти и там, где лежат рельсы.

К этому участку работы подошла и остановилась легковая машина. Из нее сошли несколько человек и направились к рабочим. Впереди, то и дело снимая кепку, улыбаясь и весело здороваясь с рабочими, идет русский человек, с еле заметной сединой в висках, с полным красивым лицом, с большими глазами. Среди группы людей, занятых работой, послышались голоса:

– Николай Иванович... Николай Иванович идет!

– Николай Иванович опять приехал на наш участок!

С Николаем Ивановичем идет Сапар и еще группа работников. Инженер – начальник участка – докладывает Николаю Ивановичу.

– Хотя и пески, но темпы работы не снижались...

– Обязательство-то, кажется, было три с половиной километра?

– Так точно. В прошедшей пятидневке мы его ежедневно выполняли.

Николаю Ивановичу нравится это, и он, смеясь, поддерживает его:

– Ну, теперь осталось всего только семь километров, после этого освободитесь от песчаного плена, сегодня, завтра – всего два дня, а послезавтра минуете пески, не так ли!?

– Так-то так, Николай Иванович, так бы оно было, но...

– Что но?

– Вода мучает, нет воды!

– На то и пустыня. Пустыня с водой не бывает. Где же колодцы?

– В том то и беда, Николай Иванович, что колодезная вода засолилась, для питья не годится.

– Выройте новые, да побыстрее!

В это время, рядом с Николаем Ивановичем, с разных мест послышались голоса рабочих, занятых укладкой шпал и рельс.

– Вода, вода, Николай Иванович! – восклицают они. От всех рабочих, находящихся в первых рядах, только и слышится одна эта мольба.

Николай Иванович обращается к начальству участка:

– Колодцы-то будут рыться или нет? Их надо было рыть день и ночь.

– Роются, Николай Иванович! – отвечает начальник участка.

– Едемте, покажите их мне.

Они теперь, свернув с железнодорожного полотна, приближаются к группам людей, роющим неподалеку колодцы среди сыпучих песков. За ними ведут на поводу множество оседланных лошадей. В середине движется машина Николая Ивановича. Несколько групп роют колодцы. Когда они приблизились к самому крайнему колодцу, то оказалось, что и там многие знали Николая Ивановича.

– Николай Иванович едет! Николай Иванович! – встретили его они. Среди этой группы находится и Нина Ивановна, на загорелом от солнца лице которой играет веселая улыбка, с задором смотрят ее лучистые голубые глаза. С ней и с другими Николай Иванович здоровается за руку.

– Ну, как с водой? С водой-то как? – спрашивает он.

– Вода близка!

Колодец сравнительно глубоко вырыт. В песке, передаваемом ведрами со дна колодца, чувствуется влага. Проходит еще немного времени, и на дне колодца, просачиваясь, появляется вода. “Вода, вода!” – раздаются голоса.

– Какая на вкус, на вкус-то какая? – кричат сверху находящимся на дне колодца. Оттуда передают ведро с процеженной на дне водой. Все подряд пробуют вкус воды.

Николай Иванович тоже пробует и качает головой:

– Для питья не годится, рабочим нельзя давать, заболели.

На лицах выражение досады и разочарования, все двигаются с места и идут ко второму колодцу, а затем к третьему, четвертому... Везде одно и то же безнадежное положение. Воды нет, одна соль, да и только. В это время начала стягиваться к колодцу вереница телег, тарантасов на двух колесах с бочками, кадками и ведрами, высланные из каждой артели. На боках медленно плывущих верблюдов видны притороченные бочки, вместительные бурдюки.

Все в один голос кричат: “Вода, вода!” Николай Иванович начинает с ними разговаривать. Отвечает длинноротый средних лет рабочий из артели грабарей.

– Николай Иванович, пустыня цепко хватает за ноги. Не отпущу, говорит, люди погибнут от жажды! Что же теперь будем делать?

Николай Иванович с шуткой отвечает:

– Пустыня соскучилась по человеку, наверно, из любви и не хочет вас отпустить!

Слышны голоса людей, приехавших за водой, они, перебивая друг друга, поддерживают шутку. Одни на русском языке, другие на украинском, третьи на татарском, а некоторые на казахском языке отвечают на шутку Николая Ивановича.

– Да, эта пустыня до того крепко любит, что обнимает, как теща после пятилетней разлуки, – говорит русский крестьянин.

– Или как смерть! Словно родная мать обнимает! – шутит молодой украинец. – Если поверить ее любви, то и Днепра не увидишь никогда.

– На кой черт мне любовь этой собачьей пустыни. Если умру, так пусть моя могила будет на берегу Ак-Едиля (*Волги*), – говорит татарин.

– Эх, мой Алатау! Не знал цены твоей прохладной воды. Где же ты, мой прохладный джайляу, где я не мог согреться, даже надев свой чапан, – шутит киргиз.

На слова киргиза с шуткой отвечает казах:

– Не хвали свой Алатау, даром он высится в небеса, однако не может дать воду в эту маленькую, как с ладонь, пустыню. Хоть бы он перенес сюда из рек вроде моего Иртыша. Черт побрал бы эту твою пустыню и твой Алатау. Жадные места, жадные горы.

Николай Иванович смеется на шутки.

– Не хочешь остаться в песках? Откуда же ты сам?

– Я из Сибири.

Николай Иванович, вселяя надежду, говорит, обращаясь ко всем:

– Потерпите, друзья, вода будет, сегодня будет. Найдем воду... Людям, как вы, несущим счастье, пустыня своей жадностью не может явиться преградой. Если даже и попытается преградить нам путь, все равно мы победим. Так и передайте своим товарищам, пусть потерпят, не ослабляют работу! Воду мы ищем, и скажите, что мы ее найдем!

Смело высказав эти слова, Николай Иванович с улыбкой успокаивает людей и, оставшись наедине с начальником участка, Сапаром и Ниной, начинает их журить.

— Эти два дня на протяжении всего Турксиба являются самыми трудными днями. Я скажу, что эти дни будут гораздо труднее тех дней, когда мы боролись со скалами Чокпара в зимний буран. Как вы заблаговременно не подумали! Что теперь намерены делать?

С этим вопросом он прямо обращается к начальнику участка. Начальник участка, не находя выхода, с трудом отвечает:

— Пустыня сурова, жадна, цепко хватает нас за ноги!

Николай Иванович не доволен таким ответом.

— Вы только и думаете о пустыне... У пустыни хотите пощады просить? Лучше бы обратились за советом к народу, населяющему эту пустыню.

Обращаясь к группе казахов, к Сапару и другим, представляющим местных работников, Николай Иванович спрашивает:

— Обитаются ли эти пески в течение года и найдется ли такое население?

— Найдется, Николай Иванович! Мы послали на поиски таких людей, — отвечает Сапар.

— Это хорошо, что послали на поиски, но эти поиски надо было организовать не сейчас, не сегодня, а неделю тому назад, за десять дней, даже за месяц вперед надо было найти и подготовить все своевременно. Эта была ваша задача, начальник участка, и ваша задача, товарищ представитель Таскурганского уисполкома, — обратился он к Сапару. — Эта была и моя задача, — продолжал он, опять устремив свой взгляд на Сапара. — В то время как меня Москва, Совнарком, а вас Казахстан специально выделили на эту работу, мы оба с большим опозданием принимаемся за выполнение этой ответственной задачи. Сейчас необходимо немедленно разыскать местных людей, жителей этих песков. Посадите на лошадей и разошлите во все стороны людей, знающих эти места.

Сапар, Нина немедленно принимаются за это дело. Рассылают двух-трех верховых в разные стороны.

Тут же, неподалеку, стоит прилично одетый казах. Присматриваясь косым взглядом, он в течение всего разговора внимательно прислушивался к словам Николая Ивановича. Хитроглазый, длинноусый и тупоносый Жалтыр, медленно приближаясь к начальнику участка и к Николаю Ивановичу, начинает говорить на казахском языке. Начальник участка и Николай Иванович не понимают его. Подходит Жаппар, как будто случайно попавший сюда посторонний человек. Жалтыр обращается к нему с просьбой переводить его слова. Затем он начинает говорить на казахском языке. Жаппар переводит его слова:

— На впадинах этих песков нашли себе смерть многие караваны с людьми, заранее не позаботившимися о воде, как вот вы.

— Ты нам не говори о погибших, а говори о тех, которые спасались от гибели. Скажи лучше, найдется ли вода?

Жалтыр прямого ответа не дает, он виляет. Хитрые его глаза не спокойны, так и играют. Николай Иванович теперь начинает говорить с ним более осторожно, выпытывая его:

— В песках, бывает, и люди пасутся, и скот. Люди — это казахи! Конечно, и они сами, и их скот поддерживают свое существование водой. Стало быть, и вода есть.

Николай Иванович теперь обращается к нему с прямым вопросом:

— Так вот этой воды не найдешь ли ты сам? За плату нашел бы?

— Если так, то, конечно, можно и найти.

— Так скажи, какую плату ты требуешь за это?

— У нас в степи деньги не в ходу. У населения еще со времен войны не было мануфактуры. На Турксибе без оплаты никто не работает, вы сами тоже, конечно, получаете плату. Так вот, если найдутся чай, сахар, кожа, много мануфактуры для камзолов, для белья и для зимней одежды женщинам и детям, то эти пески не так уж будут жадны, дадут и свою воду.

Николай Иванович смотрит на начальника участка, а потом, обращаясь к Жалтыру, говорит:

— Так вот найди эту воду и твои требования будут исполнены. Найдешь ли ты ее нам сейчас?

Жалтыр отвечает как бы с неохотой:

– Пусть сначала мануфактуру покажут, а потом и воду покажем, говорят эти пески! – отвечает Жалтыр, не веря словам Николая Ивановича и всячески увиливая от прямого ответа.

Николай Иванович, оставшись наедине с Сапаром и Ниной, говорит теперь холодно, суровое выражение на его лице:

– Есть вода в этих местах. Не должно быть, чтобы не было воды. Теперь это ясно установлено. Ну вот вы, вы-то почему не знали, не нашли эту воду? Вы что, с Марса упали, что ли? Не знать и не найти того, что знает население, мучить рабочих без воды – это стыдно и позорно. Немедленно приступайте к розыскам, найдите людей, знающих, где есть вода. Во что бы то ни стало надо найти воду!

Эти слова с гневом были высказаны Николаем Ивановичем. Устыдившиеся Сапар и Нина смотрят вниз.

В это время подъезжает Алуа, посадившая на круп своей лошади Бейсена и Сексека. За ними верхами, на волах и на верблюдах едут несколько бедняков. Нина говорит Николаю Ивановичу, вселяя ему новую надежду:

– Николай Иванович, вот это Алуа – дочь нашего Турксиба! Она родом из этого района. С берегов Актала. Мы с товарищем Сапаром послали ее на розыски аулов среди этих песков. Вот она и ведет с собой местных жителей.

Подъехав близко, Алуа спешивается. Спешиваются также и Сексек, и Бейсен, и приехавшие вместе с ними пастухи, бедняки, вроде Ораза, Байжана, Исмагула.

Николай Иванович, поздоровавшись с Алуой и с батраками, смеясь, говорит:

– Турксиб несет помощь населению песков, а пески оказывают сопротивление, не дают воды, жадничают! Что вы скажете на такое поведение вашей земли?

– Это плохо с ее стороны, – отвечает Сексек. – Испокон веков таково поведение этих песков. Однако, товарищ начальник, хоть пески и плохие, но мы сами не плохие, если пески жадничают, то мы отдадим Турксибу все, что у нас есть. Мы говорим Турксибу – добро пожаловать к нам! Мы дадим все, что от нас требуется, говорят вот эти

батраки. Эй вы, батраки, пастухи! Не так ли разве? Говорите же и вы, чем меня одного распевать!

– Так, так, правду он говорит!

– Мы готовы оказать помощь. Что вы спрашиваете? – заканчивает слова своих товарищей Бейсен.

– Хорошие слова говорите, товарищи! Так вот сейчас укажите нам, где есть вода в этой окрестности. Ваши труды будут вознаграждены вот этими людьми!

Алуа вежливо улыбается на эти последние слова.

– Николай Иванович, наши батраки и без оплаты укажут воду Турксибу.

Сексек и Бейсен, перебывая друг друга, говорят:

– Зачем нам плата?

– И не говорите об этом... Ни одной копейки не возьмем!

– Поедемте! Мы приведем вас к многоводному колодцу, где расположен аул бая, имеющего тысячный табун лошадей.

Бейсен, Сексек, начальник участка, Николай Иванович, Сапар, Алуа и Нина – кто на машине, кто на лошадях, быстро отъезжают в сторону аула бая. Впервые в жизни севшие на машину Сексек и Бейсен, то и дело гладят руками блестящие краски, стекло машины и, качая головой, удивляются. Вскоре вся группа подъезжает к впадине, бывшей недавно стоянкой аула. Бейсен и Сексек с удивлением рассказывают о положении дел.

– Пять дней тому назад здесь стоял аул бая Сартая, выходит, что он откочевал!

– Откочевал!

– Бродят с места на место, и сами сторонятся Турксиба, и других заставляют сторониться.

– Но у них есть колодец! Пойдемте к колодцу!

Люди на машинах и верхом, все гурьбой подъезжают к колодцу. Всматриваясь в дно колодца, говорят: “Вода, вода!” Но Сексек и Бейсен недовольно качают головами и мрачно смотрят.

На дно колодца бросают крючок и оттуда что-то вытаскивают. Это дохлые собака, барсук, суслик, тушканчики, змея и два сурка...

Увидев сурков, Бейсен с гневом говорит:

– Тут все может быть, но только не эти сурки! Какая сила их сюда занесла?

– Знаю, какая это сила.

Алуа стремительно подходит к ним и просит их открыто сказать, чьих это рук дело.

– Скажите, кто это занес? Думаете, что их с коварной целью бросили сюда?

Бейсен, насупив брови, с гневом отвечает:

– Как, по-вашему, если не с коварной целью, думаете, что эти сурки пришли сами, чтобы помочь вам строить Турксиб?

Группа подходит ко второму колодцу и там то же самое.

Николай Иванович, понявший, в чем дело, смотрит на Сапара и на бедняков. За их честный труд он наделяет каждого бедняка подарками в виде мануфактуры, чая, сахара и т.п., начиная от Сексека и Бейсена, всем раздает новую одежду. Несколько растерявшиеся батраки удивленно рассматривают одежду друг друга и довольные смеются. Беря за руку, благодарят Николая Ивановича, обращаясь к Сапару, Нине и Алуе, дают слово.

– Вода будет! Вода, которая не будет для вас, пусть совсем исчезнет! И вода будет, и напитки будут! Пусть Алуа поедет вместе с нами! – говорят они.

Нина, обращаясь к Алуе:

– Как ты смотришь, не лучше ли, если поедем? – спрашивает она.

Алуа советуется с Сапаром:

– Поехать ли вместе с ними или пошлете в другом направлении, Сапар-ага?

Сапар говорит свое решение:

– Мы с тобой вместе с Сексеком и Бейсеном являемся местными жителями, поэтому, видя такое собачество, мы и стыдимся. Мы стыдимся за свой народ, мы должны на деле доказать своим друзьям, что мысли и чаяния нашего народа совершенно иные, чем у этих проклятых баев. Ты вместе с этими батраками иди и установи связь с широкой массой трудящихся. Я запрошу из района людей и буду заниматься очищением этих отравленных колодцев! Ищи воду и ты, буду искать и я. Одним словом, докажем Николаю Ивановичу и всем героям Турксиба, что “в этих песках

таятся не только одни коварства и жестокое сопротивление, но в них есть и добро, и верная дружба”. Это должно быть нашей клятвой. Дай на том свою руку! — сказав это, Сапар быстро удаляется.

* * *

В юрте Догала, жадно опоражнивая огромные чаши с кумысом, гости ведут суровый разговор, их лица мрачны. Здесь присутствуют друзья Догала: Сеит, Байыр, Жакеш, Сартай и мулла с чалмой на голове. Этот старый безобразный мулла, похожий на хищную птицу, с выдающимся кадыком, морщинистой шеей, ведет монотонную речь, будто читает молитву по покойнику.

— Большая партия казахских рабочих с чугунной дороги в Молалы отказалась праздновать Курбанайт, вышла на стройку. А в Или опять казахские рабочие, строители дороги, потребовали закрытия мечети... Осквернили и закрыли божие обиталище Байталла — там и открыли школу для рабочих.

Гневно заговорил Байыр:

— Думаешь, что эта дорога добра? Кому на пользу она? Худа или добра нам ждать от нее?

Догал заговорил решительно, сердито:

— Не на благо идет эта дорога. В покое, вдали от пут города жила долина Актала... И за ворот и за подол хватит нас с вами она.

— Особенно разлагающе она действует на бедняков! — пробормотал мулла, сузив свои глаза и перебирая четки, словно читает молитву.

Сартай, Жакеш, Сеит, перебивая друг друга, поддержали муллу.

— Строители внушают народу, что баи являются врагами бедняков.

— Говорят, дадим работу, одежду, денег! Всех пастухов призывают на дорогу.

— Завтра хотят этих пастухов поднять против нас. Хотят их натравить на нас!

Далее мулла говорит уже наставительным и благословляющим тоном:

— Беда идет, мирзы. Вы старшие в степи. Вашим словам внемлют все, кто уважает ислам. Каждый из вас должен внушать и требовать от своих пастухов, чтобы они были подальше от зла, от чугунной дороги, чтобы и близко к ней не ходили! Благополучие нашей пустыни до сей поры не нарушалось. Бог даст, и дальше так будет, мирзы. О всемогущий бог, пусть на все будет твоя воля! — заключает мулла, растягивая свои четки и вода ладонями по лицу.

В это время появляется Жалтыр и, усевшись чуть пониже Догала, играя своими хитрыми глазами, завершает свое приветствие молитвенными словами “Илла... аумин!”.

Баи все в один голос поддерживают его, произносят слова молитвы и проводят ладонями по лицу.

Та же группа баев сидит возле колодца, где табуны лошадей пьют воду. Много и бедняков, собравшихся возле большого колодца. Вдали видны аулы баев, расположенные недалеко друг от друга. Из двух больших корыт, находящихся по обеим сторонам колодца, жадно пьют воду лошади. Назарбек и Ораз вместительной посудой, так называемой “каугой”, достают воду. Поднятую воду со дна колодца ведрами разливают в корыта пожилые батраки из этого аула. На земляной насыпи колодца, на возвышении сидят баи. Они высокомерно разговаривают с бедняками. Байыр, обводя глазами всех, начал говорить:

— Говорят, что железнодорожники гибнут от жажды в песках Каракумов. Вы слышали это?

— Разве в Каракумах мало воды?

— Нет, но они не могут найти эту воду!

В это время вмешивается в разговор хитрый Жалтыр:

— Я слышал плохую весть, говорят, что муллы гадали на своих книгах и предсказали, что в эти края нагрянут презренные (*сумраи*) и высохнет вся вода.

Жакип удивленно хватается за ворот своей рубахи и, повернувшись к Жалтыру, спрашивает:

— Что ты говоришь, разве вода в песках высохла?

— Ей богу, будь я презренным, если это неправда, услышав это, специально туда съездил. Собственными глазами видел. В песках нет воды. Тысячи рабочих не могут найти ни одной капли. Как мухи гибнут вдоль той дороги.

Все, кто был возле колодца, удивленно уставились на него. На лицах бедняков и молодежи выражен испуг.

Довольный своим обманом, Жалтыр, повернувшись к Догалу, рассказывает дальше. Догал, превратившись весь в слух и показывая этим, что он глубоко верит в эти слухи, слушает с притворным удивлением.

Жалтыр говорит без умолку.

— Вырыли не меньше двадцати колодцев, но ни в одном из них ни одной капли воды. Даже в Таскудуке и Куйганкудуке, как только наши аулы откочевали оттуда, так сразу же вода и высохла. Как говорится, “с приходом презренного и вода высыхает”. Боже сохрани! Если я не ослеп, то я своими собственными глазами видел все это.

Спокойно говорит Ораз, разливающий воду лошадям:

— В том месте и мы были! В колодцы Куйганкудука и Таскудука забросали мертвых барсуков, собак и даже сурков, которых не бывает в этих краях, а обитают они где-то в Текели. Если это не так, если я вру, то пусть лопнет этот Жалтыр. Наверно, этого сурка занес тот же самый “презренный”. Не так ли Жалтыр, а? — смеется Ораз. Ораза поддерживает и часть бедняков. Баям это не нравится.

— Нет спора, что в Каракумах они остались без воды. В песках Каракумов многие погибли от жажды, они не знали дороги, не знали капризов этой пустыни. Здесь нет никакого обмана и лжи, — поддержал Жалтыра бай Догал.

— Так и они застряли в Каракумах! — громко сказал Сартай, чтобы было слышно всем. — Подальше от беды! Не следует им оказывать помощи, даже и близко к ним подходить не надо! Не будем ждать от них добра и сами ничего не дадим, что бы ни было, будем подальше от них!

Та же группа подходит к коновязи, где привязывают жеребят. Табунщики с большой осторожностью и стремительностью набрасывают петлю и, поймав жеребят, привязывают их к веревочной коновязи. Здесь же находятся и доярки*, табунщики и много других бедняков. И среди этих людей Жалтыр, Байыр, Сартай и другие, проникнув

* Доярка — здесь имеются в виду женщины, занимающиеся доением кобылиц.

в самую гущу каждой группы, рассказывают разные небылицы. На языке этих людей очень часто повторяются одни и те же слова:

– “Придет презренный, высохнет вода!”...

Из уст в уста переходят эти слова:

“Раскрыл книгу мулла! Из Каракумов убежала вода! Все эта беда Турксибом принесена! Придет презренный, высохнет вода”. Подобные слова гудят в устах баев, бедняков-простофиль и детей.

Среди другой группы людей Догал.

– Не только Каракумы, перед ними есть еще одна большая беда – это Айгайтас! Говорят, что будут разрушать его. Подождите, еще этот Айгайтас задавит многих казахских бедняков! – говорит он.

Жалтыр и здесь говорит с хитрецей:

– О, сохрани меня, дух моего предка Жалаира! Чем пойти в эту беду, в Турксиб лучше возьми меня, о боже, в моей собственной лачужке! Разрушать Айгайтас, это что еще за беда такая?

– Каждый кусок камня Айгайтаса как молния падет на головы людей! Увидим еще и эту беду! – говорит Байыр в одной из групп.

То здесь, то там часто повторяют богачи дояркам, пастухам, соседним беднякам-скотоводам одни и те же слова:

– Отрекитесь от них, не подпускайте к себе, отказывайтесь работать. Не обманывайтесь. Если попросят, то не продавайте им ни скота, ни напитка. Даже простой воды и то не давайте. Подальше от греха! Избегайте их! – говорят они.

Большинство бедняков слушают молча. Только некоторые старики и дети, как бы поверив этому, кивают головой.

На окраине этих аулов, около бедных лачужек, среди большой группы людей находятся Алуа, Бейсен, Сексек и Исмагул. Теперь к ним присоединился и Ораз. Тесным кольцом окружили Алуу женщины, старики, пастухи и батраки. Некоторые дотрагиваются до ее одежды, другие любовно смотрят на нее, у третьих навертываются на глаза слезы, радостно говорят:

– Милая Алуа!

- Единственная дочь, оставшаяся от Сатая.
- Одна только ты и была счастьем бедной Жанат.
- Все-таки вышла в люди, милая! Где ты сейчас?

С этими словами они все теснее жмутся к Алуе и обнимают ее.

Алуа, здороваясь за руки со старухами и стариками, лучезарно улыбается и, словно их родная дочь, привлекает их сердца своими проникновенными словами. То улыбаясь, то сияя говорит она. Ее голос такой мягкий, слова так убедительны, что они способны заставить трепетать сердца окруживших ее людей.

– Жива и здорова я, дедушки и бабушки, родные мои! Здоровы ли вы сами? Я приехала к вам с великой просьбой. За помощью приехала я к вам, сестры мои! Рабочие, прокладывающие дорогу в песках, в такую жару нуждаются в воде. Все колодцы в песках злонамеренно испортили баи, набросав туда мертвых собак, змей и всякой всячины. Дайте нам помощь! Сейчас соберите все ваши бочки, кадушки, бурдюки, наполните их водой, всякими напитками, кто на чем – на верблюдах, на быках, на лошадях, – все это доставьте жаждущим в пустыне рабочим.

Жители понимают Алуу и в знак готовности помочь кивают головой. Но среди них есть и такие, которые, не зная, что делать, стоят молча. В это время с разных сторон заговорили Бейсен, Ораз и Исмагул.

- Выполним твою просьбу!
- Сейчас, собрав подводы, повезем воду!
- Повезем все напитки, которые у нас есть!
- Давайте верблюдов, быков!

С этим словами они немедленно приступают к сборам. На всех батраках новая одежда, которую выдал им сегодня Николай Иванович. Этих батраков окружают бедняки аула, рассматривают их одежду. Потрогав руками, оценивают качество материи, удивленно говорят о том, как красиво сшиты костюмы.

- Теперь среди бедняков происходят такие разговоры:
- Говорят, что на Турксибе плохо, а это что такое?
 - Если окажем помощь, то все мы получим такие вещи.

— Что мы видели, работая на баев? И в зимнюю стужу, и в летнюю жару ходили в рваных сапогах да в пропахшем потом жидеме*.

— Бедняк с бедняком должен быть. Пусть сопротивляются баи.

— Эта чугунная дорога будет работать на благо бедняков!

— Хватит нам ходить в дураках, слушать рассказы баев.

— Идите все, бедняки, несите свою помощь Турксибу, доставьте ему воду, напитки. Если у меня нет ничего, то хоть несите мои чистосердечные пожелания, — говорят они.

Собравшиеся бедняки быстро расходятся и начинают готовить подводы, воду и всякие напитки. К этой группе подходят баи, вид у них мрачный. До этого сюда приходил Жалтыр и вертелся тут, словно бродячая собака. Теперь он, рассказывая о виденном, подхалимски виляя, идет впереди этих баев.

Шедший впереди байской группы мрачный Догал видит здесь Алуу. Она, отделившись от массы бедняков, выходит вперед и поджидает байскую группу.

Догал не здоровается с ней и начинает говорить повелительным тоном, обращаясь к беднякам:

— Что это за суматоха? Что за беспорядок в самую страдную пору?

— Это не беспорядок, Догал мирза. Мы приехали, чтобы просить в этом ауле воду и напитки для рабочих Турксиба, — говорит Алуу, вперив свой взгляд в Догала.

— Если просите помощь у аула, то следовало бы сначала поговорить с хозяином этого аула.

— Я думаю, что каждый человек хозяин воды и напитков в своем собственном доме. Мы просим у того, кто нам от сердца желает помочь. И эти люди изъявляют свою готовность помочь нам.

— Чем же они помогут? — крикнул Догал на бедняков.

Алуу тоже повысила голос:

— Не беспокойтесь, Догал мирза, вашего богатства не тронут. В конце концов эти бедняки, пусть даже ничего и

* Жидем — длинная, сшитая на вате, верхняя одежда мужчины.

не имеют, однако они окажут нам помощь хотя бы своей простой водой.

— Может быть, вы и воду заставили быть в этих местах? — И обращаясь к беднякам: — Не задерживайтесь товарищи, приступайте к делу! — заканчивает она свои слова. Бедняки быстро расходятся.

— Не расходитесь, никуда не уходите! Аул перекочевывает! — кричит вслед им разгневанный Догал.

— Перекочем! Сейчас будем кочевать! Разбирайте юрты! Уйдем из этих мест! — кричат и другие баи, в том числе и Жалтыр.

Расходятся бедняки. В немом молчании, неподвижно стоят разгневанные баи. С глубоким презрением смотрит Алуа на Догала.

* * *

Снова картина непрерывного труда строителей железной дороги. Солнце еще больше палит. У рабочих-казахов, укладывающих шпалы, очень изнуренный вид, с их лиц льется пот. Русские рабочие, прокладывающие рельсы, а также грабари, квалифицированные рабочие, управляющие экскаваторами, хотя и работают без остановки, но также крайне утомлены: глаза ушли вглубь, щеки стали впалыми. То у одного, то у другого из них кружится голова, темнеет в глазах. Все же работа продолжается. Все вокруг повторяют одно: — Воды, хоть каплю, хоть глоточек!

Среди рабочих находится Нина. Она тоже утомлена, в тяжелом состоянии. Все же подбадривает себя и своих товарищей:

— Потерпите, товарищи! Да, день тяжелый, все же потерпите. Возможно, скоро привезут... — Она часто вытирает свои пересохшие губы. Заболтовщик-казак, работающий рядом, теряя сознание, падает. Он, скатываясь с насыпи, падает прямо на Нину, она поддерживает его. Другие рабочие помогают ему. Среди русских рабочих, укладывающих шпалы, один молодой рабочий тоже упал. Он еле слышно произносит одно слово: “Вода”. К нему подходит Николай Иванович. С ним начальник участка. Оба изменились до неузнаваемости. Почерневший, изнуренный

под жарким солнцем Николай Иванович поддерживает голову молодого рабочего.

– Найдите хоть глоток воды!

Помощник Николая Ивановича подает флягу.

– Николай Иванович, у нас воды нет, вот последний глоток!

У Николая Ивановича потемнело в глазах, он еле держится на ногах. Но поднесенную к нему воду он быстро выхватывает и дает пить молодому рабочему, только что упавшему без сознания.

Парень открыл глаза, благодарно смотрит на Николая Ивановича:

– Николай Иванович, вы словно пол-Днепра мне подарили! – говорит юноша на украинском языке.

Николай Иванович, смеясь, отвечает:

– Днепр говоришь, а я одну каплю дождя принял бы за целое озеро!

Он сердито смотрит на начальника участка и на Нину.

– Когда же, когда будет?! И вы, начальник участка, и вы, комиссия по оказанию помощи строительству дороги, – поочередно обращаясь к начальнику участка и Нине, – когда же доставите?! Возможно, когда все здесь работающие выйдут из строя? Где товарищи, знающие здешние условия?

Нина, успокаивая Николая Ивановича, отвечает веско:

– Николай Иванович, приняты все меры. Сапар занят очисткой тех колодцев, которые вы сами видели. В аулы послали людей! С минуты на минуту ждем!

Снова множество людей, работающих на железнодорожном пути, выказывает свое нетерпение, слышны возгласы: “Воды, воды!”

В этот момент слышится веселая бодрая музыка. Это обходит ряды рабочих Сексек, хотя он сам изнурен, с посиневшими губами, но, преодолев мучительную тяжесть, вышел подбодрить своих товарищей. Он на своей дудке играет веселый марш.

Эта внезапная вспышка веселья как бы всем вливает новую силу и энергию. Все обращаются к Сексеку с благодарностью, добрыми пожеланиями, со всех сторон говорят:

- Молодец, джигит!
- Спасибо тебе!
- Играй, играй!

Сексек всем своим видом, движениями, игрой веселит всех, все лица озаряются улыбками. Когда Сексек проходит мимо Николая Ивановича, он также смотрит на него с восхищением. Нина обнимает Сексека и хлопает его по плечу.

Все снова с новой энергией взялись за работу.

Далеко в стороне – два колодца, там идет быстрая напряженная работа по очистке этих колодцев. Вот появилась чистая вода. Работой руководит сам Сапар.

– Скорее, ребята! Налейте воды в эту посуду! – приказывает он. Понемногу добывается вода, разливают ее по мехам. С одним из них поскакал первым Сапар, на ходу он дает приказание:

– Следуйте за мной!

Он скачет по направлению дороги, но дорога еще далеко, по пути песчаные холмы, конь не может быстро идти. Сапар спешит, подстегивая своего коня. Вслед за ним растянулись другие всадники, везущие воду.

На дороге та же картина. Несколько человек не в силах продолжать работу, изнуренные, одни сели, другие безжизненно падают.

Почти потерявшая надежду Нина смотрит на далекие холмы. Вот лицо ее озаряется счастливой улыбкой. Взяв бинокль, пристально смотрит.

Быстро скачет всадник – девушка. За нею из-за песчаных бугров внезапно появляется целый караван. Одни на верблюдах, другие по два человека верхом на быках, у третьих кляча – это прибыла казахская беднота. У каждого из них по два навьюченных меха. Нина от радости кричит:

– Вода, вода!

Прискакавший всадник – Алуа. Она соскочила с коня, возбужденно и радостно говорит:

– Вода, напитки, товарищи! Николай Иванович, народ с долины Актала идет на помощь.

Николай Иванович благодарно жмет ее руку. В руках Алуы плетка, талия опоясана кушаком, волосы красиво завязаны тонким платком. На ее обветренном и усталом лице играет сдержанная улыбка.

Нина обнимает Алуу.

– Друзья, вода, напитки... Эта девушка – вестник добра!

Обрадованные рабочие бросаются вперед. Подошедшие бедняки-казахи во главе с Бейсеном, Оразом, Оспаном, Смагулом обходят рабочих, угощая их кумысом, айраном, холодной водой.

С другой стороны дороги прискакал и Сапар. Вслед за ним один за другим приехавшие всадники также подают воду. Повеселевший Николай Иванович обращается с шуткой к Сапару, Нине и Алуе:

– Вот комиссия по оказанию помощи строительству Турксиба своевременной подачей хотя бы глотка воды делает большое государственное дело. На строительстве Турксиба нет слабого места! Большое спасибо народу и вам!

Снова всюду кипит напряженная работа.

* * *

Прокладываются последние рельсы, заболтовщики укрепляют последние болты. Теперь на всем пути работа прекращается. Пески кончились. Своими трудами преодолевшие все тяжести и невзгоды рабочие с большой радостью встречают прохладный вечер. Перед рабочими опять видим Сексека, который, наигрывая веселый радостный кюй, подбадривает собравшихся.

На всех лицах как бы написано одно желание, один клич: “Даешь Айгайтас!” – “Даешь Крик-гору!”

* * *

Далеко протянувшаяся дорога заканчивается высокой скалой, которая словно стрела круто поднимается ввысь. Это Айгайтас.

У подножья этой скалы взрывники, возглавляемые Петровым, уже закончили рыть два ряда штольни. Группа техников, последний раз проверив аммонал и шнуры, удаляется. Вдали, за холмами и утесами, виден многочисленный народ. Отдельно стоят рабочие и руководство Турксиба.

Группу рабочих-казахов обходят Нина, Алуа и Сексек. Всех их встречают радостно, с уважением. Сексек

приветствует их – на своей дудке играет отрывки веселого марша, чем вызывает громкий смех собравшихся.

В стороне у подножья холма стоит группа всадников – это баи. В середине – Догал и его сподвижники. Они, качая головами, недоверчиво смотрят, с какой-то надеждой, мольбой обращаются к Айгайтасу.

– Не возьмут, не свалят Айгайтас.

– Сегодня увидим конец кошунства против тебя, Айгайтас.

– Священный Айгайтас, у твоих подножий не раз поднимался клич. Пусть сегодня твоим кличем будет то, что ты обрушишь несчастья, беду на голову этих безбожников!

Еще одна большая группа – скромно одетых людей разного возраста – одни из них пешие, другие по двое, по трое верхом на быках, на ишаках, это – бедняки. Здесь мы видим старых знакомых – Бейсена, Оспана, Ораза и других. Слышны радостные, уверенные слова:

– Что может противостоять железной дороге, которая перевалила Каракумы, одолевает Айгайтас?!

– Перевалит, одолеет!

– Да, настоящее знание у советов. Вот увидишь, получится так, как они говорили!

Ораз шутивно:

– Коль Турксиб скинет Айгайтас, то оставшиеся в ауле камни мы сами скинем!

Все кругом одобрительно кричат:

– Спасибо за доброе слово!

Вдруг прошла волна, как будто был дан одновременно всем приказ. Все люди сразу пригнулись. Долгожданный взрыв. Будто гром гремит, и небо расколось надвое. Страшный грохот. Кажется, происходит землетрясение. Все взоры устремлены на Айгайтас, на миг кажется, что он вытянулся во весь свой исполинский рост, затем, как бы вздохнув, рассыпался вдребезги. Потоки мелких камней, словно волны, отбрасываются в низину.

Медленно поднимаются вверх облака густой красноватой пыли.

Группа взрывников, радостно смеясь, выражает свой восторг. Рабочие, служащие Турксиба – мужчины и женщины поздравляют друг друга, жмут руки. Сексек играет

веселый, радостный кюй. Подходит к ним множество людей во главе с Сапаром и поздравляют победителей.

Баи на своих конях, удрученные, с хмурыми лицами, безмолвно расходятся.

* * *

В большой юрте — Догал со своим сподвижниками — Сеитом, Байыром, Сартаем, Жакешем и другими. Вертлявый Жалтыр, обслуживая, наливает кумыс и подает им. С левой стороны бая, несколько ниже, сидят: дородная байбише (*старшая жена*) и высокая красивая токал (*младшая жена*). Напротив Догала расположились двое джигитов, они по-городскому, хорошо одеты. Один из них старше, хотя лицом схож с Догалом, но интеллигентного вида, волосы подстрижены, борода и усы бриты, во всем виден городской житель. Это брат Догала Мардан. Несколько ниже от него совсем юный джигит, лицом красив, одет наполовину по-городскому, наполовину по-степному, это — Жаппар.

Догал пристально смотрит на Мардана.

— Мы ждали день и ночь твоего приезда из города. Есть ли у тебя что-либо сказать нам или нет?

Мардан молчит, Байыр нетерпеливо говорит:

— Не ты ли, на которого мы надеялись как на образованного, знающего человека?

Сартай, поддерживая его:

— Покинуть дедовские земли еще можно, но страшнее всего покинуть свой край. Ведь жалаиры когда-то были сплоченным народом. Где же наша сила?

Жакеш и Сеит также обращаются к Мардану:

— Если сам не хочешь вмешиваться, то посоветуй как нам быть?

— Расскажи нам, есть ли закон, порядки? Мардан все еще молчит.

Догал говорит свое последнее слово:

— Пусть я исчезну, сгину! Но ты сможешь ли остаться невредимым, сохранить имя нашего отца Дулата? Нашел ли ты хоть для себя выход?

Опять долгое молчание. Только теперь Мардан говорит скупое, отрывисто:

– Хотя ты мне брат, но я ничего не могу советовать.
Все в юрте насторожились, смотрят друг на друга.

Мардан, не стесняясь, продолжает резко:

– Нет, говорю. Сколько ни волнуйтесь, сколько ни крутитесь, на этот раз вы бессильны, баи. Поэтому-то нет моего совета. Все!

Байбише Догала громко плачет. Младшая жена бая, иронически улыбаясь, смотрит на Мардана.

За юртой слышны возгласы: “Едут, едут!”.

Догал быстро переговаривается со своим сподвижником Жалтыром:

– Больше нет надежды.

– Во что бы то ни стало надо договориться со здешними батраками, бедняками.

– Следите за ними!

Жаппар бросил реплику:

– Учтите Назарбека, пусть кто-нибудь будет возле него!

У двери Жаппар, уединившись с Марданом, как бы советуется с ним.

– Мардан-ага, что советуете, как же это?

– Это как! Нам с тобою не пропадать же, не утопить же себя. Коль дороги расходятся, дети уйдут от отцов...

Жаппар молча кивает головой:

– Хорошо! Значит, не пропадать даром!

Мардан и Жаппар долго смотрят друг на друга, как бы тайно договариваясь о чем-то, потом расходятся.

А там, среди белых юрт, сегодня гордо шагают батраки.

Слышны возгласы:

– Вот едут, вон они!

Толпа мужчин, женщин, пастухов и батраков остановилась за белыми юртами. К аулу подъезжает группа всадников.

На белом иноходце подъехала девушка. Это Алуа. Среди народа – внушительный, спокойный Сапар. Все окружают его, дают ему дорогу. Старик пастух спрашивает своего соседа: “Кто этот человек?”.

– Это Сапар, раньше работал следователем! Сейчас один из больших работников Таскурганского уезда.

В заднем ряду стоит Сексек, он одет наполовину по-городскому. Бедняки, узнав:

– Сексек!

– Ой, ой, наш Сексек!

– Дорогой Сексек, куда направился? – слышны со всех сторон радостные возгласы, все окружили его. Сексек молча, посмеиваясь, показывает на Алуу. Пожилые женщины с восхищением восклицают:

– Боже мой, это Алуу!

– Наша Алуу!

– И она приехала!

Вот все расселись кругом. Чуть в стороне сидит Догал со своими женами, возле них несколько аксакалов, пожилых людей, аткаминеров. В гущу собравшихся в окружении бедноты идут Сапар, Алуу, их сопровождают несколько человек. Сеит, Байыр, Жакеш, Сартай растворились среди бедноты. Жалтыр, нахлобучив на глаза малахай, сидит рядом с бедняком Назарбеком. Воровато осматриваясь вокруг, что-то быстро говорит.

И богатеи, сидящие рядом с Догалом, сдвинули на глаза малахай, шапки, все опустили головы. Алуу прямо направляется к этой группе, затем уступает дорогу Сапару. Сапар говорит:

– ...Товарищи! Вы те, кто всю жизнь пасли скот бая Догала. Ваши отцы и дети рождались и умирали в дырявых, черных лачужках. И вы сами провели жалкую жизнь в этих дырявых юртах. Вот сейчас все сидите вместе, сегодня вы объединились. Вас всех объединила советская власть. Советская власть, партия Ленина – Сталина, партия большевиков хочет, чтобы бедняки взяли власть над баями. Вы и есть славный советский народ. А вон тут напротив вас сидит небольшая кучка. Это бай, которые беспощадно мучили вас. И вот наступил день, когда они должны ответить за содеянное ими.

Вдохновенные слова смелого, горячего Сапара понравились народу.

– Догал, как и его предки, являются прожорливой, хищной стаей феодалов. Если вы хотите его изгнать из своей среды, это в ваших руках! Что на это скажете вы, беднота? Хотите его изгнать, говорите прямо, выскажите свое мнение открыто! Мы приехали выполнить вашу волю! Давайте выскажитесь! – Сапар остановился.

Сперва бедняки шепчутся между собой в нерешительности. Слышны отдельные возгласы:

- Давай говори!
- Лучше ты скажи!
- Да говорите кто-нибудь!

Все молчат. Некоторые из баев ведут свои переговоры с бедняками, подталкивают стариков, старух.

Ораз все это видит, порывисто встает. Но он не умеет произносить речи. Поэтому он говорит, стесняясь, сердито:

– Что же здесь долго толковать, все ясно! Правильно говорите, товарищ Сапар. На порогах бая Догала от голодной жизни умерли наши отцы и деды. Мы сами тоже натерпелись от него. Пусть он уйдет, не поганит нашу счастливую жизнь! – окончив свою речь, сел на место. Сидящие с ним рядом батраки, поддерживая его, кричат: “Правильно, правильно”. Но чуть погода все опять замолчали.

Догал обращается к тем, кто сидит к нему близко.

– О, сыновья Жалаира, не забудьте свой долг перед моими предками, мой хлеб-соль! Неужели вы пошлете меня на смерть своими руками? Ведь мы родственники! – шепчет Догал.

Некоторые старики, старухи, что рядом сидят с ним, с Сартаем, Байыром, между собою говорят: “Да, да, мы ели его хлеб-соль”, “Да, мы должники перед его предками”, “Чем он виноват?”, “Замучается, бедняга”. Они как бы сочувствуют Догалу. Заметив это, Бейсен встает:

– Товарищи! Некоторые говорят, что мы чем-то обязаны Догалу, что ели его хлеб-соль. Если забудем это, то нас, мол, ждут смертные муки в аду. Одним словом, страшатся кары потустороннего мира! Чем об этом говорить, лучше вспомнили бы, как мы все терпели унижения, оскорбления от сидящего здесь Догала и от всех других баев Жалаира.

Опять слышны глухие протесты среди народа: “Что они нам сделали?”, “Какое зло нам творили?”, “Что они, грабили народ или землю сожгли?”.

Бейсен разгневан этими разговорами:

– Сколько зла, унижения, насилия мы ни терпели. Советская власть дала нам право и просит рассказать обо

всем, что видели, честно! Как же мы можем молчать? Это было бы трусостью. Я не буду вспоминать о том зле, которое они сделали нам! Я напомним недавнее. Кто только вчера в Каракумах, чтобы уморить жаждой строителей Турксиба, заразил ядом колодцы?

В разных местах Оспан, Смагул и Сексек поддерживают Бейсена:

– Кто откочевал от железнодорожной линии?

– Кто приказывал подводы не давать, продуктов не продавать, юрт не давать?

– Кто уговаривал даже глотка воды не давать?

– Кто же, наконец, отговаривал батраков, бедняков не наниматься на работу в Турксиб?

Бейсен, выслушав, заканчивает свою речь:

– Вот это и есть вражда! Почему баи так поступают? Если бедняк пойдет работать в Турксиб, то у него глаза откроются! Тогда он поймет все злодеяния баев, творимые ими испокон веков. Значит, бедняки будут идти против всех баев! Вот что думают они! Пусть живет призыв партии, зовущий нас на борьбу с баями. Во исполнение его выгоним из нашей среды Догала!

Опять со сторон, где сидят баи, слышны возгласы: “Хватит, хватит, не все бедняки говорят так, как ты поешь!”

Возле Назарбека, поблескивая глазами, сидит Жалтыр. Он подталкивает Назарбека вперед.

Назарбек встает с места:

– Уа, товарищи! Что такое канпеске (*конфискация*)? Не значит ли это отобрать скот, землю у баев? Или же ко всему этому еще и изгнать их?

Все испуганно насторожились. Сапар отвечает:

– Человек, имущество которого подлежит конфискации, признается вредным, ненужным человеком, значит, ему оставаться здесь нельзя. Поэтому если большинство, совет батраков, совет народа признает бая вредным человеком, то он после конфискации высылается в другую область.

Назарбек сразу же:

– О, братья, сестры! Нас называют казахами, чьи родственные связи очень сильны. Ведь Догал никого не убил, никого не ограбил, ничью землю не сжег. Не

достаточно ли отобрать у него скот, а самого оставить здесь, дать ему волю. Как на это смотрите? За такие слова не осудите, не накажете меня? Вы говорите – беднякам свобода? Если бедняки выразят свою волю, тогда что вы скажете? – Назарбек сел.

Сидящая за его спиной группа баев, поддерживая его, кричат: “Так, так!”.

Сапар испытующе смотрит на собравшихся:

– Так все бедняки думают? Товарищи, вот этот человек выразил ваше мнение?

Со стороны, где сидит Бейсен:

– Нет, нет, мы уже высказались! Назарбек заблуждается!..

Наступила длительная пауза. Вперед вышла Алуа:

– Товарищи, бедняки, батраки! Если у нас есть твердость, энергия, то мы сегодня в долине Актала впервые примем решение. Это будет историческое решение. Мы должны сегодня бросить клич, чтобы вместо семи баев семь тысяч бедняков расправили свои плечи, зажали счастливо! Это решение мы примем при помощи партии Ленина – Сталина. Догал был насильником, эксплуататором! Теперь хозяевами этой земли являемся мы, батраки, бедняки, а не он. Если этот скот и богатство наше, то этот бай не должен здесь оставаться. Иначе... как сейчас говорил Бейсен, он будет делать зло нашей жизни, как это он творил только вчера против Турксиба. Не так ли? Скажите правду, народ! Не лучше ли будет, если этот бай уйдет отсюда?!

Большинство батраков аплодируют:

– Так, так!

– Правильно! Мы все так говорим!

– Она за всех нас сказала! Алуа правильно сказала!

Байыр и Сартай переглянулись с Жалтыром, знаком ему дают новое задание. Жалтыр, тараща глаза, опять что-то шепчет Назарбеку. Бедняк-старик, давно наблюдавший за ними, не удержался, ударил Жалтыра в грудь.

– Замолчи ты, не тарачи глаза как бодливый бык, хитрец!

Жалтыр, ничуть не обидевшись, угодливо смотрит на старика, опять начинает что-то быстро говорить Назарбеку. Назарбек, снова встав с места, заговорил:

– Сейчас приехавшая к нам дочка Алуа выступила. Она из нашего аула. Дорогая Алуа, мы знали твоего отца, он был хорошим, храбрым человеком. Но его убил не Догал. Его убил кровожадный бандит Кулан. Как же мы можем говорить неправду? Правда, Догал хотел тебя взять в жены, а ты не согласилась и ушла своей дорогой. Но из-за этого ты хочешь его совсем уничтожить! Разве это правильно? Не достаточно ли того, что мы отбираем у него землю, скот. Или ты хочешь за себя отомстить? Я еще раз повторяю – отберем у него землю, скот, а его все же оставим в долине Актала.

Алуа разгневана, горячится. Сапар спокоен. Он, обедя взглядом сидящих батраков, делает короткую паузу.

Алуа, подойдя к Сапару:

– Сапар-ага, я отвечаю, я хочу еще говорить. Этот подкулачник, хотя и бедняк, как заступается за бая! Разрешите?!

Алуа взволнована, лицо ее дышит гневом, смотрит сердито. Сапар тихо обращается к Алуе:

– Подожди, пусть кто-нибудь из народа выскажется.

Все молчат. Сапар после короткой паузы:

– Так, товарищи! Вот послушали слова Назарбека! Что вы скажете, на чем порешим?

Опять пауза, затем с края слышен властный голос:

– Товарищ Сапар! Разрешите мне слово?

Это Мардан.

Среди батраков неодобрительный шепот. Алуа тихо объясняет Сапару: “Это брат Догала, интеллигент Мардан”.

Сапар спокойно предоставляет слово Мардану.

Мардан с важным видом, не торопясь, начал говорить:

– Я приехал специально на это собрание батраков. Они, наверное, подумали, что я приехал прощаться с Догалом, а если смогу, и выручить его. Первым делом так подумал сам Догал, мой единственный брат. Но нет, я не для того приехал. В долине Актала, во всей казахской степи мы видим зарю новой эпохи. Советская заря! То, что великое строительство Турксиба достигло этого края, является большим историческим начинанием нового. Кочевая, сонливая жизнь осталась позади. В долине Актала был удивительный край, готовый расцвести в любой момент. Но кто же был хозяином? Им управляли баи вроде Догала,

который сам не трудился, не любил знание, труд, а всех трудящихся держал в темноте!

Батраки одобрительно восклицают: “Спасибо! Он правду говорит”, “Уа, дай бог тебе удачу!”.

Бай, проклиная Мардана, гневно смотрит на него: “Пусть бог накажет тебя, изменник”, “Гнилое яйцо!”.

Мардан твердым голосом, грозно смотря на баев, продолжает свою речь:

– Теперь долина Актала не будет убежищем тунеядцев. Она переходит трудящимся, своим действительным хозяевам. А перейдя, изменится, расцветет. Алуа здесь все высказала, она высказала народное желание. Таких людей, как Догал, нужно лишить не только земли, скота, надо его лишить народа! Пусть Догал будет изгнан из этого края!

Когда закончил Мардан свою речь, батраки с восторгом закричали: “Так, так”, “Все правильно”, “Предложение есть, голосуйте!”.

При голосовании все батраки поднимают руки. Только сидящие за батраками в тени бай не поднимают рук. Алуа, быстро подойдя, жмет руку Мардану.

– Вы замечательно сказали! Вот вы какой?

Мардан пристально смотрит на Алуу и, чуть улыбаясь:

– А как же вы думали? Ведь мы люди нового воспитания, нового направления, не так ли?

Алуа, все еще выражая благодарность:

– Я не знала вас. Я совсем другого мнения была о вас!

Подойдя к ним, с восхищением наблюдая, Жаппар слушает их разговор, затем вмешивается:

– Как хорошо, как чудесно высказались, Мардан-ага. Да, да, у сознательного, образованного человека дорога должна быть такой! Вы нам пример показали!

Он жмет руку Мардану и Алуе. Алуа, одобряя его слова, приветливо улыбается.

Смеющаяся, радостная Алуа стоит в окружении батраков.

* * *

За кучера в запряженной телеге сидит Жалтыр. Это отправляется в траурный путь Догал с байбише, оба подавлены,

смотрят понуро, не поднимая голов. Отделившись от них, стоит младшая жена бая. На ее лице играет загадочная, еле заметная улыбка.

IV часть

Сцена первая

Если когда-то с огромной трудностью прокладывалась железная дорога Турксиба через пески, голодную, голую степь, то сейчас здесь — большой населенный пункт. Это станция “Костобе”. Виден красивый вокзал, цветущий сад, большие красивые каменные дома. В середине станции высится добротный двухэтажный дом с вывеской “Учебный комбинат”. Внутри дома просторная богатая библиотека. За многочисленными столами занимаются много юношей и девушек. Среди них сидит и Алуа. Она много изменилась, приобрела городской вид. Она выросла, стала красивее. Алуа читает книгу.

Входя в читальный зал, девушка зовет:

— Сатаева Алуа, вас директор вызывает!

Алуа в кабинете директора. За столом сидит Нина. Она чуть пополнела, по виду и по одежде представляет солидного руководящего работника. Рядом с нею сидит Бейсен. По его одежде и обветренному лицу сразу же можно догадаться, что он только что приехал из района.

Нина говорит Алуе:

— По поручению райкома наш учебный комбинат группу учащихся направляет в колхозы. Ты тоже поедешь. В твоём родном ауле сейчас имеется колхоз “Актал”. Вот Бейсен — председатель этого колхоза. Узнав, что ты едешь туда, он специально приехал. Тебе нужно поскорее собраться в дорогу.

— Как быть с учебой? Надолго ли я еду?

— На один месяц, самое большое на полтора. Экзамен сдашь после возвращения. Так необходимо!

Алуа хмурится, тяжело задумалась. Бейсен смотрит на нее смеющимися глазами. Алуа обращается к Нине с просьбой:

— Как же это, хоть дали бы закончить учебу.

В разговор вмешивается Бейсен.

— Сколько времени ты учишься? С тех пор как уехала из аула в 1926 году, Нина все обучает и обучает тебя. Есть ли такое знание, которое не знала бы ты?

Нина и Алуа смеются. Алуа, тяжело переживая, отвечает:

— Какая учеба, откуда будет у меня большое знание?

Бейсен шутливо:

— Да, ты скажешь... хоть половина твоего знания была бы у нас, то головой достали бы небо!

— Ты учишься у жизни, растешь на практике. А у меня нет опыта и мало знаний.

— Эге! Как говорится: “Гусю, плавающему в озерах, откуда же знать цену пустыни”. Училась, училась, все еще тебе мало.

— Эта учеба вооружает ли меня необходимым знанием, чтобы ехать с тобою в колхоз “Актал”? — И обернувшись, к Нине: — Нина Ивановна, в самом деле, что я должна взять в колхоз? Дайте мне хороший совет.

Нина Ивановна внимательно отнеслась к словам Алуы, чуть задумалась, задержалась с ответом. Алуа продолжает высказывать свои мысли.

— В данный момент какая может быть серьезная помощь с моей стороны?

— Вопрос поставлен правильно, с пустыми руками путного ничего не сделаешь. Как бы то ни было, ты через райком должна использовать шефство Турксиба над этим районом. На днях на производственном совещании я слышала, что в распоряжение Турксиба, в особенности — на станцию этого участка, — прибыло несколько тракторов. Вновь организованному колхозу само прибытие трактора является большой агитацией. Пусть этого со своей стороны также будет добиваться Бейсен. А ты обратись к Сапару с этой же просьбой. Советую не уезжать без трактора.

Она провожает Бейсена и Алуу.

* * *

Теперь Бейсен и Алуа в канцелярии районного руководства. В приемной собралось много народа. К Бейсену и

Алуе подходит и здоровается Жаппар. Он весело и радостно рассказывает о себе:

– Я окончил курсы животноводов, и Райзо направляет меня в колхоз “Актал”.

Алуа одобряет и поддерживает это решение.

– Это очень хорошо. Вот Бейсен, председатель этого колхоза “Актал”! – говорит она.

– Так ли? Вот это удачно!.. Я еду в ваше распоряжение.

Бейсен, одобрительно кивая головой:

– Пусть удача сопутствует всем нам! Вот Алуа тоже едет в наш колхоз.

Еще более обрадованный Жаппар с особой теплотой обращается к Бейсену и Алуе.

– Очень хорошо, что районное руководство в помощь колхозам посылает людей. И момент какой ответственный! Каждая новая рука очень нужна и необходима как для животноводства, так и для посева.

Бейсен и Алуа оживленно слушают его слова.

В это время руководитель района принимает группу товарищей, отъезжающих в район, как и Алуа, и председателей колхозов. Все входят в новую комнату. Там за столом сидит Сапар.

Сапар, встав, здоровается поочередно со всеми: председатели пяти колхозов, расположенных по реке Актал, а также отъезжающие в колхозы, здороваясь, докладывают кратко о себе. Сперва Алуа и Бейсен: “Алуа Сатаева, прикомандированная к колхозу “Актал”, “Председатель колхоза Бейсен”. После них представляются председатели колхоза имени Сталина, колхоза “Совет”, “Амангельды”, “Чапай”. Все отъезжающие – в прошлом батраки, выходцы из этого же района. Сейчас они, как и Алуа, учатся, это – Ораз, Смагул, Оспан и другие. В стороне от этой группы какой-то молодой человек представляется Сапару, Алуа обратила на него внимание. Он гидротехник, по имени Арман, прибыл из Алма-Аты. Сейчас он сидит рядом с Алуой и Бейсеном. Одет хорошо, держит себя тактично, чувствуется воспитанность, внешность также располагает к себе. Он красив и как-то выделяется среди других.

Сапар держит речь перед собравшимися:

– Народ, который только вчера кочевал в пустынной степи и не знал своей завтрашней стоянки, сейчас становится оседлым. Это новая эра в истории. Вместо прежнего захудалого, отсталого индивидуального хозяйства создается большой коллективный труд. Это тоже большая веха в истории. Раньше в этих местностях привольная вода текла без пользы. Плодородная степь была мачехой. Руководство партии и правительства Казахстана, обсудив, приняло решение преобразить долину реки Актал, превратив ее в цветущий край. В особенности ваши пять колхозов в этом году должны показать пример. По земле этих пяти колхозов будет проводиться оросительный канал. Вот молодой специалист – гидротехник товарищ Арман, прибывший из Алма-Аты, едет руководить этой работой. Окажите ему помощь. Вы должны распределить свою силу так, чтобы сперва обеспечить посев, а затем проводку арыка. В-третьих: большим испытанием является и уход за скотом. Все еще не ликвидировано сопротивление баев-кулаков. То там, то здесь поднимают головы классовые враги. Наша задача – возглавить народное дело, бдительно охранять народное добро, неустанно проводя политическую и воспитательную работу. Показать пример своей работой, своей организованностью. Партия надеется на вас, что вы с честью выполните эти свои обязанности.

...Сапар и Алуа разговаривают наедине. Алуа говорит смело, вдохновенно.

– Сапар-ага! Я на все согласна, все поняла, теперь остается только защищать свою честь. Только вы сами поддержите! На этот раз во что бы то ни стало помогите нам!

Сапар спокойно критически смотрит на нее:

– Я говорил же, что “попрошу”! “Попробую помочь!”

Алуа, ухватившись за это слово:

– Нет, надо не просить, а вы достаньте!

– Ты же сама знаешь, что трактора не в моем распоряжении!

Алуа все еще настойчиво:

– Нет, Сапар-ага, я уже узнала, знаю. Станция трактора отправит туда, куда вы укажете.

Сапар, любясь ее упорством, смеется:

– Нет, ты не знаешь, что говоришь!

– Да не превращайте в шутку, я очень хорошо знаю. Я уже разговаривала с начальником станции, он готов направить туда, если вы укажете. Если хотите отдать другим колхозам, ваша воля, но то, что все зависит от вас, это точно! Коль хорошо то, что вы направили меня, пусть и ваша помощь тоже будет хорошей. Очень прошу, отдайте.

Сапар, опять любясь ее настойчивостью и выдержкой, смеется:

– Какая ты попрошайка!

– Нет, не попрошайка, а я беспокоюсь.

– Мы эти трактора еще не распределяли.

– Ага, это формальная сторона вопроса. При распределении за нашим колхозом ведь оставите один трактор. Короче говоря, я отсюда хочу ехать с трактором. За долгие годы это моя самая серьезная просьба. Дайте, ага!

Сапар смотрит с удовлетворением и смеется. Что-то пишет и вручает ей записку:

– Всегда будь настойчивой за общественное дело, верной своему слову.

Довольная Алуа, показывая всем своим видом благодарность, прощается с Сапаром.

В приемной к Алуе обращается Мардан. Он рассказывает о себе:

– Я приехал специально из Алма-Аты. Меня направила редакция. На страницах газет, журналов я буду писать о достижениях в долине Актала.

Алуа смотрит на Мардана с удивлением и жестом показывая на Бейсена:

– Значит, Бейсен, тебя будут хвалить. Ну что же, это хорошо!

Бейсен радушно:

– Пусть хорошо напишет, тогда и будет хорошо.

Мардан по привычке человека городского воспитания, вежливо наклоняясь, говорит:

– О, я так был восхищен новостями сегодняшней жизни, я так обрадовался. Конечно, я по мере сил буду писать хорошо, похвалю положение нашего Актала.

Алуа теперь уже говорит шутливо:

– Нет, мы не просим вас непременно хвалить. Наоборот, по традиции советской печати мы желаем, чтобы вы, критикуя, написали о нашей действительности.

Бейсен, смеясь, в знак поддержки кивает головой. Критически оглядывает Мардана. Но тот говорит серьезно и настороженно:

– Нет, видя такое обновление долины Актала, где я так долго не был, я просто не в состоянии что-то осуждать.

Теперь Алуа всерьез шутит над ним:

– Товарищ Мардан, если вы не сможете критиковать настоящего, то критикуйте прошлое. Вспомните, кто мы были раньше, вспомните, в каком положении находились батраки на этой земле, тогда вы найдете столько фактов для критики и для правды. Возможно, вы забыли эту пору? – Алуа оглядывает его испытующим взглядом, затем вместе с Бейсеном смеется.

Мардан быстро меняет тон разговора, сам переходит в уверенное, ироническое настроение:

– Ну забыть! Я и сам зол на это прошлое. Я имею большие счета с ним... вам все известно, Алуа... а когда придет время разоблачать мерзости прошлого, я примусь, пожалуй, с особым остервенением...

Алуа продолжает эту беседу, как бы желая все больше узнать образ мыслей Мардана.

– Интересно! Я с удовольствием прочла бы ваши разоблачения прошлого.

Мардан охотно, быстро отвечает ей:

– Вы знаете, я сейчас специализируюсь по части истории. Правда, пока рановато... но скоро вы прочтете мой труд по казахской истории. И чем с большим интересом будете читать вы, тем более вдохновлюсь я, Алуа! – говорит он, переходя на шуточный тон.

Алуа замолчала.

Мардан заканчивает разговор, обращаясь к Алуе:

– Да! Счастливого пути вам! Помогите расцвету нашей родной долины Актала, сестра Алуа! Я вам желаю больших, больших успехов!

Они прощаются, весьма учтиво кланяясь друг другу... Следуют долгие рукопожатия.

На улице в одну сторону направляются Алуа и Бейсен, в другую сторону, по той же улице, идут Мардан и Жаппар.

– А как выросла... Она красива и умна! – говорит Мардан.

– Да, она очень хороша...

– Так в чем дело? Надо ухаживать за ней!

Жаппар смотрит удивленно, но как бы выявляя намерения Мардана.

– Как ухаживать? А цель?

Мардан смеется многозначительно: “В каждом уходе цель одна. А если будет другая, то она потом сама по себе придет”. Мардан все это говорит как бы в раздумьи, про себя.

– Возможно, она высоко проберется... Может, далеко пойдет. Ее посылают как бывшую батрачку. Все, что она ни сделает на практике, все это будет живой агитацией. Ну вот отсюда и надо определить цель...

Жаппар как бы понял его. Теперь, советуясь с ним, спрашивает:

– Позволит ли только ухаживать за собой?

– О, на это у тебя несколько благоприятных условий. Во-первых, ты ее спасал в 1926 году, во-вторых, ты красивый, не женатый джигит. Кроме того, у тебя будет возможность в колхозе показать себя перед ней с хорошей стороны. Не правда ли? А дальше – женщина в дороге всегда несколько зависима, беспомощна. А ты держись двух верных правил. Будь настойчив и внимателен к ней, и чаще хвали, восторгайся ею...

Настойчивость мужчины, если не оттолкнет сразу, то часто доводит до цели...

Они пожимают друг другу руки. Заметно, что закрепляют сговор гораздо больший, чем насчет ухаживания джигита за девушкой.

* * *

Вечером в комнату Мардана постучали в дверь... и, тихо раскрыв дверь, крадущимися шагами входит в комнату человек. У него страшно обветренное, темное лицо. Вороски поблескивают белки его глаз, торчащие усы, широкие ноздри, какой-то страшный человек. Мардан, бросаясь к двери:

– Жалтыр!?
 – Наконец-то! Ты жив! Благополучен! Спокоен! Единственный мой! Последняя опора моя, Марданжан!
 – Тише! Спокойно! Как сами? Приехал он?
 – Приехал... Доехал до родных мест.
 – А есть у него товарищи? – спрашивает Мардан.
 – Есть... Нас друзей пятеро около него. Все бывалые, сами перевидавшие все.
 – А в районе он повстречался с кем-нибудь?
 – Нет, пока не доверяет никому. Бедняки в степи стали совсем другие... Говорят, чуть что – выдают властям.
 – Да... Именно так. Пусть никому, никому не доверяет. И помните, что бы ни случилось, вы меня не знали и не видели...
 – Так говорит и он... Будь покоен!
 Мардан передает пачку денег.
 – А вы не задерживайтесь здесь... наберите нужное количество коней, скота и скорее в пески и на границу! Быстрее действуйте! – Задумавшись, дальше говорит спокойно, взвешивая каждое слово:
 – Кстати, скоро в долину Актала поедет девушка по имени Алуа... Это дочь нашего табунщика Сатая... Она слишком много знает обо мне. А я собираюсь вступить в партию. И Догалу я не брат... Фамилия моя тоже не от бая Дулата, а от четвертого предка Есена... После конфискации я порвал с ними связь. Все это запомни! Можешь идти!
 – Все понял, передам... Будь здоров.
 Воровато оглядываясь, исчез в темноте.

Сцена вторая

В степи Алуа на белом жеребце едет крупной рысью. Этот жеребец как две капли воды похож на того самого белого скакуна, на котором дрался с конокрадами последний раз ее отец Сатай пятнадцать лет тому назад. Алуу сопровождает группа всадников во главе с Бейсеном. В числе наездников и Сексек. Он смотрит на белого жеребца с удивлением. Обращаясь к старому колхознику, ехавшему рядом с ним:

– Скажи, аксакал, из какого табуна этот конь?
Колхозник знает белого жеребца.
– Да это из бывшего табуна бая Дулата.
Сексек поражается, как будто это не явь, а сон.
– Послушай, это белый жеребец...
– Да, знаменитый белый жеребец...
– Бая Дулата.
– Ну, был у бая Дулата!
– Да неужели, неужели! Да неужели он еще живет?
Колхозник засмеялся, поняв наивность Сексека.
– Да нет же, это сын того белого жеребца. И сам такой же... И скакун... Огромный косяк имеет.
Сексек рассказывает Алуе о ее коне и советует:
– Ты ездь только на нем. Его отец был неразлучен с твоим отцом.

Всадники едут по вспаханным полям. Они подъехали к колхозникам, работающим в поле. Большинство из них – отличившиеся во время строительства Турксиба и при конфискации бая Догала батраки.

Среди них – Алима, Бану, Жанда, Сауле и другие молодые колхозницы. Все они радушно встречают Алуу.

– Как народ доволен твоей подмогой, Алуа, – говорит ей учительница Саруар.

Много колхозников окружают Алуу, в особенности старики высказывают свои восторги, благодарность за то, что она привезла впервые в эту степь мощный трактор.

– Только понаслышке знали о нем...

– Ты, дочка, нам слона подарила.

– Ну и силища у скотины.

– Вот теперь я по-настоящему верю в колхоз. Если бы я был бы единоличником, то какой трактор вспахал бы мою землю?

Алуа разговаривает с трактористом Сашей. Они разговаривают, как старые знакомые и как свои люди.

– Саша, ты знаешь, как тебе рады люди!

Тракторист улыбается, он и сам необыкновенно доволен на этот раз.

– О-о Алуа... Я никогда не думал, что люди так уважают машину... В их глазах я не на тракторе, а прямо будто на межпланетной ракете несусь...

– Однако, Саша, надо поторопиться. Земля высыхает, время уходит.

– Да, действительно так. Весь план одним трактором не выполнишь, дней осталось немного. Нужна любая помощь, хоть сохой, и то надо пахать, иначе не выполним плана. Сорвем!

Услышав эти слова, Бейсен, Алуа и другие колхозники задумались. Алуа обращается к колхозникам:

– Саша правду говорит, мы запаздываем. Время сева уходит, не так ли?

Все старые колхозники дружно подтверждают.

– Солнце печет, земля высыхает.

– Еще много целин не тронутых!

– Плана не выполняем.

Руководитель колхоза на ходу, верхом проводит срочное совещание. Алуа нападает на Бейсена:

– Действительно, время сева уходит, а ты, Бейсен, все еще не смог организовать все свои силы!

Бейсен не спорит, но объясняет положение:

– Все, что возможно, я собрал здесь: и людей, и тягловую силу, и орудие. Вот сегодня и женщины пришли к нам помогать, сами видели. Все рабочие силы колхоза мобилизованы.

– На самом деле так? Дайте мне список колхозников!

Бейсен передает список. Алуа взяла список, обходит ряды работающих людей, сверяет наличие людей со списком.

Обращаясь к молодым женщинам, как Алима, Бану, Жанда, Сауле, она вдохновляет их, подбадривает:

– Пусть удача сопутствует вам! Нажмите на работу за эти считанные дни. Не чье-нибудь, а свое добро. Солнце жарче становится, земля начинает сохнуть. Срок сева проходит. Мы стоим перед угрозой невыполнения плана. Нам будет стыдно перед правительством, партией, перед районом! – Она уже спешила, обходит работающих пешком, держа на поводу своего коня, разговаривает с женщинами душевно, как старые друзья.

К группе подъехал Бейсен. Смотрит на свои бумаги:

– Ваша правда, Бейсен! Как будто всю силу собрали.

Все же внушительная группа животноводов почему-то не принимает участия в посевной кампании.

– У них своя кампания...

– Знаю, что сейчас окот идет. Но ведь мы же обязали Жаппара на эти пять дней выделить несколько человек из фермы. Когда истекает у него срок?

– Сегодня.

Алуа строго и холодно говорит:

– В таком случае почему он не выполняет свое обязательство. Где его люди? Ведь мы же договорились на эти пять дней все силы бросить на сев. Жаппар не выполнил, а ты не потребовал! Я вас обоих привлеку к ответственности. Сейчас же напишу докладную в район.

Все молчат. Алуа, сидя на окне, что-то пишет. Чуть медля, Бейсен сперва посмотрел куда-то, весело рассмеявшись, спокойно шутит:

– Во-во, испугались! Спрячь свой протокол, милая. Вон люди с фермы уже прибыли. Утром Жаппар прислал гонца и дал слово! Вот и его люди. Молодец, свое слово сдержал!

Как раз в это время со своим инвентарем, тягловой силой подходят три группы мужчин, женщин. Несколько раньше подъехал Жаппар, быстро поздоровавшись, докладывает:

– Вот видите, товарищ председатель колхоза, хотя окот скота в полном разгаре, беря всю ответственность на себя, выделили сколько могли. Даем только на пять дней, пусть сейчас приступают. Все у них есть.

Алуа очень довольна:

– Спасибо тебе, Жаппар! В самый нужный момент оказал помощь.

Обеденный перерыв у колхозников.

Во время обеда – колхозники слушают концерт. С интересом слушают концерт, организованный силами учеников школы.

Ими руководит Сексек. Он дирижирует оркестром, состоящим из домбры, кобызов, дудок. Оркестр исполняет веселый, игривый кюй. Этот кюй, сочиненный им самим, посвящен колхозу “Актал”. Все радостно смеются.

Маленькая школьница Жанар спела песню. Асия поет и танцует. Она меньше всех, но хорошо поет и танцует.

Все ею заинтересованы. Здесь руководит концертом учительница Саруар. Из среды колхозников на сцену выходят Сауле и Бану. Одна поет, другая танцует. В этот момент показывается прискакавший молодой красивый джигит Арман. Он холодно поздоровался с Бейсеном, Жаппаром и Алуой. Серdito говорит:

— Где обещанные вами люди из колхоза “Актал”? До каких пор ждать?

Бейсен смущенно смотрит на Алуу.

— Ведь мы поголовно все заняты севом. Не только взрослого, но и детей не в состоянии дать. Вот уполномоченный района! — Обратившись к Алуе: — Ведь план весеннего сева не выполняется!

Арман говорит раздраженно и насмешливо:

— Сев, сев! Работа, которую я веду, ведь тоже для сева! Она тоже для колхоза.

— Вы будете орошать посев, а если посева не будет, то что будете поливать?

— Это не повод. Где же ваше обещание? Ведь обещали же выделить людей из животноводческой фермы. Почему завфермой Жаппар обманывает? Вместо того, чтобы выделить людей в мое распоряжение, он собрал всех-всех и привел сюда. Я должен ездить на ферму, скакать сюда, вы в районе горы обещали, а здесь никакой помощи не оказываете. Это обман!

Гневен вид Армана, он с укором смотрит и на Алуу. Алуа спокойно:

— Вы товарищ Арман? Я знаю, что у вас большие обязанности. Так же знаю, что вы тот специалист, которого долго ждала долина Актала.

Арман, однако, смотрит по-прежнему сердито:

— Будь неладно их ожидание!

Алуа смотрит на него с интересом, испытующе и усмехаясь:

— Товарищ Арман, я понимаю вашу торопливость... Но вы поймите положение колхоза. Это мы мобилизовали людей Жаппара на посев. Мы должны в течение пяти дней закончить сев и рапортовать району. А ваша работа, наверное, потерпит пятидневный срок.

Арман раздражен еще пуше:

– Не надо мне ваших внушений. За то, что Жаппар обманул и не дал людей, за то, что провалилось большое дело, я составил акт на Жаппара и подам рапорт в район.

Алуа приветливо смотрит на Жаппара.

– Как вам угодно, но мы защитим Жаппара.

– Не только защищайте, а на голове носите! Это не мое дело, мне нужны люди!

– А сегодня для вас людей нет, – резко говорит Алуа.

– Это меня не касается! Вы из района, так не головотяпствуйте, поймите сущность моего дела!

– Это вы не мне, а себе объясните! И не горячитесь!

– Как не горячиться!? Жаппар устраивает саботаж, а вы его защищаете. В таком случае созовите колхозное собрание!

– А собрание вот тут! Других не созовем!

– Я привлеку Жаппара к судебной ответственности, а о вас напишу в район, в Алма-Ату!

Алуа все еще насмешливо говорит:

– Жаппара я защищу, а мне защиты не нужно.

Наказывайте меня! – И уходит с Сексеком.

Жаппар хочет образумить Армана:

– Вы все упорствуете!

– Хватит! Не тебе учить меня! Вижу, нашел себе опору, защиту!

Арман поочередно смотрит то на Алуу, то на Жаппара, как бы не сознавая то новое чувство, которое пробуждается в нем. Он не в состоянии сдержать себя. С одной стороны, ему противен Жаппар, с другой – увлечен Алуой. Но ему кажется, что Алуа гораздо ближе к Жаппару, чем к нему. Поэтому-то Арман становится непримиримым.

Жаппар приобретает уверенность, говорит Арману с осуждением:

– Как хочешь, нападай на меня, воля твоя, но твоя придирка к Алуе вышла неумной!

– Эге, когда тебя охранять от наказания, ты будешь еще услужливее, наверное, на колени встанешь!

Жаппар теперь говорит громко, чтобы было слышно Алуе:

– Я не ради себя, а ради Алуы обвиняю вас и буду против ваших выпадов! Сказано, потерпеть пять дней, значит, надо ждать! Я тоже оставил на ферме только одного старика, всех привел сюда! А там уже пятьсот овец оягнились!

Алуа, поддерживая Жаппара:

– Да, да, за пять дней ничего не случится. А вот он все силы отдал для сева.

Опять повернулась в сторону, где идет концерт.

Арман продолжает спорить:

– Ты своей фермой не попрекай, скот не требует непрерывного ухода. Молодняк сам встал на ноги, кормится у матери.

Жаппар, слегка подтрунивая:

– Эге, если вы подвернетесь колхозникам, не сладко им будет. По-вашему, уход за скотом пустое дело?

Алуа теперь начинает Армана считать грубым, легкомысленным. И снова, обернувшись, смеясь, отвечает:

– А я как освобожусь от сева, первым долгом поеду в горы на ферму к Жаппару, а не на арык.

Прибежали Саруар и Асия, они обращаются к Алуе:

– Вы нам спойте городские песни. Новую песню спойте, Алуа-тате, – пристают к ней Асия и Жанар.

Колхозники также просят Алуу спеть песню. Алуа смотрит на всех смеющимися глазами, соглашается и идет к Сексеку. Сексек зовет также Жаппара. Арман подходит к ним, теперь он как бы невольно обращается к Алуе:

– Товарищ уполномоченный, вы приехали из округа и не поняли значения моей работы для колхозов. Я сердит на вас!

Алуа отвечает полушутливо:

– А разве я это не поняла?

– Поняли? Так для чего понадобилось, чтобы я говорил о роли первого канала на Актале?

Алуа засмеялась:

– А кто вас просил говорить?

Подбежала маленькая ученица Асия:

– Алуа-тате! Ваш выход!

Алуа улыбнулась и уходит на сцену. Она поет, зал шумно, восторженно принимает ее номер. Не слушавший

ее пения Арман кидается навстречу кончившей петь Алуе с новыми нападками:

– По-вашему, сейчас ничего не существует кроме сева!..

Алуа хохочет:

– Сейчас еще существует песня.

Арман вскипел:

– Да, сев и песня, больше ничего?

Колхозники требуют Алуу. Она снова уходит. Поет еще лучше.

Мечущийся в гневе Арман на миг невольно прислушался к ее пению. А песня так хороша, что уже начинает покорять его. Лицо джигита озарилось улыбкой, но тут же он взял себя в руки, разъяренный, вновь кинулся к ней навстречу.

Сияющая, счастливая идет Алуа, ребята окружили, обнимают ее, рады и благодарны ей. А Арман накинулся опять:

– Сев, хлеб... А что принесет канал в долину Актала? Не какая-нибудь пшеница, а чудесный рис, белый, жемчужный будет посеян здесь. В этой долине с каналом вместе родится много электростанций. А что это все значит?!

Алуа смеется по-прежнему, говорит убежденно:

– Все это для меня сегодня сладкие мечты! А сейчас мне дороже всего красная пшеница. И моя мечта – вовремя закончить ее сев...

Арман с отчаянием махнул рукой.

– Тьфу, какая узость! Все ваши понятия отсталые!

Алуа теперь осмеивает его:

– Если красная пшеница – отсталое понятие, то пусть будет так!

Теперь она заинтересовалась маленькой девочкой Асией, которая давно вертится возле нее.

– Чья ты девочка, Асия маленькая? Ты так хорошо поешь, покажи мне своих маму, папу, – говорит Алуа.

– Их нет...

– Как?

– Они умерли, даже бабушка умерла у меня.

За нее поясняет дальше Саруар:

– У нее нет родни. Живет, учится и растет в общежитии нашей школы.

Алуа взяла девочку к себе на колени, беседует с ней:
– Ты так хорошо поешь! По-моему, ты станешь знаменитой певицей.

– Нет! Я хочу быть летчицей...

– Родная, и то очень хорошо... Понимаешь, ведь и я мечтала стать летчицей. Но мне уже поздно, а ты обязательно будешь. А сейчас давай споем.

Подходит к Алуе Жаппар:

– Пять лет, с 25-го года, ровно пять лет!..

Глаза на иную не глядели...

И не от иной счастья ждали...

Алуа чуть вздрогнула, сдержалась и затем пристально посмотрела на лицо красивого джигита.

– Довольно, не читайте дальше!

Она взглянула на него с оттенком недоверия. Но потом добрее к нему:

– Какие неудачные строки вспомнились вам. А вы не себялюбивы? Не жестоки? Может, не того поля ягодка?

– Тайну и правду сердца скажи лучше по-казахски, Алуаш...

Алуа поглядела недовольным взглядом на него:

– Тоже истину изрекли! – иронически заметила ему...

К ним подошел Арман.

Жаппар заговорил с Алуой по-деловому:

– Я еду сегодняшней ночью в горы, на ферму. Алуа, вы как-то хотели увидеть ферму Назарбека.

Алуа заколебалась:

– Я бы хотела съездить. Тем более еще не была у животноводов. А на какой ферме ягнята?

– У старика Назарбека, в горах, на урочище Терен Сай. Поедете?

– Пожалуй, поеду завтра.

– Ну я там встречу вас.

Жаппар уходит. Арману не понравилось решение Алуы.

– И для чего вам ехать в горы... к овцам, Алуа?

– А почему бы не побыть мне на ферме?

Арман, еле заметно иронически улыбаясь:

– Овцы окотятся и без вашей помощи и Жаппара...

Алуе не понравилась его ирония.

– Мне кажется, что вам охота подразнить людей, это неуместно и грубо.

Арман смеется ей в лицо и, видя, что рассердил не на шутку Алуу, бросает ей, отходя:

– Так езжайте на вашу ферму и уговорите сотню овец окотиться двойняшками... Помогите словом увеличить колхозное добро.

Алуа раздраженно отвернулась от него.

Ей встречается Сексек.

– Почему уехал Жаппар?

Алуа круто повернулась к Сексеку:

– Не знаю, не знаю...

Как бы этим она отвечает своему внутреннему голосу. Она смущена вопросом Сексека. А Сексек продолжает говорить свое:

– Почему Жаппар рано уехал? Он чем-то взволнован, покраснелся. Но он красавец, всем джигитам джигит. Как ягодка. Дунуть и в рот забрать!

Алуа смеется, ей приятно слышать это от Сексека. Сексек рад тому, что рассмешил Алуу, все говорит о своем:

– И вправду красив, как ягодка. А хозяйство его какое. Он ведь бригадир по животноводству. И овцы и фермы, говорят, такие хорошие...

Собираясь объезжать работающих в поле, Алуа снова села на коня.

* * *

Близко придвинулась к темному ущелью одинокая зимовка. Возле нее на холмике пасет самых молоденьких разноцветных ягнят чабан Назарбек. Сейчас его борода с проседью.

Вокруг зеленеют холмы, поляны. В бескрайнюю даль уходит степь безбрежная.

Опираясь на длинную палку, стоит Назарбек. И вдруг начинает резко меняться выражение его лица, становится суровее. Из-за близкой груды камней поднимается голова, лицо незнакомца. Этот человек с окладистой черной бородой, в ней тоже проседь, это бывший мирза Догал.

– Эй, кто ты? – спросил Назарбек, чуть отступая назад...

– Не пугайся, Назарбек! Это я!

– Догал? Мирза Догал?!

– Да, раньше именовался мирза, а теперь назови как хочешь.

– Каким образом? Откуда?

Догал подскочил к Назарбеку и обеими руками угодливо трясет руку Назарбека.

– Каким образом? Вот среди гор и камней прячусь как дикий зверь. Сыновья рода Жалаир! Есть ли хоть в одном из них жалость? Пришел за защитой...

Назарбек насторожен:

– Ты в бегах?

– Когда я лишен воли... Конечно, в бегах! И вот пришел с единой надеждой, ищу твоей опоры. Никого в этой округе не видел... Никому, кроме тебя, не верю...

Назарбек изменился резко, заговорил с гневом:

– Значит, пришел укрыться у меня?

– Догадался, Назеке, конечно!

– Просишь, чтобы я скрыл тебя?

– Конечно, Назеке! Я тоже хочу жить честно своим трудом, как советский человек, скажи другим и примите меня в свои ряды!

Он говорит льстиво, но Назарбек резко оборвал его:

– Нет! Вновь не обманешь Назарбека! Теперь нет того раба Назарбека, мирза Догал!

Сурово, по-звериному смотрит теперь и Догал:

– Ты так сказал? Я решился на все!.. Единственно доверился тебе!.. Пришел только к тебе. Но я еще вернусь! Опомнись! Подумай. Запомни, Назарбек, ты будешь мне защитой... – И быстро уходит.

* * *

За стеной зимовки Назарбек отправляет в путь на коне свою дочь Айбалу.

– Милая дочь, скачи в Костобе! Алексей знает меня...

Он поймет. Передай лишь одно слово! Во всю скачи, не задерживайся!

Айбала смотрит на отца неприязненно, сердито говорит:
– Как доеду в такую даль! Ты! Ты сам накликал всю эту беду! Почему он к другим не пошел, а пришел к тебе? Объясни мне это, пожалуйста! Значит, надеялся, верил тебе. Я спрашиваю, почему классовый враг, враг советской власти ходит к тебе, а не к другим?

Айбала настойчиво требует от отца ответа.

– Брось, говорю, я расскажу тебе после. Поезжай скорее!

– Пока не скажешь, никуда не поеду. Почему он надеется на тебя? Или, как говорят, дьяволы дружат с бородачами? Наверное, он думал, ты скорее всех поможешь врагу народа?

– Милая, поезжай скорее, нигде не останавливайся.

Помогает сесть Айбале на коня.

Айбала отцу:

– Ты у меня подожди! За это будешь отвечать перед колхозом. Тогда ты поймешь? Ведь не могу же я краснеть перед комсомолом за то, что ты стал подкулачником!

И, ударив коня, быстро помчалась.

* * *

Ночь в горах. В узком ущелье слышен голос человека, пропускающего коня, кто-то быстро скачет. К самой дороге выступает небольшой утес. Из-за него выглядывают два огромных глаза. Это почерневший одичавший Жалтыр. Вид его вызывает страх. Рядом с ним стоит кто-то, готовый броситься вперед. Вид у него суровый, он черный, высокий, с выступающим вперед зубом.

При приближении всадника они мигом бросились на него, ухватились за повод коня. Ошарашенный внезапным нападением, всадник даже не может вскрикнуть, от страха теряя сознание, падает с лошади. Воры стащили его с коня как мертвого. Чуть погодя, он приходит в сознание. Над его головой стоят пятеро. Это Догал, Жалтыр и их банда.

Жалтыр и Догал, пугая, допрашивают Жаппара. Выведя его, дают ему поручение. Трусливый, безвольный Жаппар отвечает как помешанный, ничтожный человек. От неожиданности он говорит, заикаясь:

– Го-говорю, что Алуа будет у Назарбека. Я-я тоже еду ту-туда.

Жалтыр, беря за грудь, трясет его:

– Белый жеребец у кого, у Алуы?

– Да, да...

– На ферме сколько овец окотились?

– Пя-пятьсот.

– Сейчас ягнята где, в овчарнях?

Жаппар кивает головой. Догал ему объявляет окончательное решение:

– Теперь ты никуда не уйдешь от меня, будешь помогать мне! В эту ночь с нами вместе будешь делать все, что мы тебе скажем. Дальше поедем вместе.

Жаппар испуганно:

– Ку-куда?

– На границу. До границы поедешь с нами. У тебя есть печать фермы, ты подготовишь документы.

Испуганный Жаппар: “Ой, ой, я пропал...”.

Жалтыр, беря за горло, душит его и говорит последние слова:

– В первую очередь ты умрешь от наших рук, если ослушаешься. Не виляй. Ты теперь с нами, тебе к советам дороги нет, все отрезаны. Сядь на коня и веди нас.

Жалтыр и Догал ведут разговор. Кони их идут рядом. Жалтыр высказывает свое решение:

– У колхоза мы взяли коней, но этого мало! Мы должны навести страх и потом уйти! Пока я не покончу с фермой, я никуда не уеду.

Догал добавляет еще резче:

– Мы не только наведем страх, но и расправимся кое с кем из активистов. Я храню месть с давних пор. У меня здесь много врагов. Пока не сквитаюсь, и я не уеду!

Получив молчаливый знак согласия от других, бешено помчался в горы.

В горах одинокая зимовка Назарбека. Там ягнята отделены от овец и находятся в овчарнях. Назарбек и Алуа с фонарем обходят кошару. Окончили обход. Слышен лай собак. Назарбек чем-то обеспокоен. Снова лай собак.

– С чего так лают собаки?

– Да ничего, пусть лают, ата.

– Ой, не знаю, дочка! В этих горах разные слухи ходят!
– Какие это слухи?
– Да рассказывают, как вчера люди видели каких-то подозрительных верховых... В последние дни из колхозного табуна угнали лошадей.

Алуа зарядила свой кольт. Старик поглядел на нее с удовлетворением.

– Ой, дочка, как хорошо, хоть легче на душе.

Собаки лают неистово.

– А что, если потушим свет?

И старик тушит фонари...

Теперь они вышли из овчарни, идут в полумраке в жилую часть зимовки, проходят мимо белого жеребца, привязанного во внутреннем большом дворе. Любуясь на ходу жеребцом, старик вспоминает, каков был его отец... покойный Сатай только на нем ездил. Сколько конокрадов сбивал... И на нем умер... Бедняга! Я-то в последней его битве тоже участвовал... Был его помощником, табунщиком. Но меня в начале боя сбил с коня грабитель Булан.

Алуа смеется над простодушием старика.

– И ты будь храброй, как твой отец! Он умер, проклиная бая Догала. А я и после блуждал немало. Сдуру еще при канпеске я заступался за бая. Чего понадобилось тогда мне, дураку?..

Алуа смеется и ласково к старику:

– Как хорошо, ата, что вы так говорите теперь.

– Ну, еще бы теперь. За свою глупость я чуть не в одну осень поседел. Моя дочка Айбала – комсомолка, до сих пор попрекает этим. Она меня ругает, словно старшая, мать, а не дочь.

Раздается резкий стук в ворота. Старик оглядывается на Алуу.

– Это не наши стучат!

Собаки лают с визгом. Снова раздается нетерпеливый стук.

– Успокойтесь, ата. Идемте! Я пойду с вами, но будьте осторожны!

Старик смотрит в щель. Он видит пятерых верховых, вид у них подозрительный.

– Вид у них поганый. На мою беду и ты тут оказалась. Одному и умереть было бы легче. Твою ли еще муку видеть?

– Вы недаром вспомнили недавно моего отца. Сочту вас за родного человека. Доверьтесь мне, не открывайте.

Назарбек, еще раз посмотрев в щель, быстро шепчет:

– Не открою, милая... Я не хотел пугать... Это твой враг, Догал!

– Что вы говорите? Откуда вы знаете?

– Он самый, я хорошо вижу. Ни тебе, ни мне пощады не будет...

С улицы слышны повелительные голоса:

– Открой скорее! Открой ворота!!!

С ними разговаривает старик:

– Эй... Кто ты такой?

– Из района, из Гепеу! Открой!

– Не открою! Приезжай днем!

Часть приезжих спешила и начала неистово барабанить по воротам.

– Довольно! Уйди прочь, Догал, – крикнула Алуа. – Я буду стрелять!

– А! Ты здесь? Попробуй стрелять! Ты нам нужна!

– Что вам нужно? – спрашивает Алуа и прислушивается.

– Алуа, дочь табунщика Сатая нам нужна!..

Алуа прильнула к щели ворот и выстрелила.

– Этого врага и я узнала!

– Увидела! Узнала! – переговариваются между собой бандиты.

– Все равно теперь знает! Теперь, пока живы, не уйдем!

Стреляй! Ферму силой возьмем!

Жалтыр, быстро обернувшись, бросает: “Сжечь ферму”.

Ферму начинают поджигать, но стрельба не прекращается. Алуа отстреливается. У старика тоже наган, он, смотря на Алуу, говорит:

– Родимая, пусть ты не родилась сыном, но как ты достойна своего отца!..

Стрельба... Алуа тянет старика в комнату. Она поняла, что часть врагов обошла зимовку и подходит к окну. Алуа стреляет через щель ставни. Дверь во двор, напротив ворот, открыта... Старик, приняв какое-то решение, выбегает во

двор, отвязав белого жеребца, громко шепча, приказывает Алуу:

– Слышал запах гари, наверное, подожгли двор! Теперь от стрельбы мало пользы. Хоть ты спасайся! Возможно, половину ягнят спасешь.

Теперь старик отстреливается не целясь. Алуа один за другим посылает несколько выстрелов в сторону окна.

– Ата, не бойся, спасусь я, и спасу тебя и ягнят!

Выбежав во дворик, раскрыла ворота и стрелой помчалась на белом жеребце.

Враги, догадавшись о побеге девушки, с криком и дикой злобой погнались:

– Поймать! Уничтожить!..

– Стреляй!..

– Не спасешься!

Алуу преследуют всадники. Жалтыр и высокий черный, взяв в середину Жаппара, вместе скачут. Видно, что Жаппар действительно присоединился к ним.

Он, как бы убеждая Жалтыра:

– Не давайте ей спастись, а то всем конец!

Он быстро переметнулся в стан врагов и не пощадит Алуу.

Алуа скачет как ловкая наездница. У нее распущены пышные волосы. На скаку она ловко ворочается в седле. Теперь у нее в руках карабин. Она отстреливается время от времени.

Постепенно ее конь удаляется от бандитов. Но только двое из них не отстают. Они непрерывно стреляют. Алуа, собрав силы, чтобы стрелять без промаха, останавливает коня.

И противник на скаку выстрелил в Алуу. Алуа повалилась с коня. Но ружье в руке. Дрожащей рукой, с трудом беря на мушку, стреляет в скачущего врага, и враг сразу выронил ружье... потерял управление конем.

Видно, как схватил белого жеребца скакавший другой бандит. Это сам Догал. Алуа то приподнимается, то падает. А враг, подстреленный ею, лег на гриву коня и скачет к своим.

Алуа переживает мучительную боль. Чуть брезжит рассвет. Она оглядывается кругом. Падает на окровавленную голую землю... снова вскакивает. В это время видны

скачущие колхозники и военные из ГПУ. Собирая последние силы, Алуа выкрикнула:

— Враги тут, близко. Банда! Они сожгут ягнят... Скорее!

Скачут всадники врассыпную. Вдали слышны выстрелы. Алуа лежит возле овчарни, обессилена, потеряла много крови. Крыша овчарни горит. Огонь подбирается к ягням.

Назарбек хоть ранен в руку, окровавленный, держит в своих объятиях четырех ягнят. Кинулись к нему колхозники. После длительной борьбы спасают всех ягнят. Старик теряет сознание. Работники ГПУ привели пойманных бандитов. Рядом с Догалом раненый в обе руки Жаппар.

Приподнял голову старик, он крикнул:

— И он был с ними! Бригадир, бандит!

Алуа быстро повернулась и узнала:

— Это ты?

Жаппар молчит. Лицо Алуы стало суровым.

— Значит, я стреляла в свое заблуждение! Пусть так!

К Алуе подходит Арман.

— Ну говорил я вам, что нечего скитаться.

— А вы корить решили?

Арман усмехнулся. Алуа не может скрыть своего отвращения к Жаппару.

— Не будь вы в числе моих спасителей, я удивилась бы вашему вчерашнему предвидению.

* * *

В больнице, около выздоравливающей Алуы сидит в халате Нина. Алуа лежит на койке.

— Мне стыдно, я считаю себя виновной перед партией. Как я могла не узнать врага, который был со мною. Как я обманулась его внешностью.

Вспомнив, говорит со слезами:

— В особенности перед колхозниками, которые верят мне! Я же пела вместе с ним песни. Доверяя ему, я ввела в заблуждение и других...

Нина качнула головой, говорит по-прежнему сдержанно.

— Да, это так.

Входит Мардан, у него вид сочувствующего друга. Он как будто пришел навестить Алуу. Он также обращается к ней, жмет ей руку, успокаивает.

— Не только твой враг. Он враг советской власти! Проклинаю свое родство с Догалом. Я готов за каждую каплю твоей крови принести в жертву сотни догалов. Для славной дочери народа я не жалею ничего. Не мучайся! У тебя жизнь, светлое счастье впереди. Только учись, учись, расти... То, что ты испытала, это одна из трудностей. Завтра все забудется — и крепко подумай о своей учебе и о своем росте.

Мардан уходит.

Нина и Алуу молчат. Оставшись наедине, Нина говорит Алуу свое сокровенное дружеское слово:

— Предупреждаю тебя, Алуу! Ты стоишь у порога жизни. Все у тебя впереди: и прекрасная жизнь, и беспредельное будущее. Поэтому одно важно: ты должна учиться и учиться. Тебе партия это говорит. Сам Ленин учил так! И ты, и я будем учиться...

Теперь она смотрит на Алуу смягченным дружеским взглядом... Обняла ее, притянула к себе... они горячо целуются. Алуу, плача, целует и говорит: “Ты меня прости, Нина!”.

Нина ласково треплет ее за подбородок:

— Дурочка Алуу...

У часть

Комната с надписью “Кабинет истории СССР”. Книжные полки. В глубине длинный стол, цветы. Вокруг стола сидят ученые русские и казахи — большинство людей среднего возраста. Есть несколько женщин — членов ученого совета. В их числе опрятно одетая, чуть пополневшая и ставшая от этого почтеннее и милее Нина Ивановна. Она сидит почти в центре стола.

Председательствующий казах средних лет встает и делает знак в сторону входа.

— Войдите, подойдите поближе! Выслушайте оценки ученого совета по вашим дипломным работам!

Перед ученым советом выстроились около тридцати молодых людей — девушек, юношей. Вызывая их по

очереди, директор оглашает оценки ученого совета. Вот он вызвал Сатаеву Алуу.

Чуть повзрослевшая и достигшая цветущей красоты, хорошо одетая, с длиннейшими косами, Алуу выдвинулась вперед. На лице ее смущенная улыбка.

Ученый совет оценил дипломную работу Сатаевой на тему “О коммунистическом женском движении” – на “отлично”.

Председательствующий, обращаясь к студентам, продолжает:

– Товарищи, друзья! Мы желаем вам успехов в вашей дальнейшей жизни, теперь, перешагнув порог института, вы вступите в жизнь труда и деятельности. Мы желаем вам, чтобы вы снискали своими трудами добрую славу, признание и любовь нашего народа.

Собравшиеся дружно аплодируют. Студенты преподносят букеты членам совета. К Нине Ивановне подходят с цветами Алуу, еще двое студенток и один студент. Торжественное радостное ликование.

Беседуют директор, Нина Ивановна и еще один член совета. Директор говорит с довольным видом:

– Алуу и пишет, и говорит так серьезно, вдумчиво.

Нина, улыбаясь, поддерживает его:

– О, она пришла на учебу с жизненным опытом. Есть большой смысл и в ее исследовании женского вопроса. И, по-моему, эта ее работа очень легко может вырасти в научный труд.

Заговорил другой член совета, русский ученый:

– Я бы счел необходимым направить Сатаеву для научной работы в аспирантуру.

Тут подошел к этой группе щегольски одетый казах в очках, человек средних лет, с проседью в волосах. Он прислушивался к разговорам здесь. Директор знакомит его с собеседниками:

– Познакомьтесь, профессор Есенов, он недавно из Москвы. Это известный казахский ученый.

Нина и этот человек узнают друг друга и здороваются. Этот новый человек – Мардан.

– Я с интересом прислушался к вашим словам относительно Сатаевой. Особенно я поддерживаю ваши мысли

о том, что ее нужно направить в аспирантуру. И я хочу внести предложение: надо ее направить в наш научно-исследовательский институт, в филиал.

Переходя из этой комнаты в зал, дальше в коридор, разговаривают Нина, Мардан и Алуа.

– И тема ее диссертации ясна, – говорит Нина Ивановна.

– А какая тема? – спрашивает Мардан.

– Самой замечательной и важной ее темой должен быть вопрос о женском движении. Как это нравится тебе, Алуа?

– Очень нравится, Нина Ивановна! А как бы нашли вы, Мардан-ага?

Мардан отвечает, раздумывая на ходу:

– О женском движении. О женском вопросе в Казахстане.

– Почему только в Казахстане?! – спросила Нина.

– А такая установка. Научные работники Казахстана, по определению Москвы, должны преимущественно заниматься тематикой Казахстана.

Алуа задумалась:

– Значит, будем писать о том, что дала Октябрьская революция казахской женщине. Не так ли?

– Тогда, конечно, именно так, – отвечает Нина, как бы поддерживая ее.

Мардан и тут отвечает не сразу и говорит с весом:

– Да, верно, то, что мы сказали, составляет часть диссертации. Но чтобы решать проблему на должном научном уровне, необходимо охватывать материал шире... Нужно учесть требования исторической науки.

Нина обратилась к Алуе:

– Видишь, Алуа, сколько трудных и заманчивых перевалов впереди у тебя. Но мы еще многое продумаем с тобой.

Алуа довольна:

– О, Нина Ивановна, Мардан-ага, я готова учиться много, потому и искать готова долго, долго...

Мардан заключает решительно:

– Ну вот, товарищ Алуа, теперь вы перейдете в наш Институт истории и этнографии... Я жду вас там!

Вечер. В большом зале оркестр исполняет бальный танец.

Празднично одетая молодежь в ритмическом движении в такт музыке. В зале Алуа, рядом с ней идет Арман.

Арман смотрит на Алуу с видимым восхищением. Он высказывает об этом:

— Как вы переменились! Совсем иной вы стали, Алуа. Я сегодня пришел сюда специально, чтобы увидеть вас и поздравить с окончанием института.

Алуа, вежливо наклоняясь, благодарит его:

— Я тоже поздравляю вас! Занятия кончились, какую же специальность получили вы?

— Когда вы знали меня, я был гидротехником. Ну затем окончил институт и стал энергетиком.

Алуа смеется с одобрением и шутит:

— Вы и сейчас не покинули берега вод... Значит, еще не чуждаетесь таких хороших рек, как Актал?

Оба смеются и вслед затем:

— Не только чуждаться, — отвечает Арман, — я, пожалуй, еще крепче сроднюсь с Акталом.

Алуа удивленно говорит:

— Как это так? Решили искать свое счастье на берегах Актала?

— Возможно, что это неудивительно, если свою будущность и счастье я обрету на берегах Актала. Знаете, я ведь скоро еду строить там большую электростанцию.

Алуа восхищенно отвечает:

— Прекрасное стремление. Стройте там станцию. Пусть берега Актала преобразуются и превратятся в цветущий край. Актала мы никогда не забудем.

Арман говорит с некоторым опасением:

— Но вы туда не поедете же, не так ли?

— Сейчас не думаю ехать.

— Тогда, хоть вы и говорите, что Актал не будет забыт, однако, выходит, что сегодня вас туда не тянет?..

Заиграла музыка, и публика начинает танцы. Арман приглашает Алуу, и они вместе идут танцевать. Теперь их разговор происходит во время танца.

Говорит Арман:

— Конечно, я говорю о том, что видел! Ведь я не видел ваше лицо ласковое ко мне.

Алуа смущена, она долго смотрит на джигита, старающегося узнать истину и тайну ее.

— Едва ли кто видел во мне то, что вы говорите! Наверное, я никому так не открывалась.

С сердцем говорит Арман:

— Почему, почему же, Алуа? Я верю тому, что вы сказали сейчас. Вы и на самом деле похожи на человека, который никогда никому по-настоящему не открывался. По какой же причине?

Алуа кажется, что только сейчас, впервые в жизни готова открыться.

— Арман, эти ваши слова, кажется, призывают к откровенности. Но ясно мне, что над этой правдой я и сама до сих пор по-настоящему не задумывалась.

— Если сказать... — на этом месте она запнулась и, секунду подумав, продолжает... — Однажды в дни моей ранней юности я испытала на себе горечь сожаления. Тот случай меня слишком испугал, и я, кажется, замкнулась в себе. Мне кажется, что я перенесла какую-то психологическую травму, после чего я закрыла свои чувства, внутренне охладела. Кажется, что мое сердце было сковано льдом, который не мог так долго растаять.

В это время они, выйдя из круга танцующих, шли вдвоем, занятые беседой. Арман смотрит на Алуу с уважением и нежностью влюбленного.

— О, Алуа, вы сказали большую правду! Так и есть!.. Должно быть, так и было с вами. Эта истина! Это чистая, без единой соринки правда! — говорит он вдохновенно, как бы преклоняясь перед ней.

Через некоторое время они очутились в красивом алмаатинском саду, и в яркую лунную ночь, они, то входя в тень деревьев, то выходя на площадь, залитую ярким лунным светом, вели душевную беседу. Когда они вышли на одну из площадок, Алуа, подняв свое бледное умное лицо, пристально посмотрела на луну. На ее лице запечатлена светлая, чистая, глубокая задумчивость. Арман поражен ее теперешним видом. Он тоже старается высказать свои сокровенные мысли, свою правду.

— После этого увижу ли я вас так скоро? Но ваши немногие слова, высказанные в эту светлую ночь, я сохраню в своем сердце, и в какую бы даль не уехал, я, словно драгоценность, буду хранить их! То, что лелеял, то, что искал многие годы, сегодня, кажется, я нашел.

Смушенная Алуа чуть приподнимает руку. Она как будто бы не хочет дать ему возможность продолжать свои слова на эту тему. Но не желая расстаться с ним и не будучи в силах владеть собой, нежно озираясь на него, Алуа хочет снова слушать его только что высказанные слова. После минутной паузы она и сама более глубоко начинает ему открываться.

— Да, Арман, эта ночь кажется ночью, которая решила многое. Все сказанное останется в моей памяти. Не забудется.

Арман, схватив ее руки, прижимает их к сердцу.

— Алуа, Алуа, правда ли это? Будьте моей радостью, счастьем! Я отправляюсь полон счастья. Скажите же мне... Напутствуйте меня, чтобы я отправился счастливым!

Алуа встрепенулась, но не сводит глаз с Армана и после минутного молчания продолжает говорить:

— Я только что сказала... Сказала, что я впервые так открылась, высказала свою тайну! Помните, я говорила, что мое сердце сковано льдом, который долгое время не таял.

— Помню, Алуа!

— И вот теперь, чем больше я вас слушаю, тем больше я чувствую, что этот лед в моем сердце постепенно тает, и я начинаю чувствовать теплоту.

Арман беспредельно рад. Алуа, мягко водя ладонью по красивому лицу Армана, говорит свои последние слова:

— Будьте счастливы, будьте здоровы!

Арман порывисто обнимает девушку и целует ее.

— Мое сердце, мои мысли с тобой. Хоть и обрел я свою радость и счастье только в эту последнюю минуту, но этот короткий миг даст мне силу и крылья, чтобы преодолеть долгую разлуку и трудные испытания.

Алуа и Арман целуются.

Большое здание Алма-Атинского обкома партии. В кабинете первого секретаря обкома сидит Сапар. В его

волосах проседь, он стал солиднее. Около него Нина Ивановна.

Сапар говорит ей:

– В Актальском районе явно хромает работа среди женщин. Надо тебе подобрать кого-нибудь, чтобы послать туда... Что скажешь?

Нина отвечает, раздумывая:

– Правильно, что нужно послать человека. Как будто я даже и нахожу такого человека. Но... – она замолчала.

– Это кто?

– Она человек науки и растущий человек.

– Назови ее, кто она?

– Сатаева Алуа, помнишь?

– Помню. Она окончила учебу?

– Окончила прекрасно и по решению двух институтов остается аспиранткой.

– Начала с запозданием, но обнаружила наклонности к науке?

– Такие способности у нее... вспомнила ее потому, что она историк... вдобавок еще защитила по женскому вопросу.

Сапар встал и заговорил довольный, решительно:

– И очень хорошо! Знал прежнюю жизнь Алуы, считаю закономерным ее такой путь в науке... В Актал следует послать только Алуу...

– Как? Ведь ты признал, что ей хорошо быть в науке.

Сапар говорит решительно:

– Пусть аспиранткой и будет, но только заочной. А женский вопрос пусть изучает не только по книгам, но и в жизненной действительности, пусть делает исследования и выводы, учась на повседневном партийном строительстве. Согласна?

Нина весело улыбается:

– Тогда надо институту и Алуе разъяснить это решение обкома!

В той же самой комнате Сапар, Нина, Алуа. Похоже, что они, ведя долгую беседу, о многом переговорили, поняли друг друга. Сапар теперь говорит Алуе, как в напутствие:

– Пусть передовой Актальский район станет примерным и в росте людей. И это пусть станет явным из положения

казахской женщины, которой партия заботливо создала все возможности. Однако в том районе это дело не на высоте. Ты создашь большие активные группы женщин из матерей, из молодых женщин, из учащихся. Ты обязана вырастить передовиков труда, прославленных женщин. Поведи за собой женщин этого района. Пойми, что твоей рукой партия осуществляет исторические начинания. Вот с такой задачей отправляем мы тебя туда!

Алуа благодарно воспринимает это доверие:

— Все я поняла и принимаю полностью. Одно только прошу, пусть, обязывая меня, вспоминайте временами о поддержке. — Нина и Сапар, одобряя ее слова, обменялись с ней крепким рукопожатием.

* * *

Поезд подходит к станции “Костобе”. Сексек, встречая Алуу, помогает ей выйти из вагона.

В доме за чаепитием ведут разговор Алуа и Сексек.

— Чего смеешься? Все смеешься и смеешься, — говорит Сексек.

— Отчего же мне не смеяться?

— А у самой ни семьи, ни приюта... у меня ни бабенки, у тебя ни болвана. А летаем и поем: “Перепелка, перепелка, бездомка”.

Алуа хохочет, отвечает ему:

— Ах какие мы несчастные... подумать только!

— А то как! Учиться... учиться... опять учиться. Ну ждали, окончила! Дождались?.. Думал, вот, наверное, теперь... А ты опять одна приехала из Алма-Аты! Думаешь, в районе водятся джигиты, достойные тебя? Все... такие, что подуть и в рот взять, остались там. Ты бежишь, что ли от них!

Алуа, смеясь, отвечает:

— Я на этом однажды обожглась — оставь меня, Секе. Сексек перебивает ее:

— Что значит, оставь меня! Ты что, стала меринком?

Алуа смеется и отвечает:

— Давно как-то ты сам мне навязывал человека. Я обожглась и вот с тех пор осталась замкнутой...

...Ты заставил меня высказать тайну... Но пусть тайне ответит тайна! Почему же ты не женишься?

— Да разве я не хочу жениться!

— Так в чем же дело?

Алуа смеется и передразнивает Сексека его же любимым выражением:

— Девушки как ягодки, подуть и в рот взять... Все тут! Так чего же ты зеваешь? Что, звезды ваши не совпадают, что ли?

— Да не находится же настоящая.

— Как же это?

— Я жду такую, у которой душа по душе и особенно рост по росту мне.

Алуа удивлена:

— Что за “Тысяча и одна ночь”?

Сексек говорит, возмущенный ее непонятливостью:

— Здесь было ухаживал за одной, но разошлись. Всему виной мой рост. Стала говорить мне: “Разве бывает такой малорослый мужчина?” А все девушки, как назло, пошли слишком рослые... А на что мне девушка выше ростом? Ну такая длинноногая, как ты, например, куда мне? — И став на кончики пальцев, он тянется к голове Алуы, потом с шуткой продолжает: — Что же тянуться мне, как коню в ясли за овсом. Вдруг захочу поцеловать, так лестницу ставить? Жиренше не захотел жениться, пока не встретит красноречивую девушку. Так вот и я жду такую, которая будет ростом одинакова с моим.

— Тоже мне обет!

— Не обет, так причина. А у тебя же причины нет?!

— Ладно, ладно... Если дойдет до бога твоя молитва. Я встречу жениха и здесь. Кто знает?

Алуа смеется. Сексек не верит. Он подшучивает над ней:

— Да, передавали, что в песках Бетпакдалы поджидают Алуу десятки женихов, подобно Баян-Сулу, которую девяносто витязей ждали, съехавшись из девяти-десяти стран!.. Найдешь в пустыне голой иссохшее истлевшее добро.

Сердась на смеющуюся Алуу, он добавляет:

— Коли ты выйдешь замуж, я на пари свой нос отрежу и отдам.

Алуа шутит в ответ:

— Смотри, побереги свой нос, а то попадетя невеста по росту, а жених будет безносый.

* * *

В солнечный летний день взлетела на взгорок легковая машина “газик”. Она остановилась на взгорье. Выходят из машины Алуа и Бейсен Сатов. Они одеты легко, удобно по-летнему. Бейсен сильно изменился, он уже лысеет, на висках проседь. Но по всей манере и характеру его заметно, что это человек уже иной, с большим жизненным опытом и достоинством.

Они прошли к выступу в стороне от дороги. Внизу обрыв, там утес. Отсюда прекрасно обзревается вся долина Актала. Широкая и долгая долина цветет садами, посевами, вдали заметно дымят заводы. Видны селения, колхозы. Вниз уходят бескрайние зеленые поля посевов. Почти на горизонте, нарушая тишину веков, мчится с зычным гудением поезд.

Алуа смотрит на этот мир с упоением, на ее устах улыбка радости. Говорит Бейсен:

— Вот, Алуаш, та долина Актала, где ты вертела тяжелые бочки, изнывала у байского очага, а я, Бейсен, на буром воле, на этом холме на краю байского стада не раз проливал горячие слезы.

Алуа поддерживает его мысли. Они говорят о тягостном минувшем. Алуа заговорила в тон ему:

— Тогда во всей этой долине Актала были только войлочные юрты, да весенние, осенние и зимние урочища.

Подхватывает ее мысли Бейсен:

— При высылке Догала ты говорила, что в этом краю на месте семи баев Жалаира будут воздвигнуты семь тысяч домов. Ты была права в этом. Сегодня в этой долине Актала на месте семи баев широко расположились семьдесят колхозов нашего Актальского района... Вот, Алуаш, как встречает тебя родной район и, соответственно своим темпам, ждет труда и побед от тебя!

Без слов, но ясно закрепляют обет на труд Алуа и Бейсен. Причудливо извивается шелковый шарф на шее

Алуы, сильный ветер развеивает длинные пряди ее волос. Алуа смотрит молча вдаль. На лице Алуы запечатлены одновременно и глубокая мысль, и надежда, и еле заметная радостная улыбка.

* * *

На переднем фасаде большого двухэтажного здания вывеска с надписью: “Полная средняя школа имени Абая”.

Алуа и Саруар идут по спокойному длинному коридору. “Пятый класс”. Там учитель казах дает урок арифметики. Школьники встают. Алуа, поздоровавшись с ними и извинившись перед учителем, просматривает журнал. Осмотрела класс. Здесь девочки и мальчики равны по количеству. Дальше они в шестом классе. Там пожилая русская учительница ведет занятия по естествознанию. И здесь Алуа проделала то, что делала в предыдущем классе. Здесь также девочки и мальчики в равном количестве. Алуа и Саруар идут в седьмой класс. Вместе с ними в класс вошел низкого роста пожилой казах в очках. Он отрекомендовался как директор школы Жексенов.

Но вот восьмой класс. Ведет урок молодой казах. Здесь резкая разница – из числа двадцати пяти учащихся – девушек только пять. Алуа входит в девятый класс. Там более двадцати учащихся, а девушек только три. В десятом классе учащихся двадцать и среди них только одна девушка.

В это время раздается звонок. Алуа заговорила с единственной девушкой этого класса.

Эта девушка сразу же узнала Алуу.

– Алуа-тате! Узнаете вы меня? Я вас не забыла! Но как изменились вы. Помните, как в колхозе “Актал” в 1935 году...

Алуа обрадовалась девушке, обняла ее:

– Асия, Ася, Асюша! Как хорошо ты выросла! Помню... мы с тобой соревновались в пении. – Но тут же Алуа, резко изменившись в лице, спрашивает: – Но ты скажи мне, Асюша, почему, кроме тебя, не учатся девушки?

– О, не учатся, тате! У нас... здесь... так...

Крепко, невесело задумалась Алуа.

В кабинете директора она, Саруар и Жексенов.

Алуа холодно разговаривает с Саруар и Жексеновым:
– Что это? Как же так? До седьмого класса одинаковое количество мальчиков и девочек. А в 8-м, 9-м и 10-м девочки почти отсутствуют. Почему это так? Или есть закон, запрещающий учиться девушкам Актальского района дальше седьмого класса? Объясните мне, товарищи!

Жексенов на это отвечает не сразу и несколько удивленным тоном:

– Конечно, нехорошо! Но отчего, не могу узнать...
Словно как снег тают.

– Вы не знаете причины?

Старик удивленно разводит руками.

– Трудно, трудно мне угадать причины. Девушки не ходят на учебу.

– Итак, вы не знаете причины? Саруар! И вы не заметили этого?

Саруар отвечает простодушно, наивно:

– Я и сама поражена. Я не думала, что так будет. Каково!.. Настоящее безобразия!

Алуа заговорила с гневом:

– Вы, заведующая отделом народного образования, не знаете?!

– А вы, – обращается она к Жексенову, – не только не позаботились, но даже и не подумали вникнуть в причину этого. Хорошо! Постараемся раскрыть причины!

Вечер. Возле станционного сада идут Асия и Жанар. Они встречаются со своими сверстницами Жамал, Камшат и Анар. Асия рассказывает обо всем, что ей пришлось видеть днем.

– Сегодня в нашу школу приехал человек из района. Спрашивал, почему девушки не учатся. Вы знаете, кто этот человек?

Девушки:

– Кто, кто? – закричали все в один голос.

– Это Алуа-тате. Ты знаешь, Жанар, помнишь ли? Это было давно, весной, на колхозном поле мы давали концерт. Тогда мы были маленькие...

Некоторые из девушек вспоминают тот случай, о котором говорит Асия.

– Алуу, Алуу-тате знаем, в нее стреляли кулаки.

– Она боролась за колхоз.
– Она конфисковала хозяина этих мест! Был такой бай Догал.

– Он же и стрелял после в Алуу!

– О, она действительно хорошая, советская женщина! Асия, заключая теперь свои слова, говорит:

– Так вот, она недавно окончила институт в Алма-Ате. Много проучившись, стала большим образованным человеком. Поэтому ее отправили в наш район, в качестве одного из руководящих работников.

Жанар теперь спрашивает у Асии подробности:

– Значит, говоришь, она спрашивала, почему девушки не учатся?

– О, она об этом много спрашивала. Наш директор, растерявшись, не мог и ответить. Приехала заврайоно, Саруар-тате, и она не могла ответить. Знаете ли, она очень крепко спрашивает с них, почему мы с вами оторвались от учебы.

Жанар говорит с гневом:

– Не у школы, а у других надо крепко спрашивать!

– Ты скажи Алуу-тате, я очень хочу с ней поговорить.

В эти дни мне это особенно необходимо! Поняла?

В это время случайно к ним подходит Алуа, гулявшая одна. Алуа узнает Асию и, поздоровавшись с ней, задерживается. Девушки смущаются и с уважением смотрят на Алуу.

– Кто эти девушки? Как их зовут? Где учатся?

Познакомь меня с ними, Асия!

Асия знакомит.

– Это Жанар! Это Камшат. Это Жамал, а вот эта Анар!

Алуа словно родная сестра говорит с ними:

– После того, как назвали ваши имена, теперь, как и Асию, я узнала и тебя, Жанар, и Камшат, и всех вас. Все вы выросли, изменились. Стали хорошими девушками. Ну, а в учебе как, тоже растете? Где учитесь?

Девушки смущены, они смотрят вниз. Никто не может ответить. За всех, смущаясь, отвечает Асия:

– Они не учатся, Алуу-тате. Это те девушки, которые ушли из нашей школы...

Алуа, подойдя вплотную к девушкам и проявляя большую заботу, расспрашивает их:

— Так это вы бросили учебу? Вы молоды, кажется, и здоровы. По виду вы ни в чем не нуждаетесь. Так по какой же причине вы поссорились со школой и убежали от учебы?

Смущенные девушки молчат. Кажется, решилась говорить Жанар, но и она не совсем осмеливается.

— Узнать об этом мне было очень обидно. Что же это, девушки нашего района до того бессознательны, что ли? Думать так слишком тяжело. Или тому причиной являются невежество, темнота, пережитки прошлого, что оторвало их от школы? Думать так тоже тяжело. И очень кстати получилось, что я вас встретила. Вы сами теперь расскажите, девушки, в чем дело! Только говорите правду!

Девушки доверчиво глядят на Алуу, чтобы ободрить их, Алуа говорит:

— Но договоримся! Говорить прямо, не скрывать ничего, какой бы тяжелой эта правда ни была! Считайте меня родной сестрой. Я на самом деле старшая сестра вам, я вышла из вашей же среды. Вы, советская молодежь, может быть, терпите притеснение со стороны некоторых отсталых невежественных родителей или, может быть, со стороны других взрослых людей с плохими привычками. Может быть, стесняясь этого, и скрываете правду? Это было бы вредной, негодной привычкой! Это доказывало бы, что в вас нет смелости. Вот почему я и требую, чтобы вы сказали правду. Ну скажите, что вас оторвало от учебы, какая причина?

Девушки переглядываются между собой, но никто не осмеливается начать говорить первой.

— Ну, начинайте кто-нибудь! — говорит Алуа и смотрит на Жанар. — Начинай ты, Жанар! Как будто ты собираешься говорить? Давайте будем говорить на ходу! — И Алуа, обнявшись, идет с девушками, разговаривая на ходу. Осмелевшая Жанар теперь окончательно решилась высказаться:

— Алуа-тате, о нашем положении вы говорили сейчас сами, словно вы его хорошо знаете. Не будет ли неуместным, если я предложу вам пойти в наш дом? Тогда вы увидели бы все своими глазами.

Через некоторое время возглавляемая Алуой группа девушек заходит в отдельный дом. Широкая веранда. На

ней разостланы ковры, одеяла, лежат подушки. Вокруг низкого длинного стола сидят несколько старух-казашек и четыре белобородых старика.

При входе Алуы они, несколько растерявшись, замолкают. Возле большого самовара пьют чай старухи и старики. Теперь они замолчали, никто ни на кого не смотрит и продолжают пить чай. Обычно любящие чаевничать, казахские старухи и старики медленными глотками тянут ароматный чай.

У всех старух головы обмотаны жаулыками, одеты в длинные бархатные камзолы. В таком же одеянии и бабушка Жанар. Сидят они чинно, словно собрались на какое-нибудь торжество, как званые гости.

Алуа с ними вежливо здоровается. Приветствует их. Жанар трогает пальцем Асию и выражает свое крайнее недовольство по поводу собравшихся старух. На это удивленно оборачивается Алуа. Жанар смотрит теперь на нее смело. Нахмутив брови, она начинает говорить:

— Алуа-тате, вы сегодня в школе спрашивали, почему мы бросили школу. Недавно на улице об этом же спрашивали вот этих четырех девушек. Я вас пригласила домой, чтобы ответить вам. До поры до времени молчала, думала подать свой голос, когда настанет время, доказать, что я советская девушка. А вот теперь смотрите! Причиной того, что вот мы вчетвером и еще целая группа девушек оставили учебу, являются вот эти вот сидящие здесь люди!

При этих словах старухи задвигались и нахмурили брови.

Одна из старух, не вытерпев:

— О, бессовестная, что она говорит! Бессовестная! — проговорила она ледяным тоном.

Но разошедшаяся Жанар не унимается:

— Вы хотите спросить, кто эти люди? Эти люди наши бабушки и дедушки, свахи и сваты. Одни из них хотят нас выдать замуж, другие хотят заполнить невесту.

Старухи, перевернув вверх дном свои чашки, отодвинулись от скатерти. Некоторые, прогневавшись, говорят:

— О, боже! Что за беда! Огонь ей на язык!

— Какой позор! И вот ей мы желали счастья! Бедные мы матери!

– Ну времена! – бормочат двое стариков.

– О боже, довелось же нам видеть и это!

Выслушав эти презрительные слова, Жанар начинает гневно, быстро говорить:

– Нечего скрывать, Алуа-апа! Мы не хотели бросать учебу! Например, вот я! Заставила бросить учебу вот она, моя бабушка. Говорит, что девушка, достигшая пятнадцати лет, должна бросить учебу и выйти замуж. Меня хотят выдать замуж за сына вон той старухи, по имени Калампыр, который работает на конеферме. Сейчас они, сидя за чашкой чая, торговали мною, договаривались об условиях сватовства!

Бабушка Жанар разгневалась:

– Долой с моих глаз! Не слушайте ее! Она сама не захотела учиться. Ты, кажется, старше всех их и способна понимать, милая девушка! – обратилась она к Алуе. – Как достигнет девушка пятнадцати лет, так и думает, что она уже взрослая. Как же это она сваливает вину на нас!

Эту старуху поддерживает другая.

– Если девушка не учится, то в этом одна только мать виновата что ли? Разве мало девушек помоложе Жанар, которые повыходили замуж?

– Не только бабушка, бывает, что и отец запрещает учиться!

Раздражаясь, смелее других заговорила еще одна старуха:

– Не только отцы говорят... а вот, скажем, что состарились, как ответите на это? Отец на работе, брат тоже, сноха также в колхозе... А кто будет смотреть за домом?

– Проучилась семь лет и хватит для девушек. Не всем же быть доктором (доктором), анженером (инженером)! – раздражаясь и готовая поспорить, проговорила одна из старух.

– Советской власти нужна и образованная домохозяйка, и прекрасная мать! – поддерживает старух один из стариков.

Жанар на эти слова отвечает гневно, нахмутив брови:

– Вот вы видите, какие доводы они выставляют! Не дали нам учиться, помешали, вот они! Вот они за нас грешны!

Жанар поддерживают все остальные девушки.

– Всем нам не дают учиться вот эти наши отцы и матери...

– Сами не ученые, так и для нас, думают, будет много, если мы будем продолжать учиться...

– У очага хотят нас держать!

– Даже норовят выдать нас за калым.

– Только и думают, как бы выдать нас за человека с большими доходами!

Жанар говорит теперь четко и ясно, разоблачая их:

– Вот мать Камшат по имени Балым. Ее сваха вот эта бабушка Рахия! Ее сын работает в кооперативе, с низшим образованием. Он, якобы, наговаривает, что ему не нужна женщина с большим образованием, чем у него самого. Вон Сара-апай собирается стать свекровью вот этой Жамал. Вы слушайте! Я сейчас все раскрою! Вот эта апай и является виновницей ухода из школы Жамал. Сара-апай говорит: “Если сноха ученая, то она не будет слушаться своего мужа, свекра и свекровь!”

– Меня же заставили бросить учебу с тем, чтобы быстрее ввести в дом жениха и заставить готовить пищу. Что, неправда все это? Знаю, вам не по душе, бабушка! В вас все старые пережитки, о которых говорил товарищ Сталин! Скажете, что я лгу? Ведь вы же сегодня пришли сюда, чтобы сватать меня, чтобы принять пищу после утомительного дня, проведенного без единой соринки во рту, как это требует закон ораза (поста). Все вы, сидящие здесь, держите ораза! Не правда что ли? Многие из вас совершают молитву! Разве вы не гадаете на овечьем помете – на кумалаках? Если бы девушки послушались вас, то вы не только с шестнадцати лет, а и с одиннадцати-двенадцати лет посватали бы нас! Теперь мы не подчинимся вашей воле! Поняли? Уже стало известно власти и наше положение, и ваши обычаи! Партия узнала, на какую беду вы нас толкали! Так вот, знайте же, что ваши сети окончательно порвались!

Старухи теперь не осмеливаются спорить и, бормоча себе под нос, взяв друг за друга за руки, быстро уходят.

Бабушка Жанар смотрит на Алуу с гневом:

– Все разрушила... Для этого ты и приехала, что ли? – говорит она.

Алуа говорит громко, чтобы всем старухам было слышно:

– Нет, бабушка, не разрушать, а исправлять приехала я! Видите, что я ни одного слова не вымолвила. Разве не ваши дочери сами раскрыли все? Я их не учила. Их научила эпоха, советская действительность. Обманом не возьмете, в неволе не удержите! Теперь все ваши сети лопнули.

Старухи уходят. Девушки окружают Алуу.

– Пошлите нас снова учиться, – просит Камшат.

– Снова начнем учебу, все будем учиться! – говорят и другие девушки, теснее окружая Алуу.

Алуа берет бумагу и говорит веско, как бы давая совет девушкам:

– Так вот, девушки! Вам нельзя поступать в десятилетку, пропустили много времени. Зато здесь есть курсы, обучающие разным профессиям. И новые хотим открыть. В них будут учиться те женщины, которые, как вы, не успели своевременно окончить среднюю школу. Там подготовят из вас специалистов – агротехников, специалистов сахарного завода, электромехаников. Так вот, – продолжает Алуа, делая записи на бумаге, – всех вас, а также других девушек и устроим на учебу на эти курсы.

* * *

Колхозное поле. Зеленым ковром расстилаются посевы. На необъятных просторах заметны следы самоотверженного труда. Тут же ряды дружно растущей сахарной свеклы. Пошел дождь, превратился в ливень. На краю посевов три-четыре фруктовых дерева. Под ними маленькие дети – двухлетняя девочка, трехлетний мальчик, еще один грудной ребенок и четырехлетняя девочка. Среди этих маленьких детишек стоит чуть постарше их, девочка лет шести. Дети заплакали, как только пошел дождь. Старшая девочка подбегает к одному из них, хочет унять, но плачет другой, она бежит к тому, в это время начинает реветь третий, растерялась девочка и, не зная что делать, заплакала и сама. Быстрыми шагами подходит к ним Алуа.

Кинулась успокаивать плачущих детишек. Рядом с ней бригадир Садык.

– Не плачь, родненькая! Где ваши мамы, скажи? – обращается он к старшей девочке. А девочка объясняет плача:

– Мама там вон, работают. Меня оставили с ними. А они все плачут и плачут. Что я с ними буду делать? – и снова плачет.

Прибегают под дождем несколько матерей. Берут своих детей на руки, успокаивают. Здравуются с Алуой.

Дождь перестает... Алуа начинает беседовать с женщинами:

– Какого колхоза эти посева?

– “Актал”... Актальского колхоза! – говорят женщины.

– Вот наш бригадир стоит.

– А что, каждый день таскаете ребят на работу?

Высокая, стройно и крепко сложенная женщина заговорила с Алуой более охотно:

– Ну как же иначе? А ты, я слышала, в район вернулась! Не Алуа ли ты, милая!?

Алуа засмеялась:

– Я Алуа, апа!

Кинулись с приветствиями три-четыре женщины разом:

– Алуа, Алуаш! – здороваются они с ней.

Со всех сторон говорят женщины о своих недовольствах.

– Колхоз наш богатый, но видишь вот, каждый день так с ребятами. Нет дома никого, кто бы смотрел за детьми.

– Где детские ясли, где детсад? – спрашивает Алуа.

Женщины заговорили скопом:

– Не открыл бригадир!.. Вот он, Садык.

– Председатель колхоза все еще не открывает их, а кормит только обещаниями.

– Раз тут дети, трудишься не так, как другие женщины. Мало пользы. Вот видишь же сама. Непокойно на сердце – и работа не спорится. Труд наш на ветер.

Алуа продолжает беседу:

– А есть стахановки среди вас? Кто передовики?

– Да все тут равны, дорогая...

– Не можем пока вырастить такой из нашей среды.

Алуа явно недовольна всем.

– Понятно, понятно, – закончила она и обратилась к Садыку.

– Ну, товарищ бригадир, что на то мы скажем? Берега Актала – одно из урожайных мест в Союзе по сахарной свекле. Здесь можно получить всемирный рекорд по сбору свеклы. А у вас нет ни одной передовой свекловичницы, ни одной женщины-стахановки. Как это так?

– Да пока нет. Мы их считаем сознательными колхозницами, но, однако, они не проявляют никакой инициативы... Всегда только на бригадира и надеются!

Женщины критикуют его:

– Как же не на бригадира? Разве не от тебя все зависит?

– Какие ты нам условия создал? Кому создал?

– Даже для наших детей не устроил какое-нибудь убежище от жары.

– Не хотим что ли мы быть передовыми, не слышали что ли о других... А ты, бригадир, кроме лживых обещаний, что дал? От тебя никакого толка.

Алуа подытоживает:

– Апаи, сверстницы мои! Положение ясное, разговор должен быть коротким. Если вы поддерживаете, то мы сегодня подвергнем обсуждению на колхозном собрании работу вашего бригадира! Согласны?!

Все женщины поддерживают это предложение.

* * *

Теперь Алуа на молочной ферме. Около нее старик Назарбек. Он говорит довольный, бодрый:

– Не говори, милая! Достигли того времени, когда у нас все в изобилии. На этой ферме несколько сот таких коров, и у каждой молока как воды в ручье! Тут и маслобойня. А доходов колхоза не счесть.

Алуа идет молча, подходит к дояркам, которые тоже узнали ее, встречают приветливо. Алуа идет вместе с Назарбеком. Начинает вести разговор с доярками:

– А ну-ка, дорогие снохи и апа, скажите правду, кто из вас самая лучшая, передовая доярка?

Засмеялась пожилая женщина:

– Милая Алуа, в колхозе “Актал” разве есть плохие колхозники? Все мы передовые!

Смеясь, поддержала ее другая доярка:

– Что мы дадим одной опередить нас, а сами будем стоять да смотреть на нее?

– Нет передних, нет и задних. Десять пальцев есть у каждой из нас!

Удивленная их ответами, Алуа смотрит на Назарбека:

– Значит, все они стахановки? Или все так... средние?

Назарбек закивал головой:

– Да, вот так, как ты сама сказала... Все так, средние, одинаковые! Мы стахановками никого не выделяем.

Одна из молодых доярок, дочь Назарбека, Айбала поняла настроение Алуы и заговорила по-иному:

– Вы не поняли, женщины, чего хочет Алуа. И вы, отец, как завфермой не очень-то порадовали. Ведь Алуа спрашивает, почему нет здесь стахановок. Вы хотите похвастаться, что у вас не водится таких? Лучше бы постыдились мы от того, что среди нас нет стахановок! Разве мы не слышали про Салиху Онгарбаеву? Не вышла бы что ли такая из нас? А мы вот все не можем выйти в передовые... Вот о чем бы следовало сказать!

Алуа оживленно поддержала ее:

– Конечно, вот об этом и надо говорить... Как ваше имя, милая сверстница?

– Меня зовут Айбалой, Алуаш! Не выходит из нас стахановки потому, что мы многосемейные! Здесь дойка, а дома уход за ребятами, варка пищи, кормежка целой ватаги! И вот проходят дни в метаниях. Больно, что среди нас нет ни одного депутата или хоть одного орденосца. Узнай, запомни о нашем положении! Разве не об этом хотели говорить все вы?

Женщины дружно поддержали ее:

– Об этом...

– Она права! Все сказала Айбала!

– Есть среди нас и больные, и немощные. Но нет помощи доктора, лекарств. Остаешься без помощи!

Алуа согласно кивает головой, она благодарна за открытость этих женщин. Говорит, как бы благодаря их:

– Вот и надо говорить правду!

Айбала после этих слов задумалась и принимает решение:

— Просит сказать настоящую правду... Эй, женщины! Давайте будем говорить настоящую правду.

— Так вот, старик Назеке больше не подходит быть заведующим этой фермы. Скажи правду сам, отец, разве я не правильно говорю?

Женщины в знак согласия машут головой.

— Пусть сам скажет, Назеке! Сам будет провергать это? — говорят они.

От этих слов Назарбек начинает теряться:

— Ой, что говорят эти женщины. Ведь когда-то вместе с тобой же я проливал кровь за этот колхоз, Алуа...

— То правда, Назеке... Вас можно освободить от должности, не предъявляя никакой вины.

— Ах, так? Вины нет, говоришь. Тогда эта девушка, наверно, зная говорила... И правда, освободите меня и поручите это дело кому-нибудь из молодых.

Женщины соглашаются с этим. Одна пожилая женщина говорит Алуе, советуя ей:

— Ну, Алуа, так решили, что ли? Тогда попросим заведующей нашей фермы назначить не кого-нибудь, а именно нашу Айбалу!

— Мы здесь это не решаем, решает сам колхоз. Но мы это мнение там поддержим. А без этого нельзя! — заключает Алуа.

* * *

Алуа на большом строительстве, занявшем подгорье, откуда вытекает Актал. Здесь строится большая электростанция. Кипит работа различных групп рабочих. Одни свозят бревна, другие обтесывают камни. Работают экскаваторы, шумно действуют камнедробилки, вереницы людей везут тачки. Уже построено много производственных цехов. В мастерских токарные станки, динамо-машины, по широкому саду тянутся трансмиссии, длинные ленточные конвейеры. Все здесь в своем ритмичном полнокровном действии, движении. Все строительство похоже на раскрытый, действующий часовой механизм.

Однако Алуа замечает, что всюду женщины трудятся чернорабочими. Невзрачно одетые казашки и русские женщины еще нигде не приобщились к квалифицированному

труду. Алуа спрашивает у одних: “Знаете ли начальника строительства? Где начальник строительства?” Ей показывают на одну из дверей в коридоре. Там висит вывеска с надписью “Начальник строительства”. Алуа входит в этот кабинет. За большим столом сидит Арман. Он подписывает и передает кипу бумаг человеку, сидящему возле него. Проводив его, он здоровается с Алуой.

Они беседуют. Алуа говорит в тоне обвиняющего. На ее лице печать гнева и недовольства.

— Двадцать пять процентов рабочих вашего строительства женщины. У большинства из них семьи. Вы возглавляете большое строительство. Вокруг вас сады, зелень! Что же, вам трудно создать детясли, детсады?

Арман отвечает с раздражением:

— Алуа, вы что? Мы с вами в Актале разве так должны были встретиться?

— Я тоже так думала, что мы не так встретимся. Я ожидала другое, но разочаровалась в вашей работе. Я ни о чем другом не могу думать, кроме этого вопроса. Объясните, что это значит?

— Я не могу наладить работу по строительству станции, а вы мне говорите о другом. Думаете, я против этого? Помогли бы, чем обвинять!

— Помогать! Но разве для большинства женщин квалифицированный труд не подходит, что ли? Почему же не устраиваете ни одну женщину по их способности, почему не учите их?

— Я не могу строительство превратить в школу, не могу обучать сейчас. Работаю только с обученными. Вы говорите, будто с неба упали.

— Не с неба, товарищ начальник! Это слово и требования людей земли, самого народа! На наших стройках от простого рабочего до квалифицированного специалиста, а если понадобится, так и до начальника все выращиваются из своей среды. Почему же вы разговариваете так упрямо, как будто вы иссохшее, старое дерево? Как специалист с отжившими понятиями?! Ну оставим сегодняшнее, сегодня строите станцию, но ведь завтра вы пустите ее.

Раздраженный Арман коротко отвечает:

— Да, пустим, и что же?

— А готовите вы людей, которые будут работать на станции?

— Это дело не строительства, а других учреждений.

— Нет, не верно! Мы, работники района, не можем думать так. Мы говорим, что кадры, которые необходимы для станции нашего района, должны готовиться из тех, кто сегодня работает на вашем строительстве. И я требую от вас, чтобы вы о женщинах вашего строительства подумали в первую очередь.

Говорит Алуа, и, глядя на ее возбужденное лицо, Арман смотрит с восхищением. Теперь он заговорил, смягченный, иной:

— Ну кончили ругать? Есть у вас что-нибудь, кроме ярости? — смеется Арман.

Алуа сдержана по-прежнему. Чуть задержав свой наблюдательный взгляд на Армане, не улыбаясь, прощается с ним:

— На сегодняшнем этапе вашего производства не выскажу ничего, кроме обиды и осуждения.

— Я намерен заняться устройством квартиры. Можно ли с тобой посоветоваться или нельзя? Будут ли у тебя слова, кроме официальных?

Алуа собирается уходить.

— Не успев сюда приехать, я сама первая буду устраиваться, когда мои люди еще не устроены? Где же тогда справедливость? Насчет квартиры думайте сами, без меня, — сказала Алуа и, попрощавшись, вышла из комнаты.

Арман растерян. Ему кажется, что нарушается их прежняя клятва, порывается нить, связывающая их.

* * *

Прошло два года. Нина Ивановна, Алуа и Сексек обходят те же места, которые проходила некогда Алуа одна в первые дни своего приезда в район. В том же порядке, во главе с Алуой, они входят в 8-й класс школы. Сейчас девушек не меньше юношей.

Входят в 9-й класс, побывали и в десятом. Везде жизнерадостные, красивые казахские девушки.

Здесь же работают курсы агрономические, зоотехнические и электромехаников — всюду обучаются опрятно одетые,

приятные на вид казахские женщины. Среди них молодые девушки, вроде Камшат, Анар, Жамал, которые все время не отходят от Алуы. Тут же женщины – сверстницы Алуы, бывшие колхозницы вроде Жанат. Все они относятся к Алуе, как к родной матери, к близкой сестре.

Нина Ивановна делает себе записи. Они подходят к группе женщин, работающих на свекловичных полях колхоза. Те же женщины, которые когда-то доставили Алуе хлопоты своими детьми, теперь встречают Алуу дружески, приветливо, как родные. Знаменитая как Демченко, свекловичница этого района, ухаживавшая за несколькими гектарами одновременно, Жанар здоровается с Алуой. Нина Ивановна показывает ей алмаатинские газеты, где напечатаны ее фотографии, поздравляет ее с орденом Ленина. Она превзошла рекорд Демченко, поставила всесоюзный новый рекорд. Это и есть прославленная Жанар!

Фотокор, идущий вместе с Ниной и Алуой, фотографирует Жанар и других передовых женщин.

Эта же группа на ферме Айбалы. Намного изменились женщины и здесь. Хорошо одеты, выглядят теперь совсем иными. Они тоже здесь стали знаменитыми доярками. У некоторых ордена, знаки членов правительства. На ферме чисто, все обновлено вокруг. Здесь также радостно встретили Алуу, обнимают и дружественно провожают ее. На лицах доверие, улыбка сердечной привязанности к ней. В колхозе “Актал” они видят хорошо оборудованные детясли, детсады, вид которых заставляет радоваться, аккуратно и чисто одетые в халаты няни – молодые русские и казахские женщины.

Везде, словно сытые маленькие ягнята, снуют чистенькие ребятишки, солнечные дети, веселые и шумные.

Еще одна особая группа. К ней подходят Нина, Алуа и другие.

Длинные ряды столов. Аккуратно убранные, накрытые белыми скатертями. Это столовая большого производства. Работают чистые, приятные русские и казахские женщины – официантки. Пройдя столовую, группа переходит в машинные отделения, в светлой огромной действующей электростанции. Рядом с ними идет теперь Арман. Около

широких распределительных щитов работают аккуратно одетые квалифицированные женщины-казашки. В цехах со сложными механизмами также наряду с мужчинами работают женщины. Везде, во всех цехах, во множестве стоят большие машины. Работают жизнерадостные высококвалифицированные женщины-казашки. Здесь также встречают Алуу как свою.

Нина Ивановна и здесь замечает многое и делает записи в книжку.

Вечер. Большая станция раскинула свой обильный свет по долине Актала. Освещены колхозы и совхозы, множество предприятий, районный центр.

В тенистом, освещенном луной раскидистом саду станции идут по аллее Нина Ивановна и Сексек, а позади них, беседуя, Алуу и Арман.

— Вот сейчас я не могу не быть довольной, — говорит Алуу. — Не говоря о районе в целом, только одно ваше производство доказывает, сколько совершилось перемен за эти два года.

Арман, сдержанно смеясь, поддерживает ее:

— Ну теперь можно ли готовить квартиру? Настало ли время или все еще нет, Алуаш?

— Теперь можешь готовить квартиру... Думаешь, что я не думала, не ждала, не торопилась?

Влюбленные, обретшие большую радость и счастье, оба вдруг замолчали. В это время к ним подходят Нина и Сексек. Нина Ивановна весела, берет под руку Алуу. Она говорит с жаром, энергично:

— Меня обком послал увидеть воочию ваши достижения, правда ли все, что доходит до нас. Поручили узнать обо всем! Много дней гляжу и признаю — все правда! Здесь не нужно слов, пояснений. Опыт многогранной работы, опыт такой двухлетней воспитательной работы партии среди женщин нельзя ограничивать только Актальским районом! Не имеем права скрывать! Поэтому ты должна написать об этом опыте! О всех трудностях и о всех достижениях. А написала ты это?

— Нет, Нина Ивановна, я еще не написала, не обобщила. А если напишу, получится ли полезная, ценная работа?

– Почему не получится? И для партийного строительства, и для науки можно будет сделать интересные выводы. Большая будет польза!

– А вы помните ли, Нина Ивановна, ведь я собиралась писать диссертацию?

– Как не помнить? Собиралась! Ты уже заложила прочную основу своей диссертации. Теперь ты должна ехать со мной в Алма-Ату и поставить своей целью завершение этой диссертации. Обком дал мне особое задание – после окончания всех общих дел – заняться тобой и этим твоим делом! И ты завтра поедешь со мной в Алма-Ату.

Алуа рада, благодарит Нину. Решив ехать, она с некоторой грустью смотрит на Армана и говорит:

– Насчет квартиры не торопись... Выходит, что я еще некоторое время должна жить отдельно от тебя... Ну, не обижайся, милый!

– Что поделаешь... – говорит Арман и при Нине поцеловал Алуу. Он с трудом скрывает свое сожаление. После прощания Алуа вместе с Ниной садится в машину.

В лунную ночь по светлеющей дороге, мимо сада, мелькая фарами, уходит быстрая машина. Долго молча глядит ей вслед Арман.

* * *

В большом красивом доме, в кабинете, за большим столом среди множества книг, уткнувшись в толстые рукописи, сидит уже седеющий Мардан. К нему подошла Алуа. В комнате вдоль стен и около двери стоят столы. За ними сидят молодые ученые женщины-казашки и научные работники разных возрастов. Стол Мардана в самой середине.

Алуа докладывает Мардану о своем положении:

– Я полагаю, что уже достаточно собрала данных для своей диссертации.

Мардан сдержан, смотрит испытующе.

– Собирали материалы о нашей сегодняшней жизни, не так ли?

– Конечно. Ведь главная моя задача – изучить, осветить изменения, достижения в жизни женщин за советский период.

Мардан быстро меняет настроение, говорит охотно:
— О, это хорошо Алуа. Это очень правильно. Без этого не может быть диссертации о положении женщин. Но это только половина вашей диссертации.

Алуа удивленно:

— Половина? А что же составит другую половину?

Мардан говорит с видом заботливого, предусмотрительного, близкого советника:

— Вы представляете себе, как велики требования исторической науки? Это всеобъемлющая наука! Она требует, чтобы любая тема была освещена со всеми своими корнями, всей почвой своей. А то когда начнете защищать свою диссертацию, любой член совета сможет заметить, что говорить только о современности недостаточно для науки, тем более для исторической науки. Очень возможно, что такую тему не утвердит ВАК. История есть история и об этом говорит само название. Ни один вопрос здесь не рассматривается только одним своим концом! История должна изучаться начиная от самых истоков!

Алуа задумалась, видно, без энтузиазма, но склоняется к согласию.

— Что же тогда я должна делать?

— Вам следует охватить дореволюционный период. Надо начать со времени Казахского ханства, изучить обычаи, традиции казахов времени хана Тауке, сказать о мусульманском шариате, об изменениях, происшедших после присоединения к России. Изучить влияние этих эпох на положение женщин. Я вам назову группу женщин: это Караулек, Кортка, Баян-Сулу, Кыз-Жибек, Айман-Шолпан и Бопай. Нужно изучить тех, о ком сохранились предания, исторические данные. Понятно? И совет института поручает вам заняться этой работой.

Не успела Алуа одуматься и ответить на эти предложения, как началось в комнате необычное, тревожное движение. Медленно заговорил репродуктор, находившийся около двери. Радио сообщает плохую весть. К репродуктору рванулся молодой казах, сидевший ближе к нему. Подалась туда соседка. Потянулся туда и другой работник, сидевший за другим столом. Сходятся мужчины, женщины из соседних комнат. Оглянулись в ту

сторону и Алуа с Марданом. Все охвачены – волнением. Нахмуренные, бледные лица. Люди повторяют одно слово: “Война”, “Война”, “Война”.

“Фашисты объявили войну”, “Война”. С этими словами стремительно идет вперед и Мардан. Озабоченная, строевая, медленно шагает от репродуктора Алуа. Губы шепчут невольно: “Война, война”.

VI часть

Вокзал станции “Костобе”. На первом пути стоит длинный воинский эшелон. На вокзале многолюдно. Это трудящиеся района, приехавшие провожать воинов, отправляющихся на фронт. Среди них матери, жены и дети. Идет встречный пассажирский поезд. Из одного из средних вагонов выходит Алуа, несет небольшой чемодан. Она быстро идет по перрону вдоль эшелона. Около каждого вагона приветливо встречают ее известные нам бывшие работники района, ставшие ныне военными.

– Алуа, Алуаш, Алуа! – кричат они.

Алуа сердечно, тепло прощаясь с ними, идет дальше. Навстречу ей идет другая группа работников района. Среди них Бейсен.

Алуа, обменявшись несколькими фразами:

– Да, из Алма-Аты... только что с поезда. Ну как, сколько народу отправляется?

– Вот видишь, едет много молодежи, из них многих ты знаешь. Также едут многие из работников.

Продолжая идти, эта группа неожиданно встречает Асию, выпрыгнувшую из вагона. Она одета в военную форму.

– Асия, Асечка! – кричит Алуа и, схватив в свои объятия, крепко целует ее.

– Алуа-тате, я сама напросилась. Добровольно еду, чтобы защищать нашу Родину, – говорит, улыбаясь, взволнованная Асия.

– Так ты решила ехать, душенька? В добрый путь, высоко носи честь воина, будь счастлива, моя милая! – говорит Алуа и целует в глаза, долго не отпуская ее из своих объятий.

— Запомни, что если прославишь честь советского воина, Родина твоя будет радоваться твоим подвигам, будет гордиться тобою, знаю, ты боевая, с огоньком. Ты одна из примерных граждан, вышедших из нашего района. Твоим желанием отправиться на фронт, на примерах твоих хороших дел, мы здесь, на фронте труда, будем учить людей. Этого не забудь никогда! Будь счастлива, милая сестра!

Сказав это, опять целуется с Асией, и сильно взволнованная Алуа быстро уходит дальше в поисках еще кого-то. Вдруг она услышала голос, зовущий ее “Алуа, Алуаш!”, и повернулась в ту сторону. Навстречу ей стремительно шел Арман в форме лейтенанта.

Алуа и Арман молча долго целуются.

— Выхала, как только получила твою телеграмму, и вот только успела приехать, Арман. Повидаться с тобой перед отъездом, хотя бы на одну минуту, и то сколько стоит для меня! — говорит она Арману и молча смотрит на него, без слов выражая свое переживание и сердечную привязанность к нему. Мучимая невольным расставанием, Алуа сильно взволнована. Отойдя в сторону, они вдвоем медленно идут.

Теперь они оба говорят тихо и медленно. В последний час расставания четко и ясно выражают они тайну сердца, правду без лжи.

Говорит Арман:

— В надежде на твое скорое возвращение я уже было успел приготовить и квартиру, Алуаш! Ждал тебя. Хозяин квартиры, так долго ждавший тебя, тоже думал, что ты уже возвратишься окончательно.

Алуа повернулась к Арману и, глядя нежно ему в глаза, отвечает:

— Не жалею, Арман, душа моя. Теперь в той квартире я буду ждать тебя. Много думая и неизменно скучая по тебе, буду ждать!

— Не сожалею, но немного обижаюсь на нас с тобой. Почему же мы так скупо пользовались своей свободой, широкой возможностью, которые нам дала наша эпоха, солнечные наши дни? Ведь мы давно знали друг друга!

Алуа правильно понимает содержание этих слов.

— Знаешь, это еще не все, Арман. Хоть мы и не говорили, были скупы на слова, внешне не проявляли нашу привязанность, но мы с тобой те, которые без слов, внутренне, сердцем полюбившие, издавна преданные друг другу люди.

— Но почему же мы опаздывали, почему же мы, словно жалеющие от себя свое же счастье, сами себя лишали этого счастья? Теперь вот...

— Знаю, Арман. Верю, ты это говоришь не из сожаления. Ты на этот путь отправляешься не с сожалением, это не такой путь, да и я не отправляю тебя с сожалением. Я провожаю тебя с чувством, что на этот путь отправляется мой любимый муж, полжизни моей, что он отправляется на справедливую месть, на благородный путь гражданина. Ты же отправляйся с чувством того, что тебя будут ждать твой дом, твоя преданная жена. Отправляйся с беспредельной надеждой, что она будет ждать тебя, сохранив в себе всю радость, дружбу, пламенную неугасимую любовь к тебе! Я и торопилась, чтобы успеть тебе высказать эти слова, мой милый! Твои ратные дела на фронте будут служить мне крыльями во всей моей работе, во всей моей жизни здесь, неразлучными друзьями моими! Будь жив, будь счастлив!

В это время слышится гудок, эшелон трогается.

Арман и Алуа спешат к вагону. Арман на ходу обнимает Алуу и, поцеловав ее, говорит:

— Мое сердце, все мои мысли с тобой. Эти минуты счастья мною вечно не будут забыты. Благодарю, что успела приехать, милая моя!

Арман целует Алуу и быстро направляется к вагону. Алуа, молча кивая головой, остается на месте. Арман садится в отходящий вагон и отъезжает.

* * *

На аэродроме. Несколько человек ждут самолета. Среди них Алуа. Приземляется самолет специального назначения. Алуа идет навстречу прибывшим пассажирам. Прилетел Сапар. С ним и другие сопровождающие. Сапар хорошо одет, чуть пополнел. По виду он кажется большим ответственным работником. Сапар беседует с

Алуой наедине. Он спрашивает о последнем сообщении Совинформ-бюро:

— Как в Ленинграде?

Алуа опечалена.

— Сегодняшнее сообщение тоже не радостное. Город в блокаде. Железнодорожное сообщение прервано, — отвечает она.

— Я побывал в Восточно-Казахстанской и в Семипалатинской областях. По дороге специально остановился, чтобы поговорить с тобой. Хочу, чтобы ваш район возглавил одно большое дело. То дело райком должен взять в свои руки и вдохновить людей на одно большое дело. Вся работа должна вестись под углом зрения защиты Ленинграда. Лозунги героев фронта: “За Родину!”, “За Сталина!” мы должны поднять и как лозунги героев труда. Мы хотим, чтобы Актальский район первым возглавил это дело в республике! Можете ли решиться на такое дело, которое могло бы явиться примером для миллионов?

Алуа, подумав, отвечает серьезным тоном:

— Скажите, думаю, что ЦК поручает такое дело, выполнение которого под силу нашему району, поэтому считаю, что мы в состоянии возглавить это новое начинание. Просила бы конкретно рассказать об этом.

Сапар становится напротив Алуы и начинает точно, ясно и конкретно излагать положение дел:

— Сейчас как в Актале, так и в других районах мужской силы не хватает. Но производственная деятельность каждого района, каждого колхоза должна более усилиться! Кто это сделает? Это сделают только лишь женщины. Матери, жены, сестры, ушедших на фронт братьев, сыновей, мужей и отцов должны показать большую патриотическую сознательность. И понятно, что мы в этом деле первым долгом имеем в виду ваш район. Ваш Актальский район является районом, который перед войной проделал большую работу среди женщин. Я понимаю так, что у вас есть кадры сознательных женщин, воспитанные партией. Не так ли? Как ты сама думаешь?

— Конечно, и я так думаю. В Актальском районе перед войной многие женщины прошли школу подготовки, имеют опыт работы.

– Так вот, пришло время, когда все вы во главе с тобой должны на деле оправдать то большое партийное воспитание. Запомни, что не легко будет, придется терпеть большие трудности, приступая к длительной трудовой борьбе. Партия поручает тебе, райкому возглавить женщин Актальского района и вести их впереди других! Это и большое испытание, и доверие, поняла?

Алуа с твердой уверенностью говорит:

– Поняла и принимаю, Сапар-ага!

Оба они крепко жмут друг другу руки. Сапар садится на самолет и улетает.

Собрание колхозников в клубе колхоза “Актал”. Большинство собравшихся – женщины. На сцене за столом Алуа, Жанар и Зина Бойченко. Собрание безмолвно и внимательно слушает музыку национального оркестра. Этим оркестром и небольшим хором руководит Сексек. Оркестр и хор исполняют кантату, написанную Сексеком на стихи Джамбула “Ленинградцы, дети мои”. То громко, то тихо, перемежаясь меж собой, плавно льются мелодичные звуки хора и музыки. Поет Сексек:

...К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов...

Когда музыка затихает, мы видим Алуу. Она вдохновенно говорит:

– Когда нависла опасность над городом Ленина, любимого всей нашей великой Родиной пламенной любовью, – мы не должны жалеть ни своей жизни, ни своих сил...

И дальше смысл речи Алуу продолжается уже в виде письма к Арману. Начало письма мы читаем с экрана:

“Мой дорогой Арман! Не обижайся, в эти тяжелые дни я не могу думать только об одном, только о тебе. Знаю, что и ты не ставишь мне такое эгоистическое условие, ибо

думая о тебе, я думаю и о других, о миллионах героях-фронтовиках. Я не могу не думать о тех, кто ради Родины, ради народа, жертвуя жизнью, проливает свою кровь, оказывает доселе невиданный человечеством героизм. Думая о них, так же как и к тебе, я отношусь ко всем фронтовикам с пламенным чувством любви и дружбы. Подумай, узнай и не забывай этого. Это не только мое, это чувство всех ваших матерей, жен и сестер! Это совершенно иное чувство, чем мои думы только об одном, о тебе, как о любимом моем муже. Поэтому ты должен понять, что я в своем письме выражаю дела, мысли и чаяния любящих вас миллионов, целого народа и в особенности женщин — патриоток нашего Актальского района, проявляющих ныне небывалый трудовой энтузиазм. Откликнувшись первыми в республике на обращение партии, женщины нашего района дали патриотическую клятву...

Далее продолжение речи Алуы мы слышим уже за кадром.

Последующие кадры все время перемежаются с текстом письма Алуы к Арману. За кадрами то слышится голос Алуы, то раздаются звуки кантаты, написанной на стихи Джамбула “Ленинградцы, дети мои”.

* * *

В колхозе имени Кирова. И здесь Алуа сидит в клубе, перед собранием. Рядом с ней Алима, Камшат и Шура. Перед большой группой русских, казахских и уйгурских женщин опять выступает Алуа. Она читает текст письма женщин Актальского района. Слова этого письма звучат как клятва перед партией, перед Родиной и советским народом. Голос Алуы за кадром постепенно переходит к музыке. Оркестр продолжает играть кантату. Плавно льются из уст Сексека слова Джамбула:

...Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь
И свинец, что в срок и впопад
Песни смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград...

В следующем кадре слышим голос Алуы, читающей текст письма к Арману:

“...Мы сегодня от имени любящих беспредельной любовью свою Родину женщин Актальского района, колхозниц, работниц и служащих – от имени матерей, жен, сестер и дочерей отправившихся на фронт героических воинов, первыми в Казахстане принимаем это обращение, которое явится нашей меткой пулей, выпущенной по врагу. Нашими условиями, нашей клятвой перед Родиной будет следующее: в наших колхозах, бригадах, фермах, отарах и кошарах, заводских цехах, на всех участках станции “Костобе”, где мы трудимся...”, – читает она. Когда этот голос затихает, в последующих кадрах мы видим матерей и девушек, группами подписывающихся под этим обращением.

Алуа опять перед собранием в одном из колхозов, здесь мы встречаем знакомые лица, вроде Зауре, Анар, которых мы знали раньше и которых не раз видели до этого. И здесь подписываются люди под обращением. В это время доносится голос Сексека, исполняющий все то же знакомое нам стихотворение Джамбула.

...Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне
Со свинцом идет наравне,
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких как мед, –
Это все должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

Как и в предыдущих кадрах, множество женщин группами подписываются под обращением. Этот кадр сменяется другим кадром, где Алуа опять пишет и читает свое письмо к Арману.

Голос ее переходит за кадры:

“...Все женщины, работающие в учреждениях, учебных заведениях и культурных организациях, словом, все женщины Актальского района, способные к работе, считаем себя в мобилизационной готовности и самоотверженно трудимся ради нужд фронта, ради защиты Родины!”

В следующих кадрах мы видим произносящих речи Алуу, Саруар, Сауле и Халатову. Как и в предыдущих кадрах, мы здесь опять слышим ту же песню Джамбула. Вместе с Сексеком поют молодые русские женщины. Поют все, весь зал. Запевает Сексек:

...Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!
Слышат пастбища Сыр-Дарья
Вой сбесившегося зверья...
... Всех к отпору Жданов призвал:
От подъемных кранов призвал,
От огромных станков призвал,
От учебных столов призвал.
В бой полки Ворошилов ведет,
Вдоль холмов и долин ведет,
Невских он новоселов ведет,
Невских он старожиллов ведет.
Беспечален будь, Ленинград...
Скажет Сталин: — В путь! В Ленинград!—
И пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Множество людей группами толпятся вокруг столов и все до единого подписываются под обращением.

* * *

В часто меняющихся кадрах мы видим уже результаты, практическое претворение в жизнь взятых обязательств на предыдущих собраниях. В меняющихся один за другим кадрах показываются эти эпизоды самоотверженного труда на разных участках трудового фронта.

По конвейеру идет работа на сахарном заводе. С одной стороны к заводу подвозят сахарную свеклу, с конвейеров

бесконечным потоком выходят кусками белоснежный рафинад, сахарный песок. Здесь работают Халатова, Сауле, Жанар. Над сложными машинами, рядами тянувшимися вдоль длинного зала, висят лозунги: “Все для фронта!”, “За Родину!”, “За Сталина!”.

Когда проплывает этот кадр, на экране мы видим опять письмо Алуы к Арману. За каждым письмом, соответственно, меняются и числа, цифры. Алуа читает свое письмо, ее голос постепенно переходит за кадры.

“...Все мы, работающие на разных участках трудового фронта женщины нашего района, считаем себя ставшими на стахановскую вахту до тех пор, пока наши героифронтовики не добьются окончательной победы над врагом. В этих целях бригады с бригадами, колхозы с колхозами, совхозы с совхозами, фермы с фермами, отары с отарами, производственные цеха и бригады с лозунгами “За Родину!”, “За Сталина!” вступили меж собой в социалистическое соревнование”.

На экране распределительные щиты в залах электростанции. Здесь мы видим за самоотверженной кипучей работой женщин вроде Поповых, Бану, Анар и др. И здесь мы видим лозунги: “За Родину!”, “За Сталина!”.

Молочно-товарная ферма, как белая река льется молоко. Кирпичами сложенное масло и сыр. Здесь мы видим за работой большую группу женщин, возглавляемую Айбалой.

Как горный поток льется пшеница на колхозном току. В следующих кадрах мы видим готовые мешки с белоснежной мукой. Колышется и переливается золотистое море пшеницы. Конца и краю не видно. Как корабли плывут тракторы и комбайны. Дальше мы видим множество женщин, самоотверженно работающих на бескрайних свекловичных плантациях колхоза. Среди них знаменитые свекловичницы Зина Бойченко, Жанар и др. Везде и всюду кипит работа сотен, тысяч людей.

Мы видим с экрана множество женщин, не жалея сил работающих на фронте труда, мы видим их во все времена года, то весной, то летом, то осенью и зимой. За это время меняется и внешний облик знакомых нам женщин, работающих в колхозах, совхозах и на производстве. Осу-

нущиеся лица их загорели от солнца, но на этих суровых лицах все сильнее проступает воля и решимость. В дыхании каждой из них чувствуется большой патриотизм, высокая гражданская сознательность. Изменилась во многом и Алуа. Она тоже осунулась, несколько почернела. Но в ней чувствуется подтянутость, собранность и большая решимость. Она, кажется, стала еще красивее. Мы видим ее то скачущей верхом на коне, то едущей на телеге, то в кругу женщин, среди бригад, бодрой, все с той же неизменной улыбкой. Потом мы видим ее читающей свое письмо Арману, которое начинается словами: “Мой милый Арман!”.

Голос Алуы переходит за кадры:

“Мы, женщины Актальского района, свои обязательства, взятые в первые дни войны, объявили по всему Казахстану. Мы обратились с призывом ко всем женщинам Казахстана – с чувством патриотизма, с сознанием своего долга перед Родиной трудиться, не жалея сил, ради победы над врагом. Сейчас мы можем сказать перед нашими героями, что взятые нами обязательства выполняются добросовестно, что добились неплохих результатов”. Голос Алуы постепенно затихает.

Меняются кадры. Осень. Обильные плоды упорного труда. Вереница машин, длинные обозы. На машинах и обозах те же лозунги, флаги. Везут свеклу. С колхозных токов нескончаемым потоком тянутся обозы с мешками пшеницы. Целые горы мешков чистого, как жемчуг, риса. Все это грузится и нескончаемой вереницей обозов отправляется с колхозных токов. На обозах те же лозунги: “За Родину!”, “За Сталина!”. Во главе этих колонн едут красиво одетые, ловкие в движениях, живые и энергичные девушки вроде Бойченко, Зуры, Стариковой, Алимы и других.

Со станции “Костобе” отправляются эшелоны поездов. На перроне станции мы видим радостных, улыбающихся женщин, которые грузят плоды своих упорных и самоотверженных трудов, доставленных с колхозных полей. Эшелон за эшелон отправляются со станции. Красивая группа женщин, окружившая Алуу и смотрящая вслед уходящим эшелонам, подобна какой-то удивительной

скульптурной группе. Это молодые, энергичные, передовые женщины.

Это группа счастливых и победивших в упорном труде женщин машет руками, платочками вслед уходящим эшелонам. Среди них, возвышаясь над другими, стоит Алуа... Красивая группа передовых русских и казахских женщин представляет собою как бы апофеоз...

* * *

На опушке густого леса, замаскировавшись, лежит группа советских воинов. Своим видом и пейзажем эта местность напоминает один из тех краев, которые находятся близко к западной границе нашего Союза. Командиром их является худощавый и красивый офицер Арман. Он, прижавшись к земле, сквозь ветки рассматривает в бинокль дальние подступы. Вдали виднеется берег реки. Рассматривая все кругом, бинокль его останавливается на мосту на этой реке. По эту сторону реки около моста находятся часовые вражеского стана.

Вражеские часовые зорко следят. Их командир тоже следит в бинокль. Внизу видно, как сменяются часовые. Около моста стоят зенитки, легкое орудие, пулеметы. Арман долго следит за ними и опускает свой бинокль. Все виденное он сообщает младшему лейтенанту, приползшему к нему:

— На мосту стоит сильный караул. Днем подступиться к нему невозможно. Подождем наступления ночи.

Через некоторое время появляется девушка-связистка. Арман, повернувшись, смотрит на нее. Это Асия. Посмотрев на нее нежным взглядом, Арман говорит ей:

— Асюша, солдаты могут отдыхать, сейчас еще рано, пока не наступит ночь, мы ни на шаг не сдвинемся. Часовые стоят, а остальные отдохните. Сама-то, наверно, устала, спать хочешь?

Асия, улыбаясь, отвечает:

— Нет, Арман-ага, спать не хочется, я с нетерпением жду, когда мы начнем свое дело.

Арман, шутя, говорит ей:

— Хорошо, хорошо. Знаю, что ты героиня!

Асие не терпится.

– До ночи еще много! Ждать-то слишком скучно, – говорит она.

– Знаешь что, я скажу тебе, как быстро провести время. Вот в таком опасном походе давай мы с тобой вспомним наши родные места, – шутит Арман.

Асия, сразу изменившись, становится веселой.

– Давайте напишем письмо тете Алуе!

Арман сдержанно улыбается.

– Мы не в таком месте, где можно было бы писать письма. Письмо, написанное здесь, никогда не дойдет до наших друзей. Мы сейчас находимся в тылу врага. Но ты говоришь правильно, давай вспомним тетю Алуу. Давай с ней поговорим, поделимся тайнами. Выложим все наши чувства, все наши думы! – говорит он и достав из планшета свой блокнот, начинает писать:

“Незабываемая, родная моя Алуаш! Я не надеюсь, что это мое письмо достигнет тебя, но все-таки я ни одной минуты не могу не думать о тебе. В этот момент я нахожусь в таком положении, когда я не имею возможности ни писать тебе, ни даже отправить письма. Хотя и не надеюсь, что письмо дойдет до себя, но перед выполнением весьма важной задачи я решил побеседовать с тобой и чтобы рассказать самому себе все, что думаю о тебе, взялся написать эти строки. Сейчас со мною сидит твоя любимая и бесценная сестра Асия. Она тоже думает о тебе, пламенно излагает свое чувство и дружбу к тебе. Сейчас вместе с группой людей я, чтобы выполнить одну весьма важную задачу, перейдя линию нашего фронта, нахожусь в тылу врага. Предстоит весьма серьезная задача. Сегодня с наступлением ночи намереваюсь выполнить ее. Цель нашей задачи видна, она находится от нас всего на расстоянии двух километров, я вижу ее в бинокль. В ожидании ночи я то и дело посматриваю на эту точку. Перед этой опасностью думаю о тебе.

Это чувство, эти думы кажутся мне как бы вдохновляющими на выполнение этой большой задачи, придающими силу и окрыляющими на подвиг. Зная из писем, что ты, находясь в глубоком тылу, с честью выполняешь свой гражданский долг, мне хочется быть равным тебе товарищем и об этом я много думаю. Подвиг, совершенный при выполнении этого

серьезного задания, я хочу посвятить своей Родине и тебе...” Арман пишет и говорит, часть его слов слышится из-за кадра. Следующие кадры начинаются с момента получения им этого большого задания.

...В кабинет генерала, командира корпуса входит Арман. Круглолицый, средних лет солидный генерал встречает Армана. Вместе с Арманом, нагнувшись над картой, он объясняет положение и дает ему задание:

— Эта дорога до завтрашнего вечера должна быть перерезана. По сведениям командования, эшелоны, которые идут с новым пополнением и техникой в помощь противнику, который находится перед нами, начнут прибывать с завтрашнего вечера. Вы имеете полное право подобрать себе нужных людей из саперного полка. Командование корпуса надеется, что вы, благополучно перейдя линию фронта, завтра вечером ровно в двадцать четыре ноль ноль уничтожите вот этот мост! Порукой тому служат ваши прежние героические дела, и командованию известен ваш большой опыт!

Арман, встав со своего места, четко, ясно выражает свою готовность. Генерал, прощаясь с Арманом, крепко жмет его руку и напутствует его на ратные дела.

— Желаю вам успеха, желаю вам большой славы! — заключает он.

Ночь. Оставив то место, где они укрывались днем, группа Армана в десять человек, перебегая из тени в тень высоких деревьев, приближается к мосту. Но около моста светло, то и дело прожектор разбрасывает свои лучи на окрестность. В такие моменты товарищи Армана быстро прячутся за деревьями, в кустах и, незаметно пробираясь вперед, подходят вплотную к мосту. По команде Армана вместе с ним идут трое подрывников. Остальная группа расходится в разные стороны и выходит с другой стороны немцев, охраняющих мост. Низко пригибаясь к земле, они с левой стороны немцев дают короткой очередью всего один залп. На мосту и возле моста падают немцы, настигнутые пулей наших бойцов. Прожектор разбит, свет потух. Возле моста темно. Пользуясь этой суматохой, как только раздался залп, Арман со своими товарищами в темноте быстро подходит к самому мосту. Под покровом

ночи они минируют мост. Всей этой работой руководит сам Арман, он лично сам ставит две мины, потом, схватив шнуры от мин, быстро отходит назад вдоль обрывистого берега реки. В это время показывается с грохотом идущий поезд, светящийся своими двумя огненными глазами. Бегут немецкие солдаты, поднявшиеся на звук нашего залпа. Мчатся немцы и на мотоциклах.

Арман спокойно зажигает конец шнура. Враг уже близко, но Арман не растерялся, он смело и спокойно продолжает свое дело. Поезд уже вплотную подходит к мосту. Быстро ползет огонь по шнуру. В то время, когда немецкие солдаты еще не успели достигнуть моста, быстро мчащийся поезд уже входит на мост. Вот он движется по мосту. Паровоз уже миновал мост. Офицер, стоявший на берегу, от испуга то и дело молится, растерянно ждет, что будет дальше. Плотно прижавшийся к крутому обрывистому берегу Арман тоже ждет с нетерпением. Об опасности он и не думает. Смотрит на часы. Не сводит глаз с моста.

Раздался оглушительный взрыв. Взрыв произошел в тот самый момент, когда мост успели миновать только передние три вагона. Вагоны перевернулись, пролетели вниз, раздается взрыв за взрывом, с реки поднимаются целые фонтаны воды, с грохотом обваливается крутой берег, мост разрушен.

Рушатся и последние вагоны длинного эшелона. Выполнив свое задание, Арман со своими тремя товарищами выходит на берег. В это время пришедшие в себя немцы начинают строчить по ним из пулеметов, из автоматов. Вся надежда на спасение только в лесу. Мы видим бегущих к этому лесу Армана и его товарищей. Напавшие первыми на немцев пять-шесть героев укрепились в этом лесу. Они посылают по противнику целый град пуль из своих автоматов. Среди них мы видим Асию, с большим удовлетворением посылающую врагам пули из своего автомата. Увидев бегущих к ним Армана и его товарищей, она с нетерпением ждет их. Она кричит Арману: “Сюда, Арман-ага!”, подавая этим сигнал.

Огонь противника, не ослабевая, все усиливается и усиливается. В это время падает Арман, уже подбежавший близко к тому месту, где лежали Асия с товарищами. И

двое товарищей Армана тоже упали, сраженные вражеской пулей.

Вслед за этим мы видим Асию, которая под огнем противника подползает к Арману и обнимает его. Арман лежит без сознания, в нем не чувствуется признаков жизни. И все же Асия, крепко стиснув зубы, дает клятву: “Не оставлю тебя, хоть и мертвое тело, но унесу тебя, дорогой мой Арман-ага”, – говорит она и, с большими трудностями неся на спине тело Армана, она достигает опушки леса. Пришедшие на помощь ей двое солдат берут Армана в свои руки.

Стрельба прекратилась. В лесу ни звука, словно все кругом замерло. И в этом немом молчании оставшиеся в живых двое солдат и Асия стараются узнать, жив ли Арман. Асия то и дело слушает биение сердца Армана, то щупает пульс, то слушает его дыхание. Асия не совсем надеется, но и не хочет верить, что он умер. Она вместе с товарищами поднимает Армана. В следующих кадрах мы видим в густом лесу трех бойцов, несущих на самодельных носилках Армана.

* * *

Госпиталь, обосновавшийся в большом, светлом доме. По длинному коридору идет в белом халате Алуа, рядом с ней сестра. Алуа около Армана. Похудевший, перенесший много трудностей, Арман то и дело целует руку Алуе. Алуа целует его в лоб. После этого мы видим Армана в гипсе, с костылем. Он сидит на постели и беседует с Алуой.

– Не упрекаю!.. После долгой разлуки мы с тобой встретились после окончания института, а теперь я уверен, что мы рука об руку перешагнем через порог жизни. Ты этого желала, но не решилась. Сама себя удерживала.

Алуа улыбается, словно признавая свою вину:

– Время тогда было другое, причины были веские, ты же понимаешь, Арман!

Арман, перебивая ее:

– Знаю и понимаю. Приехав в Актал и встретившись со мной, ты не согласилась на мое предложение строить свой домашний очаг. Ты думала тогда, что о тебе будут говорить,

что ты, не успев приехать в район, не успев выполнить свой гражданский долг, собираешься выйти замуж, устраивать пир, и это тебя удерживало, не так ли разве это?

Алуа смеется.

— Конечно, так было. Если бы я, приехав тогда в Актал и не успев еще приступить к выполнению задания партии, вышла бы замуж, выбирала бы себе квартиру, создавала бы уют, тогда разве ты ценил бы меня?

Арман гладит руку Алуе и отвечает:

— Так, так, Алуа! Ты думала о благополучии многих, а о своем личном благополучии не заботилась. И меня заставила согласиться с тобой. Хотел я или не хотел, но следовал за тобой. Думая сегодня об этом, я понял, что долгожданное счастье бывает, оказывается, слаще меда. Ты стала еще более дорога для меня, моя дорогая!

В следующих кадрах мы видим уже поправившегося Армана и провожающий его медицинский персонал госпиталя. Алуа, посадив Армана на легковой “газик”, трогается с места и мчится по дороге.

* * *

В хорошо обставленной, просторной комнате, за большим письменным столом, с карандашами в руках, над толстой рукописью сидят Алуа и Нина. Чувствуется, что они очень долго работали, устали. Нина Ивановна говорит холодно, упрекает Алуу. Перед ней большая рукопись.

— Я буду оппонентом. Ты много трудились над диссертацией. Но в этом труде ко многим ненужным, лишним вещам ты подошла с неверных позиций. Например, к чему Караулек, которая оплакивала ханов Золотой орды, их роскошные дворцы? Что ты ищешь хорошего в Кыз-Жибек, которая находилась в безнадежном плену аменгерства, старых феодальных обычаев? И особенно, почему ты восхваляешь Бопай, эту верную сестру врага русского и казахского народов хана Кенесары? Я спрашиваю тебя? Что, по-твоему, это главная цель твоей научной диссертации, посвященной жизни казахской женщины?

Алуа задумалась, она отвечает с трудом:

– Ведь сказали же мне, что без этих глав мой труд не будет ценным научным исследованием, не будет иметь исторической ценности.

Нина гневно спрашивает:

– Кто так сказал?

– Мой второй оппонент, профессор Есенов Мардан.

– Он сам заблуждается и тебя туда тянет. Ты сама подумай, пойми, я тебя считаю политически зрелым человеком. Возможно, за этим кроется что-то вредное. Подумай же, ведь твоя жизнь, твоя борьба, твоя судьба – это ведь целая история женщин нашей страны. Только одно, что ты видела, что ты пережила, могло бы явиться темой для научной работы!

Алуа задумалась, но еще окончательно не решилась.

– Значит, придется выбросить все разделы, посвященные прошлому?

Нина сердито отвечает:

– Что, жалеешь что ли? Я упрекаю тебя за то, что ты сама не могла прийти к такому выводу. Потом запомни, что когда я буду твоим оппонентом, за подобные ошибки жалеть не стану!

Они молча и долго смотрят друг на друга и расстаются.

* * *

Высокие тенистые деревья. Цветущие сады. Выше пушистых облаков вознеслись снежные, искрящиеся вершин гор. Город, тонущий в садах, озарен солнечными лучами. На широкой асфальтированной улице красивый особняк. Открывается дверь. На улице поджидает комфортабельная новая машина. Из дома выходит аккуратно, по-летнему легко одетая пара и направляется к машине. Весело разговаривают, смеются. Это Алуа и Арман.

Арман чуть-чуть хромает. Они подошли к машине и сели. Машина тронулась. Подъехав к парадному входу большого трехэтажного дома, она остановилась. В это здание нескончаемой вереницей входит множество лю-

дей. Просторный светлый зал. На красиво убранной сцене, за столом президиума сидят члены ученого совета, мужчины и женщины разных возрастов. В полном зале, в средних рядах виден Сексек. В стороне от ученого совета, за отдельным столиком сидит Алуа. Она слушает выступающих и что-то записывает. Тонм грозного судьи, обвинителя Алуы, выступает профессор Мардан Есенов.

— Еще раз повторяю, уважаемые члены ученого совета, хотя диссертантка Алуа Сатаева упорным трудом собрала нужные для исторической науки материалы, данные и тщательно изучила их, но не могла обогатить свой труд этими материалами. Не могла использовать то, что она знала. Свой труд она сделала незначительным, невесомым. Она построила свой труд на дешевеньких фактах, которые равнозначны брошюре — блокноту агитаторов женотделов или журнальной статье, а не научному труду. Поэтому труд Сатаевой я не могу признать как работу, имеющую научную ценность. Уважаемые члены ученого совета, несмотря на то, что я как человек и желаю Сатаевой присвоения ученой степени, но долг советского ученого этого мне не позволяет. Как ответственный член настоящего ученого совета я считаю, что этот труд не дает нам основания для присвоения ей ученой степени. Следовательно, я делаю из этого соответствующие выводы: за эту работу Сатаевой невозможно присвоить звание кандидата исторических наук.

Алуа молча, неподвижно следит за ним. На ее лице нет ни тени растерянности, боязни. Во всем ее облике чувствуется какая-то сила, готовая к любым трудным испытаниям, решимость. Внутренней силой, твердой волей озаряется ее красивое лицо.

В конце выступления Мардана в зале и среди членов ученого совета возникло неодобряющее движение, волнение, угрюмые возмущенные лица. Громкий шепот, пораженные возгласы, легкий гул пробежал по большому залу. Слышны восклицания:

- Какие жестокие выводы!
- Какой жестокий удар!
- Почему тогда он стал ее оппонентом?

- Это не так просто, за этим кроется что-то неладное.
- Что за враждебные выпады!

Эти слова произносятся мужчинами и женщинами разных возрастов. Долго не смолкали восклицания, гул и возмущенные реплики в зале. Волнуются встревоженные люди.

Председатель ученого совета, рослый, с выразительными чертами лица казах, с большим трудом успокаивает зал. Во время этого волнения Арман своим спокойным, уверенным взглядом словно подбадривал Алуу. Он ни с кем не перекидывался репликами и сейчас спокойно смотрит на Алуу. Алуу на трибуне.

Зал притих. Люди, которые с внутренним содроганием и возмущением слушали речь Есенова, теперь, когда доводы Алуы берут верх, когда она с убийственной силой логики начала наносить удары по враждебным концепциям Мардана, одобряющим смехом, взглядом, движением и горячим порывом выражают свою солидарность. Выступление Алуы становится все выразительнее.

–...Товарищи, заключая свои доводы против выдвинутых обвинений Есеновым по поводу моего труда, считаю нужным особо обратить внимание ученого совета на следующие обстоятельства: профессор Есенов обвиняет меня в том, что я не писала о Караулек и Бопай. Когда готовились моя диссертация первый раз в 1939 году и несколько позже в 1941 году, профессор Есенов в различное время не раз выставлял мне этих женщин. Я по совету его уделяя большое время, широко изучала историю этих женщин, их среду, их эпоху. Изучала, но не включила в свою диссертацию. С целью не включила. Потому что самая большая, самая благородная тема наших научных трудов о женщинах – это тема “Коммунистическое движение среди женщин нашей страны”. А Караулек и Бопай поддерживали и оплакивали бесславный конец Ногайлинского ханства и врага казахского народа Кенесары. Сейчас, на этом ученом совете, я ясно поняла причину того, почему именно профессор Есенов с таким упорством настаивал на включении их в диссертацию. Я желаю, чтобы и вы поняли это. Профессор Есенов моими руками хотел восхвалять

Золотую орду, Ногайлинское ханство, феодально-ханское прошлое. Это, якобы, является научной проблемой для него. А в действительности это не научная проблема, если все называть своими именами, то это является буржуазно-националистической программой.

В зале гул одобрения. Возгласы восхищения. Председатель ученого совета призывает людей к порядку. Теперь Алуа начинает говорить, сдерживая свой горячий порыв, сбавляя темп речи, с какой-то глубокой задумчивостью:

— Профессор Есенов выставляет против меня не доводы, а протест. А я вспомнила кусочек из минувшего. В 1926 году в наших местах властвовал один крупный бай, который пытался насильно взять меня в качестве третьей жены. Тот бай в период коллективизации, в 1931 году, стрелял в меня, намереваясь убить. А вот вы, профессор Есенов, — говорит теперь она, обращаясь к Мардану, — родной брат того самого бая. Во время конфискации вашего брата вы одним своим поступком тогда завоевали доверие населения. Но это, оказывается, было обманом. В 1931 году, когда ваш брат стал бандитом и вором, вы были в Алма-Ате. В то время ваш брат с намерением уничтожить стрелял в меня. Пуля вашего брата — завязтого бандита попала в меня. В ту пору из Алма-Аты в Актал приезжали и вы. С какой целью приезжали тогда? Я не догадалась в то время о цели вашего приезда. Но сегодня, вот в этот час я поняла вас, поняла весь ваш жизненный путь. Тогда я не погибла от руки вашего брата. Не стреляете ли вы сегодня в меня тем же оружием, которое выпало из рук вашего брата? Да, стреляете, но к этому вы долго готовились, скрывались, подобно хамелеону меняли свою кожу.

В зале опять оживление, аплодируют Алуе. Председательствующий с трудом водворяет тишину в зале. Алуа с еле заметной улыбкой спокойным голосом заканчивает свое выступление:

— В 1926 году я бежала от тех крупных баев и нашла убежище в красной юрте. Тогда меня своей грудью защитила русская девушка, студентка Нина. Та русская девушка, советская гражданка, активная деятельница партийной, ленинской науки, профессор Нина Ивановна Ершова и

сегодня уберегла меня от большой ошибки, от обмана и шантажа Есенова. И еще тысячу раз спасибо вам, добрая русская женщина – Нина Ивановна!

Зал опять гудит, с чувством аплодирует ей. Члены ученого совета тоже начали аплодировать.

В то время, когда выступала Алуа, и в зале происходили только что обрисованные явления, одновременно происходили и другие действия.

Сидящий в зале Сексек то расплывается в блаженной улыбке, то радостно смеется, то проявляет знаки одобрения Алуе.

– То-то, то-то! Так его! Так его! Ого, вот она какая, наша Алуа! – восклицает он, не находя покоя, и елозит на своем стуле. Около него сидела маленькая женщина, выходки соседа казались ей очень странными. Она раза два посмотрела на Сексека, выражая свое удивление чмоканьем губ. Наконец, она не выдержала.

– Что случилось с этим беднягой? Не полетит ли он, случайно?

Сексек услышал ее слова.

– Эй, что ты сказала? Такая маленькая, а язык-то какой.

Сексек подумал, что его соседка – маленькая девочка. А это была женщина, довольно взрослая, но ростом слишком маленькая. Женщину крепко задела слова Сексека.

– Маленькая! Подумаешь, великан нашелся!

Они только теперь подробно оглядели друг друга, скрестились их удивленные взгляды. Удивление на лице Сексека сменяется радостью, и он начинает рассматривать ее. Теперь он не намерен спорить. Наоборот, охваченный внезапным весельем, смеется безо всякой причины.

– Что ты сказала, моя милая! Великан, говоришь?

– Ну что ж, что великан? Или сравнивать тебя с нармом (*одногогорбый верблюд*)?

– Повтори, повтори еще, милая!

Поведение Сексека еще более удивляет женщину, она чмокает губами.

– Боже мой, сумасшедший что ли? Что он так беспрестанно смеется?

Сексеку становится еще веселее, он еще пуще смеется.

– Ой, астай... (*выражение удивления “Ах, боже”*), искавшему встречается напрашивающийся (*казахская поговорка, выражающая удачную встречу, находку*).

– Ну что ж, если напрашивающийся! Думаешь, испугается он тебя?

– Что ты сказала, душенька?

Женщина все еще тоном сердитого человека отвечает ему:

– Испугается что ли твоего грозного вида?!

Сексек радуется.

– О не бойся, милая, не бойся! Скажи только одно слово, милая, есть ли у тебя муж?

– А что если нету мужа? Думаешь, так и съешь беззащитную? Ну, скажем, что нет мужа.

Сексек бурно радуется, подпрыгивает на месте. В это время Нина и Алуа горячо обнимают друг друга и целуются. Горячие слезы покатались по их щекам. Сексек поглощен своей радостью.

– Вот такую я и искал. Она самая... – лепечет он.

Среди расходящейся толпы – перед божьим зданием идут и Сексек с той женщиной. Он ростом чуть выше ее, смотрит на женщину с удовлетворением.

– Ты хорошенько выслушай меня. Я тебе все выложу. До сих пор я, как красноречивый Жиренше, искал себе подобную женщину. Конечно, не по искусству красноречия, а по росту!

Мимо них проходят пары, высокие ростом. На последнюю пару Сексек смотрит с выражением недовольства.

– Зачем мне такой журавль, как она!

Он, вытянув шею, осматривает фигуру рядом с ним идущей женщины и, улыбаясь, говорит:

– Ой, астай... именно вот такую искал... О-о-о, милая моя!..

Теперь и женщина улыбается, нежно смотрит на него.

– Так вот, меня зовут Бал-жан! Бал-жан!

– Какое прелестное имя, милая! Тут и мед, и душа вместе, прямо сладко, так сладко, что можно с аппетитом проглотить.

Оба довольны, оба без конца смеются.

Многоместный комфортабельный самолет летит над большим городом. Внутри самолета сидят одни женщины. Русская женщина средних лет, рядом с ней Алуа, за ними сидят женщины Советского Востока, хорошо одетые туркменка, узбечка, азербайджанка, киргизка, таджичка и другие. В других рядах сидят женщины Сирии, Ливана и негритянки Черной Африки.

Все женщины смотрят вниз, на город. Все в один голос говорят: “Пекин!”, “Пекин!”. Самолет медленно кружится, как будто желая им показать город. Под крыльями самолета открывается панорама большого города Пекина.

Длинные стены города. Самолет, кружась над высокими пагодами, над многоэтажными домами, древними дворцами, медленно садится на аэродром.

Здесь прибывших гостей встречают китайские женщины.

Над многолюдной толпой развеваются флаги, знамена многих стран земного шара. Лозунги: “Да здравствует Первая конференция женщин Азии!”, написанные на русском, китайском, арабском, индийском, английском, корейском, вьетнамском, турецком языках.

Гости на машинах. Машины, миновав внешний город, его парки, усадьбы, храм Неба (*Тянь-Тянь*), Фа-юаньсы и многие другие удивительные дворцы, останавливаются перед отелем.

* * *

Множество машин подвозят женщин Азии в разных национальных одеждах к большому загородному дворцу.

Китайская женщина на русском языке объясняет Алуе и другим женщинам:

— Мы сейчас приехали в летний дворец царицы Ци-Си, — говорит она.

Рассматривая величественные галереи, отдельные площадки этого дворца, товарищи Алуы, руководители советских женщин, ведут беседу, они поручают Алуе одно весьма важное задание. Русская женщина средних лет советуется с Алуой.

— Часть мусульманских женщин, приехавших на эту конференцию, желает поговорить с делегатами Советского Востока. Проведи с ними беседу, Алуа!

Другие женщины тоже поддерживают кандидатуру Алуы. Но в то же время эти женщины дают дружеские советы, как вести себя, говорят напутственные слова. С доверием провожают они ее.

Алуа среди группы женщин, медленно шествующих среди музейных редкостей, причудливых статуй, множества изображений Будды в этом дворце. Среди идолов, статуй и изваяний глазам проходящих предстают многоголовые драконы, множество страшных изображений. Множество богов, различные изображения черных, беспощадных злых духов, вылитых из бронзы, серебра, железа, высеченных из дерева, слепленных из сургуча, гипса, сделанных из фарфора, бесконечной вереницей сопровождают проходящих мимо людей.

Эта галерея статуй и изваяний как бы раскрывает действительность перед глазами религиозных, малосознательных женщин Азии, шествующих вместе с Алуой. Одежда у женщин, кроме Алуы, совершенно разная. Здесь мы видим различные одеяния женщин мусульманской Индии, Ирана, Турции, Ирака, Сирии, Ливана, Афганистана. Среди них есть и некоторые образованные женщины, одетые по-европейски. Кроме одной, пожилой иранки, все в основном молодые женщины. Пожилая иранка и турчанка с седыми волосами, перебивая друг друга, нападают на Алуу.

— Вы — казахи, узбеки, татары, туркмены — в прежней истории назывались российскими мусульманами. Большинство из этих стран, до принятия ислама, были языческими. Вы же не знаете, что исламият ввел новшества в положение женщин этих стран!

— Конечно, не знает. Ведь она и сама не мусульманка. Ее поддерживает другая женщина.

— Потому, что она неверующая, — говорит она.

— Будучи сами неверующей, к тому же не зная того, что внесла религия в историю ваших народов, вы в разговоре с нами плохо отзываетесь об исламской религии. Сначала скажите, знаете ли вы, что сказал создатель исламской веры сам Мухаммед-Мустафа? Нет, не знаете.

Алуа на гневные и сердитые лица этих женщин смотрит, улыбаясь. Она отвечает выдержанным тоном:

– Может быть, и знаю.

– Если знаете, скажите, запрещал ли пророк Мухаммед учиться женщинам, например?

Алуа говорит, улыбаясь и кивая головой:

– Нет, не запрещал.

Женщины, удивленно улыбаясь, плотнее окружают ее. Тогда Алуа на чистейшем арабском языке пересказала им наставление пророка: “Эл гилми фаризатун гала кулли муслимина уа муслиматун” (*“Науке должны учиться как мусульманские мужчины, так и мусульманские женщины”*).

Удивленные женщины теперь не так уж рьяно наступают на Алуу. Алуа все с той же улыбкой, спокойно продолжает говорить:

– Действительно, пророк говорил, что: “Науке должны учиться, как мусульманские мужчины, так и мусульманские женщины”. Но говоря это, он в то же время обрек женщин всего мусульманского мира на позорное рабство, на унижение.

Еще одна женщина поддерживает это.

– Султанские, шахские гаремы разве возникли по повелению пророка? Разве он говорил, чтобы были чадры, чачуаны? Когда сказал пророк, чтобы в каждом хаули были ичкари?

Алуа все еще свободно, но с некоторым презрением говорит:

– Да, он этого не сказал. Но разве то не Мухаммед был, который при жизни женился девять раз? Не он ли говорил, что мужчины могут иметь четыре брака одновременно? Разве не он открыл дорогу разврата для женщин, даже малолетних девочек, чтобы оправдать свое влечение к девятилетней Гайше?

Если так делал сам пророк, который говорил, что религия священна, а человечность – начало справедливости, что можно ожидать от шахов, султанов, эмиров, халифов. Если искренне думаете бороться за раскрепощение женщин, тогда запомните, что такая борьба не имеет ничего общего с религией. Ни от какой религии не ждите хорошего для положения женщин.

Гневно говорит седовласая турчанка:

— Мы будем бороться за улучшение положения женщин, за раскрепощение. Но вместе с тем, мы, благодарение богу, являемся истыми мусульманками.

Теперь Алуа говорит холодно, критикуя их:

— Вот это и является большой бедой для женского движения в ваших странах! Мы здесь встречаемся как матери, как сестры, сверстницы. За каждой из нас — судьба миллионов матерей, молодых женщин. Мы ответственны перед историей!

Турчанка гневно перебивает Алуу:

— Вы не агитируйте нас, чтобы совратить с пути религии!

Алуа сурово и быстро говорит:

— Я не агитирую, но говорю вам об истине. Буржуазное движение среди женщин началось не от вас — женщин Турции и Ирана. Движения феминисток, суфражисток давно начались во Франции, в Америке и в Англии. Но во всех этих движениях, как и в ваших, были сильны влияния религии и законов буржуазного общества, поэтому в положении женщин не произошло никакого изменения. Самое большое зло заключалось в том, что все они, как и вы, были в плену кто своей христианской религии, кто буддизма, кто исламской веры, и тем самым подводили движение за освобождение женщин. По существу, обманывали женщин. Я считаю, что и вам более подошло быть усердной ханум достопочтенного мусульманина, чем заботиться о положении женщин. Иначе вы поняли бы, что в нашу эпоху, в XX веке судьба женщин решается только одним путем, путем самоотверженной борьбы.

— “Агитация!”, “Агитация!” — кричат двое-трое женщин. Рьяно протестуют все те же женщины. Одна из них — седовласая турчанка, остальные двое — примерно тех же лет иранская женщина и афганка.

Одновременно с этим ряды женщин, особенно молодых, которые невольно задумывались над словами и поведением Алуы и которые, когда говорила Алуа, все превращались в слух, старались вникнуть в сущность ее речи, все увеличиваясь и теснее сплачиваясь около нее, выказывают знаки дружелюбия.

Женщины различных наций, оставшиеся возле Алуы, теснее окружают ее, говорят, перебивая друг друга, со всех сторон задают вопросы.

— По-вашему, под каким лозунгом должны спланироваться женщины Азии в борьбе за свое освобождение?

— Да, вы сейчас говорили правду. В Азии женщина добьется свободы только путем борьбы, активным участием в социальной, исторической борьбе.

— Религия на этом пути не может быть программой. Она будет только помехой.

— Мы должны были встретиться не для того, чтобы спорить о религии. Те женщины ошибаются. Теперь вы нам объясните суть той борьбы, которая сплотит всех женщин Азии.

Алуа отвечает теперь твердо и решительно.

— Вот это ясный и правильный вопрос, — говорит она. — По этому поводу я скажу, что в эти дни есть только один лозунг. Это борьба за мир. Для матерей, для жен, для сестер и для молодых девушек есть одна опасность. Это все более сгущающиеся тучи новой мировой войны. Вы и сами прекрасно знаете из своего опыта, все вы видели и пережили. Во сто крат усугубляющей несчастье и беду является война. Для того, чтобы защищать счастье детей, матерей и жен и для того, чтобы присоединить свой голос к великому и чистому, высокому голосу всего мира, женщины Азии должны поддерживать лозунг мира. Правильно ли это?

— Правильно!

— Единственно правильный путь, ведущий к объединению всех женщин Азии, вливающий их в борьбу женщин всего мира — только этот путь! — говорит молодая египтянка и крепко жмет руку Алуы, как бы подтверждая этим свою клятву бороться вместе.

* * *

Громадный зал. В нем множество женщин, одетых в разные национальные костюмы. Здесь находятся русские, китайские, корейские женщины, женщины Бирмы, Вьетнама, Индонезии, Индии, Ирана, Афганистана, Ара-

вии, Сирии, Ливана и негритянки. Много и советских женщин, среди последних и Алуа.

Говорит женщина из Индии:

— В Индии количество женщин меньше, чем мужчин, на 13,5 миллиона человек. Многие женщины умирают от того, что их выдают замуж в слишком раннем возрасте. Умирают не только потому, что они рано становятся матерями, но и потому, что живут в страшно тяжелых, невыносимых условиях.

Говорит японская женщина:

— В Японии до сих пор существует продажа женщин и детей. И в настоящие дни все еще существует много фабрикантов, покупающих на пожизненную работу.

Говорит женщина из Бирмы:

— В Бирме труд женщин оплачивается дешевле на 45–50 процентов, чем труд мужчин. Законы по охране труда не распространяются на женщин.

Алуа, надев наушники, слушает выступающих. Она не сводит глаз с этих женщин и время от времени записывает что-то в свой блокнот.

Говорит женщина из Сирии. Эта одна из молодых женщин, присутствовавших при встрече с Алуой. Она вынесла кое-что полезное от той встречи.

— Купля и продажа все еще продолжают в Сирии. По шариату и по сей день существует многоженство.

Теперь говорит иранская женщина. Она тоже внимательно слушала слова Алуы при встрече с ней.

— Закрепостившие мусульманских женщин законы шариата и по сей день не потеряли свою силу как в Иране, так и в Афганистане. Полностью сохранились законы, разрешающие многоженство и продажу девушек. Право на брак и на расторжение брака предоставлено только мужчине.

Председательствующая женщина предоставляет слово представительнице женщин Советского Востока Сатаевой Алуе. Весь зал, затаив дыхание, настораживается.

Говорит Алуа:

— Уважаемые женщины! Женщины народов Азии, дорогие сестры! От вас я многое услышала. Наверное, о многом еще не сказано. О тех страшных муках жен-

щин Азии, которые они все еще переживают. До Великой Октябрьской революции, в дни своего детства я тоже переносила подобные страдания. Моя мать была неграмотной женщиной. А меня, несовершеннолетнюю девочку, хотел забрать к себе бай, в качестве третьей жены. Я бежала от такой жизни и нашла защиту в советском законе. Я получила не только свободу, равноправие, но и образование. Нашла свое счастье. Сейчас я – кандидат исторических наук. Всего этого я добилась не потому, что являюсь какой-то одаренной женщиной в нашей стране. Я являюсь одной из миллионов рядовых женщин. Таким образом, солнце свободы, за короткий срок изгнав эпоху страдания и тяжких мук, озарило лучами счастья женщин нашей страны. Что я могу вам сказать? Хотелось бы только одно пожелание. Это то, чтобы правда о жизни нашей страны быстрее достигла вас, многомиллионных женщин Азии! И еще хочу сказать о том, о чем я не могу не сказать, видя все своими собственными глазами. Это вопрос, который я хочу задать руководящей верхушке всех стран Азии. Это – вопрос прошедшего, настоящего и для многих стран вопрос будущего. Это – вопрос о женщинах, составляющих добрую половину населения Азии. До каких пор судьбу женщин Азии будут решать законы Сидхарта, Гаутамы, Будды, основанные две с половиной тысячи лет тому назад?

До каких пор будут решать положение женщин кодексы Ману, основанные две тысячи двести лет тому назад? До каких пор будут властвовать над судьбой женщин брахманизм, индуизм, основанные тысячу триста лет назад, их законы, положившие начало позорному угнетению женщин? Еще я хочу спросить, до каких пор будут существовать бесчеловечные законы мусульманского шариата, начавшего позорное угнетение женщин тысячу триста лет назад? Всем вам, а так же и мне известно, что среди многих имен и народов Азии до сих пор продолжают существовать страшные законы первобытного общества в отношении женщин. В том обществе были пуналуа. Сегодня на его месте существует полиандрия, иначе говоря, до сих пор есть племена, где еще существуют такие законы, когда все мужчины одной семьи живут с одной женщиной. Я

заканчиваю свою речь. Заканчиваю одним лишь вопросом. Это вопрос нашего века! Вопрос всех матерей, ханумов, сестер и девушек! Будет ли конец этому позорному угнетению или нет?

С этим вопросом Алуа обращается не только к сидящим в зале, она смотрит с экрана на публику, и кажется, что она теперь обращается со своим вопросом истории ко всему человечеству, всему миру.

К о н е ц

БОЛЬШАЯ СУДЬБА

Киносценарий

І часть

Ночь... Жестокий шквал разгулялся в степи... Вихри песка и сухой колючей травы несутся, стелясь над землей; сквозь редкие разрывы стремительно пролетающих облаков мелькает луна, мгновение — пелена мутного света, мгновение — непроглядная тьма и снова дикие тени скользят над землей...

Жалобу, стон, вопль, свист, плач и хохот можно уловить в шумах бури.

Гнутся густые кустарники; склоняются к земле, чуть не стелются по ней тростниковые стебли чия, дрожат юрты, вот сорвало с одной плохо закрепленную кошму — взметнуло вихрем, унесло во тьму.

Со стороны степи скачет к аулу всадник. Что есть мочи гонит коня... Нет-нет, опасно оглянется да еще ожесточеннее хлестнет плетью...

Мелькают по аулу тени пастухов и скотниц, рвет ветер их жалкие лохмотья, колючки и песок секут лица...

А кругом мечутся перепуганные бурей овцы и козы. С тревожным блеянием топчется отара, где-то тут же во тьме мычат коровы, воют верблюды... Дико проржет конь... И над всем возбужденный, яростный лай сторожевых псов...

— Эй!.. Бейсен!.. — слышится крик во тьме, — сбивай овец в кучу... сорвутся в степь — всех перебьет буря!.. Тогда шкуру готовь для хозяйской нагайки, — распоряжается старший чабан (*Назарбек*), перехватывая за рога двух ошалевших баранов.

— Проклятая ночь!.. — прохрипел молодой пастух, кидаясь наперerez метнувшимся овцам.

Поднял голову на приближающийся топот... Вынырнул из тьмы всадник, сшиб овцу, — промчался мимо — только крикнув:

— Жалтыр!.. Жалтыр в степи!..

Исчез – в направлении центра аула.

Тревога мелькнула по лицам чабанов...

– Жалтыр! А?

– Опять Жалтыр!..

А всадник чуть не кубарем скатился с задохнувшегося коня – кинулся к пологу большой юрты...

Вошел, можно сказать – ворвался, хрипло прокричал:

– Жалтыр!..

Сдернул малахай, быстро отер грязное, вспотевшее лицо.

Догал (*приятные минуты нарушил степной вестник*) отвел от губ пиалу с чаем, нахмурился:

– Где?!

– В степи, хозяин... С ним Кулан и Булан, такие же разбойники... и еще кто-то... – беда!

Догал встал, бешено закричал:

– А вы и струсил?! Разбежались?! Бросили мои табуны – две тысячи коней оставили конокрадам?!

По лицу табунщиков мелькнуло негодование:

– Мы не струсил, Догал-мирза... Мы твои верные слуги...

– Верные слуги давно бы приволокли мне Жалтыра на аркане!..

– Те трое, что остались при табуне сейчас, поди, насмерть бьются с конокрадами за твое добро, хозяин... Подмога нужна!

Яростно топнул Догал... Схватил малахай, сорвал с гвоздя плетень, бросился вон из юрты; табунщик за ним...

Убогая юрта на краю аула...

...Внутри – зловещая нищета... В очаге одна зола... В углу, на дырявой кошме, прижавшись друг к другу, лежат больной табунщик Сатай и его дочка Алуа.

Мигает светильник... Старуха Жанат – мать Сатая, размешивает что-то в жестяной кружке... Окликнула сына:

– Я схожу к соседям, сынок... Нужно согреть тебе питье, а у нас ни уголька, ни щепки...

Сатай тяжело приоткрыл глаза:

– Сходи, мать... Догал-мирза не любит, когда хворают его табунщики.

Старуха перебирает пучки сушеных трав, крошит в кружку.

Девочка пошевелилась около отца, вздохнула, прижалась теснее.

– Почему ты не спишь, Алуа, маленькая моя? – ласково, но с явным трудом прошептал Сатай.

– Мне страшно, отец... Ты болен... Ветер... Люди кричат в ауле...

Сатай прислушался.

А старуха уже идет к выходу:

– Я сейчас погляжу, узнаю, что за шум... Но навстречу ей – распаленный Догал. Коротко взглянул на распростертого Сатая.

– Это еще что? Валяться? На мои табуны напал Жалтыр, а табунщики будут нежиться в пуховых постелях? Встать! На коня! К табуну!

– Он болен, мирза, мой Сатай, – засуетилась старуха, – вот питье...

Догал концом плети выбил кружку из рук Жанат.

– Хворать будет завтра!

Шагнул к ложу Сатая, сапогом скинул покрывавшую его попону.

– Ну? Скоро?

Тут вскочила дрожащая Алуа.

– Не тронь... оставь моего папу!..

– Догал-мирза... – взмолилась сбоку старуха.

Бай круто пошел к выходу.

– Лежебокам место на свалке, а не в моем ауле!

Вышел. Старуха облегченно вздохнула.

...Со своего ложа поднялся Сатай; худой, со слипшимися волосами на лбу. Глаза болезненно смежены. Он стоит, шатаясь, хватаясь рукой за воздух, видно, как страшным напряжением воли этот человек собирает в себе всю оставшуюся силу...

– Куда ты?! – всплеснула руками Жанат.

Сатай стиснул зубы, открыл глаза.

– Надо, мать... Я иду... Иначе выгонит... Голод... Нужда... Дай шапку.

– Папочка! Не ходи! – вскрикнул ребенок...

А по аулу уже проносится небольшой отряд. Впереди – табунщик, за ним батраки, все с соилами, позади Догал.

...Топчется на месте белый, горячий жеребец. Рванула удила уверенная рука – замер конь.

С трудом перекинул ногу через седло Сатай. На секунду припал к шее коня, тронул концом соила.

Унесся в бурю – сам буря.

С порога лачуги с отчаянием смотрит вослед старая Жанат, в безмолвном испуге прижалась к ней внучка.

Скачет Сатай, догоняет отряд...

* * *

Избитые, в изодранной одежде, опутанные арканами, с руками, закрученными за спиной, катаются по земле трое табунщиков. Сползлись друг к другу, пытаются развязаться... Со стонами и вздохами переговариваются:

– Взял свое, проклятый Жалтыр... Угнал табун...

– Все бока мне отбили... Точно сто ребер сломано...

– У меня тоже... А хозяин Догал еще прибавит...

* * *

С хохотом, с посвистом гонят в степь барымтачи захваченный табун. Вразброд несутся косяки, молодняк вперемешку со взрослыми, крупными конями. Врезается в гуцу табуна Жалтыр. Разбойничьим счастьем пышет его тупоносое лицо, горят хитрые глаза. Ударами своего соила он на скаку отделяет добрых коней от жеребят. Кричит своим:

– Эй! Все не угнать! Вычитайте вон жеребят – пусть их попасет еще для нас Догал-мирза! Через год явимся за ними!

Хохочут барымтачи. Особенно покатываются два рослых конокрада, знаменитые братья Кулан и Булан. Они на скаку сортируют табун, отбивая в степь обременительный для них конский молодняк.

Вдруг Жалтыр беспокойно оглянулся.

В погоню неслись табунщики из аула.

Уже слышатся угрожающие крики.

Жалтыр оценивающе оглядел приближающийся отряд преследователей. Презрительно огладил длинные усы.

– Деревенщина! Еще лезут в погоню за нами. А ну, – покажите им!

В какие-то секунды вслед за тем сшиблись кони табунщиков и конокрадов. Но табунщики напали с ходу и по ветру; конокрадам, пусть большим числом, менее удался маневр. Замелькали соилы... Посыпались внезапные удары... Полетели из седла противники...

Жалтыр, кусая усы, следит за схваткой, не впутываясь в нее.

А в далеком тылу топчется конь Догала, и держит-то его бай вполоборота к аулу – на случай. Силится уловить Догал во тьме положение на месте “боя”. В глазах бая – алчная тревога.

...Ползают под копытами коней поверженные противники. Еще мелькают соилы... Еще пытается отогнать в степь хотя бы небольшой косяк Жалтыр...

В азарте погони и схватки выскочил вперед Сатай. Вот он мелькнул с высоко занесенным соилом в руке. Настиг барымтача, ударил, схватил за спину, сдернул с седла, сбросил на землю. И тут оказался в западне сам.

Знаменитые братья – Кулан и Булан не особенно вязывались в схватку, держались в резерве. Увидев смельчака, оторвавшегося от своих, поскакали за ним. На скаку – примеряются:

- Надо с боков взять...
- Белого жеребца в середину...
- Вот он... Не уйдет! – крикнул Кулан.
- Кончайте! – нетерпеливо кричит Жалтыр.
- Слезай с коня! – слышит Сатай за своей спиной

окрик Булана.

Крутнул Сатай своего жеребца назад, смело послал коня в сторону Булана, врезался меж разбойничьих коней, мгновение – увернулся от соила разбойника, сам наносит удар – вылетел из седла Булан... А сбоку уже Кулан... Страшным ударом разбивает он плечо Сатаю. Зашатался табунщик, но успел, бросив повод, перехватить соил в здоровую руку, изловчается для нового удара Кулан, а Жалтыр сунул руку за пазуху...

Труден бой Сатая с Куланом. Ловок и силен разбойник. А главное – здоров. Да и мешают носящиеся тут же кони...

...С порога своей лачуги вслушивается в шумы, доносящиеся со степи, маленькая, дрожащая Алуа.

– Папа! Ата... Папочка! – шепчет девочка.

Кажется – ржут лошади, иступленно кричат люди... Яростно заливаются псы... В степи блеснул зловещий язычок огня...

...Прямо в лоб поразил Сатай старшего Кулана. Мешком рухнул разбойник на землю... И в ту же секунду сощурил глаз Жалтыр, тиснул зубами, выстрелил...

* * *

Товарищи доставили Сатая в его лачугу. Внесли – как привезли со степи – на попоне. Маленькая Алуа кинулась навстречу, вцепилась в бесчувственное тело отца и замерла... Табунщики неловко стояли поодаль.

А над раненым уже хлопочет мать. В юрте сразу подсобрался народ, конечно, больше всего взволнованы женщины.

Назарбек с грустью заметил:

– Умрет... Такая ведь рана...

Жанат подняла скорбные глаза...

– Кто защитит нас?.. Поможет кто?.. Кто смилуется?..

Вздрогнул умирающий. С усилием открыл глаза, повел вокруг. Остановился Сатай на маленькой фигуре у входа.

– Сексек... – слабо окликнул Сатай.

Маленький, глупый юноша приблизился.

– Ты единственный нам родич, Сексек... – выговорил Сатай. – Остается Алуа... Старая Жанат...

– Надолго ли я остаюсь! – махнула рукой Жанат.

– Ты – единственный... – шепчет Сатай Сексеку.

Сексек всхлипнул.

– Умрешь ты – не считай и меня за живого!.. Какой толк от меня? Я сам горемыка!..

Хочет Сатай сказать что-то Сексеку, но внимание всех, в том числе и Сексека, чем-то уже отвлечено.

В юрту вошел сердитый Догал. Не обращая внимания на происходящее, он накидывается на табунщиков:

– Что по гостям разгуливаете? Почему не поймали Жалтыра? В руках у вас был!

– Нам было не до погони. Мы вот (показывают на Сатая) – его привезли.

– Лучше бы Жалтыра сюда привезли! Идите к табуну!.. Ну? – обратился Догал к Сатаю, так как неловко было при народе не обратить внимания. – Поймаешь мне Жалтыра?

– Нет, мирза, уже не поймаю... – прохрипел Сатай. – Он меня поймал... Мирза! Я верно служил тебе... Жизнь отдал... Кровь отдал... Не дорого я стоил тебе... Приюти дочь... Вырасти...

Бай важно кивнул.

– Можешь умирать спокойно. Я позабочусь...

И, обернувшись, к табунщикам:

– Чего стоите? Вычистите скорее белого жеребца и засыпьте ему лучшего ячменя.

Хлестнул плетью по сапогу. Вышел.

Сатай судорожно выпрямился. Девочка с воплем рухнула на грудь отца.

II часть (1926 год)

Хороши пастбища в долине Актал... Насколько хватает глаз, разбрелись по склонам тучные отары и табуны.

И особо одиноко и грустно звучит в этом мирном, тихом просторе печальный кюй.

...Прислонившись к горбу отдыхающего верблюда, полулежит Сексек, выводя на сабызге грустную мелодию...

Это уже не юноша. У Сексека одно из таких лиц, на которых ясно написан счет прожитых лет, и вместе с тем на таком лице можно увидеть детскую простоту и раздумье, а также и горький отпечаток нужды и зависимости.

Оборван Сексек...

О чем поет его сабызга?

Съехались, конь к коню, двое табунщиков (Бейсен и Назарбек), взглядываются вдаль.

– Еще едут... – проговорил Назарбек. – Все к нашему хозяину...

Действительно, вдали, не спеша, ехала группа всадников. Впереди щеголеватый, высокий Сеит; бородач Жакеш, с заплывшими узкими глазами; худощавый,

горбоносый, безбородый Байыр... Кавалькаду замыкал толстый коротыш Сартай. Баи едут, четко вырисовываясь на гребне увала.

Сеит из-под руки оглядел раскинувшиеся перед ним просторы. Завистливо причмокнул:

– Хороши стада у мирзы Догала... Надо выменять у него парочку скакунов... Актальские жеребцы славятся.

Жакеш усмехнулся в бороду:

– На что тебе догаловские скакуны?.. Если за конокрадами гоняться, – так нет конокрадов! Перевелись конокрады при советской власти. Знаменитый Жалтыр и тот пропал – уже лет восемь о нем ни слуха, ни духа...

– Мне нужен хороший скакун... – повторяет Сеит. – Каждому из нас нужен хороший скакун при советской власти...

... – Интересно, зачем они едут в гости к Догалу? – с подозрением прищуривается на далеких всадников Бейсен.

– Как зачем? Ты разве не слышал, что приезжает брат нашего хозяина. Он закончил большое советское медресе – университет.

– Брат? – удивился словам Назарбека Бейсен. – Я почти позабыл, что у Догала есть брат.

– Как же! Только он всегда живет в Алма-Ате... Зовут его мирза Мардан. А, вспомнил? Догал ждет его с часу на час. Уже зарезали двенадцать самых жирных баранов.

К табунщикам подъехал их товарищ Орпан. Подошел, засовывая за пазуху свою дудку, Сексек.

– Что-то часто наши баи стали ездить друг к другу, – замечает Орпан.

– Можно подумать, что у каждого из них брат кончает учење в большом советском медресе, – хитро подмигивая, говорит Сексек.

Бейсен и Орпан переглянулись. Улыбнулись недобрыми улыбками.

– А все-таки я не хотел бы сидеть в юрте, где съедают сразу двенадцать жирных баранов, – серьезно добавил Сексек.

Орпан усмехнулся.

– Это верно. Лучше зайти в двенадцать юрт, где едят хоть по одному барану.

Бейсен напряженно наморщил лоб:

— Вот этого, кажется, и хочет советская власть.

* * *

В юрте Догала в полукруг сидят гости. Угощение. Беседа.

— Да, да... — оглаживая бороду, говорит Жакеш. — Очень хорошо, что приезжает Мардан. Умная голова — Мардан, свежая голова. Новая голова.

— Пусть Мардан скажет нам — чего ждать? — раздраженно воскликнул Байыр, — на что надеяться... Свободная торговля кончается... Налоги на баев растут, батраки начинают отбиваться от рук... *(Тут он обернулся, как и остальные, на резкий звук за узорным чием.)* Что это?..

...Девушка лет пятнадцати стоит, прижавшись к стене юрты, прихватив пальцами обожженное пощечиной лицо. Прекрасные глаза, в которых бессилие и негодование, искры гордости и затравленность, — устремлены на разъяренную байбише, занесшую руку для повторного удара.

— Лентяйка... — шипит байбише. — Опять сидишь сложа руки? — байбише замахнулась пошире, но внезапная тишина за чием смутила ее, она решила выглянуть.

Действительно, взоры гостей были обращены сюда — на звук пощечины. Байбише немедленно расплылась в улыбке и тут же страдальчески свела насурмленные брови:

— Ох, эти благодеяния... Сколько возни с этими дармоедами...

А девушка, роняя слезы, уже крутит ручку большой тяжелой маслобойки.

— Сирота... Дочь нашего табунщика... — доносится до нее голос байбише. — Хворают, мрут, а после них приходится нянчиться со всякими нищенками...

Девушка гневно вспыхнула, бросила ручку маслобойки и, не соображаясь ни с чем, высунулась из-за чия рядом с изумленной от подобной дерзости байбише.

— Неправда! — закричала девушка, негодуяюще сверкая глазами. — Мой отец не просто умер... Он был смертельно ранен... в схватке с конокрадами... Защищая твои стада, мирза Догал.

– Мир вам! – перервал ее спокойный густой голос с порога.

Девушка обернулась на вошедшего. Смотрят на него гости: Догал сначала хмуро уставился на незваного пришельца, потом припоминающее заморгал и вдруг лицо бая исказилось злобой...

Вошедший отдал салем и спокойно уселся в полукруг.

– Как зовут тебя, девушка? – спросил он негромко, но властно.

– Алуа... – прошептала она, с невольным трепетом взглянув на гостя.

– Алуа... – повторил он. – Алуаш... Хорошее имя, – одобрительно кивнул.

Байбише толкнула Алуу обратно за занавеску. Зашептала что-то.

Гость вынул из рукава четки. Глубокомысленно перебрал несколько зерен.

– Эт-то ты?! – наконец прохрипел Догал, всем телом подавшись вперед и напрягаясь словно для прыжка через чаши с угощением.

Гость спокойно взглянул на хозяина; медленно, как засыпающая птица, полузакрыв глаза. Заговорил...

– Многое горячит сердце человека, пока он не знает своего настоящего пути... Он ранит ноги об острые камни дурной дороги, его руки совершают неведомо что... Но велик аллах и внятен его голос. Он берет за сердце человека – и вот ноги человека идут к святым местам, и руки человека совершают угодное богу...

Он пошевелил четками... Всматриваются в него другие гости. Что-то тоже хочет вообразить Сеит... Опустил глаза Жакеш, – чуть заметно, но одобрительно потряхивая бородкой – слушает...

Пощелкивает четками путник... *(Ему лет за сорок, не длинная, но холеная борода с проседью обрамляет его лицо; одежда его не богата, но опрятна; чувствуется, что он силен и ловок; что несмотря на низкий, мясистый лоб – это голова неглупого человека; а умение владеть собой позволяет ему подолгу убирать с лица свирепое, алчное выражение.)*

— Я дал обет — семь лет ходить по святым местам...
Я видел...

Тут вышла из-за чия Алуа... Она подставляет новому гостю небольшой тазик и начинает лить ему на руки из кувшина. Тот неторопливо споласкивает руки и, не отрывая взгляда от Алуы, повествует:

— Я видел величайшие святыни ислама и поклонился им... и мое сердце расцвело... В городах и на базарах я слушал речи людей, недовольных теперешними временами, и... горевал вместе с ним... Я много испытал и видел... — и, хитро меняя тон, — но я нигде не видел такой красивой девушки... Или слепы стали люди в долине Актала?

Ревность сверкнула в глазах байбише, да и девушка вспыхнула от смущенья. Байбише нетерпеливо повернула Алуу за плечо и вытолкнула за занавеску. Вышла за ней...

— Алуа... — повторил гость. — Сирота... Можно в жены взять без калыма...

Усмехнулся...

— Кто ты?! — требовательно выкрикнул Догал, раздувая ноздри.

Гость взглянул ему прямо в глаза:

— Иди, внушил мне пророк, и поклонись... И через семь лет спокойно возвращайся в родные места, ибо все стирают семь лет в человеке... Ты найдешь на родине беспокойство и сомнение... Найди твоего самого страшного врага, войди к нему в дом для беседы... *(Тут рука Догала заискала ручку ножа, но гость невозмутимо продолжал.)* И вы увидите, что общая опасность для вас страшнее вашей вражды... Да, мирза Догал. Это — я. Я — Жалтыр.

Царапает рукоять ножа Догал. Невозмутимо сидит Жалтыр.

— Успокой свою душу, Догал, — внушительно сказал Жакеш. — Умный человек присоединился к нашей беседе... Угости почтенного путника, пришедшего от святых мест...

Опомнился Догал, погасил в глазах злые искры; с важным видом трижды хлопнул в ладоши:

— Эй! Лучшего кумыса, лучшего тюменеля — почтенному гостю! — крикнул он за занавеску.

Жалтыр опустил глаза и еле заметно усмехнулся.

Вышла Алуа, неся на подносе узорную пиалу с тюменелем. Догал берет пиалу, протягивает гостю.

– Благодарю, Догал мирза...

– Пей, Жалтыр...

Загремел поднос: уронила его Алуа, услышав страшное имя.

– Жалтыр?! – беззвучно прошептала она с ужасом.

Алуа пугается... За занавеской ее встречает пощечина байбише.

– Невежа!.. Тебе кизяк собирать, а не прислуживать гостю.

Жалтыр отхлебнул из чаши и мотнул головой за занавеску.

– По-настоящему научить может только плетка мужа... Но это прошло! Старине нашей приходит конец, знатным людям всякие беды, обычаем и вольностям нашим – смерть... Ха-ха-ха! – рассмеялся он жутким смехом, от которого многим стало не по себе.

– Ты что, Жалтыр? Про беды наши говоришь, а сам смеешься, – удивился хозяин.

– Конечно, смешно! – сверкнул глазами Жалтыр. – Например, эта девчонка: чем плоха? А попробуйте взять ее в жены? Второй или третьей женой, попробуйте взять!

Сартай вспыхнул, хлопнул себя по сапогам. Закатил глаза.

– Соблазнена душа... – прошептал он.

На него оглянулись соседи и Догал.

– И хоть она всего лишь простая служанка... – продолжает Сартай...

...Жалтыр пьет, одобрительно кивая...

Сартай пылко:

– Возьму!.. Догал! Отдашь?!

Догал заморгал, опешив:

– Как это так – возьму?

Сартай с жаром приложил руку к груди:

– Не посмотрю, что простая служанка! Не могу... Душа соблазнена, дорогой Догал! Да ее только одеть получше, да в белую юрту... Ах! Алуа!.. На руках только носить и ласкать без конца и нежить... – Сартай даже закрыл глаза. Ноздри его затрепетали...

Догал усмехнулся, фыркнул и расхохотался.

– Вы слышали? Вы все слышали? Он! Возьмет!.. Точно у меня нет новой белой юрты! Точно у меня не во что одеть лишнюю женщину... Это я для того вырастил, выходил лисичку? Чтоб кому попало отдать? Сам возьму! Младшей женой-токал! – он подбоченился.

Жалтыр последним глотком осушил пиалу и резко спрашивает:

– А что скажет на это советская власть?

...Алуа слушает за занавеской этот разговор. При последних словах Жалтыра на лице девушки мелькнула беспокойная надежда.

Жалтыр продолжает с неуловимой насмешливостью:

– Что скажете суду, следователю?.. Они ведь близко!

– Женюсь! – прохрипел Догал.

– Берешь третью жену?

– Да! Власть не разрешает калыма? Вот я и не плачу его! Ха-ха! – он победоносно оглянулся, довольный своей изворотливостью.

– А насилие против воли – разве разрешается? Не прикидывайся несведущим, Догал! – говорит Жалтыр. – Этим бабам дали такую свободу!.. Они не знают как следует, что такое советская власть (*в голосе Жалтыра задрожала злоба*), но уже понаслышались про это проклятое слово – свобода, да про чертову красную юрту!

...Глаза Алуы вспыхнули...

Догал вскочил, кипя азартом...

– Положим! И теперь – кто захочет – возьмет; кто согласится – выйдет!

Он высунулся из юрты, крикнул кому-то:

– Эй! Где Сексек?.. Позвать сюда!.. Живо!..

Он обернулся к гостям и деланно-хитро понизил голос:

– Сейчас увидите, как это все давно обдуманно... Пусть советская власть попробует помешать мне... Надо показать пример!

Жалтыр одобрительно кивнул:

– Вот именно – пример... Это то, чего ждут наши друзья и родичи...

...Бейсен проскакал мимо Сексека:

– Эй, Сексек! Тебя кличут в большую юрту! Все-таки тебе придется съесть двенадцать баранов!

– Не шути, Бейсен...

– Сам послушай...

– Эй! Найти живо Сексека! – донесся голос Догала.

– Верно – Догал, – удивился Сексек.

...Вот он входит в юрту, явно стесняясь своего нищенского вида.

Догал небрежно, покровительственным жестом указывает ему место.

– Садись... Я тебе говорю – садись!

Не веряще посмотрев по сторонам на гостей, Сексек чуть подогнул колени, но не сел; Догал нажал ему на плечо, бедняк почти плюхнулся. Кое-кто засмеялся. Догал придвинул Сексеку пиалу с остатками кумыса. Сам сел напротив, откинулся корпусом на подушки.

– Ну, Сексек... Серьезный разговор... Ты единственный родственник Алуы... А твоя сестра Алуа стала невестой...

Сексек слабо улыбнулся:

– Какая там невеста?! Так еще, – девочка... Ягодка... дунуть и в рот положить...

– Верно! Ягодка! А кто вырастил? Я! – хвастливо закричал Догал... – Не помни я бога... А! Да что говорить – пыль бы от нее осталась давно, и от тебя и от Алуы... Теперь я решил взять твою сестру в жены... Эти почтенные люди хотят быть свидетелями твоего согласия... Хочешь встать с этого места моим шурином?! А?.. Ведь ты, – Догал вскочил, почти встал на цыпочки, высоко подняв палец, – ведь ты станешь шурином Догала!

Догал даже округлил глаза, будто сам изумляясь той неслыханной чести, которую он предложил своему пастуху... Но не может удержаться от наглой усмешки. А эту усмешку – как сигнал – понимают гости и начинают осыпать Сексека издевательскими репликами.

– Да будет свято наше сватовство, – с лицемерной серьезностью говорит Сеит.

– Наше почтение тебе, сват Сексек, – холодно глядя на бедняка, сквозь зубы процедил Байыр.

– Какое счастье – иметь шурином Сексека! – Язвительно – более в адрес Догала – говорит Сартай, обнимая при этом Догала за талию.

Шутку Сартай поняли. Засмеялись. Догал нахмурился, сбросил с талии руку Сартай. Тот подсел к Сексеку, показывает на Догала:

– А разве не самому счастливому быть в родстве с Сексеком?..

Жакеш поклонился бедняку:

– Ну, мы тебя слушаем, ждем тебя, Сексек...

– Не Сексек, а шурин Сексек! – хохоча поправляет Жакеша Сартай.

Догал скрестил руки на груди. Ждет.

А Сексек сидит, потупясь, бросая из-под бровей быстрые, горькие, но умные взгляды. Бережно отодвинул пиалу:

– Мирза, нет меня в этом разговоре, – тихо, но внятно промолвил Сексек.

Догал быстро шагнул к нему, сбив ногой пиалу:

– Как ты сказал?

– Две жены уже у тебя, мирза Догал...

– Твое дело считать овец в моих отарах, а не моих жен! Дашь согласие? Да или нет?!

– Ты получи согласие у нее, мирза Догал.

Догал раздраженно забросил руки за спину:

– Я спрашиваю о твоем согласии. Будешь согласен ты – и она не посмеет отказаться.

Сексек, спотыкаясь о ковры, схватив голову руками, шархнулся к выходу.

– Стой! – загремел Догал. Сексек обернулся.

– Оставь, мирза... Не насмехайся над бедняком... Нет меня в этом разговоре! – он выскочил из юрты.

– Собака! – крикнул Догал, прорываясь за ним. Жалтыр удержал его за полу.

– Обойдемся без него...

* * *

Вся в слезах сидит Алуа в своей бедной юрте.

– Свобода... – шепчет она... – Откуда она придет, эта свобода?.. Кто ее выдумал, кто ее даст?!

Она настолько поглощена своим горем, что не замечает, как входят одна за другой четыре нарядные пожилые женщины.

— Порадуйся счастью своему, — слышит Алуа за своей спиной, стремительно оборачивается, видит четыре лица, скорее, четыре маски — лицемерия, надменности, хитрости и сводничества...

— Какая беднячка достигала такого счастья? — говорит, умильно складывая пухлые руки, баба с хитрым лицом.

Не может сразу понять Алуа этих вступительных намеков. И тут старуха с надменно изогнутой бровью говорит резко и повелительно:

— Не бывает девушки без замужества.

А уж сводня шепчет чуть не на ухо:

— Подумай-ка только — чьей ты будешь женой!.. Разве могла ты мечтать о Догале?

Алуа отпрянула... Вот оно что!.. Засверкала глазами.

Старуха усмехнулась, повернулась к спутницам:

— Кажется, наша невеста недовольна...

И закричала на Алуу:

— Нищенка! Да за него любая ханша не то что третьей, седьмой женой пойдет!

— Не надо мне... Под байскую плеть? Под сапог? Да пропади такое счастье! Не пойду за вашего Догала!.. Нет!..

Недолго слушала ее старуха... Подала знак — и все, как ведьмы, разом накиннулись на девушку... Окружили... Послышался хруст разрываемой ткани — то рвут с Алуы ее ветхое платье; старуха развернула платок с принесенными нарядами невесты.

Бьется девушка, кричит:

— Пустите!.. Не хочу!.. Оставьте меня!..

— Не вырвешься! — шипят ведьмы. — Не уйдешь... Мы таки поведем тебя в молодую юрту Догала!..

* * *

Припав лицом к рваной кошме, рыдает Алуа... Вот поднялась на локоть, схватила пальцами за плечо рукава нового платья, словно желая порвать, но сначала оглянулась

по юрте, нагнулась над старой одеждой... Посыпались из рук лоскутья — постарались ведьмы, изорвали на совесть, — не наденешь вновь... Уронила на пол...

И тут видит — закачался стеной полог, приподнялся край — показалась ладонь, а затем и лицо Сексека... Быстро скользнул взором по юрте, встретил взгляд Алуы, — тревожно обрадовался, поманил пальцем.

Бросилась к нему Алуа, пригнулась к лицу пастуха, а Сексек вполз по плечи в юрту и что-то оживленно зашептал девушке.

* * *

В молодой белой юрте высокая кровать с костяной резьбой, шелковый полог, ковры. Богато убраны стены.

Похаживает Догал, самодовольно усмехаясь... Похаживает, да поглаживает холеную бороду.

Вошел Жалтыр. Этот степной бродяга умеет сочетать свое зависимое положение с самостоятельностью. Не поймешь, по смене его жестов и интонаций, — кто теперь он при Догале: товарищ или сам господин... Вошел и почтительно-фамильярно обратился с обычным приветствием по случаю женитьбы:

— Да будет удачлива твоя птица, дорогой... Сказано: “Достойного и под овчиною узнаешь”... Вижу теперь — как у беркута твои глаза: угадали красоту под лохмотьями...

Оглянулся на убранство, одобрительно кивнул:

— Однако, какое счастье этой нищей сироте! Воображаю ее в твоих новых нарядах... Словно гурия войдет сюда.

Догал доволен речами новоявленного друга. Подошел к Жалтыру, потрепал его по спине:

— А где твоя юрта, дорогой?

Жалтыр величаво сверкнул глазами. В пальцах забегали четки:

— У меня руки воина и ноги дервиша... Не о своей юрте думает моя голова и не к ней летит душа... А ты шатаешься, Догал... Стоишь на глиняных ногах. Я везде, где наши люди ждут возврата нужного нам времени.

Жалтыр значительно посмотрел на Догала:

– Твоя третья женитьба – вызов советской власти! Окажись тверд в этом, и вокруг тебя люди будут тверды, кто в чем может. Однако, да будет удачлива твоя птица, дорогой!

Он учтиво поклонился Догалу и, прижав руку к сердцу, попятился, подчеркивая свою дальнейшую неуместность, к выходу.

Но тут в юрту ворвалась одна из свах, повалилась на колени перед Догалом:

– Беда! Улетела наша птица, мирза!..

Жалтыр мгновенно насторожился.

– Бежала?! – яростно воскликнул Догал.

– Наверно... Нет ее.

Пнул Догал сваху, вытянул плетью по спине. Рванулся к выходу, но Жалтыр дружественно-властно остановил его.

– Не горячись... Сейчас пересчитаем коней... Если девчонка бежала верхом, – через час она будет в этой юрте. Если пешком – дальше оврага и яра не спрячется... До зари на аркане будет... Прикажи, сердце мое.

Догал растерялся, но вместе с тем был тронут.

– Да, да... Прошу тебя, друг!..

Жалтыр исчез из юрты. Догал в ярости взмахнул плетью... Загремела посуда...

* * *

На гребне яра четкий силуэт неторопливо бредущего верблюда... По склонам яра, по руслу оврага – тени всадников с факелами. В разных направлениях снуют огни... Мелькнуло бешеное лицо Жалтыра...

А верблюд идет да идет себе. Не торопится. В степь идет...

* * *

Светает...

Посеревший от злобы Догал нетерпеливо шагает перед входом в белую юрту.

Слышит – топот.

Подскакал Жалтыр, отбросил в песок чадающий факел.
– Нет!.. Нигде нет... Кони все налицо...
– Значит, они перехитрили нас, Жалтыр... Из аула исчез также Сексек...
– Сексек – не конь! – усмехнулся бывший разбойник.
– Но нет и одного верблюда!
На секунду Жалтыр замирает, раскрыв рот.
– Так это был их верблюд! Твой зятек – второй Жиренше! Он обскакал на черепахе наших аргамаков!
– Мы сейчас догоним этого Жиренше!.. Сто плетей – и он забудет, звали его Карашаш! – воскликнул Догал. – Коня!

* * *

Над большой юртой – красный флаг, над входом вывеска “Волисполком”.

У входа стоит девушка и показывает дорогу нашим беглецам.

– Вам надо пройти вон в ту юрту к следователю. Его зовут товарищ Сапар.

Сексек кланяется девушке, берет за руку дрожащую Алуу, тянет за повод флегматичного верблюда.

Алуу беспрестанно пугливо смотрит по сторонам.

– Не догонят теперь, – успокаивает ее Сексек. – Здесь кругом – советская власть.

Он оглянулся; на пороге волисполкома все еще стояла девушка, ободряюще помахивая рукой.

Сексек умильно вздохнул.

– Здесь все хорошо... А какая девушка! Ягодка! Дунуть и в рот положить!..

* * *

– Как вас зовут?

– Алуу.

– Вы хотите получить свободу?

Алуу смущена. Голос следователя звучит приветливо. С ней говорят на “вы” и – о свободе!..

– Я спрашиваю: вы желаете получить свободу? – задушевно повторяет Сапар.

Алуа вспыхивает. И хотя перед ней еще молодой человек, но она говорит почтительно:

– Да, ага... *(Замялась.)* Но я боюсь...

– Бойтесь свободы? – улыбнулся Сапар. – Кто же боится свободы?

От душевного напряжения Алуа тихо заплакала. Сапар подошел, подсел к ней. Говорит мягко и уже просто:

– Успокойся... Расскажи все. Ты была просватана?

– Нет! – быстро и пылко отвечает Алуа. – Хотел взять, не просватав.

– Кто? – с жесткостью к неведомому еще обидчику спрашивает Сапар. – Как его зовут?

– Догал.

– А! Известный бай... У него уже две жены.

– А меня захотел взять третьей! Насильно!.. Бежала...

Он помог, – с добротой кивнула на сидящего у порога Сексека. – К советской власти бежали... Но... А вдруг догонит?! Заберет!.. Скажите, агажан, вы советская власть, да?

Она, кажется, готова схватить руки Сапара.

Следователь улыбается:

– Не вся советская власть... Но один из ее людей...

И по поручению советской власти я буду защищать тебя.

– Эта правда? – на Сапара сияют глаза, на них – слезы, в них – надежда. – Ага, ага, родной, как хорошо, что ты хоть немного советская власть.

Сапар погладил ее по волосам.

– Не отчаивайся. Советская власть защитит тебя от насилия. Но... *(здесь на фоне дальнейшей речи Сапара – степной простор, перевал в холмах и – на бешено несущихся конях – ватага всадников. Это скачут, размахивая соилами и шокпарами, преследователи. Мелькают лица Догала, Жалтыра и баев – догаловских друзей)* – ...но бай? Догал постарается не выпустить тебя. Обманом или силой он попытается тебя вернуть. Ты должна быть готова к встрече с ним. И не просто с баем Догалом, а со всей байской злобой на новые порядки, на новые права и свободу женщины... Тебе придется говорить с ним здесь лицом к лицу...

...Мелькнуло искаженное злобой лицо Догала.

– ...И ты, не боясь, должна будешь повторить все, что

сказала мне сейчас. Советская власть защитит тебя... если ты и сама будешь защищаться. Ты меня хорошо поняла?

— Хорошо, ага! — Алуа взволнованно кивнула. Сапар пожимает ей руку и идет на свое место... Алуа понимает, что разговор кончен, растерянность мелькнула в ее глазах, но тут на плечи ей ласково, чуть обнимая, ложится чья-то рука. Алуа встрепенулась и встречает добрый взгляд русской девушки, подошедшей из глубины юрты... Ясные глаза... Золотистые косы выложены вокруг высокого лба...

— Пойдем, милая, со мной... Меня зовут Нина... Мы сейчас познакомимся.

И, кивнув Сапару, Нина увлекает Алуу к выходу.

Сексек тоже хочет выразить свои чувства и, хотя надо идти за Алуой, он все же подбегает к Сапару.

— Мы все поняли, дядя... Советская власть! Вот здесь поняли! — он стукнул себя в грудь маленьким кулачком, улыбнулся и бросился вдогонку за Алуой.

* * *

Вослед идущим по улице Нине и Алуе оглядываются прохожие.

— Еще одна под крылышком у Нины...

— Эта бедняжка, видно, тоже приехала за свободой...

— Недаром от следователя вышла...

И видя, что девушек догнал щуплый Сексек, заулыбались.

— Девушка, что говорить, хороша. Только джигит у нее не ахти.

— Стоит бегать от лысого к плешивому!..

Услышал Сексек, грозно обернулся, но тут же весело улыбнулся и подмигнул...

* * *

По стенам — портреты вождей, лозунги, картины. Газеты, книги — на длинном столе.

Три девушки-казашки при входе Нины и Алуы оторвались от занятий, с интересом подошли.

Нина повертывает Алуу за плечи лицом к себе.

– Ну? Знаешь, ты кто? Ты – молодчина! Она, правда, молодчина, девушки! Бежала! Старый бай, было, забрал третьей женой!.. Нельзя терпеть такой позор!

Алуа только страдальчески вздохнула.

– Знаешь, где ты? – спрашивает Нина. – Ты в красной юрте... Здесь ты услышишь слова большой, большой правды. Ты знаешь, кто это?

Нина показывает на портрет Ленина.

Алуа серьезно смотрит на незнакомое лицо с портрета.

– Это – Ленин.

Алуа внимательно смотрит на портрет.

– Он хороший?

– Свобода – это Ленин.

Алуа улыбнулась портрету.

– Тогда знаю, кто это.

...Скачет, мчится байская ватага...

Отошла от портрета Алуа, и опять в глазах у нее мелькнула неуверенность.

Старшая из девушек-казашек внимательно сощурилась на Алуу.

– А я вижу – она все равно еще боится.

Алуа простодушно кивнула:

– Верно... Бай Догал сильный, богатый... У него много людей...

Сексек поддакивающе-сокрушенно замотал головой.

– Все равно – коротки руки! – резко замечает Нина.

Сексек замер. Радостно улыбнулся Нине, но в ту же секунду с сомнением скосил глаза.

– И ты боишься? – с укоризной говорит Нина Сексеку. – Это ты по привычке. Бай Догал страшен для одиноких бедняков. Но советской власти ему не напугать.

– Это-то хорошо... что не напугать ему советской власти. Вон Сапар-ага сказал, что и он не вся советская власть. А я, значит, и совсем ничто.

– Ты бедняк? – спрашивает Нина.

– Бедняк.

– Значит, ты советская власть.

Сексек с сомнением смотрит на Нину: чудит русская девушка. Весь кафтан в дырках; палец Сексека даже философски поковырялся в продранной поле...

– Очень сильный хозяин Догал, – бормочет Сексек. – Уж очень большой бай...

– Догал не хозяин вам. Скоро вы сами будете хозяевами всего. Вашими будут земли, скот, юрты, зимовки. Всему хозяевами будете вы – бедняки, простой народ. Так сказал Ленин.

– Ленин... – и Сексек переводит глаза на портрет... Одно имя твое – уже благо...

...Круто осажены кони, восемь всадников скатываются с седел, быстрой, решительной толпой врываются в юрту...

– Где она?! – прорычал с порога Жалтыр.

Руки в бока, с кулака свисает нагайка, взмокший малахай на макушке: рысьи глаза быстро забегали по помещению.

– Что вам нужно? – твердо спрашивает Нина, шагнув вперед.

Жалтыр быстро смерил ее глазами, криво усмехнулся, грохнул нагайкой по столу:

– Отбирать жен?! Сбивать их с пути?.. Где девчонка?!

– Вон она!! – высунулся из-за плеча Жалтыра Сартай, указуя выставил палец. – Попробуй, вырвись!

Баи увидели Алуу... Трепещущая, она стояла меж двух побледневших девушек-казашек.

Жалтыр сделал первый шаг...

Нина свела брови...

* * *

...Другая группа преследователей спешила у вол-исполкома, но войти им не пришлось, так как на порог навстречу возбужденным степнякам вышел сам председатель. Привычно взглянув, усмехнулся.

Сеит закричал:

– Сосватанную девушку, жену из семьи – вырывать не позволим! Мы все требуем...

– А ну – тихо! – властным тоном оборвал его председатель. – Что вас много? Это что? У всех бежали жены?

Перебивая друг друга, закричали баи:

– Нам нужна беглянка!..

– Невеста почтенного человека!..

– Куда запрятали ее?.. Говори!..
Председатель с презрением оглядел, крикнув:
– Советская власть никого не прячет; а если девушка ищет здесь защиты...
Сеит злобно перебил его:
– Не просто девушка, а невеста!
– Невеста почтенного человека!! – упрямо повторяет какой-то старый бай.
Председатель – невозмутимо:
– ...то и найдет эту защиту.
– По закону? – недоверчиво сощурился Сартай.
– Да, по закону, – твердо ответил председатель. – И советский закон заставит себя уважать... Девушки в волисполкоме нет. Ступайте.
Сумрачно попятнулись баи.

* * *

...В юрте Сапара третья группа. Здесь коноводит Жакеш. Сам Догал стоит поодаль от стола, надменно сложив руки.
– Да, девушка Алуа Сатаева здесь, – спокойно заявляет Сапар. – В чем дело?
Жакеш сразу принял требовательный тон:
– Она стала женой нашего мирзы Догала!.. Она дала согласие быть его женой!
Сапар взглянул на сотрудника за другим столом и слегка кивнул. Тот немедленно вышел.
– Если человек бежит, то это не похоже на согласие, – замечает следователь, глядя в сторону нарочито спокойного Догала.
Баи загалдели наперебой. Увлечшись, обступили стол Сапара, навалились, трясут бородами, дышат в лицо.
– Она была согласна! Она приняла подарки Догала!
Что это обозначает, как не ее согласие!
– Не согласна, так пусть скажет своими устами!
– Пусть повторит при нас!
– Самому мужу!..
Сапар поднялся с кресла и хладнокровно подвинул перед собой стол, тем самым осадив ватагу почти озверелых баев.

— Очень хорошо... Запомните: так и будет, как вы сами об этом просите, баи. Сейчас явится гражданка Алуа Сатаева. И она...

Недалекий выстрел заставил всех замереть и прислушаться.

...В руке Нины — дулом на потолок — дымящийся браунинг.

— Я предупредила... остальные шесть пуль и — шестеро из вас лягут на месте.

Нина стоит, закрыв собой Алуу.

Против них полукольцо оторопевших хищников... Тускло блестит браунинг. На лице Нины — суровая решимость, порожденная не страхом, а той глубокой внутренней силой, перед которой замирает разъяренная толпа...

Но недолго может томиться зверье перед видом близкой добычи. Вот начали понемногу, будто бы переминаясь, по вершку — приближаться; ни звука, одно шумное хриплое дыхание... Нина уже неувовимо шурит глаза, а Жалтыр чуть приотстал, полупригнулся за чьей-то спиной, рука, заложенная за широкий кушак, нащупала что-то, — собрался на стелющийся прыжок.

Это замечает Алуа, ахнула, но не успела она предупредить Нину, — как рядом с Жалтыром выросла фигура молодого, по-городскому одетого человека; крепкие пальцы стиснули локоть бандита, — Жалтыр бешено оглянулся на внезапную помеху,

— на мгновение встречает осуждающие, приказывающие глаза,

— молодой человек, как бы отталкивая Жалтыра, чтобы пройти, сорвал его руку с кушака и сам быстрым движением втиснул полувытащенный нож обратно за кушак Жалтыра, одновременно, не разжимая губ, прошептал:

— Это не работа...

Алуа видела только первое, злое движение Жалтыра, появление молодого джигита, и — то, как он отшвырнул догаловского приятеля.

Молодой человек обернулся... По его красивому лицу скользнуло еле уловимое восхищение при виде Алуы, но в ту же секунду его сменяет официальное выражение и тон:

– Гражданка Алуа Сатаева, вас вызывает следователь Сапар... Кто тут стрелял?

– Я, товарищ Жаппар... Обычный предупредительный выстрел в потолок, – хладнокровно говорит Нина.

– Дорогу! – властно говорит Жаппар толпе, и баи с глухим ворчанием расступаются, оставляя узкое пространство для прохода. Нина, обняв за плечи Алуу, смелым шагом идет к выходу. За девушками следует Жаппар. Ватага баев также высыпает из юрты, к ним присоединяются баи, получившие отпор в исполкоме, и так, образовав живой, движущийся коридор, степеняки идут вместе с девушками, держа их в – готовых каждую секунду сомкнуться – клещах.

Жалтыр успеваает еще раз перехватить взгляд Жаппара... Молодой человек с досадливой grimасой отвел глаза...

* * *

Так – не расступившимися шеренгами – и вошли в юрту к следователю, где в ожидании топталась группа Догала.

Нина подвела Алуу к столу следователя. Жаппар сел рядом для ведения протокола.

Сапар сделал знак Догалу, приглашая приблизиться, как лицу заинтересованному.

Толпа затаила дыхание.

Догал и Алуа скрестили взоры. И точно от одного этого дышащего уязвленной ненавистью взгляда Алуа чувствует прилив особой уверенности. (*Сапар словно дает им возможность досыта соизмерить свои силы.*) Несколько секунд длится эта тишина... Наконец, Алуа слышит первый вопрос следователя:

– Сатаева Алуа, правда ли, что вы являетесь женой Догала Дулатова?

Алуа прямо смотрит в лицо баю... Не только его сверлящие глаза впились в нее... за спиной Догала, тесно сгрудившись, как в тумане, плывут бесчисленные страшные лица... Догаловская ватага, замерев, ждет...

– Неправда, – твердо ответила Алуа. Догал чуть отпрянул, толпа за ним охнула.

– Правда ли, что вы давали согласие выйти за него замуж?

– Неправда...

– Догал заявляет, что платье, которое на вас, является даром, принятым вами от него в знак согласия.

От прилива негодования Алуа замешкалась с ответом. По лицу Догала поплыла торжествующая усмешка... Он подбоченился. Толпа подалась на девушку... Закусив губу, Алуа с гневом сжала пальцами на груди ткань ненавистного наряда...

Посыпались выкрики и ядовитые замечания:

– А ну, попробуй – объясни!

– Сейчас скажет, что сшила сама! Ха-ха!

– Достала из сундуков Сатая! Ха-ха-ха!

– Да, да! Ведь твой отец был сказочно богат!.. Ведь табунщики одевают своих дочерей как гурий!..

Животный, торжествующий хохот прокатился по юрте... Даже Сапару одобрительно замигали некоторые простачки из толпы за ловкий, неотразимый вопрос этой нищенке.

Алуа вспыхнула:

– Эта одежда?! Да они силой напялили ее на меня! А мое – старое – порвали... И не только потому эта одежда моя... Разве можно этими тряпками вознаградить смерть моего отца, погибшего, защищая его табуны?! Оплатить мое детство в рабынях у байских жен?! Загладить побои, слезы, насилие? Дайте мне ситцевую рубашку, и я швырну в лицо Догалу его подарки!..

И во внезапной тишине прозвучал последний вопрос Сапара:

– Итак, вы, Сатаева Алуа, не хотите быть женой бая Догала?

– Нет!.. Как не была и его невестой... И никогда не буду!

Догал не выдержал, топнул, плюнул, расталкивая своих, ринулся к выходу.

* * *

Баи быстро садятся на лошадей. Вот вскочил в седло бледный Догал. Вот вздыбил на месте коня хмурый Жалтыр...

И — только облако пыли вдали...

...Еще тяжело дыша, но с явным — необыкновенным облегчением, смотрит Алуа вслед всадникам... Смотрит и в переполнении чувств обеими руками жмет выше кисти руку Нины...

Но, точно почувствовав на себе чей-то взор, она медленно оборачивается и встречает долгий, словно тяжелый от душевной полноты, взгляд Жаппара...

* * *

Алуа сидит в красной юрте, подперев голову ладонью... Она поднимает глаза на обступивших ее Нину и казахских девушек...

— Неужели теперь — свобода? Полная свобода? — шепчет она.

Нина улыбнулась и, взяв со стола пачку книг и тетрадей, выразительно показывает их Алуе:

— Полная свобода приходит к человеку через знание, через учение...

Тут все девушки оборачиваются на странный, звенящий шум в углу юрты. Поразительная вещь: по юрте сам по себе ползал перевернутый, громадный казан... Вот казан остановился, дрогнул, приподнялся, и из-под его края показалось веселое, чумазое лицо Сексека.

— Запишите и за мной свободу! — проговорил Сексек под общий хохот...

* * *

На стыке двух долин, возле горы Айгайтас, кавалькада Догала повстречалась с одним всадником.

Догал издали всмотрелся в него, обрадовался и, отделяясь от всех, быстро подскочил к нему: все увидели, как они обнялись.

— Это Мардан, которого мы ждали, — прокричал Сеит скачущему рядом Жалтыру.

Все всадники осадили коней и из деликатности остановились поодаль.

— Сейчас поедem пировать, — мечтательно причмокнул Сартай. — Приезд брата позволит Догалу забыть эту женитьбу... — и, подмигнув Байыру: — А от меня она бы не отказалась!..

Разговор братьев был резок:

— А я думал, брат, что вы за это время что-нибудь да поняли, — презрительно говорит Мардан хмурому Догалу. — А вы как были... Напролом! Ни малейшей попытки приспособиться, выждать... Вы понимаете, что так вас всех сметут!

Догал упрямо сверкнул глазами. Мардан продолжал:

— И знаешь что, Догал? Прощай! (*Догал изумился.*) Да, я не поеду сейчас к тебе. После вашего скандала с советскими властями мне нечего у тебя делать... Тягаться по-вашему с советской властью — все равно, что пытаться криками повалить Айгайтас. Да и то, пожалуй, легче.

Он усмехнулся, кивнул Догалу, круто повернул коня и поскакал в обратный путь.

Товарищи ринулись к Догалу.

Догал встрепенулся, привстал на стременах и, приложив руки ко рту, прокричал вдогонку брату так, чтобы слышали все:

— Эй! Ученый! Еще нет силы на свете, чтобы нас смести! Как нет силы смести Айгайтас! Запомни!

Медленное затемнение.

III часть

Затемнение.

...Слышится скрежет буровых сверл, грохот отбойных молотков, отдельные гулкие удары, —

— возникает надпись “1928-й год”,

— затемнение сменяется яркостью дня и на фоне знойного голубого неба,

— темной каменной стрелой четко вырисовывается скалистая гора Айгайтас...

Еще несколько плывет прозрачная надпись и исчезает,

– как бы приближаясь к Айгайтасу, сменяются все укрупняющиеся планы (и на усилении звуков работы) –

– пока не доходит до подножия скалы, где бурильщики прокладывают сквозь камни две взрывные галереи...

На далекий холм медленно поднялись три всадника, остановили коней. Двоих мы уже знаем: это Догал и Жалтыр; третий, похожий на хищную птицу, старик с морщинистой шеей, в чалме – мулла.

Несколько мгновений они мрачно смотрят куда-то вдаль перед собой. Догал вынул из футляра бинокль, поднес к глазам, повел.

– Вот он – проклятый Турксиб... – злобно процедил Догал сквозь зубы.

Жалтыр насупил брови, а мулла набожно сплюнул.

В поле зрения бинокля поплыли панорамой картины далеких грандиозных работ... (эти картины идут на звуковом фоне непрерывающегося разговора всадников).

Под палящими лучами солнца в длинную цепь растянулись отряды строителей магистрали.

Вот впереди на обрывающемся мысу возведенной насыпи слаженно и ритмично работают грабари и тачечники...

– ...Давно ли долина Актала жила в покое, в благословенной тишине... – слышится скрипучий голос муллы.

– ...Красная власть хочет поглубже забраться в наши степи. Вот для чего эта дорога из железа, – говорит Жалтыр.

...В бинокль видны скреперы, грейдеры, экскаваторы...

...Еще дальше – по уже профилированной насыпи раскладывают шпалы. Здесь особеннолюдно...

– ...Почти одни русские строят... да украинцы... – говорит Догал.

– Неправда... – Жалтыр, усмехнувшись, посмотрел на Догала. – Нечего себя зря утешать. Вон, – он сощурившись, показал рукой вдаль, – и казахов сколько угодно.

...И подтверждая слова Жалтыра, бинокль отмечает большую группу казахских рабочих. Растяжечники волочат рельсы, сбрасываемые с вагонеток на уложенные шпалы...

— ...Платят хорошо... кормят, одевают... так что смотри, как бы твоих пастухов не переманили на стройку, Догал. *(В голосе Жалтыра слышна ирония.)*

...Набросанные рельсы в руках укладчиков выравниваются в нити колеи,

— за работой укладчиков идет работа заболтовщиков,

— за заболтовщиками точно поспевают костыльщики.

Бронзовые, полуголые тела рабочих блестят на солнце...

— ...Мои аулы уже откочевали от этой проклятой дороги.

— И правильно, — мотнул головой мулла. — Каждый почтенный человек должен требовать от своих пастухов быть подальше от ада. Чтобы и близко не подходили к этой рожденной шайтаном чугунной дороге...

— Шайтан!.. Одни только старухи еще боятся шайтана... — усмехается Жалтыр.

— Слабее вера... Что таить — уже в Модалы казахские рабочие отказались праздновать Курбанайт... Осквернили божье обиталище, — мечеть забрали под школу! Даже девчонок учат... — бурчит мулла кислым старческим голосом.

...Бинокль остановился на палатках хозяйственно-административного центра строительной дистанции. Вот загорелый русский инженер, развернув чертеж, что-то поясняет казахским комсомольцам, и...

...Догал даже качнулся в седле...

...Там, вдалеке, слушая пояснения инженера, в этой проклятой группе проклятых комсомольцев стояла эта проклятая Алуа, скалила зубы сумраю и что-то дополнительно втолковывала парням...

— ...Что ты там увидел, Догал? — слышен голос Жалтыра.

— Так, ничего! — Догал небрежно передал бинокль Жалтыру. — Жарко...

Отвязал от луки тыквенную бутылку, припал к горлышку.

— ...Святые книги говорят, — слышится голос муллы, — что когда в эти края нагрянут сумраи, то посохнет вся вода.

— Но, конечно, надо и помогать святым книгам, — Жалтыр, играя глазами, посмотрел на муллу.

— Где усердие, там и святость, — отвечает мулла.

Чуть улыбнулись друг другу Догал и Жалтыр.

Догал и мулла медленно съехали с холма, а Жалтыр, повернув в другую сторону, стегнул своего жеребца и исчез в барханах.

* * *

В бездонное голубое небо летят звуки оркестра и голос певца...

На фоне неба – шест, увенчанный звездой. На шесте красный флажок с надписью “Ударный участок”.

Тут, под шестом, под тенью натянутого брезента, расположился национальный самодеятельный оркестр.

Три таланта сразу совмещаются в Сексеке: он дирижирует, веселая песня льется из его груди, при этом он ведет пантомиму. На совесть работает – пот ручьями струится по его лицу, но от этого маленького человека так и пышет неиссякаемой жизнерадостностью и неутомимостью.

На участке идет укладка шпал. Вот прошли отягченные ношей двое казахских юношей, у переднего на распахнутой рубашке – комсомольский значок.

По уложенным шпалам идет Алуа, раскладывая подкладки для рельс.

Сексек заметил ее, залился особо высокой нотой, с шутливой томностью приложив руки к сердцу.

Алуа улыбнулась; не разгибаясь, помахала ему...

...Начальник строительной дистанции, припав к теодолиту, говорит стоящему рядом с планшетом технику:

– Пиши: двенадцать тысячных... Нижняя отметка еще семь тысячных... Запиши отдельно: подсобной комсомольской бригаде – благодарность в приказе... а оркестру пора бы переменить место.

– Но они же играют на передовом участке.

– Знаю. Передовикам – благодарность, а оркестр – в порядке диалектики – перебросить на отстающий, – пусть подтягивают...

...Привстав на цыпочки, Сексек вывел последнюю ноту, и, отдуваясь, сел. Двое рослых украинцев заплестили ему с насыпи...

— Ось, бисов сын, гарно спивае! Эй! Эк тоби? Сексеку! Дай передохнуть музыкантам, да послушай нашу — украинську!

Сексек одобрительно кивнул, быстро взял у одного из музыкантов домбру и насторожил слух... И как только голос украинца вывел первые слова песни, Сексек отдельными гармоническими аккордами повел сопровождение.

“Реве тай стогне Днипр широкий” — полилась песня.

И крылья коршуна, чертящего круг в высоте, словно подхватывают размах и простор напева, —

...сердитый ветер завыва...

— а кругом пески, пески, зной...

— Днипро... — тихо прошептал один из грабарей товарищу... — так и бачу його, ридного...

...Облизнул товарищ пересохшие губы, подставил кружку под кран питьевого бачка, отвернул...

— Глубота... прохлада... — глянул в кружку — ни капли, и из крана — тоже ни капли...

Несколько человек подошли к бачку, разочарованно обступили.

— Эх, да тот бы Днипро из песни вынуть да до дна выпить! — сокрушенно заметил кто-то.

— Терпи, терпи, скоро вода будет, — смотри!

Все оглянулись. Вдоль насыпи в прогалину между барханами тянулась вереница телег, двухколесных тара-таек — с бочками, кадками и ведрами. За телегами вышагивали верблюды с притороченными к горбам бочками и бурдюками.

— Значит, кончают колодцы рыть: терпи, ребята...

* * *

...Из отвернутой пробки радиатора “газика” валит пар. Шофер опасно покачивает головой. “Газик” покачивается на песчаных буграх.

Рядом с шофером красивый пожилой человек. Умный взгляд из-под козырька белой фуражки. Просесть в висках. Пушистые русые усы.

– Ничего, ничего, Кузя, дотянем.

– Дык я ничего, Николай Иванович... Расплавлю радиатор, тогда будет – чего.

– Пустыня... Это тебе не Москва... Привыкай, Кузя.

Однако до группы административных палаток дотянули. Еще издали Николай Иванович привстал с сиденья и замахал фуражкой. Навстречу, увязая в песке, зашпешили начальник дистанции и человек как будто бы уже знакомый, а вблизи – действительно знакомый – Сапар...

– Здорово, товарищи! Лезьте в машину сходу. Где у вас тут водой заправиться?

Начальник и Сапар с двух сторон вскочили на подножки, Сапар показал шоферу направление, и “газик” в облаке пара забултыхался дальше по пескам.

Здороваясь с Николаем Ивановичем, начальник весело прокричал:

– Вы бы, Николай Иванович, из Москвы дождя с собой захватили... Люди измаялись... Знакомьтесь – товарищ Сапар – преуисполкома, вдохновитель местных рабочих.

Николай Иванович жмет руку Сапару, дружелюбно и внимательно взглядывает ему в глаза. И вдруг хмурится: через плечо Сапара он видит носилки, кого-то поспешно несут, рядом торопливо идет женщина с санитарной сумкой...

На быстрый вопросительный взгляд Николая Ивановича начальник вздыхает:

– Опять солнечный удар... Уж очень проклятый перегон... Перебой с водой... Шесть колодцев сегодня роют... Люди сами хотят скорее прорваться через эти пески и не снижают нормы. Три с половиной километра за сутки проходим.

Пока они говорят, машина идет вдоль насыпи мимо различных бригад; работающие оглядываются на машину. По лицу Николая Ивановича проходит улыбка гордости и радости за этих бесчисленных тружеников; он привстает на сиденья и машет фуражкой:

– Костыльщикам – слава.

Узнали его, закричали в ответ, потрясая молотками:

– Николай Ивановичу!.. Здравст...

– ... Салям!

Сидя верхом на рельсах, крутят ключами заболтовщики.

– Заболтовщики!! Крепи магистраль жизни! – кричит Николай Иванович.

– Урра! – слышно в ответ.

Укладчики сами увидели Николая Ивановича.

– Николай – Ваньчу!.. – радостно несется навстречу машине.

– Ударникам стройки – комсомольцам-укладчикам!

Николай Иванович, возбужденно блестя глазами, говорит спутникам:

– Каждый день я прокладывал у себя на карте эти три с половиной километра... Каждый вечер я докладывал об этих трех с половиной километрах в Кремль... Каждый день нас вспоминает товарищ Сталин...

И все как-то сосредоточиваются на несколько секунд, и задумчивые улыбки на лицах этих людей, а кругом – бурожелтые пески, море барханов и вдаль – темным кубом – силуэт Айгайтаса.

– А красив же этот Айгайтас! – восклицает Николай Иванович, показывая на далекую гору.

– Последние часы любимся, – отвечает начальник. – Сегодня вечером будем взрывать.

– Направо, направо, – говорит Сапар шоферу, показывая на группу в ложбинке, занятую рытьем колодцев. *(Со встречной точки туда же тянется вереница водовозов.)*

Но “газик” скис шагах в тридцати от колодца. Слезли. Шофер завозился у машин. Начальство идет к высокой треноге над скважиной...

Заскрипел блок и на поверхность, подтянутый на тросе, подымается молодой человек (*казах*) в перемазанной мокрой одежде. Стоя на стремени троса, он одной рукой держится за него, в другой руке – брезентовое ведро, полное мутной воды.

– Ура! Вода! – закричали вокруг. Эти радостные возгласы с удовлетворением слышат приближающиеся приезде.

Но молодой человек только с досадой махнул рукой, шагнул на край колодца, сочно сплюнул на песок и отплевался еще несколько раз.

– Не хотелось плевать там, в колодце, – с досадой сказал он.

Все сразу помрачнели.

К молодому человеку быстро подходит девушка с ящичком походного набора пробирок, реактивов, измерителей удельного веса. Быстро фильтруются пробы, налитые в стаканчики, лакмус дает резко щелочную окраску, на шкалах измерителя высокий удельный вес; проба на вкус – новые отплеивания.

– Но не так уж, поди, противно, – замечая вокруг вытянутые лица рабочих (*а особенно – подошедших водовозов*), говорит вступивший в круг Николай Иванович.

– Да попробуйте сами, товарищ, – с раздражением отвечает молодой человек Николаю Ивановичу, протягивая стакан.

Тот спокойно берет, подносит к губам.

– Это – Николай Иванович, – шепнул молодому гидрологу Сапар. Молодой человек только встал почтительнее, да смахнул с подбородка грязь, но выражение лица не переменял.

Николай Иванович, дегустируя, долго держит воду во рту и в это же время смотрит на полученные индикатором пробы, немного глотает, остальное осторожно сплевывает.

– Громадная засоленность, – с досадой восклицает молодой человек, – даже верблюду пить нельзя.

– А что же вы такие колодцы роете? Я к вам как к людям за водой в радиатор... Инженер тоже! – вдруг влез в разговор раздосадованный шофер Кузя. (*Он уже с заправочным ведром в руке.*)

– Во-первых, я еще не инженер, а студент-практикант, – закипятился было на шофера молодой человек...

Но тут Кузю отстранил Николай Иванович:

– Как вас зовут, товарищ?

– Арман, я студент-гидротехник.

– Скажите, товарищ Арман. Это первый колодец с таким результатом?

– Не первый... Сегодня и у инженера Крохалева одна соль, и у Зайцева, я тоже нарвался... Конечно, бывают колодцы с пресным дебитом на несколько часов, дней и даже на годы... Но что поделать (*он обмахнул рукой барханы*) –

бывшее доисторическое морское дно!.. Однако надо рыть в другом месте, а то дистанция без воды. Разрешите идти?

— Да. Но послушайте на прощанье. Вам — двадцать лет. Вы — студент-гидротехник. Разве не заманчиво бросить вызов этой пустыне? Особенно — в двадцать лет, когда так мечтается о всей предстоящей жизни! Все мы мечтаем, товарищ. И Турксиб — порождение великой Сталинской мечты о счастье и благе народов... И товарищ Арман, конечно, посвятит свою жизнь и будущие знания борьбе с пустыней, за обильную воду в степях... И за воду более приятного вкуса и — полезную... — Николай Иванович вместо тоста вылил воду из стакана на песок. Повернулся к водовозам, к рабочим. — Не беспокойтесь. Вода сегодня будет. (*Сапару и начальнику дистанции*): — Распорядитесь, ввиду жары, общие работы прекратить, пусть работают только добровольцы. Подчеркиваю: только добровольцы.

Пока Сапар и начальник дают инструкции рассылаемым на участки людям, Николай Иванович отводит за локоть Армана и вполголоса говорит:

— Видите — положение серьезное. Но... Никакого уныния и досады при подчиненных. Разделите ваших рабочих на две-три группы, ройте колодцы изо всех сил. А ваше будущее, — заключает он громко, — советую посвятить борьбе с засолением вод. Проблема нужная на десятилетия! — он значительно поднял палец, пожал руку энтузиастически вспыхнувшему студенту и отошел, обратился к шоферу: — Кузя, тебе придется остаться караулить машину. Первая же вода — на самом расторопном верблюде. Уговор: честно раздели воду с радиатором, — заключает он шуткой, не обращая внимания на вытянувшуюся физиономию Кузи.

...Вот они шагают назад к палаточному городку — Николай Иванович, начальник дистанции и Сапар...

...Николай Иванович быстро входит в палатку и, подсев к аппарату полевого телефона, начинает крутить ручку...

* * *

...Алуа разговаривает с Сексеком:

– Придется тебе на сегодня оставить музыку, Сексек...
Разыщи кочевые колодцы Догала... Ты был в пастухах – знаешь, где они.

– Колодцы-то я знаю... Но Догал так любит меня, что немедленно повесит на первом же верблюжьем горбу.

– Во-первых, не говори глупостей, а во-вторых, как известно, Догал и остальные местные баи откочевали от нашего Турксиба. Или ты хочешь опять спрятаться под казан?

Она холодно посмотрела на Сексека. Тот смутился, но вывернулся:

– Опять ты вспоминаешь про этот казан! А ведь я тогда хотел метнуть им во врагов, поднял над головой, но силы изменили мне, ну... и казан накрыл меня.

Алуа рассмеялась, хлопнула Сексека по плечу, и они пошли к коновязи...

* * *

...Залегший за барханами Жалтыр видит в бинокль: приторочив к седлу полные, лоснящиеся бурдюки с водой, Сексек зачерпнул последнее ведро, напился сам, напоил коня, затем вскочил в седло и отъехал от колодца в лощину.

Усмехнулся Жалтыр, погладил усы, уполз за бархан...

* * *

Едет Сексек – поет...

Едет Сексек – распевает...

Уже увидели его рабочие, замахали, побежали навстречу, а он едет себе – веселый и горделивый – с песней на губах к палаточному городку,

– всмотрелась в него Алуа, радостно подтолкнула Сапара,

– обернулся и Николай Иванович, улыбнулся,

– начальник дистанции облегченно вздохнул,

– и вдруг оборвалась песня, тревога мелькнула у всех на лицах,

– остановился конь Сексека, задрожали ноги, заходили бока, зашатался и рухнул,

– еле спрыгнул Сексек, судороги овладели несчастным животным, распоролся один из бурдюков, хлынула драгоценная влага на песок,

– подбежали рабочие, оттащили второй бурдюк,

– смотрит Сексек на коня, и внезапно сам переменяется в лице, схватился за горло, хочет что-то крикнуть, не может, его трясет, но последним усилием он вытаскивает нож; шатаясь, идет к уцелевшему бурдюку, замахивается, но судорога валит Сексека, а нож, скользнув по крепкой коже бурдюка, вонзается в песок. Сексек потерял сознание...

– ...Понятно, – сурово сказал Николай Иванович и, еще раз поглядев на свет стакан с пробой воды, привезенной Сексеком, понюхал воду, поморщился. Лакмусовая полоска, которую подала ему девушка-лаборантка, дала красную, кислотную окраску...

* * *

– ...Понятно, – повторил Николай Иванович.

Группа начальства уже стояла у края колодца, из которого брал воду Сексек. У ног Николая Ивановича лежали только что извлеченные крючьями какая-то падаль и намокшие стебли трав. Пожилой рабочий-казах раздумчиво покачал головой:

– Отрава... Отвел бог беду...

Николай Иванович быстро взглянул на него, но промолчал.

Девушка-лаборантка проворно разобралась в извлеченных из колодца растениях, выделила несколько одинаковых:

– Гиссциамс нигер, – пробормотала она, нахмуясь.

– Я и говорю – понятно, – продолжает Николай Иванович. – По латыни – гиосциамус, а по-простому – белена... Собака, допустим, могла свалиться в колодец и подохнуть, а белену, предположим, мог пригнать ветер... и господа бай, выходит, ни при чем... *(Последние слова о баях он сказал только*

Сапару и начальнику дистанции, уже когда садились на лошадей.)
Осторожно воюют с нами господа бай... Для чего – настоящий яд? Для чего травить лошадей до смерти? Лучше людям отравить душу – вот байская установка; вызвать недовольство, заставить поверить в божье вмешательство... Ведь Турксиб – не просто железная дорога: это луч света, света социализма в степях Казахстана! Кто это там скачет?

Начальник взгляделся в приближающихся всадников:

– А! Наш инженер Петров...

– Который будет взрывать Айгайтас?

– Он самый. Наездник неважный – из моряков.

Подскакал Петров. Здоровается. Кивнул на своего спутника-казаха:

– Вот, надо успокоить людей, – озабоченно заговорил Петров. – Собираемся взрывать Айгайтас, а тут чуть не дружбу взорвем с казахским народом! Политическое ни к чему.

– Это еще что? – нахмурился Николай Иванович.

– Могилки! Понимаете: чуть не со всех сторон подножие горы облеплено могилами предков... прадеды, тети, дяди... А здесь все друг другу родня.

– Взрыв угрожает могилам?

– Покойничков-то, конечно, тряхнет, гм... но могилки, памятники – ни-ни! Я это давно учел... Взрыв будет целенаправленный и дипломатичный... *(Петров, не слезая с седла, быстро раскатал чертежник, показывает по нему.)* Могилки у меня тут, а горку эту – Айгешат...

– Айгешат – это портвейн, товарищ Петров, – поправил его начальник.

– Виноват – Айгайтас... Так вот, Айгайтасик-то этот я – цуф! – и – вира помалу – как игрушечку – сюда положу – в нецелесообразную пустыню.

– Не тронув ни одной могилы?

– Только потревожив слух усопшим дедушкам. *(Здесь на фоне реплики Петрова – панорама склона Айгайтаса, облепленного надгробиями мазаров-могил.)*

– Так разъясните это рабочим, – сказал Николай Иванович.

– Десять тысяч раз говорил... но пока мы проходили взрывные галереи, муллы и прочие элементы покривили

многим мозги... Вот привез уполномоченного от рабочих-казахов выслушать заверения от высшего начальства, — показал Петров на спутника.

Казах приблизился. Сапар с укоризной покачал головой:

— Это что же — не верите нашему инженеру? Не верите Турксибу?

— Турксибу мы верим, — с достоинством ответил рабочий. — Турксиб — наше кровное дело... Но и у тебя здесь покоятся предки, товарищ Сапар.

— Да, и у меня здесь покоятся предки, мир праху их, но я...

— Погодите, — перебил Николай Иванович. — Вот что, товарищи, — обратился он к рабочему. — Инженер Петров говорит правду. Могилы останутся в целости. А чтобы понять, какое значение для строительства имеет снос Айгайтаса, вы — рабочие-казахи, сегодня выберите достойнейшего из вас, который включит ток для взрыва горы.

Слова Николая Ивановича производят сильное впечатление. Казах понимающе кивнул. Все оборачиваются на далекий Айгайтас...

— Да будет покой нашим предкам; да будет счастье нашим сынам и внукам, — проговорил рабочий...

* * *

В палатке медпункта лежит тяжело страдающий Сексек. Около него хлопочет медсестра. В изголовье сидит Алуа. В упорном раздумьи сведены брови...

— Пить!.. Вода... Догал... Отрава... — полубредит Сексек.

Медсестра подносит к его рту мензурку с глотком воды.

— Последняя вода? — вскинула на нее взор Алуа.

— Почти... Осталось не больше стакана на весь медпункт.

Алуа решительно встала.

* * *

...Назарбек и Орпан вытащили каугу из колодца. Другие батраки быстро разбирают воду ведрами и сливают

в две громадные колоды, возле которых теснятся лошади. Животные жадно, досыта пьют; табунщики отгоняют утоливших жажду коней и подгоняют к колодам следующих...

Кауга поползла вниз в колодец...

На земляной насыпи колодца сидит Догал со своими приятелями. Тут же мулла. Сидят, предаются важному молчанию... Нет-нет, кто-либо из них лениво и нехотя отхлебнет из чаши.

Вопросительно переглянулись... Догал украдкой посмотрел на часы... Обнадеживающе кивнул... Видимо, чего-то ждут...

И вдруг неподалеку от колодца послышался хриплый стон. Батраки и табунщики оглянулись... Какой-то человек, неистово расталкивая коней, пробивался к поильной колоде. Вот он добрался до нее, упал на колени, схватился за край и тут же, рядом с животными, припал губами к воде... Он жадно пьет, шумно засасывает в рот воду, ладонями подгребая ее ко рту, погружая до глаз лицо...

Батраки озадаченно и не без волнения смотрят на этого, почти обезумевшего, человека... А баи уже озабоченно подходят к колодцу.

— Что тут такое? Что случилось?

— Кажется, жажда отняла разум у человека, — отвечает Назарбек.

Но тот уже перестал пить... Только тяжело дышит... Отер лицо... Все узнали Жалтыра. Он медленно открыл глаза... Прохрипел:

— Не жажда сожгла мне внутренности... Священный ужас опалает мне сердце... Что я видел?... Что я видел?..

Он схватился за виски и словно с душевным отчаянием потряс головой... Не глядя ни на кого, будто уйдя весь в себя, Жалтыр выбрался на свободное место и, чувствуя, что внимание окружающих полностью захвачено, с жаром заговорил:

— Несчастные люди — тысячами! — лежат вдоль чугунной дороги... Каждую минуту раздается предсмертный хрип... Оставшиеся пытаются бежать прочь... но сотнями падают на огненный песок... Они грызут свои жилы, чтобы напиться!.. Но и... кровь запеклась уже в их жилах...

Слова Жалтыра производят явное впечатление... Особенно выразительно ужасаются баи. А мулла немедленно комментирует сообщение Жалтыра:

— Безумцы! Они польстились на работу на этой лишенной благословения дороге... Слепцы! Вышли на помощь сумраям...

— Но что же стряслось с ними, что?.. — трепещущим голосом спросил Догал у Жалтыра.

— Айгайтас!! — прокричал тот, не дослушав вопроса. — Нечестивцы задумали снести прочь великую гору Айгайтас... Задумали раздавить глыбами камней дорогие нам могилы предков!.. Но уже заранее содрогнулась земля от негодования и возмутились тени усопших... И... И — возмездие — кругом до капли исчезла вода в земных недрах!

— Какое знамение! — так же великолепно вступая в роль, как ее ведет Жалтыр, охнул Сеит и набожно повел ладонями по лицу.

Мулла закивал:

— Не удивляюсь, ибо сказано: придет презренный — высохнет вода!

— Какое счастье, что мы откочевали сюда! — воскликнул Догал.

Жакеш нахмурился:

— Не хвастай счастьем, Догал. Разве нет виновных в наших аулах? *(Голос Жакеша негодуяще гремит, а Жалтыр искоса ловит выражение на лицах батраков.)* Разве не пошел кое-кто работать на сумраев? Разве не продавали им пищу и напитки некоторые глупцы?.. Небо прогневано. И беда коснется и нас!

— Наши гортани распухнут от жажды! — вскричал толстый Сартай, опасливо щупая жирную шею.

— Камни Айгайтаса как молнии падут на наши грешные головы! — прокаркал мулла.

Жалтыр поднял руку, желая продолжать:

— Я считал мертвецов у чугунной дороги и от ужаса спутался в счете... Еще вчера их колодцы были полны, а сегодня земля отказалась давать им хотя бы соленую воду... Они разыскали наши кочевые колодцы, но и они были сухи, как кости шакала.

Батраки явно смущены. Только Бейсен, Ораз и еще немногие – помоложе внимательно и сурово молчат. Слушают. Уже собралась немалая толпа.

– Вижу в том указание неба, – трясет бородой мулла. – Надо откочевывать дальше в глубь степей. Иначе гибель постигнет здесь нас и наши стада. Близок час, когда кауга, поднятая с глубины этого колодца, окажется пустой!

– Ложь! – раздался звонкий голос где-то за толпой.

– Кто сказал – ложь – про слова святого муллы?! – вскипел Догал.

– Я сказала! – послышался смелый ответ и, растолкав батраков и доярок, выступила девушка. Она вела за собой на поводу коня.

– Алуа! – прохрипел пораженный Догал.

Да, это была она...

– Смотрите! Алуа! Наша Алуа!.. Милая... Да как это она решилась?! – побежало по толпе.

– Сейчас Догал убьет ее! – с ужасом прокричала какая-то женщина возле Бейсена. Тот нахмурился и шагнул вперед...

Алуа твердо взглянула на Догала, быстро повернула голову, остановила взгляд на Жалтыре и смело устала на него пальцем:

– И про того человека скажу – лжец! Обманывает простой народ! А кому это на руку, – она презрительно усмехнулась в сторону баев, – делают вид, что верят ему.

Спокойно отвернулась, подошла к ведру, зачерпнула горсть, пьет.

– Да как смеешь, негодная! – затопал ногами Сеит.

– Смотрите! Нам не лгали! Смотрите, как она жадно пьет!!! – закричал Байыр. – Оттащите ее прочь от воды.

Жалтыр останавливающее поднял руку. *(Хотя никто из народа и не двинулся в сторону девушки.)*

– Не троньте ее... – лицемерно мягким голосом промолвил Жалтыр. – Не скверните наших обычаев... Чтобы к нам придрались из-за неверной жены, сбжавшей из родного аула?.. Пусть напьется и уходит, – он сложил руки и величаво отвернулся.

Но мулла уже увлекся:

– От ее прикосновения иссякнет и этот колодец! – старческим фальцетом взвизгнул он.

– Не по твоему ли слову, старик, иссякнет колодец? – усмехнулась Алуа, отчего мулла окончательно пришел в ярость.

– Ты! Нечестивая из нечестивых! Ты! Непобитая камнями! Да разве неправда, что пески засыпают ваши следы, что перед вами высыхают колодцы, а змеи изрыгают яд?!

Алуа гордо вскинула глаза:

– Наши следы – это неизгладимый железный след через пустыню. Это – дорога счастья казахского народа, которую мы строим. Колодцы не иссякают на нашем пути... Зато они полны падали и отравы... Верно одно, мулла: змеи уползают от нас, изрыгая яд... По чьему слову колодцы завалены падалью? Почему отравился Сексек, напившись из твоего кочевого колодца, Догал? – в упор спросила девушка.

В толпе заволновались, Догал смутился...

– Нет меня в этом несчастье, – пробормотал он. – Хотя я и не люблю Сексека, но нет меня в этой беде...

– Разве колодец не высох? – выступив вперед, спросил Бейсен.

– Колодец отравлен, – коротко ответил Алуа.

– Так что же? Этот человек лжет? – спросил Бейсен, показывая на Жалтыра.

– Мало ли колодцев! – огрызнулся Жалтыр. – Я и разговаривать с тобой не желаю...

Алуа махнула рукой в его сторону и повернулась к простым людям... Поклонилась...

– Я не спорить с баями приехала сюда, братья мои и сестры... к вам я приехала, к батракам и беднякам... Сегодня плохо вышло у нас с водой... Жажда одолела людей на стройке... Помогите!

Баи встрепнулись, так как бедняки тотчас окружили девушку...

– Эй! – закричал Догал; он схватил тыквенную бутылку, на него оглянулась Алуа и кое-кто из батраков. Догал бросил бутылку им под ноги. – Наполните тыкву водой, дайте ей и пусть себе уезжает.

Алуа взглянула на бутылку, на Догала:

– Это? На сотни и сотни людей?

Жакеш, неодобрительно мотнув бородой на выходку Догала, отвернулся.

Опираясь на соил, Бейсен медленно вышел из толпы, приблизился к тыкве, посмотрел на нее, затем исподлобья взглянул на Догала и вдруг с презрением пнул тыкву прочь...

– Спасибо, мирза, – мрачно произнес он. – Научил ты меня чему нужно...

Бросил Бейсен свой соил под ноги Догалу (*Догал отступил*), отстегнул от пояса аркан, – тоже швырнул. Скрестил на груди руки...

Решился Ораз и тоже двинулся на Догала. (*Кипят чувства у этих людей, но не мастера они говорить.*) Покусал губы Ораз...

– Может быть, колодец и не был отравлен умышленно... но я ухожу, Догал...

Бросил Ораз свою плеть и соил под ноги баю...

И как-то все сразу, теснясь и толкаясь, пошли на Догала. Замелькали соилы, арканы, плети... Полетели на землю...

* * *

Стоит Догал, мрачнее тучи. Перед ним куча набросанных соилов, арканов, плетей... (*Пауза.*)

Хмуро толпятся поодаль приятели – баи.

И никого вокруг из батраков и табунщиков... Только старый Назарбек, знай себе, наливает воду в колоду. Наливает, а сам что-то поматывает головой...

Ткнул Догал сапогом в лежащую перед ним грудку. Подошел к Назарбеку.

– А ты почему не ушел со всеми, Назарбек?

Старик, отведа глаза в сторону, пожал плечами:

– Кони требуют присмотра, мирза. Не потому, что они твои, а потому, что – кони... Я всю жизнь провел с ними... Не знаю, справлюсь ли один с тысячным табуном...

И он пошел со своим ведром. Догал смотрит ему в спину. Подошел Жалтыр. Догал кивнул на Назарбека:

– Хоть этот принадлежит нам!

Жалтыр усмехнулся:

– Нет! Лошадям.

Затемнение.

Из затемнения (*весь фрагмент идет на симфоническом в целом, музыкальном материале*).

Страдает Сексек... В руках у медсестры пинцет с комочком ваты. Этой ватой она вбирает последние капли со дна мензурки... Обводит запекшиеся губы бедняги...

И вдруг насторожилась... Какой-то далекий, неясный гул донесся сюда... Она прислушалась... Хотя и вразброд – близкими и далекими волнами – но довольно явственно кричали “Ура”.

Медсестра откинула полог палатки: вдоль всей перспективы постройки, от насыпи дороги, группами и в одиночку бежали люди...

По гребню холмов тянулся, насколько хватал глаз, караван не караван, обоз не обоз... Это походило на перекочевку аула... непрерывная цепь повозок и одиночных животных все возникала и возникала из-за холмов и, что было всего радостней и желанней, –

эти повозки везли воду, –

эти волы везли воду, –

эти верблюды везли воду, –

эти ишаки везли воду, воду...

Уже спустился в долину постройки обоз и здесь столкнулся с живой, истомившейся от жажды человеческой волной...

Останавливаются повозки... припадают на колени верблюды.

И полная дисциплина. Не ошалелой толпой, а товарищескими группами с заботой о слабых и пожилых приступают к раздаче спасительной влаги... Замелькали ковши, кружки, банки...

Пьют...

За особую честь считают получить воду из рук Алуы...

А сколько счастья на ее лице...

Вот кто-то протянул ей флягу, – посудина необычная среди подставляемых, – Алуа посмотрела – от кого – и видит Армана. Гидротехник иронически усмехнулся, похлопав себя по затылку. Прихлебывая из фляги, он, пятясь в толпе, удаляется, не спуская глаз с Алуы и ей при каком-то повороте приходится встретиться взглядом со студентом и безотчетно смутиться.

Даже Сексек выполз на порог палатки. Жадно смотрит перед собой, силясь понять происходящее вдали, но еще туман в его глазах и только одна реальность — это подбежала медсестра и поднесла к его губам полную-полную чашу воды.

...Сколько воды! Драгоценной воды! — все пьют досыта, без ограничения... Типаж: последняя физиономия — этакий украинский дядько запорожского склада пьет из громадного ковша, запрокинув голову; пьет и таращит глаза на рокочущий в небе самолет:

а самолет нацелился на посадочный знак “Т”, выложенный из мешков на площадке;

к приземлившемуся самолету приближается Николай Иванович и сопровождающая его группа.

Пилот рапортует:

— По вашему вызову доставлено две тонны воды.

Николай Иванович прикладывает палец к губам:

— Не торопитесь с выгрузкой...

Он оглядывается на развернувшийся вдоль стройучастка водяной караван. Летчик тоже смотрит и морщится:

— Думаю, что доставленная мною вода лучше и полезнее.

Николай Иванович задумчиво улыбнулся:

— Я думаю, что политически полезнее — та вода...

...Николай Иванович в гуще доставивших воду байских батраков:

— Вы говорите, что не только привезли воду на строительство, но и сами решили остаться работать?

Бейсен уловил сочувственные нотки в голосе этого человека:

— Да, товарищ начальник... мы все так хотим.

— Та-ак... — кивнул Николай Иванович и потер подбородок. — А на кого же вы оставили табуны и стада? На баев? Или, может быть, по-вашему, это они вырастили и выходили тысячные косяки и отары? А вы не при чем? Нет! На это положен ваш труд, труд народа, а народ — это вы. Нельзя допускать, чтобы принадлежащее народу погубили баи. А они или заморят голодом скот, или перережут... вашу будущую собственность. А ее надо беречь и сохранять. Холостые могут остаться на строительстве...

— Я холостой!

– Я холостой! – слышались радостные выкрики молодежи.

– Я холостая! – под общий смех заявила какая-то девушка.

– Отлично, – улыбнулся Николай Иванович, – а остальным поручение от советской власти. Возвращаться в аулы, беречь свои будущие табуны. Свои!..

Вспыхивает радостное оживление...

– А в знак признательности за помощь строительству в тяжелый день – примите наши скромные подарки.

Батраки оглядываются. На открытом пространстве бойкие кладовщики вскрывают тюки и начинают выкладывать кипы готового платья и штуки ярких, цветастых тканей.

– А пока что – идемте смотреть, как будут взрывать Айгайтас, – заключает Николай Иванович.

Айгайтас... Красивым силуэтом врезается скала в вечеряющее небо...

Тихи мазары у подножия...

На холмах толпы народа со строительства и приезжих батраков.

На дальних барханах – верхами – сумрачная байская группа. Еще что-то бормочет мулла, призывая проклятия неба, но видно – не слушают его ни Догал, ни его приятели...

...Ящик аккумуляторов, провода, откинутый рубильник на столике...

Петров смотрит на часы... Николай Иванович и начальство чего-то ждут...

– Кто же достойнейший? – спрашивает Николай Иванович у казаха, сопровождавшего днем инженера Петрова. Тот загадочно улыбается:

– Сейчас уполномоченные решат...

Он смотрит в ближайшую выемку, где собралась, совещаясь, группа рабочих. Но вот там движение... кого-то подняли на руки, несут...

И сразу по холмам понеслись приветственные крики, замахали – кто палкой, кто инструментом, кто полученным ярким отрезом...

Рабочие, подняв на плечи носилки, несли Алуу...

Несли, передавая с плеч на плечи, — казахи, русские, украинцы, высящуюся, смущенную, потрясенную, счастливо восхищенную девушку, красавицу...

Вот опустили на землю у столика с рубильником — под одобрительные аплодисменты руководства стройкой. За этими аплодисментами и криками не слышно тех коротких объяснений, которые дает у рубильника торопящийся Петров — почти ничего не соображающей Алуе...

Но зато когда Петров подымает руку, чтобы дать знак, — на лице Алуы вспыхивает необычайная ясность, гордость и сила. Она кладет руку на рубильник...

— Именем свободного казахского народа, прокладывающего пути социализма... — четко говорит Николай Иванович.

Взмах руки Петрова, —

Алуа включает рубильник.

И огромная скала, словно вздохнув, распадается лавиной глыб, катящихся в низину...

Ликующие лица рабочих...

Мрачные лица баев... Секунда — и их застигает облако красноватой пыли...

Катятся каменные глыбы...

Говорит Николай Иванович:

— Пройдут годы... Рельсы Турксиба будут нести поезда, за окнами вагонов будут пробегать горы и реки, оазисы и пески, в заботах и радости будут ехать люди, но каждый ли вспомнит и задумается о положенном здесь нами труде?..

Но будет жить на благо народу наш Турксиб, как живет бессмертный чеканный стих поэта... Но и стих родится в труде и в душевной муке... Бессонная ночь сменяется бодрым днем...

Лицо Алуы...

IV часть

Мчится поезд...

За окном вагона — знакомые места — здесь они когда-то работали, строя дорогу, — Петров и Алуа.

Оба стоят у открытого окна; ветер треплет занавески, играет косынкой на плечах Алуы.

Многое изменилось в облике девушки. Она повзрослела, еще более похорошела; городское платье, интонации, жесты — все говорит о крупной перемене в этой бывшей батрачке из степного аула.

Голову Петрова серебрит седина... Он стал солиднее, но в глазах — прежняя живость... Трудовое Красное Знамя поблескивает в петлице.

— А время еще быстрее поезда летит, — как бы на общие мысли с Алуой произносит Петров и оглядывается на спутницу.

— Да... девять лет... — не отрывая взора от пейзажа за окном, отвечает Алуа.

Петров пододвинулся ближе.

— Я вас сразу узнал ... девушка с Турксиба... Мы с вами еще взрывали Айгайтас... Неужели уже прошло девять лет? Ай-ай! Хотя — уж у меня за плечами и Балхаш, и Риддер, и Джекказган, и... ну? Вы кто теперь? Наверное, наш брат — инженер?

Алуа покачала головой:

— Одно время хотелось... но выбрала исторический факультет... Сейчас на третьем курсе.

— А почему — история? — с интересом спрашивает Петров.

Алуа прямо взглянула на него. Лицо ее сразу стало серьезным, даже немного ожесточенным: ответ ее звучит сдержанно пылко, а в ее глазах — мысль, сила и чувство.

— Потому, потому что я хочу знать — почему женщину можно было продавать как вещь; почему в колодцах на Турксибе иногда попадался яд... Я хочу также знать — по какому историческому праву батраки и бедняки конфисковали имущество баев и еще хочу знать... вы, кажется, бывший моряк? — перебила она себя вопросом.

— Балтиец, — коротко кивнул Петров.

— Так вот: я хочу знать, как продолжают относиться к выстрелу “Авроры” Адольф Гитлер и биржа Нью-Йорка.

Поезд вошел в туннель.

На станции Алуа была встречена Сексекком.

Пробило два звонка.

Уже стоя одной ногой на ступеньке вагона, Петров торопливо жмет руку Сексеку, затем – Алуе:

– А я, значит, дальше, друзья... Рад был повстречаться...

– А куда вы теперь едете, товарищ Петров? – торопливо спрашивает Сексек.

Петров уклончиво улыбнулся:

– Считаю – туда же, куда и вы – в третью пятилетку...

А Казахстан – велик!

Последние слова он произносит уже в момент движения поезда, широкий жест его руки замирает в вечеряющем воздухе и в этом жесте и привет, и простор, и поэзия жизни...

На выходе со станции Сексек с жаром говорит улыбочиво слушающей его Алуе:

– У меня сегодня куча дел и поручений на станции. Во-первых, получил новый грузовик для нашего колхоза. Во-вторых (*он тряхнул чемоданами Алуы*), встретил уполномоченного райкома товарища Алуу Сатаеву, в-третьих... только прошу тебя на минуточку закрыть глаза...

Алуа заинтригована, закрывает глаза. Сексек ставит чемоданы и отбегает от нее.

Бравурные звуки пианино заставляют девушку открыть глаза. Она видит – на грузовике, стоя у крепко привязанного пианино, играет Сексек. Инструмент еще упакован в дорожный ящик, только с клавиатуры отобраны доски. Взяв последние аккорды короткого туша, Сексек хлопывает крышку и – как с эстрады, комично раскланивается:

– Позвольте представиться: художественный руководитель клубной самодеятельности Актальского района.

– Получил пианино? – с радостью за Сексека всплескивает руками Алуа.

Сексек вздохнул:

– Конечно, для клуба, но... (*тут он хитро подмигнул*) играю-то пока один я...

...Через минуту он усаживает Алуу в кузове грузовика, уже достаточно заваленном разными вещами для колхоза: тут и ящики с гвоздями, и какие-то бочонки, и скобяная

мелочь. Усаживаясь на свой чемодан, Алуа замечает и показывает на громадный новый казан:

— А для чего казан? — в ее голосе чувствуется шуточный намек...

Сексек подхватывает шутку:

— Ну, знаешь... Не всегда же бывает успех у публики. И если начнут кидать гнилыми яблоками...

Он делает ныряющее движение под казан; оба раздражаются смехом, машина трогает, и Сексек шлепается на казан.

В небе уже горели звезды. Дорога шла по извилистому ложу оврага. Резкие тени бежали перед фарами машины.

Алуа словно с жадностью озиралась вокруг.

— Узнаешь овраг? — спрашивает ее близко подсевший Сексек. — Здесь тебя когда-то пытался догнать Догал... А мы преспокойно удирали на верблюде.

Сексек с восторгом хлопнул себя по коленкам.

— Не здесь ли предполагают устроить водохранилище? — спрашивает Алуа.

— Здесь, здесь... полтора миллиона квадратных метров площади, — с энтузиазмом отвечает Сексек.

— Вода!.. — с волнением произносит Алуа. — И никаких следов прошлого... никаких следов Догала...

— А перемычку будет строить инженер Арман... — продолжает Сексек. — Он уже здесь... Ты помнишь Армана-гидротехника на Турксибе?

— Помню... — как-то медленно и значительно произносит Алуа. — И... ты знаешь... *(на мгновение она запнулась)* — я с ним в переписке...

— Вот как, — удивился Сексек. — Гм... Ну, что там — одна переписка... *(Он встречает взгляд Алуы.)* — Я бы не возражал получить с него калым.

— Не говори глупостей! — недовольным тоном оборвала Сексека девушка.

Но Сексек уже увлекся:

— Совсем не глупости. Джигит — прямо ягодка: дунуть и в рот положить... *(Алуа резко отвернулась, и Сексек продолжает говорить уже в спину ей.)* Калым небольшой: два пуда нотной

бумаги *(Алуа оглянулась через плечо, в глазах — удивление)* — я хочу написать симфонию о Турксибе... О нас... о светлых путях казахского народа... *(При этих словах голос молодого человека взволнованно задрожал.)*

(Пауза.)

— Поговори завтра с Арманом, — закончил Сексек.

— Перестань!.. А нотную бумагу я тебе подарю сама.

Замолчали... Машина подымалась из оврага на степное плато.

Первое, что увидели, выехав на простор, — это медленно плывущие вдаль косые лучи фар и факелы.

Алуа стояла в кузове, придерживаясь за пианино. Ее глаза нетерпеливо были устремлены вперед — на эти далекие огни.

— Актал... — взволнованно прошептала она. — Опять я на родине...

— Не думай, что это иллюминация по случаю твоего приезда, — с напускной насмешкой говорит Сексек. — Это наш председатель Бейсен заканчивает сев.

...Тракторы, высвечивая себе дорогу снопами лучей, уступами шли по пашне, волоча прицепные сеялки. Ориентирами в ночном поле служили воткнутые в землю факелы.

На краю поля несколько колхозниц перетрясали и складывали мешки из-под посевного зерна. Что-то записывал табунщик...

Тут же неподалеку сидели многие обитатели аула. Почти у всех были с собой узелки с водой, виднелись ведра и жбаны. Кое-кто раскинул коврик, расставил на нем чаши...

А из аула понемногу все подходили и подходили люди, располагались со своими приношениями.

Трещали тракторы.

Из темноты, со стороны поля, спотыкаясь на бороздах, пятился Бейсен. Торопливо приблизился к факелу, посмотрел на часы и повернулся к работающим колхозницам. Какая-то девушка оглянулась на Бейсена. Он ее тотчас окликнул:

— Асия, сбегай, душечка, разыщи и позови сюда нашего зоотехника...

— Меня искать не надо, я и так здесь... — послышался голос и на освещенное пространство выступил красивый молодой человек. Он вышел неторопливо, с какой-то ленивой важностью. Это был Жаппар.

Он шел, небрежно засунув руки в карманы. В зубах Жаппар держал цветок.

Бейсен обрадовался:

— Вот хорошо, что ты здесь... Ну, Жаппар... смотри, сколько народу собралось... — не спят... еще бы... Вот и ты не спишь, понимаешь... *(Бейсен взял Жаппара под локоть.)* Ну? Ты понимаешь? Ведь это же — только сверх плана 80 гектаров... Раньше срока на два дня... А каким зерном посеяно! Жемчуг... Утром же надо рапорт послать... что значит Алтайский колхоз... Напиши! У тебя хорошо получится.

Жаппар, кривясь усмешкой, передвинул в зубах цветок.

— Хвастаться хочешь, товарищ председатель? Все — ура, ура, ура? Орден что ли хочешь?

— Я о себе не думаю, — с горячностью ответил Бейсен. — А государство каждую минуту должно знать, чем оно располагает.

Жаппар со скукой повел головой:

— Ох, эти писанья! — рапорты, доклады... Да я от этих проклятых бумаг нарочно в зоотехники пошел, только бы не сидеть в канцеляриях... Казах любит простор... коня, степь... песню! *(Он быстрым движением вынул цветок из рта и с чувством пропел):*

Пройду Казахстан тысячу раз,
Тысячу раз пройду... —

но заметил хмурое лицо Бейсена, оборвал песню, зевнул и равнодушно сказал: — Ладно уж, напишу!

Бейсен холодно взглянул на него:

— Нет уж, спасибо. — Отвернулся и зашагал к тракторам, приближающимся к краю поля.

Жаппар пожал плечами, опять взял в зубы цветок и засунул руки в карманы...

...Ровные струйки зерна бегут в борозду, — но вот трактор — *(первый в уступе)* — въезжает с пашни на целину, останавливается, тракторист спрыгивает и сразу

попадает в объятия Бейсена; крепко жмет руку трактористу радостный председатель, а тут уже два старика торжественно приподносят чашу усталому парню; останавливается второй трактор, и здесь Бейсен поздравляет истомленного водителя, и этому приподносят чашу, и уже замирают гусеницы третьего трактора, — а девушки и молодежь торжественной песней встречают самоотверженных героев сева...

...Эта песня доносится сюда в степь, где бежит грузовик. Сексек вслушивается и стучит в кабину шофера:

— Нажми! Без меня поют мою песню! Без меня! О-о-о!

Поют люди на поле, и тут в круг света тракторных фар и сближенных теперь факелов въезжает грузовик, останавливается.

Сексек тотчас ударяет по клавиатуре и в степи, в ночи радостно и напряженно звучит городской инструмент.

А девушка, стоящая в кузове, присоединяет свой голос к общему хору, — многие видят и узнают Алуу...

Пройду Казахстан тысячу раз,
Тысячу раз пройду...
Но большего счастья, чем счастье у нас,
Чем в нашей семье, — не найду... —

поет Алуу, захватывая сольный регистр...

И уже Бейсен помогает ей соскочить с грузовика, но никаких слов, песня сейчас превыше всего, — только быстрые рукопожатия да улыбка, и Алуу идет с Бейсеном в гущу радостных людей, с кем-то поздоровалась, кого-то обняла, кто-то поцеловал ее... а песня льется дальше:

Пройду Казахстан тысячу раз,
Тысячу раз пройду! —

поет хор. Сексек подхватывает, причем, видимо, в честь автора ненадолго замолкает хор.

Весной брошу в землю родную алмаз,
А летом сниму звезду.

Сексек ударяет по клавиатуре, словно желая закончить мелодию, но кто-то вспрыгивает в кузов. Жаппар коротким

жестом просит его продолжать и – опять хор, но уже солирует Жаппар.

И Алуа встречает его взгляд, устремленный на нее, опять такой же взгляд, что остановился на ней когда-то, – возле красной юрты. Жаппар приветствует ее жестом и особо вдруг выразительно звучат слова:

Пройду Казахстан тысячу раз,
Тысячу раз пройду...

И – взгляд Жаппара, его голос и –

...но ярче душой моей избранных глаз...

...Глаза Алуы вспыхивают...

...нигде никогда не найду...

...Они едут, конь о конь, – Алуа и Бейсен. Яркое утро над их головами. Перед ними бескрайний засеянный массив. *(Еще продолжает фонировать ночная мелодия.)* Горделивая, молчаливая радость на лицах у обоих... *(Вытеснение.)*

...Они едут уже по аулу.

– Теперь, с окончанием сева, можно выделить людей на стройку водохранилища, – говорит Алуа.

Бейсен с сомнением сжал губы:

– Точно в колхозе один только сев. А с кем я останусь?

– А женщины? – быстро подсказывает Алуа и – на безнадежный жест Бейсена: – Не маши! От большой силы отмахиваешься.

– Да мне всякая сила нужна! – с жаром отвечает Бейсен. – Рад был женщинам. Но если они никак не могут оторваться от своих домашних дел...

– Значит, надо оторвать! – убежденно восклицает девушка. – Вовлечь!.. Я и приехала помочь тебе в этом... А водохранилище для нас – это...

– Здравствуй, душечка Алуа! – слышится приветливый голос. Проходящая женщина радостно кивает. – Все цветешь да расцветаешь...

– Здравствуйте, тате! – кивает в ответ Алуа и оборачивается к ней с седла. – Как здоровье?

– Не жалуясь... сыты... одеты...

– Как поживает Сатия? Как учится?

– Слава богу – вышла замуж. Ведь уже шестнадцать лет, какое больше ученье... – отвечает женщина.

Бейсен замечает, что Алуа сразу нахмурилась. Мотнул головой:

– Слышишь? Замуж! Семья решает – вот они и бросают школу.

– А ты терпишь вот такие старые пережитки! – гневно повертываясь к нему, говорит Алуа.

– Вот я и рассчитываю на твою помощь... *(Тут Бейсен замечает на пороге юрты Асию и придерживает коня.)* – Асия! Это что такое? Почему ты не на работе?

– Да вот – с младшими сижу, – показывая на возящихся в песке малюток, отвечает Асия. – Сегодня базар – мать и уехала.

– Вечная история! – Бейсен с досадой трогает коня.

Алуа неодобрительно качает головой.

– Алуаш-тате, – обращается к ней Асия. – Неужели вы к нам не зайдете?

– Конечно, зайду, зайду, непременно... Я ведь сюда надолго... – кивнула. Ровняет свою лошадь с конем Бейсена: – И тебе не стыдно? Что вот молодая девушка почему-то не на работе, не в школе, а сидит-нянчится с сестренками?

Бейсен вспыхнул:

– Так что, прикажешь мне нянчиться?!

– Где ясли? Где детсад? – Алуа сурово смотрит на Бейсена. – Скажешь, поважней были дела?... Скажешь...

– Смотри, какая сердитая! *(Старый Назарбек, ехавший навстречу, останавливает коня.)* Так с нашим председателем не разговаривают...

– Здравствуй, дедушка Назарбек!

– Не забыла... – Назарбек расплывается в довольную улыбку. – Ну, приезжай ко мне на ферму... Прокачу тебя на Акбулате – белом жеребце, правнучке коня твоего отца.

– Спасибо, – кивает Алуа, – обязательно приеду на днях. Кланяйся Айбале!...

Едут дальше.

— Ты пойми меня, Алуаш... — начинает Бейсен оправдывающимся тоном, но девушка перебивает его:

— Это ты многое должен понять, Бейсен...

...Втаскивают пианино на крыльцо. Рядом с тремя дюжими колхозниками маленький Сексек особо комичен. Но он храбро охватил бок инструмента, нажимает...

— Привет композитору! — слышит Сексек.

Арман смеется. Остановил коня — и смеется.

— О! Арман!.. — прохрипел Сексек.

— С утра уже за муками творчества?.. — отпускает шутку Арман и добавляет серьезно: — Не знаешь ли, где ваш председатель?

— Проехал вон туда, за постройки... Кстати, у него есть кое-что для тебя.

Арман удивлен, но не спрашивает; поворачивает коня...

Сексек глядит ему вслед:

— Хорош джигит... Так бы и взял с него два пуда нотной бумаги...

— О!.. *(Алуа вспыхнула.)*

— Алуаш... ты здесь?! *(На лице Армана изумление.)*

— Арман...

Секунду они взволнованно смотрят друг на друга. Бейсен кашлянул. Арман опомнился:

— Здравствуй, Бейсен... Смотри-ка! Алуаш приехала, чувствуешь? *(Арман словно полагает, что его радость обязательна и для других.)*

Бейсен усмехается:

— Я уже это так чувствую, что готов поделиться с тобой. *(Он похлопал по затылку.)*

— Что такое? — спрашивает Арман.

— Одним словом, уполномоченный от райкома! *(Бейсен кивнул на Алуу.)*

— У-у-у!.. — с напускным трепетом Арман смотрит на Алуу, улыбается и хлопает Бейсена по плечу. — Так тебе-то чего бояться? Ведь тебя можно поздравить с окончанием сева.

— Понимаю твои поздравления, — усмехается Бейсен. — Это обозначает — давай людей.

– Ты не ошибся, – Арман опять хлопнул Бейсена по плечу и оборачивается к Алуе.

– А людей мы тебе не дадим, Арман, – чуть насмешливо глядя на Армана, говорит Алуа. *(Инженер откачнулся на седле и переглянулся с не менее, чем он, пораженным Бейсеном.)*

– Наоборот: это ты дашь нам людей. Да, да... Бригаду плотников. Маляра. Стекольщика...

– Ну! Ну! Ну! – замахал на нее Арман.

– Не ну, а дашь... если хочешь получить людей на строительство.

– Не понимаю... – совершенно искренне сознался Арман.

– Очень просто. Ты хочешь привлечь из колхоза мужчин. Мужчин должны заменить женщины. А женщин должны заменить ясли и детсад... А помещение для этого должны сделать твои плотники. Дашь десяток людей на неделю – получишь пятьдесят человек на все лето. *(Все это Алуа выложила быстро и увлеченно.)*

Бейсен и Арман вновь переглянулись.

Ход Алуы явно понравился Бейсену. Арман засмеялся:

– Ах, вон чему вас учат на историческом факультете!

– Ты догадался: история – это прежде всего наука о сегодняшнем дне, – с улыбкой, но совершенно серьезным тоном ответила Алуа.

Арман, соглашаясь, медленно кивнул. И тут же, заметив что-то, усмехнулся:

– А вот я вижу что-то, мало похожее на сегодняшний день.

Коротким галопом к ним приближался всадник. Он был в старинном национальном нарядном кафтане. Шляпка на голове Жаппара была лихо заломлена. На вышитой рукавице он держал беркута. Голова птицы была покрыта колпачком.

– Привет вашей беседе! – прокричал Жаппар, подъезжая.

– Куда это ты так вырядился, Жаппар? – удивленно оглядел его Бейсен.

– На ферму... По дороге думаю затравить лисицу... в честь нашей госты... не возражаете? – обратился Жаппар к Алуе.

Ответом ему была улыбка.

Арман иронически улыбнулся.

– У вас, товарищ, я вижу – много забот.
– У каждого свое... – небрежно ответил Жаппар и погладил беркута.

– Я хочу сказать тебе – да будет удачлива твоя птица, Жаппар.

При этом, нарочно или нет, он взглядом скользнул по Алуе.

Чтобы как-то побороть внезапное смущение, Алуа громко говорит:

– Товарищ Жаппар не только охотится... Я помню, как он однажды спас лисичку от беркута.

– Да, это был догаловский беркут, – поняв слова Алуы, тотчас подтверждает Жаппар.

Алуа кивнула. Жаппар ловит спокойный признательный взгляд. Арман хмурится, силясь понять смысл их разговора.

– Погодите вы тут болтать про охоту... – простодушно и озабоченно перебивает Бейсен собеседников. – Вот что, Жаппар: тебе придется выделить с фермы человек десять – на стройку водохранилища...

– По-моему, не придется, – хладнокровно отвечает Жаппар.

– Почему?

Жаппар взглянул на Бейсена, но с ответом обращается к Алуе:

– Чабаны и табунщики должны быть при стадах. Я никого не буду отзывать с кочевки, даже чтобы угодить вам (*и – Арману*) – лишних людей у меня нет.

– Ха-ха! – рассмеялся Бейсен. – Я сам бывший табунщик и знаю, с какой работой можно справиться. Особенно в Голубых урочищах – там кочевка легкая.

– В Голубых урочищах появились бешеные волки... И я велел откочевать за Каменные Столбы.

Сообщение Жаппара взорвало Бейсена.

– Да как ты посмел так распорядиться... не поговорив со мной?!

– Бюрократизм, – отвернулся от него Жаппар.

– А по-моему – дисциплина, – сухо говорит Арман, явно принимая сторону Бейсена.

– Чтобы – пока я разводил канцелярскую дисциплину – волки перекусили животных?! – раздраженно закры-

чал Жаппар. И, обернувшись к Алуе: – Так, товарищ Сатаева? Или меня надо снять с работы?

Алуа чуть опешила:

– Зачем так ставить вопрос?..

– За Каменные Столбы! – возмущается Бейсен. – Да туда пять дней одного перегона! Выжженная трава, тухлая вода... И граница – близко...

Арман встрепенулся:

– Что? Близко граница? – прищурился он.

– Одним словом – за животноводство отвечаю я, – еще более раздражаясь, бросает Жаппар Бейсену.

– А за колхоз – я! – тоже повышает тон Бейсен. – И говорю тебе: немедленно стада вернуть! Даже если тебе лично придется тащить ослабевших овец на плечах!

– Прошу со мной не разговаривать байским тоном, товарищ председатель! – окончательно вспылит Жаппар.

– А ты веди хозяйство так, чтобы это не походило на вредительство, товарищ зоотехник!

Жаппар вспыхнул, рванул повод, бешено хлестнул коня и помчался в степь. Все несколько секунд смотрят ему вслед – Арман с явной неприязнью, Алуа – с досадой, Бейсен – даже с некоторой растерянностью, точно он оглушен этим внезапным столкновением.

– Как тебе нравится этот молодчик? А? – поворачивается он к Алуе.

– Насчет него мы поговорим после, – отрывисто отвечает Алуа.

Арман хочет что-то сказать:

– Но...

Алуа бросает на него дружелюбно повелительный взгляд:

– А поскольку мы уже договорились о плотниках... *(Арман только поморгал, услышав об этой договоренности, а девушка уже говорит Бейсену)* – ...то тебе надо скорее подготовить этим плотникам материал для детских кроваток и столиков... и помещение присмотри. Да получше.

И в подтверждение срочности задания она хлестнула своей плеткой бейсенова коня. Конь рванулся с места, председатель хотел что-то крикнуть в ответ, но только махнул рукой и затрусил по аулу.

И как бы желая сгладить слишком самостоятельный характер своих требований, а также и поощрить Армана за энергичную помощь, Алуа (*при этом в ее голосе теплая мечта*) говорит:

– Мне очень хочется, чтобы наши ясли и сад стали образцом для района.

Арман ответил ей обнадеживающей улыбкой.

Они тронули лошадей. Некоторое время едут молча. По лицу Алуы видно, что она во власти этих захвативших ее хороших дум, ей хочется еще что-то сказать, она поворачивается к Арману и замечает хмурые складки на губах инженера.

– Ты что мрачен, Арман?

– Трудно, Алуаш, – отвечает Арман и стискивает зубы.

– Ты мне часто писал, что тебе трудно, – дружески участливо говорит Алуа. – И мне трудно. Но это все хорошие трудности, Арман. Если бы ты знал, как обо всем приходится думать, думать, думать, думать...

Алуа непринужденно кладет свою руку на плечо Армана.

– Я тоже сейчас думаю... (*Арман не может сдержать ноток раздражения и потому Алуа с недоумением смотрит на него.*)

– Что это был за разговор с этим... зоотехником? Про какую-то лисичку... про беркута... эти старинные свадебные слова: да будет удачлива твоя птица...

Алуа, нахмурясь, отняла руку (*Арман с жаром схватил, удержал.*)

– Ты пойми, Алуаш... я хочу сказать... вот фляга... с Турксиба еще ты тогда наполнила мне ее... в ту минуту я впервые увидел тебя... и не было дня, чтоб я не вспоминал о тебе... Но... но что за странный разговор с этим человеком? Кто он тебе?!

Вместо ответа Алуа пристально посмотрела на Армана. Неприязненно сузила глаза:

– Ты что? Ревнуешь? По какому праву? (*Она спокойно высвободила руку и крепко собрала поводья. Посмотрела перед собой. Коротко, но горько усмехнулась.*) Я себе иначе представляла нашу встречу.

И она ударила коня стремями.

Тропинка шла зарослями, убежавшими вверх по холмистому склону. Уже вдали виднелась ферма, вернее, ее высокая глинобитная ограда; конь Назарбека трусил неторопливой рысцой...

Вдруг старик остановил коня, привстал на стремяна и всмотрелся куда-то через пустырь; сначала смотрел с интересом, потом вдруг вжал голову в плечи, опустился в седло и почти съежился над шеей коня. На лице его отобразились не то испуг, не то озадаченность...

— Не может быть... показалось...

...На небольшой прогалине, спиной к Назарбеку, а лицом на восток, на коленях стоял какой-то человек и творил намаз... Отдаленность от всадника и молитвенная сосредоточенность незнакомца помешали ему заметить Назарбека...

— Неужели это — он?! — прошептал Назарбек.

...Путник в молитвенном поклоне припал лбом к земле, приподнялся... Провел ладонями по лицу, открыл его... Постаревшим, с ожесточенными морщинами по лицу... — полузакрыв сверкающие фанатическим блеском глаза, бывший бай шептал молитву...

Лицо Назарбека озарилось догадкой, из растерянного оно сразу стало суровым. Старик ударил плетью коня и поскакал к ферме...

...Внучка Айбала сбежала с порога и придержала повод. Дед соскочил, схватил девушку за плечи, повернул лицом к себе:

— Айбала! Беги на конюшню, оседлай коня... Ты слышала про Догала? Так он здесь, там!.. Бродит около нашей фермы... Он думает — Назарбек, как старый пес, выбежит лизать его руку... Нет!.. Скачи, внучка, скорее в аул, к Бейсену, скажи, что дедушка крепко запер ворота и зарядил берданку. — Вот он задвигает тяжелый брус на воротах... припал глазом к щели...

Айбала настегивает коня, несясь в лошину...

Хороша долина Актала в погожий день...

Конь мчал Алуу по поросшему кустарником взгорью.

Какой-то всадник показался вдали; шагом выехал он из лощины и стал поперек тропы, по которой скакала Алуа.

Девушка заметила его, сдержала поводья, всмотрелась и тотчас пустила коня вперед, но уже неторопливой рысью. Всадник повернул ей навстречу; его конь по-прежнему шел шагом.

Они съехались... Беркут, устало свесив крылья, сидел на руке у Жаппара. Молодой человек чуть самоуверенно улыбнулся.

— Значит, я не ошибся! — с еле уловимым торжеством в голосе сказал он, подъезжая.

— В чем? — с искренним интересом спросила Алуа.

Мгновение Жаппар молчит.

— Я ждал вас, — говорит он каким-то значительным тоном.

Алуа вспыхивает, Жаппар делает вид, что не замечает этого, отстегивает от своей луки и перебрасывает через седло Алуы пару связанных мордами лисиц.

— Вот... в вашу честь... *(Конь Алуы прижимает уши и фыркает.)*

— Спасибо... но я ведь не собиралась сегодня ехать на ферму.

— А сердце мне подсказало, что вы сегодня же поедете туда, — вдруг, смело взглянув в глаза Алуы, говорит Жаппар.

Алуа коротко, как на комплимент, рассмеялась:

— А сердце вам не подсказало, что я должна пробрать вас? Заставить послушаться Бейсена?

Жаппар высокомерно сверкнул глазами:

— Я не хочу ничего слышать о каком-то Бейсене!.. Да, я ждал здесь вас, чтобы сказать: десять лет я ждал встречи с тобой, Алуаш! *(Он пылок и смел — этот Жаппар... Злая красота его притягательна... Алуа от внезапного волнения на мгновение закрывает глаза.)*

А Жаппар привстает на стремена, высоко поднимает руку с беркутом и — плетью в другой руке — безгранично щедрым жестом обмахивает раскинувшийся перед ними простор:

— Пожелай — и все это будет у твоих ног, Алуаш...

Алуа бросает на джигита лукавый взгляд:

– Даже земли колхоза “Амангельды”?

– Все для царицы свободных степей! – тотчас вкрадчиво серьезным тоном отвечает Жаппар и вдруг, заметив в глазах Алуы какую-то недоброжелательную настороженность, переводит разговор в шутку: – ...для моей царицы из сказки...

Он схватывает и тянет повод лошади Алуы. Девушка затрепетала,

– взгляд Жаппара властен и притягателен, но тут что-то мелькнуло в кустах...

– Лисица! – облегченно кричит Алуа и азартно показывает рукой.

Жаппар невольно обернулся: срывает колпачок с головы беркута, подбрасывает в воздух тяжелого хищника. Алуа успевает хлестнуть своего коня.

– Да будет удачлива твоя птица, Жаппар! – звонким голосом крикнула она, пускаясь вскачь.

Рванул Жаппар ворот рубашки, поскакал за девушкой.

Это была какая-то пьянящая бешеная скачка, с внезапными поворотами, прыжками через кусты, скачка почти бок о бок... Косы Алуы рассыпались по плечам, в глазах – то радость, то – сладкий страх, а там, в небе – беркут и – синева, вздох, уже не хватает воздуха в этом просторе, а рука Жаппара уже ложится на талию девушки, другой рукой он опять овладевает поводьями лошади Алуы, круто осаживает коней, губы Жаппара сливаются с устами Алуы...

Бездонное небо, и в нем беркут...

...Короткий, на две-три ноты, явно условный свист откуда-то с низины прорезал воздух...

Жаппар резко оборвал поцелуй; еще распалены губы, а в глазах уже – настороженность и тревога. Не раздумывая, Жаппар ответил таким же свистом.

Алуа мгновенно пришла в себя, отпрянула от Жаппара, вспыхнула, – свист оскорбительно прозвучал в ее ушах, – и быстро, неприязненно спросила:

– Что это?

В глазах Жаппара тотчас гаснет выражение тревоги, он деланно усмехается:

– Должно быть, наши табунщики...

– Как – табунщики?

— Или охотники чужие... Свист — по беркуту... сманить хотят... Вот я их сейчас...

Жаппар решительно рванулся в заросли... Алуа проводит рукой по лбу... Голову так кружит... То ли нахмуриться хочет, то ли улыбнуться...

Она слезает с коня.

Какой-то цветок кивает ей с пригорка. Девушка срывает его, тихо прижимает к сердцу. Разве это не большая минута в ее жизни?..

Вон еще цветок... Вон еще...

...В зарослях, сблизившись в тесный кружок, почти голова к голове — Догал, Жалтыр и Жаппар...

Разговор отрывист:

— Кто с тобой? Алуа? — Догал сверлит глазами Жаппара.

— А что, если да? Девчонка — моя.

— У меня с ней — давние счеты. — Рука Догала стиснула рукоять ножа.

— Повторяю: она — моя! — властно обрывает Жаппар.

— Так... бережешь активистку?

— Можете взять Бейсена, — цинично усмехается Жаппар.

— Некогда... надо уводить коней с фермы, — хмуро бурчит Жалтыр.

— Почему это не сделано без меня? — резко и требовательно бросил Жаппар.

— Старый Назарбек почему-то закрыл ворота... Значит, видел вас? Шлялись?

— Что ты! — отмахнулся Догал.

— Ладно... — недовольно кивнул Жаппар. — Я ночью открою ворота... берите коней... поджигайте все... Можете Назарбека... *(Жест уничтожения.)*

— Тебя придется связать для отвода глаз...

Жаппар кивнул.

Хруст ветки — все трое поворачиваются...

Меж листья мелькнуло ужаснувшееся лицо Алуы, — мгновенно Жаппар понимает все, что это — провал, что он разоблачен, он сует руку за пазуху, выстрел по Алуе вслепую идет в кусты,

— а она уже мчится по склону...

Бросились бандиты к своим лошадям...

Помчались цепочкой по зарослям, в погоню.

Скачет Алуа – впереди высокая ограда фермы... наглухо закрыты ворота...

Вдали кони преследователей...

Подскакала Алуа к ограде, бесполезно стучаться в ворота... она вплотную прижимает коня к ограде, вскакивает на седло и перемахивает через глинобитную стену.

Она бежит к воротам, на бегу вырывает кольт из кобуры, припадает к щели и два-три раза стреляет по подскакавшим бандитам.

Рухнул конь под Жалтыром. Разбойник плашмя бросился за камень. А Догал и Жаппар метнулись вбок вдоль по ограде.

Выскочил Назарбек из сторожки со своей берданкой, подбежал к Алуе...

– Догал?!

– Да! И знаешь, кто заодно с ними? Жаппар! – восклицает Алуа.

А снаружи загрели выстрелы; пуля расщепила доску в воротах над головой Алуы... (*Вытеснение.*)

...Бейсен и Арман. Перед ними – задохнувшаяся Айбала.

– Ферма... Бандиты... Догал!.. (*Вытеснение.*)

Алуа и Назарбек бегут от ворот к сторожке. Алуа сует в кольт свежую обойму...

– А вдруг они перехватят Айбалу? – с тревогой восклицает Назарбек. – Вот что: бери Акбулата в конюшне... Позади ограды – калитка... (*На протестующий жест Алуы.*) Нет, нет, скачи! – надо спасти ферму... А я уж как-нибудь...

...Перемахнул Жалтыр через стену, как кошка кинулся к воротам, – грянул выстрел из узкого окна сторожки, осыпалась глина ограды, промахнулся Назарбек...

Сбросил засов Жалтыр, призывающее махнул своим, кинулись было к воротам Догал и Жаппар, но тут из-за дальнего угла ограды вылетел белый конь...

– Алуа! – взвизгнул Жаппар, крутнув коня...

Как белое облачко, несется со склона Акбулат, а за ним – темной точкой – конь Жаппара.

Скачет Алуа,

скачет Жаппар: стреляет – промах и промах опять,

силится прицелиться, да нет, не взять... Одно – что есть мочи гнать коня...

...Догад – из-за камня, Жалтыр – из-за уступа ворот бьют из маузеров по окошечку Назарбека...

...Быстро перезаряжает Назарбек берданку. Изловчился – пустил пулю. Сбил малахай на Жалтыре...

Мало патронов на столе – шесть...

...А через степь, ко взгорью рассыпалась уже, скачет подмога... Мелькнули Бейсен, Арман, Айбала, Сексек, милиционеры...

Вдали – им навстречу – белый конь.

Увидел Жаппар всадников... Яростно тиснул зубами... Со всего опора осадил коня... Сосредоточился... Сощурил глаз... Выстрелил.

Всплеснула руками Алуа, дернулась всем телом, повалилась на шею сразу замедлившего бег Акбулата...

Соскользнула, рухнула наземь...

Злобно усмехнулся Жаппар, коротко отер губы, круто повернул обратно, но не на взгорье – к ферме, а – в лошину...

...Бежит по конюшне Жалтыр, в руке у него пук пылающей соломы, сует в ясли – подпаливая сено, увертываясь от забившихся в панике коней...

Подскакали всадники к распростертой на земле Алуе. Соскочили Бейсен и Айбала... Поднимают, рвут одежду, – под ключицей жаркая рана...

Милиционеры начали бить из карабинов по удирающему убийце...

Скача крайним в цепи, Арман позже всех подскакал к Алуе, исказился в лице, хочет сорваться с седла, но Бейсен, припав ухом к груди раненой, крикнул:

– Жива! Вон он! – показал на далекого всадника. Еле различим цветастый кафтан.

– Жаппар! – восклицает Арман; он бросает тревожный взгляд на Алуу, но пересиливает боевая цена мгновений, – Арман выхватывает наган и дает коню шпоры.

Лицо его беспощадно...

...Рвутся клубы дыма над конюшной...

...Последним патроном заряжает берданку раненый Назарбек...

...Уже ободрившись, поднимает голову из-за своего укрытия Догал, подождал, привстал на колени...

Из-за угла пылающей конюшни выглянул Жалтыр – и вот они оба сорвались и, стреляя, ринулись к сторожке, но грянул из окна последний выстрел Назарбека – крутнулся Догал, выронил маузер и, распластав руки, упал...

Опешил Жалтыр, со страха ссутулился, кинулся за ворота – и еще более ужаснулся, увидев грозных всадников, поднимающихся на взгорье.

Бросился Жалтыр в кусты, отвязал там коня, махнул в седло и поскакал куда глаза глядят...

...Оглянулся Жаппар – кто-то несется за ним в облаке пыли, дал Жаппар оборот коню, выстрелил раз и два по преследователю, мотнул головой от пискнувшей ответной пули и опять помчался...

По каким только местам не вела Армана погоня, – логами, кручами, кустами несли его конь, и все ближе и ближе становился яркий кафтан мерзавца...

Гремели выстрелы...

И вот не выдержал конь Жаппара, со всего маху грянул на землю, но ловко скатился с него Жаппар, только раз кувыркнулся, вскочил, вскинул пистолет, но Арман выстрелил раньше... и еще, и еще...

Рухнул Жаппар, зацарапал траву...

...Скачет Сексек, крутя над головою аркан, змеистый свист пререзает воздух...

И Жалтыр вылетает из седла, выброшенный захлестнувшей его по телу петлей...

...Милиционер распахивает двери пылающей конюшни. Кони вихрем выносятся на простор...

...Возле убитого Догала стоит, поддерживаемый Айбалой, раненый Назарбек; тут же между двумя милиционерами угрюмо переминается, уставившись в землю, связанный Жалтыр. Рядом – возбужденный еще Сексек...

– Ты всегда требовал, чтоб Жалтыра приволокли на аркане... Твои табунщики сделали это, мирза Догал... – говорит Назарбек, глядя на убитого бая. – Какой еще верности ждал ты от своих табунщиков?...

...Арман прячет наган в кобуру и, повернувшись в седле, оглядывается.

На плече мертвого Жаппара, распластав крылья и раскрыв клюв, сидит беркут.

— Да будет удачлива твоя птица, Жаппар..

...И вот, наконец, Арман, припав на колени, склоняется над наспех перевязанной Алуой. Он приподнимает ее голову, вглядывается в обострившиеся черты девушки и в душевной тоске взывает:

— Алуа! Алуа!.. О, Алуа... (*Уронил голову на грудь...*)
Алуа!.. Ты слышишь меня, Алуа?

Алуа с трудом открывает глаза, секунду непонимающе смотрит, и слабая улыбка скользит по ее губам.

Над ней — Нина... Белый потолок больницы... Люди в белом... Нина целует ее, заглядывает в глаза.

— Что со мной? — шепчет девушка.

— Жизнь! — говорит из-за спинки кровати пожилой врач.

— Жизнь, душечка! Теперь — жизнь! — слезы радости блестят на глазах Нины. Она хочет обнять Алуу.

— Нет, нет, товарищ Ершова, — говорит врач, с мягкой властностью отстраняя Нину, — если вы хотите, чтобы ваша студентка (*кивает на Алуу*) скорее поправилась, ограничимся этой одной минутой свиданья.

Нина нехотя встает, также неохотно отпускает ее взглядом Алуа. И тут же Алуа видит огромный букет на столике.

— Цветы... — с тихим восхищением шепчет больная.

— От Армана, — успевает шепнуть Нина. (*Вытеснение.*)

В холле больницы собрались больные. Посредине холла — рояль. За ним сидит Сексек. Несколько секунд он смотрит на клавиши, затем касается их — и полились звуки лирической мелодии.

А за окном холла — прекрасный сад. На близкой к окну скамье сидят выздоравливающая, но еще с рукой на перевязи, Алуа и Арман. Инженер нежно держит в своих руках здоровую руку девушки.

Молчат... Мелодия захватила обоих...

— Да, какие-то мгновения была очень, очень не права, Арман, — медленно произносит Алуа.

— Не говори больше об этом, не вспоминай...

— И никогда не будем вспоминать.

– Никогда не будем, – значительно говорит Арман.
Его губы припадают к руке Алуы.
Но свет радости вдруг сменяется тенью на ее лице.
– Но что это было, Арман?
Он на секунду задумался.
– Ты ведь у меня историк... А мы живем в грозное, грозное время... Борьба идет... предстоит...
– Борьба! – шепчет Алуа и, строго сведя брови, задумчиво полужакрывает глаза.
А музыка льется и льется в этот сад...
И радость, и решимость в устремленных вперед глазах Алуы и Армана.

У часть

Грохочущий взрыв обрывает мелодию. На черном всплеске земли плывущая надпись “1941”...

Излом свастики на крыле, звено фашистских бомбардировщиков входит в пике, вихрем, со скрежечущим воем сирен, они несутся вниз на коробки городских кварталов, серия тяжелых бомб, рушащиеся стены домов.

“1942” и – бросок советских танков,

“1943” и – бросок пехоты в снегах под Сталинградом (мультипликат) – сомкнувшееся и исчезающее кольцо Сталинградской операции на штабной карте, звучание войны сменяются ритмом бегущих по рельсам колес, эшелон, эшелон, плывущая укрупняющаяся надпись “Фронту!”

Вагон, вагон и на каждом – “Турксиб”, “Турксиб”...

И – тиканье солидных кабинетных часов...

Темные, застекленные книжные шкафы, старинное национальное оружие по стенам, громадный рабочий стол, заваленный раскрытыми толстыми томами, свитки рукописей, вот одна из них, испещренная вязью арабских письмен, свисает через стол.

А над ней – седеющая голова ученого, с лупой в руке склонившегося над древним текстом...

В дверь постучали.

– Войдите, – отозвался ученый, не отрываясь от

работы. Вошла Алуа. Свободным, уверенным шагом она приближается к столу.

– Товарищ Сатаева? – человек за столом поднимает голову и – на его любезную улыбку Алуа вдруг меняется в лице и замирает на месте...

– Что? – с недоумением спрашивает ее человек с лицом...

...Алуа превозмогает себя...

...с лицом Догала...

Алуа невольно проводит рукой по лбу:

– Профессор Есенов?

– К вашим услугам.

– Простите... Так... Вы... вы... меня вызывали, профессор?

Мардан гасит настоженные огоньки в глазах и, выйдя из-за стола, широко и дружелюбно протягивает руку Алуе:

– Да, да... Я очень хотел познакомиться с вами... Слышал, слышал и только самое лучшее... А у меня довольно законное желание украсить порученную мне кафедру талантливой молодежью.

– Я еще не заслужила ваших одобрений, профессор, – смущается Алуа.

– А разве это не признак таланта, что дочь табунщика становится – национальным! – научным работником? – ободряюще говорит Мардан с фамильярной свободой старшего, но с какой-то вкрадчивостью, слегка потрепав Алуу по плечу. Но – к делу: вот *(он берет со стола толстую папку)* тезисы вашей будущей диссертации... *(С выражением удовлетворения полистал.)* – Смело... интересно... но, милая!... ведь вы же обкрадываете себя!.. собрать такой материал и... – Ай-яй!.. *(укоризненно глянул поверх очков)* – вы точно собираетесь защитить только половину диссертации!.. *(Не выпуская папки, он сложил руки на животе.)* А дальше?

Алуа немного растерялась:

– Что-нибудь неправильно, ага?

– Нет, нет!.. и постановка темы великолепна. *(Он со значительностью и даже величавостью открывает титульный лист.)* Аспирант Сатаева Алуа. Тезисы к

диссертации на тему: “Что дала Октябрьская революция казахской женщине”. О чем спор? Что может быть неправильного? Но только... Присядьте... *(Алуа повинуется.)* Позвольте мне ходить... *(Он кладет папку на стол и закладывает руки за спину.)* Буду говорить с вами, как коллега с коллегой... Мне сейчас хочется... *(он размеренно похаживает по ковру и как бы для сосредоточенности прокусывает губы, поглядывает на потолок)* ...как бы поделиться с вами тем горением, энтузиазмом *(пальцы Мардана собрались – в знак убедительности – в щепотку)*, к которому нас призывает истинная наука... история!.. что может быть более всеобъемлющего! Более точного, более требовательного!.. История есть – история, об этом говорит само определение науки... Она не довольствуется отрезками фактов, выхваченных из ее хода обзором событий или эпохи. Она или вся – от истоков, или – анекдот, и... *(опять коснулся папки тезисов)* ...не может позволить научной работе прозвучать так брошюрно, явиться чем-то “так называемым”... Ах, Алуа! *(Мардан даже с грустью посмотрел на Алуу. Пауза.)*

– Так что же? – неуверенно и робко спрашивает Алуа.

Мардан продолжает выдерживать паузу, чтобы как бы дать сомнению в самом себе впитаться в сознание собеседницы.

– Как я счастлив, что мне удается сделать напутствие, напутствие старшего – вашему будущему труду... отстранить тень с вашей, – я уверен, – блестящей научной дороги! Вдумайтесь! *(Он подсел на ручку кресла.)* Тема о женщине! Казахской женщине, раскрепощенной Великим Октябрем! А от чего – раскрепощенной? ...а? Где предпосылочная часть вашей работы? Она не намечена! *(Он, словно ужаснувшись, сплел и тотчас расплел пальцы, широко обвел рукой книжные полки.)* А она тут – под руками! и тут *(стукнул себя в грудь)* – в душе каждого казаха! *(Далее он говорит все с большим и большим жаром, но без пафоса.)* Точно наш народ не имел истории, не имел своих прогрессивных взлетов... Нельзя забывать ни обычаев, ни традиций казахов времен хана Тауке; роли шариата; изменений после присоединения к России... Вы сужаете тему о казахской женщине, рисуя ее однобоко – в забитости

и темноте, а наша история возносила на гребень событий немало женщин, поднимавшихся выше этой намеченной вами мрачной картины! Они должны жить в вашей будущей работе – эти женщины прошлого: Караулек, Кортка, Баян-Сулу, Кыз-Жибек, Айман-Шолпан, Бопай!.. Разве это не свидетельствует о прогрессивных моментах истории, когда народ выдвигал даже женские имена?.. Я вижу – я зажег вас... И вот вам моя дружба и моя рука!

Он сам берет руку как-то сразу поникшей, словно оглушенной Алуы и к той улыбке, с которой он долго жмет ее руку, присоединяются недобрые искры в его глазах...

* * *

В кабинете Нины на диване сидят Нина и Алуа.

Держа в своих руках руки внимательно слушающей ее Нины, Алуа говорит (*причем на ее лице все то же выражение какой-то оглушенности*):

– Как мне разобраться во всем этом, как?.. Я сама не своя после разговора с профессором Есеновым... Или я еще чего-то не осознала, просто не знаю, как следует... Или меня тянут куда-то – не туда... – И опять – как в кабинете Мардана – проводит рукою по лбу и добавляет глухо: – А может, просто мешает мне одно личное впечатление...

– Все покажет работа, – подумав, отвечает Нина. – На одни впечатления полагаться нельзя...

– Так-то так... а у меня – встревоженность...

– И встревоженность – не плохо. Это признак возникающей самокритики... Твое и достоинство, что ты не самонадеянна.

– Ты сможешь мне? Не оставишь? – пылко спрашивает Алуа.

– Конечно, нет... – Нина коротко обнимает Алуу, проводит рукой по ее голове и встает. – И поговорим. Только не так – на лету. Одевайся... ведь нас ждет товарищ Сапар.

* * *

...В приемную – из кабинета – выходит группа военных и штатских.

– Пожалуйста, – обращается секретарша к Нине и Алуе. В глубине кабинета, у большого несгораемого шкафа, как раз закрывая его, стоит человек во френче; он оборачивается к вошедшим, и улыбка озаряет лицо Сапара.

– Покажись, покажись, байская женка, – шутливо приветствует Алуу Сапар, на что Нина отвечает с напускным негодованием:

– Прошу не обижать мою дипломантку. К тому же будущего ассистента при кафедре... и, кроме того, вообще законную жену одного известного вам человека...

– Ого-го! – отступает Сапар перед “титулами” Алуы. – Давно ли мы ее выручали от “замужества” в красной юрте... Дипломант! Ведь имени своего тогда подписать не могла...

– А теперь пишет диссертацию.

На лице Сапара возникает воодушевление и серьезность.

– Знаю. И о чем – знаю... И потому особенно озабочен. Ведь мы с тобой, Нина Ивановна, стояли на пороге ее судьбы... И наша задача и дальше ее поддержать...

Нина кивает, а Алуа взволнованно и благодарно вспыхивает.

– И потому я считаю целесообразным работу над диссертацией не то, чтобы отложить, а... – он оборвал себя, прошелся по кабинету.

Нина и Алуа переглянулись, Алуа встревожена.

– Сахар! – неожиданно говорит Сапар. – Вот, перед глазами держу, как напоминание, – он берет с чернильницы на столе кусочек сахара и с оттенком значительности показывает его. – Война. Украина еще не освобождена. Вот сейчас опять было совещание... Казахстан должен резко увеличить производство сахара. Сахар – фронту. Сахар – тылу... Но сахар – это прежде всего – свекловица на колхозных полях. В частности, в Актальском районе, – поворачивается он к Алуе, – куда тебе надо будет завтра же поехать.

...А диссертация... Ты собираешься писать о казахской женщине... Так вот: партия дает тебе в руки материал новой главы о женщине и не только о казахской, – о женщине, кующей победу в Великой Отечественной войне... Разве будет без этого твоя диссертация полной? Согласна со мной?

Он внимательно и мудро заглянул в глаза Алуе, взволнованно заблестевшие от сознания всей глубины этих обязывающих напутственных слов...

Отваливая рыхлые пласты, лемехи свеклокопателя выбрасывают на борозду огромные свекловичные клубни...

За рулем машины – Айбала.

Над машиной – флажок, а по козырьку кабины надпись – “Стахановская бригада имени третьего Украинского фронта”.

Огромное поле, сплошь усеянное уборочными звеньями.

Зубья свеклопогрузчика, нанизывая клубни из пирамидальных куч, подают свекловицу на непрерывно подъезжающие грузовики и телеги.

Батарей автоклавов на сахарном заводе, разливочный аппарат, глыбы сахара в формах и работа по разделке сахарных плит на распиловочных столах.

И на всех звеньях процесса – в работе – женщины, женщины, женщины...

Штабели мешков с сахаром, погрузка в вагон, мешки видны под хлопающим на ветру брезентом на камуфлированном грузовике, идущем по военной дороге. Щедрую мерку песку сыпает повариха в бурлящий котел, и вот довольная стайка ребят в детском саду, уплетающих вкуснейший компот...

* * *

В президиуме колхозного собрания Алуа. Она стоит, держа в руке список:

– Сеидова Саруар, звеньевая стахановской бригады – сто тысяч рублей...

Гром рукоплесканий из зала...

– Ахумбаева Фатима, бригадир, сто пятьдесят тысяч рублей, – читает дальше Алуа.

И снова рукоплещет собрание. Здесь много знакомых лиц среди этих актальских тружениц... Рукоплескания обращены к радостно смущенной пожилой колхознице; ей рукоплещут свои, а также, встав со своих мест, группы

женщин – гостей, по платью и облику – русских, узбечек, азербайджанок. И старая труженица встает и в ответ – взволнованно и одушевленно отвечает рукопожатиями...

Горделиво звучит голос Алуы:

– Водитель тягача – Назарбекова Айбала – сто тысяч рублей.

Аплодисменты, обращенные к Айбале. Та вскакивает:

– Исправьте: сто десять тысяч!..

Аплодисменты усиливаются... Аплодируют и из президиума. Улыбаясь, аплодирует Алуа. Ищет карандаш. Ей подают и – кто же? Нина! – раскрасневшаяся с мороза, еще не успевшая снять шубку. Целуя Алуу в щеку, коротко шепнула:

– Только что с поезда ... к тебе... продолжай, продолжай!..

– Исправьте! – волнуется Айбала, видя заминку в президиуме.

– С удовольствием исправляю... – Алуа склоняется над списком.

– Назарбекова Айбала – сто десять тысяч...

Далее: Мажидов Назарбек, заведующий фермой, – сорок тысяч рублей...

Старик засмутился, отмахивается от приветствий, уж больно-де не велика его сумма...

– И, наконец, – торжественно заключает Алуа, – по решению общего собрания – от Актальского колхоза – два миллиона рублей... А всего на постройку танковой колонны...

Но ее слова тонут в буре оваций, в возгласах приветствия Родине, Сталину, Советской Армии... (*Вытеснение.*)

На трибуне собрания – русская женщина:

– ...мы, русские текстильщицы, с особым чувством подписываем договор социалистического соревнования с героинями свекловичных полей Казахстана... (*Вытеснение.*)

И как бы продолжая речь русской – говорит азербайджанка:

– ...этим соревнованием мы закрепим наши усилия в деле разгрома врага. Заменяв наших мужей и братьев у нефтяных вышек Баку, миллионы тонн нефти... (*Вытеснение.*)

Узбечка:

— ...миллионами центнеров хлопка мы крепим нашу победу! Одно солнце светит нашим полям! Одно солнце озаряет нашу жизнь и ведет нас к победе — великий Сталин!

Патриотический подъем не может вылиться в одни рукоплескания, возгласы; чувства переполнены — ищут выхода в объятиях, поцелуях, слезах счастья...

...Поставлены последние подписи. Делегатки в президиуме обмениваются папками с текстом договора...

— Ты счастлива? — успевает шепнуть Нина.

— Да... Счастлива... — Алуа даже закрывает глаза. — И как хорошо, что ты приехала...

— Ну, как твоя диссертация?

Алуа улыбнулась:

— Я только что ведь читала при тебе отрывки из нее на собрании...

Они проходят с группой делегаток по коридору детского сада. Видны детские кровати, вкусно спящие малыши...

Посетительницы (*все в халатах*) тихо и умиленно, на цыпочках проходят мимо спальни.

В одной из ближних кроваток разметался во сне хорошенький мальчик. Алуа подтолкнула Нину, прошептала горделиво и нежно:

— Маленький Арман... Хорош?

Нина залюбовалась мальчиком. Нагнулась к плечу Алуы и негромко:

— Ты знаешь эти стихи?

...о ней я думал целый день, —

Под посвист пуль, под вой метели...

Ее хранительную тень

Воображал над колыбелью...

Взор Алуы слегка затуманился, мысль улетела куда-то далеко, далеко... и улыбка — тому, далекому...

Приемная. Здесь все снимают халаты...

Алуа говорит гостям:

— Ясли и сады полностью освободили наших колхозниц от трудных забот... Это позволило многим еще полнее отдать себя работе... Резко возросло число стахановок,

подлинных героинь труда... Какое это должно быть высокое чувство — ощущать свой труд воплощенным в танк, идущий к Берлину! (*Вытеснение.*)

Коридор школы. Дверь 8-го класса. Приоткрыли. Заглядывают...

Ученицы поглощены уроком географии:

— ...И здесь возник первенец первой пятилетки — Днепр-прогэс, — вода указкой по карте, говорит учительница. Нет сомнения, что советский народ быстро восстановит разрушения, учиненные фашистскими варварами...

Алуа прикрывает дверь и говорит спутникам:

— А еще недавно в старших классах почти не было девушек. В десятом — так ни одной!.. Одолевали старые пережитки — девушек забирали из школ, приковывали к дому, отдавали замуж...

В девятом классе шел урок истории.

Отвечала девушка с серьезным, сосредоточенным лицом:

— ...но попытки сопротивления прогрессивному факту присоединения Казахстана к России продолжались. Хан Кенесары Касымов, этот заклятый враг казахского и русского народов...

Алуа встречается глазами с Ниной:

— Да... Нужно твердо знать своих врагов (*и — гостьям*): — А в десятом — у нас сегодня особенный день.

Дверь десятого класса... Класс... За столом преподавателя — группа военных. Двое из них с погонами врачей. На передних партах десять-пятнадцать девушек. По сумкам с красными крестами, по плакатам видно, что здесь происходит необычный урок.

Председатель повернулся к Алуе:

— Вы пришли как раз вовремя... (*и обращаясь к девушкам*): — Объявляем решение Комиссии... Уважаемая Асия!.. (*Асия встает и четким шагом подходит к столу.*) Комиссия постановила: окончившей на отлично курсы военных медицинских сестер Жабаровой Асии присваивается военное звание сержанта медицинской службы.

Асия выпрямляется и воодушевленно отвечает:

— Служу Советскому Союзу!

И на ее сияющее высоким светом лицо с волнением смотрит Алуа и тихо говорит Нине:

– Спасибо тебе за нее...

– Почему – мне?

– Тебе – русской... всему русскому народу спасибо...

Ах! Вспомни меня: кем я была?! Никем!

* * *

Под бревенчатым накатом блиндажа слышалось тихое пиликанье гармошки.

При свете ацетиленового фонаря Асия перевязывала плечо русскому лейтенанту.

Тот, немного пожмуриваясь от боли, тихонько спорил:

– С этакой ерундой в тыл не уходят, товарищ сержант.

Где сообразность? Это значит – дорваться до Пруссии и куда-то вдруг в госпиталь. Оно, конечно, леживал я и у вас, в Алма-Ате... Только потом про яблоки невозможно было рассказывать. Я по правде говорю им – во! *(он показывает размер – развел руками и болезненно крикнул)* – а мне, обратно, – это ты камышинские арбузы лопал!.. Мичуринский случай!

В блиндаже засмеялись. Сержант Сексек оборвал музыку: майор Арман поднял голову от полевой карты; капитан Бейсен поперхнулся чаем. Дежурные солдаты – связисты *(русские)* заушмылялись...

– Тоже, черти, не верят! – нахмурился на них лейтенант.

Бейсен посмотрел на солдат и порылся в бумажнике. Достал фотографию и подошел с ней к связистам:

– Вот!

Солдаты с интересом склонились над фотографией. Под тенистым деревом стоял пышно одетый Бейсен и обеими руками держал перед собой огромное яблоко.

– Яблоко? Ух ты! – охнул один из связистов. – Да эти яблоки ежели на вооружение принять, – братцы!

– Разрешите вопрос, товарищ помполит? – спросил второй.

– Слушаю, – ответил Бейсен.

– Это, вроде, в какой вы тут форме снимались?

– В форме председателя колхоза “Актал”...

– Та-ак...Поди обратно мечтаете?
– Да, к осеннему севу надо бы...
– Важно...
– Первого сентября учебный год начинается, – вклинился в разговор Сексек. – Мне четвертый курс консерватории надо кончать, а я тут – с гармошкой.
– Не считая танковой пушки, – поправил его Бейсен.
– Это-то да... Подумать – страна Бетховена, а я – композитор, можно сказать, сюда – с пушкой залез.
– Страна Бетховена останется страной Бетховена, – ответил ему Арман. – И ты здесь – и во имя Бетховена, в частности – со своей пушкой.
Он подошел к раненому лейтенанту:
– Боюсь, что огорчу вас, товарищ лейтенант: но в санбат вам отправляться придется... Как, товарищ медсестра?
Лейтенант бросил на Асию предупреждающий свирепый взгляд:
– Эх, товарищ майор, товарищ майор...
Позывные аппарата прервали этот благородный спор.
– “Бузина” слушает. Так... Есть передать трубку сорок второму. – Связист протянул трубку Арману.
– Сорок второй слушает...
Слушает и одновременно тянется к кожаному шлему.

* * *

– Товарищ гвардии генерал-лейтенант! По вашему приказанию майор Арман прибыл.
– Здравствуйте!.. Здравствуйте, товарищи!..
– Здравст... – отвечает шеренга армановских танкистов.
Выпавший ночью туман еще не разошелся... Верхушки елей, обступивших эту заснеженную опушку, розовеют от первых косых лучей занимающейся зари.
– Товарищи! – обращается генерал к танкистам, – мне выпала честь поздравить вас и передать вам очередной подарок патриотов нашей великой родины. Наша бригада получила колонну танков, построенных на средства трудящихся. Колхозники освобожденной Украины прислали нам новые могучие машины. Могучие имена

красуются на их боевых башнях: “Богдан Хмельницкий”, “Тарас Шевченко”...

(— и на речи генерала — силуэты машин, укрытых в лесу и — и перечисленные дальше имена на их башнях)

— ...”Гоголь”, “Щорс”, “Котовский”...

Одновременно сообщают вам, что соседняя Киевская дивизия получила колонну от ваших земляков — головной танк “Актал” и ряд машин, построенных на пожертвования женщин Казахстана...

Воодушевление и горделивая радость на лицах танкистов...

— ...и пусть это будет еще одним залогом нерушимого братства советских народов единою грудью — всюду и всегда — сокрушающих врага, залогом встречи в Берлине!.. Перед нами последние бои... Мы уже — на вражеской земле!..

На логово фашистского зверя — вперед!

Взревели моторы. Вот в люке “Хмельницкого” скрывается Арман; вот к “Щорсу” подходят Бейсен и Сексек; взвихрился снег под гусеницами, задрожали плавающие на солнце вершины елей, рокот плывет по лесу, он переходит в звуки победных фанфар, и танки, опаленные в походе, грозным бесконечным потоком проходят под Бранденбургскими воротами, рядом идут “Хмельницкий” и “Актал”.

Лицо Армана.

И — знамя победы над остовом Рейхстага.

VI часть

Красный флажок водружен на сооружении из детских цветных кубиков.

Растянувшись на ковре, Арман играет с сыном во “Взятие Рейхстага”.

Мальчик, подражая урчанию моторов, передвигает к “Рейхстагу” игрушечные танки и броневики.

— Вот ты на этом, папа, на этом! — увлеченно толкает он отца и показывает ему на головной танк.

— И на этом! И на этом! *(Машины скользят по узору ковра и на каждой — в воображении ребенка — его отец...)*

Арман подхватывает сына и перекатывается с ним по ковру, от чего сразу пострадал “Рейхстаг”... Оба хохочут.

Из-под дивана испуганно смотрит забившийся туда пес...

– Шайтан, вылезай! Вылезай!.. – кричит мальчик. – Ты еще должен капитулировать.

Пес, стелясь брюхом, неохотно выползает...

– Прошу Шайтана не обижать! – говорит Алуа, входя в комнату. – И вообще – довольно войны.

Арман оглянулся.

– Как? Уже?

– Половина двенадцатого... – Алуа застегивает перчатки и бегло поправляет волосы у зеркала.

Арман невольно залюбовался женой.

– А ты бы одевался, дорогой... Ведь если я тебя не увижу в зале... – она коротко и нежно прижалась лбом к плечу Армана.

– Волнуешься? – тихо спросил он.

Алуа отпрянула:

– Я?.. – и тут смугилась, – конечно, волнуюсь... – Она отвела взор и как бы по ходу мыслей – на ее губы на мгновение залегают суровые складочки... И снова свое, теплое выражение... Она бросилась к сыну, жадно обняла его.

– Сегодня у мамы диссертация? – важно отстранился мальчик. – Мама! Диссертация – вкусная?

Родители рассмеялись. Алуа быстро целует мужа.

– Ну... не опаздывай... и как следует завяжи галстук.
(Вытеснение.)

* * *

Просторный, светлый зал. За столом президиума члены ученого совета. Рядом с председательствующим – Сапар. Неподалеку – Нина, и где-то у края стола – угрюмо насупившийся профессор Мардан Есенов.

Зал полон. Много студенческой молодежи. Много военных. Вот группа актальских колхозниц, на груди Ахунбаевой – звезда Героя Социалистического Труда. Медаль Героя Советского Союза сверкает на легком девическом платье Асии.

Бейсен... Сексек... Арман...

Все слушают Алуу.

И ее чувства, напряженность смысла ее слов, ее состояние — передаются сюда, в зал, находят отклики в президиуме, горят на ее лице, звучат в голосе, оттеняются выразительной скупостью жестов...

(Поэтому фонограмма — речь Алуы — приводится далее целиком, без перебивки описательной раскадровкой.)

На трибуне стоит Алуу...

— ...Я перехожу к заключению. Может, это не в правилах защиты диссертации, может, я злоупотребляю вниманием ученого совета, но я не могу не сказать о том, как я работала над своей темой, что поднималось у меня на душе, что водило моей рукой...

Всеми мыслями я слилась со своей работой, всем своим существом, всем жаром сердца и велениями совести...

Передо мной вставало... Я увидела девочку-сироту на пороге байской юрты, вспомнила — и с содроганием ощутила — весь ужас надвигающейся на меня доли младшей жены феодала. Страшного удела, от которого меня спасла твердость и сила настоящих человеческих советских законов; я вспомнила дни Турксиба, зори счастья на колхозных просторах и ...ожог вражеской пули в груди...

В пятнадцать лет я взяла в руки букварь, добрая рука русской женщины направляла меня, забота и мудрость партии привели меня на эту трибуну... Что, кроме благодарности, сейчас у меня на сердце?..

Я вижу — профессор Есенов морщится, вижу, как он перебирает свои записи; я догадываюсь, что он хочет выступить и сказать о том, что, мол, работа заполнена лишь “огрызками фактов”, как он говорил мне когда-то, что в ней нет исторического охвата... Но задача ли историка — советского историка — подчинять себя безоговорочному любованию прошлым? — Нет!

Если охватывать что-то, с силой, со страстью, так это — будущее, ибо то, что нам дано историей, всем ходом революционной борьбы, всем величием настоящего, — устремлено в будущее и только в будущее.

Я писала работу во время войны. Мне помогли вынести ее из коварно убаюкивающей кабинетной тиши в гущу

жизни... Моими советниками были труженики тыла, меня вдохновляли герои фронта... Я видела своих сестер — тысячи и тысячи женщин — под палящим зноем, под осенними дождями, в зимнюю стужу, от зари до зари работающими на полях, видела героинь, по пять, по шесть смен не ухотивших с производства, и все — во имя победы...

К победе вели нас партия, товарищ Сталин, единая воля народов нашей страны во главе с великим русским народом. Что это? Огрызки фактов? Или, отмахнувшись от величия этих картин, я должна была умиленно склониться перед призрачным величием дворцов Ногайлинского ханства, перед журчанием фонтанов в садах Кыз-Жибек, перед кровавыми оргиями Бопай — сестры палача Кенесары? Мне противно было марать страницы о женщинах Советского Казахстана именами таких “героинь” и ханских наложниц... А к этому призывал меня профессор Есенов! Ядом коварных сравнений он побуждал написать свою работу, живописными выкрутасами вызвать сомнение, унижить наш труд, расслабить нашу волю...

Вам не удалось вырвать у меня мозги, профессор Есенов! Не удалось захлестнуть мое горло арканом из прошлого.

Война научила меня — войне! Но уже не на полях сражений. Я призываю к борьбе с тихими гнездами вражеских дум... Призываю покончить с лженаучным елеем, туманящим головы молодежи... призываю чутко прислушаться к журчанию речей, ибо борьба идет, назовем ее точно, — на фронте идеологии, — и мы не просмотрим и вашего буржуазного национализма и докопаемся до его корней, гражданин Есенов!

Ее лицо — молния.

* * *

Мощные аккорды фортепианного концерта с сопровождением оркестра вытесняют речь Алуы.

На фоне величественной музыки раскрываются просторы нив,

прохлада плодоносных садов,

тихие отары на альпийском взгорье,

горячий пробег табуна,
волны Балхаша,
льdistые горные отроги,
дымы Караганды,
бурлящая в тигле медь,
штабеля цинковых брусков,
панорама новостройки Усть-Каменогорской станции,
каскад Бухтарминской плотины...

...Музыка врывается в концертный зал — за роялем
солист во фраке, вдохновенное лицо Сексека,
его пальцы, бегающие по клавиатуре,
туше дирижера,
взлет смычков,
музыка, музыка эта — гимн Казахстану,
она здесь, в сверкающем турбинном зале,
у щитов — Арман,
ажурные мачты высоковольтной передачи,
электротрактор,
за рулем — Айбала,
Бейсен, проверяющий глубину вспашки,
электродойка,
лаборант Асия над пробами молока,
электрострижка овец,
Назарбек, принимающий шерсть у весов, —
и снова концертный зал —
напряженное, воодушевленное лицо Сексека,
виолончели,
медь инструментов —
звуки летят в бездонное голубое небо,
в воздухе трепещут белые голуби,
флаги наций над фронтоном,
голубь мира на щите за эстрадой президиума,
слово “мир” на всех языках на полотнищах в зале,
трибуна Конгресса — Фадеев говорит речь,
мощный пассажирский самолет в воздухе,
в кабине делегация советских женщин,
вот сидящие рядом Нина и Алуа,
с воздуха — панорама Пекина, аэродром,
посадка,
встречающие — женщины всех стран Востока,

и радость встречи советских делегатов — и конец концерта...

В зале лозунги, они написаны на русском, китайском, арабском, индийском, английском, корейском, вьетнамском, турецком языках.

“Да здравствует Первая конференция женщин Азии!”
Зал.

Алуа на трибуне. Вдохновенная речь:

— Мы здесь встречаемся как женщины огромного континента Азии. Встречаемся, как друзья, как сестры, как матери.

Нас свело желание обсудить вопросы женского движения в странах Востока, поделиться общим, устранить разногласия, чему-то научиться и что-то понять.

Каждая из нас взяла на себя огромную задачу говорить от лица миллионов женщин. Но разве судьба каждой из нас отделима от судьбы ее сына или мужа, брата или отца?

Отделимы ли мы от них? Можем ли мы, решая свои женские вопросы, забыть улыбку сына или ласку отца?

Чудовищная угроза войны перечеркивает нашу повестку!
Прислушайтесь!.. Вдумайтесь!..

К кому относятся страшные слова: “Мы поразим младенцев в их колыбелях и стариков за их молитвой!”?

К вам!

Это над колыбелью твоего сына, моя сестра из Ирана, занесена атомная бомба заокеанских палачей! Это над окровавленными седидами твоей матери, моя дорогая сестра из Турции, собирается поглумиться враг! Это в золото долларов перелита кровь твоего мужа, моя сестра из Японии! Ледяные штыки наемников чумных королей нацелены в грудь каждой из вас, мои сестры!..

Жажда новой мировой бойни обуяла ненасытные, еще пьяные от барышей недавней войны, косматые сердца империалистов Уолл-Стрита! Они в безумном бреде рисуют себе мировое господство! Они воображают мир необъятной колонией, плантацией, тюрьмой, каторгой, — где должен замереть всякий вздох, заглухнуть всякое слово, всякая мысль иссохнуть в мозгу!

Нет барьеров между нами! Поклоняясь любому богу и не поклоняясь никому, при разных обычаях, режимах и

языках, мы можем найти, мы нашли, мы знаем, что объединяет нас, что – выше любых разногласий...

Это – борьба за мир.

Слово “Мир” – это жизнь и трепет сердца!

Слово “Мир” – это мысль и совесть каждой из нас!

Слово “Мир” – это программа борьбы за все, что есть чистого и светлого на свете, за любовь, за счастье, за будущее.

Мир – это грозное оружие, перед которым уже трепещут и бесславно отступают мрачные силы войны.

Миру – мир!

Нет, – ответим мы палачам, – вы не поразите ни наших младенцев в их колыбелях, ни стариков за их молитвой!

Потому что наша Конференция женщин Азии, уже историческая сама по себе, не может не заслужить удивления современников, не может не вызвать благодарного воспоминания в будущем. Потому что здесь мы сказали:

– Миру – мир!

К о н е ц

ЕЕ ДОЛЯ

Киносценарий

І часть

С непогожей, ураганной, бурной ночи начинается этот фильм. Над окрестной степью, над юртами раскинувшегося на живописном холме аула, полыхают мятежные огни беспрерывных молний. Бушует шквальный ветер с ливнем. Тревожной музыкой звучат то замирающие вдали, то нарастающие грозовые раскаты.

В смятении мечутся вокруг аула табун рогатого скота, отары овец, конские косяки.

Мы видим старого бая Дулата и его молодого сына Догала. Тепло одетые, подтянутые, возбужденные, они мечутся среди своих оборванных пастухов, среди одетых в жалкие отрепья женщин и подростков и, гневно размахивая кистенями, что-то кричат.

И вот в кадр врывается тысячный табун великолепных, одичавших на вольном подножном корму коней. Это конская лавина мчится прямо на зрителей. Рослый, богатырски сложенный джигит Сатай, размахивая соилом, летит вслед за конской лавиной.

Спешившись со своего рослого коня, Сатай входит в юрту.

В слабо освещенной догорающим очагом жалкой хижине Сатая встречает его старая мать Жанат и шестилетняя дочка Алуа.

Усталый, промокший и продрогший, Сатай привлекает к себе свою маленькую дочку и, лаская ее, говорит:

— Почему ты не спишь, моя крошка?

— А я ждала тебя, папа, — отвечает отцу девочка.

— Тебе пора давно спать, давно пора, моя радость, — говорит, нежно целуя девочку, Сатай.

— Прямо беда мне с ней, да и только, — с ласковой укоризной поглядывая на внучку, говорит старая Жанат. — Глаз не сомкнет, пока не дождетя тебя.

Сатай, бережно уложив девочку в постель, снимает с себя промокшую верхнюю одежду, с тревогой прислушиваясь к шуму на улице. Там, за стенками ветхой юрты, звучит гневный голос бая Дулата:

– Эй, бездельник Сатай! Где ты пропал? Выходи сейчас же на улицу!

– Чего они всполошились? – спрашивает сына старая мать.

– Ах, не спрашивай, матушка! – говорит Сатай. – Это старая песня. Опять не поделили они своего богатства с баем Отарбаем. Снова прежний раздор, вражда, барымта. Ты ведь знаешь, что недавно джигиты Догала угнали табун лошадей из косяков Отарбая. А сегодня, похоже, пришел и для нашего бая час расплаты. Говорят, что двое братьев-разбойников Кулан и Булан готовят набег на табуны Дулата.

И в это мгновение в настежь распахнутых дверях юрты показывается старый Дулат. Лицо его искажено злобой.

– Как ты смеешь здесь прохлаждаться, бездельник, когда нависла над нами такая беда? Вон на улице! – кричит Дулат.

– Что случилось? – в недоумении спрашивает Сатай.

– Он еще спрашивает – что случилось?! Разве тебе неизвестно, что нас уже окружили враги?

– Какие враги?.. Пожалей, Дулат, человека. Целые сутки он не сомкнул глаз. Посмотри, как промок и продрог он за ночь, – кивая на сына, робко вступает за него старая Жанат.

– Молчи, старая ведьма, – грозно прикрикивает на нее Дулат. И к Сатаю: – А ну живей на коня!

З а т е м н е н и е .

И снова мчится на нас лавина коней. С диким воем и гиканьем летят, привставши на стременах, джигиты за отбитым косяком лошадей. Это барымтачи – конокрады. Привычно и ловко орудуя своими соилами, джигиты гонят косяк прочь от аула. Среди всадников бросаются в глаза снятые крупным планом двое рослых, свирепых на вид, необычайно проворных и ловких всадников. Это знаменитые на всю степную округу барымтачи – братья-

разбойники Кулан и Булан. Как главари разбойничьей шайки, они мечутся среди своих джигитов, подобно командирам, охваченным азартом боя.

Все дальше и дальше уходит в глубинную степь косяк похищенных лошадей. А следом за барымтачами летит вихрем погоня. Десяток джигитов, возглавляемых Сатаем, настигает барымтачей. И вот, на скаку, на полном карьере, завязывается рукопашная схватка. В воздухе мелькают кистени и соилы. Кони под всадниками встают на дыбы. Звучат воинственные вопли и грозные крики.

Мгновение, и Сатай, окруженный противниками, кажется, падает сию секунду под метким ударом занесенного над его головой кистеня. Но увернувшись из-под смертельного удара Кулана, Сатай с артистической ловкостью выбивает своим соилом противника из седла. Но тут же грохнул выстрел Булана. Всплеснув руками, как крыльями, Сатай в свою очередь падает, подобно подстреленной птице, на землю. Однако один из джигитов Сатая валит ударом соила на землю Булана.

З а т е м н е н и е .

Буря стихает. Над степью занимается неяркий, ранний рассвет.

Старая Жанат со своей маленькой внучкой стоит вблизи ветхой юрты, напряженно прислушиваясь к замирающему вдали конскому топоту, глухим воинственным воплям и редким выстрелам. На лицах бабушки и внучки тревога. Губы маленькой Алуы, вздрагивая, шепчут одно и то же:

— Папа! Мой папа!

И в кадре — сраженные наповал Кулан с Буланом. Широко разбросив руки, они навзничь лежат неподалеку один от другого, среди истоптанной, побитой конскими копытами степной травы. Ни признака жизни на их окаменевших, искаженных предсмертной судорогой лицах и в их полуоткрытых, остекленевших глазах. И тут же, почти рядом с ними мы видим окровавленного, тяжело раненного, неподвижного Сатая. Белый, как кипень, жеребец стоит вблизи своего поверженного седока. Скорбно опустив свою красивую, словно выточенную из слоновой кости голову, конь тревожно и нежно обхаживает

ноздрями лицо Сатая. А потом, высоко задрав голову, пронзительно ржет в степь.

И снова мы видим знакомую нам лачугу Сатая, в которой печаль нищеты и убожества лежит на всем — на нехитрой утвари и на лохмотьях постели, на которой лежит умирающий Сатай. Скорбно поникнув, роняя жаркие слезы, сидит у изголовья сына его престарелая мать. Уронив голову на грудь отца, безутешно рыдает его маленькая дочка. И Сатай, с трудом шевеля спекшимися от крови губами, шепчет:

— Конеч... конец... Я сегодня умру... И это понимаю... Как же вы останетесь без меня, родные мои, у чужого порога? Кто пощадит, кто пожалеет, кто защитит вас от этих степных волков?

Вдруг, порывисто приподнявшись на локтях, Сатай останавливает свой блуждающий взгляд на неподвижно стоящем в дверях юрты подростке Сексеке, и подобие неясной, печальной улыбки на мгновение возникает на дрогнувших губах умирающего.

— Вот единственный ваш сородич, на которого вы и можете положиться, — говорит слабым голосом Сатай, и вновь бессильно валится на свое смертное ложе.

— Если ты уходишь от нас, Сатай, то и меня не считай за живого. Ведь я такой же сирота, как и твоя Алуа, — чуть слышно говорит Сексек. И глухие, сдержанные рыдания его начинают звучать все порывистее и громче.

Печаль смерти ложится на судорожно подрагивающее лицо Сатая. В широко раскрытых его глазах, раскаленных агонией предсмертного бреда, на мгновение возникает картина минувшего боя с барымтачами. Он вновь увидел себя в момент смертельной решительной схватки с Буланом. Искривленное злобой лицо противника вдруг превращается в волчью морду, с хищным оскалом лязгающих клыков. Но нет, это, кажется, вовсе не волк, а молодой Догал пытается задушить Сатая, вцепившись своими железными пальцами в его горло. И Сатай, сделав судорожное движение, теряет последние проблески сознания. Дрогнув всем телом, он вытягивается и полузакрывает глаза.

Поняв, что все кончено, старая Жанат медленно поднимается над изголовьем умершего сына и долго

стоит потом в неподвижной скорбной позе, страдальчески прищуриив залитые жаркими слезами старческие глаза.

Маленькая Алуа, испуганно вглядываясь в неподвижное, обострившееся лицо отца, тихо зовет его:

– Папа! Папа!

– Не тревожь его, светик мой. Он крепко заснул. Его теперь не разбудишь, – чуть слышно говорит старая Жанат.

И Алуа, скорее почувствовав, чем поняв роковой смысл слов бабушки, бессильно роняет свою обрамленную горем детскую голову на грудь мертвого отца, заливаясь беззвучным, безутешным плачем.

Невеселая, неуютная, безлюдная степь раскрывается на экране. Непогожий, хмурый осенний вечер догорает над степью. И мы видим шестилетнюю Алуу рядом с подростком Сексеком. Оба босые, оба едва прикрытые лохмотьями, уныло стоят они над свежим могильным холмом в долгом, скорбном молчании.

– Теперь мы остались совсем одни. Нет у нас с тобой ни твоего отца, ни твоей бабушки, – чуть слышно произносит Сексек.

– Нет у меня ни папы, ни бабушки. Никого на свете! Одни! Одни... – тупо повторяет маленькая Алуа.

И дети, взявшись за руки, покидают дорогую могилу.словно слепые, медленно бредут они по степи, не зная куда и зачем. Нерешительно, осторожно, с оглядками, приближаются они к байскому аулу, где пылают в земляных очагах жаркие костры, где царит всеобщее веселое оживление. Нарядно одетые женщины суетливо хлопочут возле огромных котлов, наполненных варящимся свежим мясом. Красивые, сытые, озорные кони, под дорогими седлами, нетерпеливо крутятся у коновязей. Как заводные крутятся вокруг байских юрт многочисленные проворные слуги и расторопные служанки. А в огромной, роскошно убранной дорогими коврами, шелковыми пологами и узорчатыми кошмами юрте молодого бая Догала тесно от гостей. Здесь собрались самые знатные, самые богатые и влиятельные люди рода. Малоподвижные, оплывшие от жира баи, тупо поглядывают ленивыми глазами на своих не менее полных и холеных жен.

И маленькая Алуа, остановившись в распахнутых дверях байской юрты, замирает от изумления и робости.

Пораженная роскошным убранством юрты, ослепленная блеском позументов на женских камзолах, девочка стоит в дверях, пугливо поглядывая на все это своими широко раскрытыми, блестящими от невыплаканных слез глазами.

Первым Алуу заметил байский сын Мардан. Стройный и гибкий, в новеньком гимназическом мундирчике, Мардан, полулежа в кровати, забавлялся со своей красивой невестой, пуская ей в лицо кольца папиросного дыма. Заметив в дверях оборвыша, Мардан, брезгливо поморщившись, проговорил:

– Это еще что тут за невидаль?

– У меня бабушка умерла, – проговорила сквозь слезы Алуа.

– Вот ведь, подумаешь, какое горе, – бабушка умерла! Бывает, что умирают люди и помоложе, – сказал с ехидной усмешкой Мардан.

И, вскочив с кровати, Мардан бесцеремонно вытолкнул из юрты плачущую девочку.

– Пошла вон! Не мешай порядочным людям, – крикнул ей вслед Мардан под одобрительные возгласы и смех гостей.

И Алуа побрела в сопровождении Сексека к своей опустевшей, едва прикрытой ветхим войлоком, юрте. Совсем неуютно и холодно стало теперь в этой покинутой и отцом, и бабушкой Алуы хижине.

Как затравленный маленький звереныш, Алуа присаживается в уголке, тупо поглядывая на хлопотавшего у погасшего очага Сексека. И совсем несвойственное детскому возрасту выражение отчаяния и тоски, скорби и гнева запечатлелось в эту минуту нам, зрителям, на лице маленькой сироты.

II часть

По цифрам, вспыхнувшим на экране, мы узнаем, что шел 1926-й год. И мы видим повзрослевшую, тревожно похорошевшую Алуу. Перед нами пятнадцатилетний подросток, в котором уже угадываются признаки еще не

раскрывшегося обаяния, еще не определившейся прелести. Ветхий ее камзол и рваное платье не только не умаляют, а, наоборот, как бы подчеркивают ее очарование.

Полураскрытая узорной ширмой из чия, Алуа, неясно улыбаясь чему-то, крутит рукоятку большой маслобойки. Утомленная и печальная, изнуренная непосильным трудом, она выглядит в эти минуты еще милее и краше, и нельзя не заметить ее слабо озаренного улыбкой лица.

Вот в это мгновение и появляются в юрте богато разодетые, возбужденные, шумные и веселые гости бая Догала. Среди них выделяется щегольски одетый, стройный, высокий джигит Сеит. Бросив беглый взгляд на мелькнувшую за ширмой Алуу, Сеит многозначительно крикает. Бесцеремонно указывая пальцем на Алуу, Сеит что-то шепчет своему соседу, непомерно толстому бородачу Жакену.

Чинно рассевшись по почетным местам, гости в ожидании обильного угощения затевают между собой ленивый, несложный разговор. Алуа, по приказанию старшей байской жены, выходит из-за ширмы с кувшином и медным тазиком в руках. Поочередно переходя от одного гостя к другому, она льет из кувшина в холеные байские ладони струйки воды, и гости, омывая руки, сладострастно заглядывают в лицо девушки. Один из баев – Сартай, ткнув локтем соседа Байыра, что-то шепчет ему на ухо, кивнув в сторону Алуы; заперешептывались, искоса поглядывая на Алуу, и все остальные гости.

– Мирза Догал, откуда взялась в твоей юрте такая красавица? – спросил Сартай, обращаясь к хозяину.

– Это дочь давно погибшего моего табунщика. Сейчас работает у меня служанкой, – небрежно ответил на это Догал.

Но Сартай, сделав сластолюбивую мину, горячо проговорил, склоняясь к Догалу:

– Неужели ты не видишь, дорогой мой Догал, как она соблазнительна. Если бы сменить ей эти лохмотья на достойный камзол, да взять бы ее не служанкой, а хозяйкой в белую юрту!

– Как широко размахнулся! – воскликнул один из гостей.

– У Сартая глаз острый, далеко видит, – поддержал со смехом другой.

И разговор гостей вокруг Алуы с каждой минутой обретал все более оживленный характер.

– Как ее имя?

– Алуа.

– Алуа! Алуа! Имя достойно этой красавицы.

– Таковую носить только бы на руках. Всем джигитам на зависть. Как спелая ягода – во рту тает.

Услышав свое имя, Алуа испуганно озирается. Зная нелегкую свою изнурительную работу, она косится на этих самодовольных, жирных, потных людей, и красивое лицо ее обретает в эти минуты выражение глухого презрения к ним, настороженности, испуга.

– Таковую холить бы в белой юрте, как редкого птенчика...

Смущенная, напуганная всеобщим вниманием девушка продолжала хлопотать по юрте, обслуживая знатных гостей.

Сеит, поглаживая холеные усы, говорит:

– Все зависит от воли нашего дорогого Догала. Разве он поспеет отдать служанку любому из нас во вторые или третьи жены?

– Конечно, не поспеет, – горячо подхватил Сартай.

– Как сказать... – уклончиво откликается Догал.

При этих словах Догала Алуа испуганно вскакивает и, смятенно оглядевшись вокруг, снова садится. В позе ее, в выражении лица – готовность бежать отсюда, от этих людей. Но вся она словно скована в эти минуты робостью и покорностью перед ними.

– А если я попрошу? Ты и мне уступишь? – не без тревоги спрашивает Сартай.

– А зачем же тебе уступать, когда я сам могу взять ее в младшие жены? Выходит, я выхолил эту лисичку для дяди? – заметил в ответ Сартаю Догал.

И слова Догала потонули во взрыве наглого хохота знатных гостей. Обескураженная, возмущенная, перепуганная девушка пыталась скрыться за ширмой, но властный, повелительный голос старшей байской жены заставил ее вновь вернуться к нелегкому делу – обслуживанию гостей.

Старший из гостей заметил:

– Хороший базар мы открыли из-за этой девчонки. Да вот беда, об одном забыли – про советскую власть.

– А при чем тут советская власть? – заносчиво и встревоженно проговорил Догал.

– Не старые времена. Без спросу у нынешней власти такого торга в степи не откроешь, – вставил со вздохом один из баев.

Скрывшаяся за ширмой Алуа, настожившись, прислушивалась к этому новому обороту разговора. И на просветлевшем лице ее на мгновение вспыхнула улыбка радости и надежды.

Сартай, ткнув локтем Догала, с усмешкой сказал:

– Оказывается, и из твоих рук выпорхнет эта птичка.

Оживленный разговор гостей смолк, когда в дверях юрты появился довольно красивый, рослый юноша с зачесанными назад волосами. Это был Жаппар. Шумно приветствуя появление Жаппара, гости наперебой заговорили:

– Вот кстати! Ты сейчас и рассудишь наш спор.

– Правильно! Ты – представитель власти.

– Скажи, разрешит ли нам власть иметь вторых или третьих жен?

Не спеша усевшись, по приглашению хозяина, на отведенное для нового гостя почетное место, Жаппар, немного помедлив, сказал:

– Удивительное дело! Все вы как будто вчера только родились. Что советская власть против калыма и насилия – это факт.

– При чем тут насилие? Может быть, все будет улажено по доброй воле. А ну-ка, позвать к нам сюда Сексека, – распорядился Догал.

Недоуменно переглянувшись друг с другом, гости умолкли. Притихла за ширмой настожившаяся, встревоженная Алуа. И расторопный слуга тотчас же ввел в юрту растерянно озирающегося, жалкого на вид, изможденного и пришибленного Сексека.

– Садись, – коротко приказал Сексеку Догал.

Послушно опустившись вблизи порога на корточки, Сексек принял из рук служанки пиалу с кумысом и, не

решаясь пригубить ее, замер. Он не понимал — к добру или к худу пригласили его в байскую юрту.

— Ну, Сексек, на этот раз большой разговор у меня с тобой, — сказал Догал, отставляя в сторону пиалу с недопитым кумысом. — Как видишь, сестра твоя Алуа стала уже невестой. Неплохая невеста. А кто ее вырастил — это ты знаешь? Ведь только по моей милости вы остались в живых и не разбрелись по белому свету. Правильно я говорю?

— Золотые слова!

— Это всем известно... — поддержало его несколько баев.

— Так вот, Сексек, — продолжал полухмельной Догал. — Я позвал тебя за тем, чтобы спросить твоего согласия. Ты сел под порогом сейчас моим батраком, а подняться можешь моим родичем — шурином.

Смущенный и озадаченный Сексек не находил слов для ответа. Он не знал, что делать со своей пиалой, наполненной кумысом, и то брал в руки, то снова ставил на землю. А гости, нагло улыбаясь, наперебой, не то всерьез, не то издевательски, приветствовали Сексека.

— О, какое счастье, Сексек, выпало на твою долю!

— Да будет святым ваше сватовство!

— Еще неизвестно, кто счастливее из вас — ты ли, Догал, или ты, Сексек.

— Чего ж ты молчишь? Не томи! Скажи свое веское слово.

Но Сексек, поникнув, молчал. Наконец, перебросившись тревожным, взаимно понимающим взглядом с притихшей за ширмой сестрой, Сексек глухо проговорил, обращаясь к Догалу:

— Мирза, меня нет в этом разговоре.

Все притихли.

Побагровевший, охмелевший от кумыса Догал грозно спросил:

— Как ты сказал?

— Я сказал, что меня нет в этом разговоре, — повторил Сексек.

— Говори прямее, — повысил голос Догал.

— Если ты хочешь взять в третьи жены мою сестру, то тебе придется об этом спросить согласия у нее, а не у меня.

— Я спрашиваю об этом тебя, как старшего ее брата. Ведь ты заменяешь отца этой девушке.

— Все это так, мирза. Но я не могу распоряжаться волей сестры, — сказал Сексек, решительно отставляя от себя непригубленную пиалу с кумысом.

Глухой ропот прошел среди запереглядывавшихся гостей. И Сексек, стремительно поднявшись с места, решительно направился было к выходу. Тогда Догал бросился вслед за Сексеком, грубо схватил его за плечо, прикрикнул:

— Как ты смеешь говорить мне такое, собака! Ни с места!

Сексек попытался движением руки отстранить от себя рассвирепевшего бая. Но в это мгновение на него набросились повскакившие с мест гости, и в воздухе замелькали увесистые жирные байские кулаки. А через мгновение сбитый с ног Сексек валялся уже на полу, и осатаневшие от ярости, одуревшие от хмельного кумыса баи не скупилась на удары и пинки, щедро награждая ими непокорного батрака.

З а т е м н е н и е.

На экране та же убогая юрта, в которой мы видим в начале фильма маленькую Алуу у постели умирающего отца. И вот мы снова видим ее. Печально поникнув, сидит она, скрестив свои тонкие смуглые руки на коленях, не глядя на окружающих ее нарядных байских женщин. Одна из этих дородных, брезгливо улыбающихся, надменных баб, укладывает перед ногами Алуа дорогие наряды: расшитый позументом бархатный камзол, бордовую юбку с пышными сборками, изящную шапочку из алого бархата, отороченную лисьим мехом. Толпясь вокруг Алуы, женщины наперебой, слащаво уговаривают ее:

— Ты только подумай, какое выпало на твою долю счастье!

— Еще бы!

— Я бы не только в третьи, в седьмые жены пошла за Догала. Посмотри, какие наряды, какой камзол!

Но Алуу, решительно отстраняя от себя подарки, упрямо твердит:

– Ничего мне не надо. Ничего не хочу. Ничего! Вы слышите! Не пойду я за него. Не пойду! Не согласна!

И вдруг женщины, набросившись на метнувшуюся в сторону девушку, мигом содрали с нее ее ветхий камзол с таким же заношенным ветхим платьем и в одно мгновение силой напялили на Алуу дорогие байские наряды. Затем, скрутив назад руки обессиленной девушки, женщины окружили ее и теперь уже властно и грозно кричали наперебой:

– Теперь все! Теперь ты законная невеста Догала.

– От нас не уйдешь!

– Не с такими справлялись!

– Не брыкайся, моя дорогая. Вечером мы отведем тебя в юрту Догала.

И ветхую лачугу Алуы на экране сменяет просторная, богато убранная, новая юрта бая Догала. Мы видим украшенную костяной инкрустацией байскую брачную кровать с шелковым пологом, и стены юрты, увешанные коврами, и пол, застланный ослепительно белым, расшитым казахским орнаментом войлоком. Взволнованной, нервной походкой расхаживает по этой юрте Догал.

– Ну, что? – спрашивает он появившуюся в дверях юрты дородную бабу, которую мы видели в лачуге Алуы.

– Да будет удачлива твоя птица! – произнесла обычное приветствие по случаю брака женщина, подобострастно улыбаясь Догалу. – Недаром говорится, что достойного и под овчиной узнаешь. Так и твои глаза, дорогой, угадали красоту под лохмотьями. Подумать только, какое счастье выпало на долю этой нищей и сироты! Ты бы только посмотрел, как хороша она в новых твоих нарядах!

Самодовольно улыбаясь, сладострастно потирая холеные руки, Догал кивает свахе и одаряет ее деньгами. Затем они выходят из юрты. Догал продолжает улыбаться, кивая шумно приветствующим его, съехавшимся на свадьбу гостям. В ауле царит всеобщее оживление. Мелькают красочные наряды девичьих камзолов. Ветер играет крыльями ослепительно белых джаулыков – женских головных уборов. Звонят струны домбры. Звонят веселые, прославляющие красоту новой байской жены песни джигитов.

А в жалкую лачугу Алуы входит усталый и как прежде оборванный Сексек. Увидев нарядную Алуу, Сексек замирает на месте. Она так хороша, что он не сразу узнал ее в этом непривычном для него роскошном убранстве. Вскинув на Сексека свои тревожно блестящие от слез глаза, Алуа почти крикнула:

– Нет, не быть этому! Не пойду за него! Не пойду за убийцу моего отца! Лучше умру, – повторила Алуа, в смятении озираясь вокруг.

И вдруг, сорвав со стены жель-бау – аркан, скреплявший верхнюю часть юрты, девушка стремительным движением рук превратила аркан в петлю и накинула ее на шею.

Сексек с криком отчаяния бросился к Алуе. Ему не сразу удалось вырвать из ее цепких рук веревку. Наконец, он, изловчившись, перерезал аркан перочинным ножом.

И Алуа беспомощно повалилась навзничь. Подхватив ее на руки, Сексек бережно уложил девушку в постель. Опустившись на колени перед сестрой, он стал горячо говорить ей на ухо:

– Ты только слушай меня, ты только слушай... У меня есть добрая весть для тебя. Сейчас я встретил в степи джигита. Ты знаешь, это такой джигит, такой джигит... Ему можно верить. Он сказал, что спасет тебя.

И Алуа, встрепенувшись от этих слов, вдруг оживилась и не менее горячо, чем Сексек, спросила:

– Кто спасет? Рассказывай... Скорей рассказывай все, Сексек.

– Успокойся, моя дорогая. Успокойся, все расскажу, – говорит, не в силах совладать со своим волнением, Сексек, нежно и ласково глядя сестру по взбитым и нежным ее волосам.

З а т е м н е н и е.

И снова безбрежная, бескрайняя степь. Мирно пасется вдали табун верблюдов. И Сексек, полулежа на горбу своего верблюда, наигрывает на сыбызге, напоминающей флейту, печальную мелодию. Светлые и прозрачные, как родник, звуки ее журчат и звенят под высоким, безмятежно покойным, светлым и чистым небом.

И трое пастухов – Назарбек, Бейсен и Оспан, едущих на волах, прислушиваются к скорбному зову далекой флейты.

– Это рыдает не сыбызга, а родная сестра Сексека, – говорит Бейсен.

Пастухи, торопливо подгоняя волов, подъезжают к Сексеку. Не замечая их, он продолжает игру на сыбызге. Дослушав мелодию, Оспан сказал, обращаясь к Сексеку:

– До каких пор мы будем терпеть произвол? Я не слышу ответа на этот вопрос в твоей песне.

– Я не знаю, друзья. Ничего не знаю. Посоветуйте, как мне быть с нашим горем.

– Совет тут один, как один у нас с вами есть защитник – советская власть, – сказал Бейсен.

– Советская власть? А какое ей дело до Алуы? – спрашивает Сексек.

– Говорят, это ее прямое дело. Ведь это власть бедняков и обиженных. За кого же ей заступиться, как не за сирот?

– Все это правильно. Но как бы не обогнал нас на своем коне Догал. У него к этой власти есть свои прямые дороги. Нет, не так просто вырваться из крепкой петли Догала. Только зря страдаешь, Сексек, – сказал Назарбек.

– Э, брось ты хитрить, пригибать к земле горбом верблюда, или ты думаешь, все такие, как ты, байские лизоблюды?! Нет, все батраки, говорят, поднимают головы, и советская власть помогает им получать должное за свою каторжную работу. И Сексека ты с правильного пути не сбивай, – говорит Назарбеку с раздражением Бейсен.

– Нет, вижу я, вы тут плохие помощники в моем горе, – грустно вздохнув, проговорил Сексек.

– Если мы тебе не помощники, тогда потолкуй вон с тем джигитом, – сказал Оспан, указывая в сторону возникшего на коне верхового джигита.

– Кто он такой? – спросил Сексек.

– Это – Жаппар. Он работает в одной из советских канцелярий. Потолкуй с ним. Польза будет.

И пастухи, повернув волов, поехали прочь от Сексека. Между тем Сексек, не спуская глаз с медленно приближающегося к нему всадника, вновь приставил к губам

сыбызгу, и прозрачные звуки печальной мелодии снова полились, журча и звеня ручейком над степью.

Прислушиваясь к рыданием сыбызги, всадник медленно приближается к Сексеку. Наконец, осадив коня, он спрашивает Сексека:

– Что эта за мелодия?

– Это кюй Алуа – прощальная песня моей сестры, – отвечает Сексек.

– Алуа?! Это правда, что она дала согласие стать третьей женой Догала?

– Вся беда в том, что согласия ее не спрашивали...

– Значит, он берет ее силой?

– Выходит так.

– Вот что, дружок, – оживившись, вполголоса заговорил Жаппар. – Ты смотри, чтобы наш разговор был только между нами. Видишь эти далекие холмы? За ними лежит урочище Сары-Булак. Там, в большом ауле, есть советский суд. Ты когда-нибудь слышал об этом?

– Слышать-то слышал...

– Ну так вот, забирай сегодня же ночью свою сестру и скачи с ней туда.

И Жаппар, круто повернув своего коня, тотчас же поскакал прочь от Сексека.

З а т е м н е н и е.

Лунная ночь. Между мирно лежащими верблюдами воровски крадутся, взявшись за руки, Сексек и Алуа.

Подкравшись к одному из лежащих верблюдов, Сексек, пригнувшись, шепчет спутнице:

– Да нагнись, нагнись еще ниже...

– Что толку мне нагибаться. Ведь верблюда все равно видно в степи. Как высокую гору, – нерешительно возражает Алуа.

– Эх, ты, бестолочь у меня какая! Дело не в верблюде, а в нас с тобой. Важно, чтоб нас не заметили... – говорит тревожным шепотом Сексек.

И, усадив девушку на верблюда, Сексек сам садится рядом с нею.

Покорный воле своих седоков, верблюды медленно поднимаются под ними и сначала неторопливо, а затем

ускоряющимся, переходящим в ровную рысь шагом, трогается в путь. Все стремительнее и все дальше удаляются беглецы от аула. И, наконец, скрываются в лунной полумгле.

А в это мгновение в ауле бая Догала возникает переполох. Обнаружив пустую лачугу Алуы, в смятении мечутся вокруг нее мужчины и женщины.

Догал, ослепленный яростью, бросается с плетью на дородную старшую свою жену:

– Признавайся, куда спрятала ты ее, старая ведьма?

Но старшая жена, презрительно улыбаясь, говорит:

– Худо стали присматривать твои глаза за молодыми красавицами...

Взбешенный Догал мечется среди окруживших его пастухов, слуг и соседей. Потрясая в бессильной злобе своими кулаками, он неистово кричит:

– Все ли кони целы?

– Ни одного коня не пропало.

– Значит, она хоронится где-нибудь здесь.

– Все возможно... – уклончиво отвечает один из слуг.

– Чего же вы стоите? Ищите ее! Подать ее мне живой или мертвой! Из земли вырыть! – задыхаясь от гнева, кричит Догал.

И многочисленные слуги его, пастухи и соседи врассыпную бросаются по аулу в поисках исчезнувшей Алуы.

Над степью встает светлое погожее утро. Со всех сторон скачут к аулу Догала на холеных, злых рысках богато одетые всадники – баи, муллы, хаджи. Спешиваясь на ходу со взмыленных своих коней, всадники входят в большую байскую юрту, усаживаясь полукругом на узорчатом войлоке. Не умолкая, звучит гневный ропот степных воротил:

– До чего мы дожили? У нас похищают жен, разоряют семьи.

– Позор! Позор!

– И все это делается при потворстве новых властей.

– А ты думал как? Во всем виноваты советские судьи и следователи.

– Неправда, мы на них управу тоже найдем.

– Сидеть сложа руки нам нечего. Надо сейчас же сказать в сторону Черных холмов, – крикнул один из баев.

И вот целая кавалькада вооруженных соилами, шок-парами, кистенями всадников ринулась от аула Догала в сторону Черных холмов.

А между тем Алуа и Сексек, благополучно добравшись до резиденции волостных советских учреждений, находились уже под кровлей белой юрты с красным флагом, где размещался народный суд. Робко и нерешительно перешагнули они порог этой юрты. Приветливо, как давно знакомых, встретил их старый джигит в одежде европейского покроя — следователь Сапар. С трудом уговорил он смущенную, растерянно озирающуюся Алуу присесть на услужливо поданный ей стул. И когда девушка несколько успокоилась, пришла в себя, Сапар сказал:

— Мне уже все известно о вас, дорогая моя. Я знаю историю вашего бегства. Вы правильно сделали, что пришли искать защиты у нас. Здесь — надежное место.

Смущенная Алуа, закрывая лицо ладонями, тихо говорит сквозь жаркие слезы:

— О, ага, я так боюсь, так боюсь его...

И Сапар, подсев к девушке, старался успокоить ее, продолжает разговор в участливо-мягком тоне:

— Чего и кого ты боишься? Расскажи все. Ты правда была просватана?

— Нет. Он хотел взять меня силой. Я у него с шести лет служила рабыней. Отец погиб от пули, когда пас его табун... Да, он хотел взять меня в третьи жены. И вот я бежала. Бежала к вам, к советской власти... Скажите, это вы — советская власть?

— Да, я один из людей этой власти, — мягко улыбаясь, отвечает Сапар.

Алуа недоверчиво, с мольбой и надеждой смотрит на Сапара ярко блестящими от слез глазами.

— Это правда, ага? — говорит она, и смеясь, и плача.

Сапар, нежно глядя волосы девушки, говорит:

— Разумеется, правда. Постараемся защитить. Это наш долг. Я убежден, что бай Догал не оставит вас в покое. Но если вы скажете, что не желаете стать его третьей женой, он будет бессилён пойти против вашей воли. Пойдемте, я провожу вас в красную юрту.

– Прошу вас пожаловать за мной, – сказал, обращаясь к Алуе и Сексеку, появившийся в дверях юрты Жаппар.

И Алуа с Сексеком перешли от следователя в сопровождении Жаппара в красную юрту. На улице к ним присоединилась группа любопытствующих. Оживленно переговариваясь между собой, восхищаясь красотой Алуы, толпа проводила беглецов до красной юрты.

В этой новой, более просторной и более богато убранной юрте Алуу и Сексека встретила стройная, красивая русская девушка с золотистыми косами и огромными голубыми глазами. Приветливо улыбаясь Алуе, русская девушка протянула ей свою длинную узкую руку.

– Меня зовут Ниной. А вас Алуой? О вас я уже знаю. Вы молодец, что не пошли на позор. Правильно сделали, что не пошли в рабыни к этому старому дураку. Не бойтесь, моя дорогая. Здесь вы в безопасности. Мы сумеем защитить вашу честь.

– О, если бы вы знали, как я боюсь Догала! Ведь он богатый и сильный, – по-прежнему тревожно оглядываясь по сторонам, говорит Алуа.

– Успокойтесь, мой друг. Бай Догал проявлял свою силу и власть только перед одинокими бедняками. Но нас он не напугает.

– Выходит, что Догал не хозяин нам? – недоверчиво спрашивает Сексек.

– Не он, а вы хозяева в этой степи, – отвечает с улыбкой Нина.

– Мы с Сексеком хозяева? – изумленно вглядываясь в лицо русской девушки, спрашивает Алуа.

– Да, да, все мы с вами – подлинные хозяева этой земли. Вот видите этот портрет? Это – Ленин. Это он сказал, что у нас каждая кухарка должна научиться управлять государством.

– Целым государством?! – восклицает Алуа.

– Да, мой друг, целым государством. Придет время, и ты вот такой, как Саруар, будешь, – говорит Нина, привлекая к себе за плечи рядом стоящую с ней казахскую девушку-учительницу.

Все тесней и тесней становится в юрте от людей. Здесь собрались и пожилые женщины, и молодые девушки, и

старые люди, и разбитные джигиты. Все, уже зная историю бегства Алуы с Сексеком, проявляют горячее участие к их судьбе, одобрительно отзываясь в своих восклицаниях о их поступке. Окружив Алуу и Сексека, люди оживленно разговаривают, перебивая друг друга:

– Видать, эта бедная девушка тоже приехала сюда за свободой.

– Не от хорошей жизни бежала.

– Да, девушка хороша, но джигит у нее еще лучше...

Кто-то иронически замечает:

– Бежала от лысого к плешивому... Что толку от такого ублюдка?!

Сексек добродушно смеется в ответ.

Вновь раздалось голоса и насмешки по адресу Сексека.

– Послушайте, этот какой-то полоумный! Чего он зубы скалит не к месту?

– Если уж на такого пал ее выбор, то какой же был у нее первый.

– Бросьте судачить, девушка все же красива.

Тронутые доброжелательством этих людей и их непритворным участием, беглецы чувствуют себя в этой юрте как дома. С Алуой и Сексеком начинают мало-помалу перешучиваться джигиты и девушки. Один из байских джигитов ловко извлек из-за голенища Сексека заветную его сыбызгу и с удивлением воскликнул:

– О, да ты, оказывается, музыкант!

И молодые люди, окружив плотным кольцом Сексека, стали горячо упрашивать его показать свое мастерство – сыграть какую-нибудь мелодию.

Застенчивый, смущенный Сексек нерешительно прикладывает самодельную дудку к губам. И через минуту в юрте начинает звучать светлая лирическая мелодия. Стихли разговоры. Погасло прежнее возбуждение. Затаив дыхание, люди слушают мастерскую игру Сексека.

Но вдруг нежно-трепетные звуки самодельной флейты заглушаются нарастающим топотом конских копыт и гневными криками, доносящимися с улицы:

– Выводите сюда беглянку!

– Подать нам ее сюда!

- Мы вам покажем, как похищать наших жен!
- И Сексек, оторвав от губ сыбызгу, весь сжался:
- Погоня! Пропали мы, Алуа!

Люди скопом бросились вон из юрты. Перепуганный Сексек заметался в смятении, ища для себя надежного укрытия. Наконец, он проворно нырнул под перевернутый кверху дном огромный котел. Алуа, окруженная своими новыми подругами, норовя прижаться ближе к Нине и Саруар, тоже беспокойно озиралась вокруг, но не двигалась с места.

В юрте следователя Догал в тесном окружении решительных и упорных аткаминеров ведет переговоры со следователем.

– Да, девушка Алуа Сатаева находится здесь, – как бы продолжая разговор, спокойно говорит следователь.

Чернобородый бай Жакеш запальчиво вскрикивает:

– Она была женой нашего мирзы Догала, и вышла за него по своему согласию...

– Она утверждает обратное.

– Это ложь. Раз она принимала подарки от мирзы Догала, значит, она была согласна быть его женой, – кричит Жакеш.

Другие баи поддерживают Жакеша.

– Если не согласна, пусть скажет это своими устами.

– Пусть повторит при нас!

– Пусть скажет самому мужу...

– Разве советский закон поощряет кражу людей?

Оглядев непрощенных гостей холодным, презрительным взглядом, следователь по-прежнему спокойно и уверенно говорит:

– А что вы скажете, если девушка погонит вас прочь вместе с вашим Догалом?

– Мы хотим услышать это из ее уст...

– Пусть скажет об этом Догалу с глазу на глаз...

Следователь делает знак Жаппару, и тот выходит из юрты.

Затем толпа баев ринулась в юрту, где размещался волостной исполком. Здесь их встретил внешне невозмутимый, спокойный на вид и строгий человек – председатель волисполкома.

– Тихо. Тихо. Я люблю во всяком деле порядок. Что случилось? У вас похитили ваших жен? – полунасмешливо, полусерьезно спросил председатель.

– Нам не до шуток, начальник. Отдайте нам нашу беглянку.

– Куда вы запрятали Алуу?! – перебивая друг друга, кричали бай.

– Не шуметь. Еще раз напоминаю, что я люблю во всяком деле порядок. Девушки вашей никто не прятал. А отдавать вам ее тоже никто не собирается, – тем же спокойным и невозмутимым тоном заявил председатель.

– Ах, вот как! Как ты смеешь задерживать нашу невесту?

– К тому же невесту почетного человека!

– Никто не позволит похищать чужую жену!

Подступая все ближе и ближе к невозмутимому председателю волисполкома, бай угрожающе размахивали над его головой своими плетями, кистенями, требуя выдачи Алуы.

– Мы спросим ее – согласна ли она быть женой бая Догала, – говорит председатель.

– Конечно, согласна!

– О чем разговор? Зачем же она принимала подарки?

И в это мгновение один из ворвавшихся в юрту байских джигитов крикнул:

– За мной! Она здесь, она в красной юрте!

И толпа рассвирепевших степных заправил, тесня и давя в дверях друг друга, ринулась вслед за джигитом, вон из юрты. Оттеснив от дверей красной юрты двух поставленных для охраны милиционеров, бай врываются внутрь юрты и набрасываются на стоявшую среди подруг Алуу. Один из байских джигитов пытается схватить девушку за руку. Но Нина, загородив собой Алуу, выбрасывает вперед в вытянутой руке свой маленький браунинг и повелительно вскрикивает при этом:

– Не смей! Вон отсюда! Вон!

Безбородый Байыр – главарь байской группы – крикнул в ответ Нине:

– Прочь отсюда сама! – И он крепко дернул Нину за руку.

Отпрянув от Байыра в центр юрты, Нина крикнула тоном команды:

– Милиционеры, ко мне!

Двое милиционеров забежали в юрту. Но баи, стоявшие у двери, тотчас же окружив их, не дают обнажить им оружия.

Разъяренный Байыр, снова грубо отталкивая Нину, ставшую по пути, кидается к Алуе... Но Нина вновь, угрожая своим пистолетом, крикнула:

– Прочь отсюда! Прочь, говорю!

Байыр пытается вырвать оружие из рук Нины, но девушка, ловко вывернувшись, стреляет в воздух.

Байыр в страхе отступает назад. Нина вновь загораживает собой Алуу.

– Только через мой труп вы сможете взять ее. Но я не умру, пока не разряжу в вас шестерых шесть моих пуль.

Один из байских джигитов сделал попытку выбить из рук Нины браунинг. Но девушка ловко вывернулась, отпрянула в сторону и, вновь заслонив собой Алуу, решительно проговорила:

– Последний раз предупреждаю. Буду стрелять.

И в эту решительную минуту в дверях юрты появляется Жаппар. При виде Жаппара баи сразу остепенились и стихли. Жаппар, обращаясь к Нине, сказал:

– Проведите Алуу к следователю.

И Нина, взяв под руку Алуу, смело прошла с ней сквозь строй расступившихся перед ними баев, через юрту на улицу. Так же смело и решительно прошли подруги и мимо толпы байских джигитов, стоящих сплошной стеной между юртой волисполкома и юртой следователя.

Вслед за девушками в юрту следователя набились и сторонники Догала. Начинается официальный допрос. Жаппар садится за стол, приготовившись вести протокол. Следователь Сапар обращается к Алуе с вопросом:

– Скажите, Сатаева Алуу, правда ли, что вы являетесь женой Догала Дулатова?

– Нет, это неправда. Этого никогда не было и не могло быть, – твердо и решительно отвечает Алуу, глядя в упор на следователя.

– Правда ли, что вы давали согласие выйти за него замуж?

– Нет, и это неправда.

– А не принимали ли вы от него подарков?

– Нет.

– В таком случае, чье же это платье, чья одежда на вас?

Вот Догал утверждает, что это он принарядил вас. Как вы все это нам объясните?

Алуа в замешательстве. Растерянная, смущенная, подавленная, она теряется и не знает, что ответить на этот вопрос.

И баи, воспользовавшись этой минутной растерянностью девушки, вновь наперебой закричали:

– Ага, смешалась!

– Уж не твоя ли покойная мать приготовила тебе это свадебное платье?

– Не для тебя ли сберег его в дырявом своем сундуке Сатай?

– Не верти хвостом. Признавайся – чья на тебе одежда?

И вот лицо Алуы, утратив следы минутного замешательства, смущения, растерянности, мгновенно обретает суровое, строгое выражение. Внутренне собранная, волевая, она говорит:

– Я скажу сейчас всю чистую правду. Это они содрали с меня мой старый камзол и мое дырявое платье. Это они силой одели меня в этот чужой, ненавистный мне наряд... всю жизнь мой отец работал пастухом у бая Дулата. С малых лет работала в их доме и я. Но всю жизнь мы с отцом ютились в дырявом шалаше и на чужом огне отогревали свои ладони...

От приступа гнева, глухой душевной обиды и боли Алуа поперхнулась. Она не в силах была больше говорить. И Нина, и окружавшие ее казахские девушки, одобрительно кивали и участливо улыбались Алуе. Только один Сапар по-прежнему беспристрастно и холодно продолжал задавать Алуе свои последние вопросы:

– Итак, Сатаева Алуа, вы не хотите быть женой бая Догала?

– Никогда...

– Вы никогда не считали себя его невестой?

– Никогда. Никогда. Никогда.

В юрте напряженная тишина. Следователь испытующе вглядывается в помрачневшие лица баев. Те, неловко переминаясь с ноги на ногу, молчат.

– Все ясно. Девушка остается здесь, – говорит Сапар, решительно ударяя ладонью о стол.

И Догал, бросив злобный взгляд в сторону окруженной подругами Алуы, выходит из юрты. Вслед за ним, понуро и молча, выходят и обескураженные его сподвижники.

Лица оставшихся в юрте девушек освещают все более ярко разгорающиеся, немеркнущие радостные улыбки.

Улыбается и выглядывающий из-под котла Сексек. Он улыбается изумленно, широко, так же радостно и открыто, как улыбаются и вошедшие в его юрту девушки – подруги Алуы, как улыбаются Нина и Саруар, как улыбаются Жаппар с Сапаром. А затем эти улыбки переходят в дружный, озорной и задорный хохот над Сексеком, над его размалеванным сажей лицом, над всей его глубоко комической позой.

С трудом выбравшись из-под котла, Сексек долго и заразительно хохочет вместе со своими друзьями. Потом он, выхватив из-за голенища заветную свою сыбызгу, наигрывает веселую, полную солнечного тепла и света, мелодию.

С просветленными лицами слушают девушки веселые, искрящиеся звуки сыбызги. И Алуа вполголоса переговаривается с подругами.

– А что вы здесь делаете, девушки?

– Учимся.

– Учитесь? Чему же?

– Грамоте. Вот видишь эти книги? Мы тоже скоро станем учительницами, такими же, как наши Нина и Саруар.

– А я? Что буду тут делать? – смущенно улыбаясь, спрашивает Алуа.

– То же самое, что и мы – учиться. Учиться, учиться, дорогая моя, – говорит Нина, ласково обнимая девушку за ее хрупкие плечи.

Между тем в мелодию сыбызги вливается сначала негромкая, а затем все усиливающаяся хоровая песня. Это поют Саруар с Ниной, Жаппар с Сапаром. Поют все девушки.

Начинает потихоньку подпевать подругам и Алуа. И вот в широкий, напевный простор этой хоровой песни

вливается светлый, звонкий, как серебряный колокольчик, новый девичий голос — голос Алуы. Поднимаясь все выше и выше, она, как песня жаворонка, безмятежно купающегося в потоках весеннего тепла и света, звенит над степью. Один за другим затихают голоса подруг Алуы. Все с изумлением прислушиваются к сильному, сочному, чистому голосу своей новой подруги, которому ладно вторят такие же светлые и прозрачные, такие же трепетные и нежные звуки сыбызги.

С восхищением смотрит в преобразившееся, еще более похорошевшее лицо Алуы и Нина. С лицами, готовыми к восторгу, смотрят, не спуская своих широко открытых глаз, на Алуу и ее подруги. И все они понимают сию минуту, что в этот момент рождается не только новая, крылатая, радостная, светлая песня, но вместе с этой песней раскрывается перед новой жизнью, перед таким же светлым и радостным будущим, душа этой девушки, стоящей на пороге своей новой судьбы, новой жизни, на пороге не баловавшего ее в прошлом счастья.

III часть

По календарной ли дате, по газетному ли листу или снова по титрам фильма, зритель видит, что действие происходит теперь уже в 1928 году. Перед нами снова все так же богато убранная коврами, просторная юрта Догала. По-прежнему в полукруг сидят знатные гости. Но нет прежнего оживления на их одутловатых, обрюзгших лицах, как нет былого задора в беседе этих людей, любивших некогда и острое словцо, и едкую шутку. Лениво потягивая кумыс, гости угрюмо прислушиваются к монотонной и вялой речи престарелого муллы.

С лицом хищной птицы, с безобразно выпирающим кадыком, с тонкой, изъеденной морщинами шеей, мулла говорит так, будто читает молитву по покойнику. Он говорит, обращаясь к Догалу. Но прислушиваются к заупокойной речи муллы вместе с Догалом Сеит и Байыр, Жакеш и Сартай.

— Слышали ли вы, что большая партия казахских рабочих с чугунной дороги в Малалы наотрез отказалась

праздновать Курбанайт — один из самых священных праздников нашего народа? Это очень дурной признак. И еще хуже — рабочие в Или потребовали закрыть все мечети. А вместо мечетей настаивают открыть школы. Вот какие невеселые вести дошли до меня, друзья.

Вздыхая, бай перебрасываются словами:

— А еще требуют для строительства этой дороги с нас какие-то юрты.

— И не только юрты, но и коней, верблюдов, волов...

— Нашли дураков! Так мы им все это и дали!

Байыр, обращаясь к Догалу, спрашивает:

— Скажи, кому нужна это проклятая дорога? К худу или к добру ведет она нас?

— Добра тут не жди. И за шиворот, и за подол она хватит нас, как говорится в народе, — мрачно отвечает Догал.

— Что же делать?

— Не давать ничего этим мерзавцам — ни коней, ни верблюдов, ни юрт. Пусть попробуют тогда они попрыгать со своими железными колесами.

— Но есть слух, что они добрались уже до Каракумов, — говорит Сартай.

— Вот и хорошо. Пусть пожарятся там на солнышке.

— Правильно. Сверху знойное небо, а под ногами змеи раскаленные пески.

— Без воды в Каракумах верная смерть. А воды мы им не дадим ни глотка. Это — одна для них беда. А есть еще и другая. И не беда, а целое бедствие.

— Что же за бедствие?

— Ого! Еще какое! Все вы, небось, слышали про перевал Айгая. Знаете, какие там неприступные утесы и скалы. Пусть-ка попробуют они провести свой железный путь через хребты Айгайтаса. Зубы сломают! Руки коротки. Надо подбить народ — поехать полюбоваться на их позорище, — говорит Догал.

И как слова заклинания, мрачно твердят наперебой бай, запивая каждое слово глотком не сладкого им в эту минуту кумыса.

— Уговорим бедноту не ходить на строительство.

— Правильно! Не дать им ни одного человека.

— Деды и прадеды наши завещали нам, что если

придется когда-нибудь пить отраву, то пить ее надо вместе с родом своим.

— Что же станет с долиной Актала — золотой колыбелью предков наших, если прошьет ее стальная нить Турксиба? Нет, все как один должны мы стоять за единство в роду! — заключает Догал.

И все присутствующие в его юрте баи жадно осушивают огромные чаши с кумысом, как бы скрепляя этим свой сговор.

* * *

А среди текучих, зыбких барханов пустыни, щедро залитой жарким солнцем, кипит напряженная героическая работа. Кажущаяся беспорядочной суতোлка многих тысяч людей на самом деле подчинена единому строгому трудовому ритму. На глазах растет вал железнодорожной насыпи, теряющейся в безбрежном просторе волнообразной пустыни.

Среди тысяч рабочих, занятых сооружением насыпи, укладкой шпал и рельс, мы видим украинских грабарей, казахских тачечников, русских шпалоукладчиков и костыльщиков. Все эти обнаженные по пояс люди, с бронзовыми от загара телами работают дружно и слаженно.

Мелькают в кадрах то хлебающие песок экскаваторы, то груженные шпалами вагонетки, то проворные, ловкие и точные движения рук заболтовщиков.

Мы видим снятую крупно группу казахских рабочих, занятых укладкой шпал. Мы видим и змей, купающихся в песке. Змеи то и дело попадают под ноги рабочим, извиваются под падающими на них рельсами и шпалами.

К шпалоукладчикам подходит Нина. Брезгливо озираясь на шныряющих под ногами змей, девушка делает быстрые записи на ходу в своей книжке.

Зной. Он нестерпим. Это чувствуется по изможденным лицам, по спекшимся губам, по лихорадочно блестящим глазам рабочих, по не менее утомленному, измученному, черному от загара лицу Нины. Всех мучит жажда.

— Воды! Воды!

– Пить! Пить!

– Хоть один глоток, товарищ Ершова, – звучат со всех сторон голоса рабочих, обращенные к Нине.

– А разве кончилась во флягах вода? – спрашивает озирающаяся вокруг Нина.

– Да какая же это вода? Это не вода – рассол.

– Ничего не поделаешь, товарищи. Пустыня! Три колдца вырыли и все без толку. Во всех не вода – рассол, – говорит начальник участка.

Утомленная, как и все, зноем и жаждой, Нина Ершова пристально вглядывается в знойную полумглу пустыни. И вдруг лицо девушки начинает светлеть от улыбки. Она видит появившегося на вершине далекого бархана всадника. Она узнает в этом всаднике знакомую девушку. Она видит, как вслед за всадником из-за бархана показывается караван лошадей, верблюдов. И все остальные рабочие этого участка видят приближающийся караван, и все знают, что это идет к ним в пустыню прохладная, прозрачная, ключевая вода.

– Вода! Вода!

– Ура! Ура!

Восторженными криками, всеобщим ликованием встречают строители дороги приближающуюся к ним всадницу – Алуу. Спешившись с коня, Алуу говорит, улыбаясь рабочим:

– Поздравляю, товарищи! Мы подняли весь наш народ с берегов Актала. К нам на помощь идут тысячи казахских джигитов. Они везут нам бурдюки с чудесной водой.

И тысячные толпы рабочих, возбужденно размахивая руками, приветствуют подобными криками приближающийся к ним караван, нагруженный бурдюками с водой и кумысом.

И не успел расположиться караван на привал, как началось настоящее пиршество. Бережно, как редчайший и драгоценный дар, принимали люди из рук своих спасителей огромные пиалы с кумысом и ковши с водой, утоляя свою смертельную жажду.

Вечереет. Загорается над пустыней обручальная позолота заката. И мы видим, как укладываются на шпалы последние рельсы и костыльщики забивают в шпалы последние костыли.

— Поздравляю вас, товарищи, с новой победой. Сегодня мы завершили самый тяжелый, самый мучительный марш через пустыню. Рельсы первого гиганта первой сталинской пятилетки — Турксиба — прошли Каракумы. Пустыня покорена. Пустыня за нами! — говорит открывшая митинг строителей Нина Ершова.

Последние слова Нины Ершовой тонут в громовом торжествующем крике “Ура!” многотысячного митинга строителей.

Возбужденные, улыбающиеся, счастливые лица рабочих, восторженно смотрят с экрана на такое же возбужденное и еще более похорошевшее в эти минуты лицо девушки.

И Нина говорит, заключая свою недолгую речь:

— Позади нас огромные степи. Позади безлюдная, недавно мертвая пустыня. Забит последний костыль в последнюю шпалу в этих песках. Это — одна наша радость. Несмотря на враждебную агитацию баев и кулаков, к нам пришли на строительство сотни новых рабочих, вчерашних байских пастухов и кулацких батраков.

С нами они пойдут завтра на последний штурм скалистых хребтов Айгайтаса. Пусть же удача будет сопутствовать нам с вами и в этом последнем штурме.

И снова громовое “Ура!” подобно перекатным волнам грозового раската гремит над подернутой сиреневым сумраком вечера пустыней.

— Ура!

— Вперед! На штурм Айгайтаса!

— Даешь Айгайтас!

Вечер сменяется ранним рассветом в живописных скалистых горах. Мы видим длинную гряду насыпи, упирающуюся в отвесный кремнистый утес. Стрелой взметнулась к высокому небу, похожая на острую пику, скала неприступного Айгайтаса.

На крупном плане — подрывники, занятые закладкой шнуров у самого основания скалы.

Последние минуты перед взрывом скалы. Начальник строительного участка Петров проверяет запальные шнуры и подает знак подрывникам уходить в укрытие.

А вокруг, по холмам и скалам, мы видим несметные толпы людей. Сюда собрались из окрестных степей казахские всадники. Мелькают лица русских и украинцев.

Мы видим на крупном плане поднявшуюся на холм кавалькаду всадников. Под ними холеные кони и дорогие седла с серебряной сбруей. Это степные феодалы, атками-неры и баи.

В центре этой группы – Догал. Злорадно ухмыляясь, баи переговариваются.

– Посмотрим, посмотрим, как они одолеют тебя, Айгайтас.

– Увидим, как они сейчас опозорятся.

А среди огромной толпы степных пастухов, батраков, бедняков, съехавшихся сюда на волах и верблюдах, тоже стоит многоголосый, возбужденный гул человеческих голосов.

– Если стальная дорога покорила пески Каракумов, ей не страшен и по плечу сам Айгайтас.

– Еще бы! Большевикам, говорят, все на воздух?!

– Как еще взлетит!

– Дай бог удачи!

Крупно – Петров подает команду для взрыва. Тишина. Предельное напряжение на лицах многотысячной толпы зрителей.

И вот – загрохотал взрыв. К небу взметнулись гигантские султаны взрыхленной земли, камней и пыли. На глазах у изумленных людей огромная кремнистая вершина Айгайтаса, как бы вздохнув, приподнялась над окрестной степью и рассыпалась. Лавины взорванной породы хлынули по крутым склонам в соседние ложбины и балки.

А когда замерли последние грозовые раскаты взрыва, ликующая толпа, как бы очнувшись от мгновенного забытья, огласила окрестные горы восторженными криками.

Полетели вверх русские фуражки, казахские тюбетейки и малахай. Незнакомые люди пожимали друг другу руки, дружески трепали друг друга по плечу. Обнимались друг с другом, целовались, приветливо махали кому-то платками Нина и Алуа. Отвечал им взмахом руки и улыбкой Сапар, стоявший в толпе ликующей аульной бедноты. И только на лицах сподвижников Догала не было заметно в эти минуты

на восторга, ни изумления. Обескураженные, мрачные и унылые баи, круто повернув своих коней, поскакали в горы вслед за Догалом.

И снова встает на экране бескрайняя, безлюдная степь, прошитая рельсовыми путями Турксиба.

Полустанок. На путях три вагона. На одном из вагонов надпись “Вагон-клуб”, на другом – “Красный уголок”, на третьем – “Киновагон”.

Мы видим в вагоне-клубе небольшую уютную сцену. На сцене Нина. Она проводит политзанятия со строителями и железнодорожниками, среди которых немало казахов, украинцев, русских. И мы узнаем среди них знакомые лица рабочих, запомнившиеся нам по кадрам строительства железной дороги в Каракумах.

Водя по карте указкой, Нина рассказывает:

– Турксиб – детище первой сталинской пятилетки. Эта дорога свяжет нашу республику с Сибирью и Средней Азией.

И Алуа, сидящая в первых рядах слушателей, старательно записывает в свой блокнот каждое слово Нины. Рядом с Алуой сидит и Сексек, слушая агитатора с напряженным вниманием и восхищенно поглядывая на красивое лицо девушки.

И как бы продолжением только что виденного нами политзанятия в вагоне-клубе служит концерт художественной самодеятельности, начавшийся в огромной красной юрте. Нарядная, шутивно настроенная Нина объявляет программу предстоящего концерта.

– Дорогие друзья! Начинаем концерт нашей художественной самодеятельности. Перед нами выступят сейчас подлинно народные артисты. Эти люди являются артистами своего дела на строительстве нашей дороги. Они не только умеют мастерски укладывать шпалы и забивать костыли, но не менее мастерски играть на различных музыкальных инструментах и исполнять чудесные народные песни. Впрочем, заранее хвастать не стоит. Оценка остается за вами, товарищи!

И юрта, битком набитая зрителями, среди которых мы снова и снова узнаем запомнившиеся нам по преж-

ним кадрам лица строителей железной дороги, то и дело оглашается бурными взрывами рукоплесканий. Шумно приветствуют эти зрители и трио баянистов начальника строительного участка Петрова, и задорное, искрометное исполнение украинского гопака двумя экскаваторщиками.

Выступает Сексек.

– Товарищи, – обращается к зрителям Сексек, – сейчас я исполню свой новый кюй. Я назвал этот кюй “Айгайтас”. Я хотел рассказать в этой мелодии о том, как наш товарищ Петров повалил, с нашей помощью, кремнистые утесы Айгайтаса. Словом, вы все сами хорошо поймете, о чем я хотел рассказать в своей песне.

И вот зазвучала веселая, озорная мелодия кюя. И лица зрителей озарились улыбками. Им и в самом деле было, видимо, все хорошо понятно, о чем рассказывалось в этой мелодии, и люди шумно и дружно аплодировали Сексеку, поистине артистически игравшему на своей сыбызге.

Концерт продолжается.

Следя за игрой артистов, слушая и аплодируя им, Нина и Сапар, между тем, ведут между собою вполголоса следующий разговор:

– Уком партии Таскурганского уезда рад вашей победе над Каракумами и Айгайтасом. И не только один уком. Все население уезда, особенно беднота долины Актала, восхищены вашими делами, – говорит Сапар.

– Подумать только, сколько было народу при взрыве Айгайтаса! И это замечательно. Ведь это было самой большой агитацией, – говорит, улыбаясь, Нина.

– Да, это была хорошая агитация для наших друзей. Но там присутствовали и враги.

– Это я знаю. Степные феодалы тоже такие же Айгайтасы.

– О, как хорошо сказано! Именно Айгайтасы. С ними нам предстоит еще сразиться. И тут без вашей помощи не обойтись.

– О какой помощи вы говорите?

– Мы рассчитываем на помощь вашей партийной организации. Надеемся, что вы не поскупитесь для нас на агитаторов.

– Это мы можем, бесспорно, сделать. Но для какой цели?

– Цель большая и крайне ответственная, – вполголоса говорит доверительным тоном Сапар, – дело вот в чем, Нина. В ближайшее время открывается компания против этих самых айгайтасов, как ты их только что метко назвала. Эта компания будет проводиться не только в нашем уезде, но и во всей республике. Мы переходим в развернутое наступление против степных феодалов. Мы уберем с дороги эти утесы, как убрали вы Айгайтас. Дело большой государственной политической важности. Надеюсь, что ты понимаешь это?

– Вполне.

– В таком случае, прошу тебя назвать мне сейчас же имена товарищей, которых выделите вы нам на помощь.

И Сапар, достав из кармана записную книжку, приготовился записывать имена названных Ниной агитаторов.

– Пишите, – говорит Нина и на мгновение умолкает, зачарованно заглядевшись на появившуюся на сцене красивую, высокую, стройную девушку в богатом национальном наряде.

– Итак, я слушаю, – говорит Сапар, тоже, в свою очередь, восхищенно заглядевшись на вышедшую на сцену Алуу.

– Пишите. Первая – вот она – Алуа Сатаева, – говорит Нина, кивая в сторону Алуы.

– О, такого агитатора мы принимаем с удовольствием, ... – говорит Сапар, заранее аплодируя Алуе, вышедшей на сцену для концертного исполнения своих любимых народных песен.

З а т е м н е н и е.

Внутренность богатой юрты Догала. Печать суровой задумчивости лежит на угрюмом лице Догала. Не менее мрачны и сидящие рядом с ним его брат Мардан и Жакеш с Сеитом. Поодаль сидят заплаканные старшая жена Догала, располневшая байбише и красивая, стройная младшая жена – токал.

Как бы продолжая прерванный разговор, Догал говорит, обращаясь к Мардану:

– Итак, что ты нам скажешь?

Мардан молчит.

– Что ж молчишь ты, Мардан? Ведь ты образованный, городской человек. У нас вся надежда на одного тебя, на твой ум, на твою совесть, – говорит Байыр.

– За что, за какие грехи я должен покинуть долину Актала, родину моих предков? – говорит Догал, уже ни к кому не обращаясь.

И вот, после длительной паузы, Мардан, наконец, произносит:

– Хоть ты и брат мне, а нет у меня для тебя сейчас никаких советов.

Все, встрепенувшись при этих словах Мардана, ошеломленно смотрят в его окаменевшее, ничего не выражающее лицо. А Мардан, снова помешкав, говорит также глухо и холодно:

– Да, у меня нет никаких советов, как у тебя нет никакого выхода. Я приехал сюда только затем, чтобы попрощаться с тобой. Вот и все. Вот и все мои речи.

Наступает долгое, тягостное молчание. Глухо рыдает, закрыв лицо ладонями, старшая жена Догала – байбише. И странной, загадочной кажется нам мелькнувшая на губах красивой младшей жены Догала неясная, как намек, двусмысленная улыбка.

А с улицы доносятся возбужденные крики:

– Едут! Едут!

Мардан поспешно встает и покидает юрту. Поднялись со своих мест и Догал с друзьями. Собираясь покинуть юрту, они перебрасываются фразами:

– Выходит, вся надежда на батраков с пастухами.

– Плохая надежда.

– Что ж делать? Придется попытать счастья, поискать защиты у них. Пойдем и смешаемся с этой толпой.

– Это правильно, – говорит Догал, обращаясь к Байыру. – Только ты держись поближе к Назарбеку. Пошли!

И не обращая внимания на плач старшей жены, Догал выходит в сопровождении баев из юрты.

Выйдя из юрты, сподвижники Догала рассеялись в огромной толпе аульной бедноты, которая валом вывалила на близлежащий к аулу пригорок и ждала теперь приближающуюся к аулу кавалькаду всадников.

Все ближе и ближе всадники. Все больше и больше нарастает нетерпеливое возбуждение толпы. Мы видим вместе с толпой одного из первых всадников, красиво и уверенно сидящего в седле. Звучат в толпе изумленные возгласы:

– Смотрите! Смотрите! Да ведь это девушка!

– И правда – девушка!

– Кто же это такая?

– О, господи, да ведь это Алуа!

– Алуа! Алуа!

– А это кто? В одежде городского покроя?

– Не сразу узнаешь в таком наряде Сексека!

– Ой пырай! Да ведь это впрямь Сексек!

– А вон тот джигит – совсем незнакомый.

– Неправда, его тоже многие знают. Ведь это же бывший следователь – Сапар. Он сейчас самая большая власть в нашем уезде.

И толпа, бросившись навстречу спешившимся всадникам, окружив Алуу и Сексека с Сапаром, горячо стала приветствовать их, наперебой приглашая каждый в свою юрту.

– Дела, дела, дорогие товарищи. Сейчас не до угощения, – строго говорит Сапар, и он подает знак собравшимся на холме людям садиться.

Весь аульный люд, собравшийся на этом холме, уселся в огромный полукруг, поджав по степному ноги. Уселись вместе с батраками и пастухами и Догал со своими женами, и несколько человек его приближенных, вчерашних степных воротил. Мы узнаем среди них тех феодалов и сподвижников Догала, которые пытались вернуть ему сбежавшую в волость Алуу.

Сапар, открывая собрание, сказал:

– Товарищи, все вы – бывшие батраки, потомственные пастухи этого байского аула Дулата, являетесь нашей силой, нашей опорой в нашем великом деле. Пришел час припомнить нам про всю нашу горькую, полную бед и лишений жизнь. Пришел час вспомнить о том, как эти степные волки гноили ваших отцов, матерей и вас самих у своих черных порогов. Пробыл час возмездия и справедливости.

Оживленные лица аульной бедноты, одобрительные кивки батраков.

— Бай Догал — это потомственный феодал, правитель. И последнее слово сегодня за вами. В вашей воле удалить Догала с вашей земли или оставить его тут, чтобы он по-прежнему мог измываться над вами. Кто за то, чтобы Догал был удален отсюда, пусть выйдет и скажет открыто. Бояться вам нечего. На вашей стороне верная защитница ваших кровных интересов — советская власть.

Пауза. Чувствуется явное смущение и замешательство среди пришедшей в движение бедноты. Всем им по сердцу пришлось золотые слова Сапара. Но ни один них не решается встать с места и сказать просто и прямо то, что накопело за долгие годы в душе.

— Итак, мы ждем вашего слова, товарищи, — еще раз напоминает Сапар.

Батраки переглядываются между собою, начинают вполголоса переговариваться.

— Встань и скажи напрямую, Бейсен.

— Почему я, а не ты, Оспан?

— Потом, может быть, скажу и я.

— Вот и я подожду, пока кто-нибудь первым скажет.

И вот из толпы поднимается Догал. Не спрашивая позволения, он, театрально подняв правую руку, говорит:

— За добрые дела моих предков, за мой хлеб и соль, выходит, вы ставите меня под пулю, люди.

И Догал, выжидающе озираясь вокруг, рассчитывая на чью-то поддержку, стоит, не двигаясь, словно не дыша.

Пожилой байский батрак Назарбек, сидевший в окружении феодалов, крикнул, обращаясь к Сапару:

— Послушай, товарищ! Объясни нам, пожалуйста, что значит конфискация? Говорят, у баев отбирают землю и скот. Но правда ли, что баев еще куда-то ссылают вдобавок?

— Правильно. Это так. Если народ решит конфисковать у феодала землю и скот, то этот же народ вправе выслать неугодного бая в другую область, — отвечает Сапар.

И, понукаемый баями, Назарбек, наконец, поднявшись во весь свой немалый рост, говорит:

– Все мы, мои сородичи, называемся с вами казахами. Все мы одного многогородного племени. Во всех нас течет одна и та же священная кровь... За что же такая немилость к Догалу? Ведь он не поджигал аулов, не грабил и не убивал людей. Ну, хорошо. Отобрали, допустим, скот. Отобрали отцовскую землю. Но за какие же грехи изгонять человека с родной земли? Я, по правде сказать, своим умом этого не пойму.

Последние слова Назарбека были заглушены дружными выкриками баев:

– Правильно говорит!

– Золотые слова!

И выждав, когда вновь улеглась тишина, Сапар спрашивает, обращаясь к бедноте:

– Так ли думают все батраки, как Назарбек?

В ответ послышались многочисленные возгласы:

– Нет! Нет!

– Назарбек за всех не в ответе!

– Совсем не то говорит!

– Совсем не туда поехал.

Слово берет Алуа:

– Дорогие мои друзья и товарищи, аульные бедняки и батраки! Великая партия Ленина – Сталина учит нас быть непримиримыми к нашим кровным врагам. От имени этой партии я призываю вас быть волевыми и твердыми в эту минуту. Не к лицу нам робеть перед баем Догалом. Не пристало нам с вами проявлять здесь трусость и малодушие. Не Догал наживал свои тысячные табуны скота, а наши отцы и мы с вами. Это нашими руками выхолены его конские косяки и овечьи отары. Это на вашей земле, обильно политой вашей кровью и вашим потом, паслись гурты рогатого скота, которые принадлежат теперь вам, а не баю Догалу.

Взрыв дружных рукоплесканий аульной бедноты покрывает последние слова Алуы. Наперебой закричали с мест батраки:

– Правильно! Правильно, Алуа!

– Ты все сказала за нас.

– Мы все так думаем.

И в это мгновение, стремительно поднявшись с места, решительно выходит в центр полукруга джигит в одежде

городского покроя. Все узнают его. Это – брат Догала – Мардан. Попросив у Сапара слово, Мардан говорит в наступившей тишине:

– Друзья! Здесь многие, наверное, думают, что я приехал на это собрание затем, чтобы выручить из беды моего брата Догала. Но вы ошибаетесь. Я – горячий сторонник новой жизни. Это новая жизнь в Турксибе, опоясавшем священную нашу долину Актал. Это новая жизнь в сегодняшнем нашем собрании. Мы стоим с вами у порога великих свержений и дел. Вот почему мы должны безжалостно уничтожать всех и все, что стоит на пути к этой жизни. Вот почему я присоединяю свой голос к воле народа. Прочь с дороги Догала и его сподвижников вроде Байыра и Сартая!

Шумные, одобрительные хлопки и возгласы аульной бедноты:

– Правильно, говорит!

– Друг!

– Все понятно. Давайте голосовать.

– Голосовать! Голосовать!

И Сапар, выждав, когда установятся надлежащий порядок и тишина, ставит вопрос о конфискации байского имущества и выселении Догала на голосование.

Но тут поднимается Назарбек и просит слова. Он говорит:

– Сейчас говорила дочь нашего аула Алуа. Хорошо говорила... Но ведь отца этой девушки убил не Догал, а злодей и вор – Булан. Разве в ответе Догал за Булана? Вся вина Догала в том, что он хотел взять Алуу в третьи жены. Но Алуа воспротивилась и ушла. За что, за какие такие грехи надо теперь так жестоко наказывать человека? Ну, хорошо. Можно забрать у Догала землю и скот. Но зачем же изгонять его из родного аула?!

И при этих словах Назарбека, возбужденная Алуа, вспыхнув, обращается к Сапару:

– Позволь мне ответить ему, Сапар ага!

И не дождавшись ответа Сапара, Алуа горячо говорит:

– Этот байский лизоблюд и прихвостень позорит всех бедняков и батраков аула. Как не совестно, как не стыдно ему пресмыкаться перед этими живоглотами в такую

минуту?! Позор, Назарбек! Позор! – кричит Алуа, и лицо ее пламенеет и хорошеет от гнева.

Последние слова Алуы тонут в гуле дружных одобрительных возгласов пришедшей в движение аульской бедноты:

- Правильно!
- Позор байскому подпевале!
- Давайте голосовать!
- Голосуйте скорей. Голосуйте!

В воздух взметнулись сотни батрацких, бедняцких рук. И только байы пришибленно согнулись за спинами батраков, воздерживаются от этого рокового для Догала голосования.

Медленно расходится аульный люд с холма по своим юртам. Все одинаково возбуждены, все в приподнятом настроении. Оживленно и весело болтает молодежь, окружившая Алуу, Сапара с Сексеком. А стороной плетется к аулу и Догал в сопровождении своих поредевших сподвижников.

Вечер. Жаркий пожар заката над степью.

И все дальше и дальше удаляется из кадра повозка с Догалом и его старшей женой – байбише. А младшая жена Догала – токал, отказавшаяся сопровождать его в ссылку, стоит на холме, и на вишневых губах ее мы видим знакомую нам неясную улыбку.

IV часть

На фронтоне вокзала железнодорожной станции “Костобе” мы видим выложенные кирпичом цифры “1931”. К перрону вокзала подъезжают четверо всадников. Это – Оспан, Назарбек, Бейсен и Жаппар. Озираясь вокруг, всадники что-то ищут глазами. Наконец, Бейсен, заметив появившегося на перроне казаха – начальника станции, спрашивает у него:

– Где нам найти рабфак?

– А вот он, рядом, – говорит начальник станции, указывая на двухэтажное кирпичное здание.

И всадники, повернув своих лошадей, спешиваются возле кирпичного здания с краткой вывеской на фронтоне

“Рабфак”. Затем все четверо спутников входят в учебный корпус, и мы видим их в переполненном юношами и девушками читальном зале. Заметив в дверях нерешительно остановившихся знакомых джигитов, Алуа стремительно срывается с места и как птица летит им навстречу, с распростертыми руками. Горячо, дружески пожимая руки нежданных гостей, Алуа засыпает их вопросами:

– Откуда? Как? Почему? Каким ветром?

Соаульцы отвечают ей наперебой:

– За советом к тебе.

– За тобой.

– Ты же обещала приехать, а мешкаешь.

– Ты понимаешь, у нас до сих пор ни трактора, ни машин, а сев уже начался.

– И к тому же арык проводим.

– В колхозе “Актал” идет большое строительство. Мы уже заканчиваем школу.

– Ах, как хорошо, как хорошо, что вы приехали! Ведь наша станция шефствует над вашим колхозом. Я думаю, что мы добьемся здесь трактора и горючего. Думаю, что добьемся, – говорит Алуа.

Оживленно переговариваясь, джигиты и Алуа выходят на улицу. Здесь, на большой станционной площади они сливаются с большой, шумной толпой молодежи, среди которой встречаются и пожилые, усатые люди.

– Что здесь такое происходит? – спрашивает один из спутников Алуы.

– О, вы попали с корабля на бал, как говорится в одной русской поговорке. Сегодня у нас состоится торжественный выпуск нашего учебного комбината, – говорит Алуа.

Мы видим окруженную казахской молодежью Нину. И юноши, и девушки, и пожилые люди – выпускники учебного комбината – внимательно слушают Нину. Она говорит:

– Ну вот, дорогие друзья! Сегодня вы будете сдавать экзамен на практике, с чем вас и поздравляю. Надеюсь, не подведете?

– Постараемся.

– Не подведем!

— Будьте уверены! — наперебой звучат звонкие, уверенные голоса.

К вокзалу подходит автомашина. Из нее выходят Мардан — специальный корреспондент столичной газеты, начальник дистанции и несколько человек в форме железнодорожников. Следом за грузовой машиной подходит новенький “газик”. Из “газика” выходит секретарь обкома Сапар. Он заметно теперь пополнился, раздался вширь и держит себя увереннее, солидней.

З а т е м н е н и е.

Митинг на перроне вокзала. На импровизированной трибуне — Нина. Волнуясь, она говорит:

— Дорогие товарищи! Сегодня наш учебный комбинат выпускает новые кадры специалистов железнодорожников. Все они — бывшие степные батраки. Все — бывшие строители Турксиба. Вот, например, Оспан Оразов.

Из группы выпускников комбината, стоявших поодаль от трибуны, вышел молодой, рослый джигит и направился к паровозу. Проворно и ловко взобравшись по лестнице в будку машиниста, Оспан Оразов занял свое место у рычагов управления.

— Это первый казах — машинист паровоза, — говорит Нина, кивая в сторону счастливо улыбающегося Оразова.

— Моя речь будет короткая — меня торопит сама жизнь. Мне пора в путь. Скажу одно. Постараюсь с честью оправдать перед партией и народом высокое звание машиниста комсомольского паровоза! — говорит Оспан Оразов.

И народ шумно и радостно приветствует молодого первого казахского машиниста. Маленький самодеятельный оркестр Сексека играет туш.

Участники митинга шумно аплодируют Оспану Оразову.

— А вот наш другой специалист — дорожный мастер, бывший батрак Байжанов, — говорит Нина, представляя участникам торжественного митинга смущенно улыбающегося, весьма скромного на вид джигита.

— А вот заместитель начальника паровозной службы — Смагулов. Всего четыре года тому назад он был простым

пастухом, – продолжает представлять собравшимся одного за другим выпускников учебного комбината Нина.

Люди бурно аплодируют каждому новому специалисту. А маленький оркестр из кобызов, сыбызги и домбр беспрерывно играет в это время туш под управлением Сексека.

– А вот десять человек будущих дежурных по станции. А вот еще двадцать помощников машинистов. А вот тридцать стрелочников... – продолжает представлять своих выпускников Нина.

Не смолкая гремят аплодисменты. Звучит неутомимый бравурный туш самодеятельного оркестра.

Кончается торжество. Вокруг Сапара толпятся люди. И ближе всех к нему – Нина, Алуа, Мардан. Сапар говорит, обращаясь к ним:

– Поздравляю вас с первым выпуском. Хорошее, полезное дело сделали вы. Но в одном ваша станция нас подводит.

– В чем же? – встревоженно спрашивает Сапара начальник станции.

– Насколько мне известно, вы взяли шефство над колхозами долины Актала. Наобещали гору. А сделали очень мало. Подводите, подводите, друзья. Вот, например, вы нас заверили, что Алуа Сатаева поедет на посевную в колхоз “Актал”. Сев начался, а Алуа, как я вижу, и не думает ехать в родные края.

– Я не могу ехать туда, товарищ Сапар, с пустыми руками.

– В чем вы нуждаетесь?

– Колхозники ждут не дождутся трактора. Мы, как шефы, обещали помочь им в этом. Разговоров было много, а воз, как говорится, и ныне там.

– Да, о тракторе вы должны позаботиться, – говорит Сапар и, взяв за локоть начальника станции, отводит его в сторону, заводя с ним какой-то доверительный разговор.

К Алуе подходит Мардан. Приветливо здороваясь с девушкой, он говорит:

– Я приехал к вам в качестве специального корреспондента из Алма-Аты, от столичных газет и журналов. Думаю написать большой очерк о делах учебного ком-

бината, о железнодорожниках станции “Костобе”. Напишу и о колхозниках долины Актала.

– Стало быть, будете нас хвалить? – говорит, улыбаясь, Алуа.

– Придется, если заслужите.

– По-моему, кое-кто заслужил. Вот хотя бы та же Нина, – говорит, кивая в сторону Нины, Алуа.

– Хвалить-то хвалить, но и о критике забывать не надо, и особенно – Алуу, запоздавшую в колхоз, – замечает в том же полушутливом, полусерьезном тоне Нина.

– Вы знаете, во мне живет сильное, светлое чувство нового, – говорит Мардан. – Вот почему я охотнее пишу о достижениях, чем о пороках.

Алуа еще больше подшучивает над Марданом:

– Если вам, товарищ Мардан, трудно разглядеть недостатки настоящего, то наверняка легче будет вспомнить пороки прошлого. Надеюсь, вы не успели забыть о них?

И Мардан, поняв ее тонкий намек, отвечает:

– Уверяю вас, что я найду в себе мужество разоблачить в будущем мерзости прошлого.

– Вот это интересно! Я бы с удовольствием прочитала вашу статью на такую тему.

– Придет срок – почитаете. Я сейчас специализируюсь по части истории. И не за горами тот день, когда я надеюсь подарить с автографом вам свою первую книгу.

– Польщена, польщена буду таким подарком, – говорит все с той же учтивой улыбкой Алуа, прощаясь за руку с Марданом.

По веселой от зеленеющих полисадников станционной улице идут Алуа, Бейсен и Оспан. Несколько поотстав от них, неторопливым шагом в том же направлении идут Мардан с Жаппаром. Поглядывая вслед удаляющейся Алуе, Мардан вполголоса говорит Жаппару:

– Как она выросла, похорошела и поумнела!

– Не спорю. И хороша. И умна.

– Надеюсь, ты уже начал ухаживать за ней?

– Ухаживать?! Это с какой же целью?

– Страшный вопрос! Ухаживают, по-моему, с одной целью. А другие цели возникают уже потом, если будет такая потребность, – говорит Мардан, загадочно улыбаясь.

- Что-то плохо, мой друг, я понимаю тебя.
- А что ж непонятного? Это девушка пойдет далеко. Для этого у нее есть все: и красота, и ум, и обаяние.
- Не спорю.
- А насчет ухаживания – тебе и все карты в руки. Во-первых, ты совсем недурен собой, во-вторых, не женат. В-третьих, ты являешься ее спасителем. Помнишь 1926-й год? Кому же, как не тебе рассчитывать на взаимность этой красавицы. Не правда ли?
- Не знаю, – говорит, улыбаясь, Жаппар.
- Уверяю тебя. Не зевай. Желаю тебе успеха, – говорит Мардан, и оба приятеля обмениваются при этом очень крепким рукопожатием. Чувствуется, что рукопожатием этим скрепляется нечто большее, чем взаимный договор двух друзей о безобидном ухаживании за понравившейся девушкой.

З а т е м н е н и е .

Вечер. В освещенную электрическим светом комнату неслышно входит воровской, крадущейся походкой человек. Что-то есть звериное, неприятное в облике этого человека. И даже в его улыбке, обнажающей крепкий ряд отменно белых зубов.

Мардан не сразу узнает этого человека. Поднявшись к нему навстречу, Мардан испытующе вглядывается в лицо пришельца и вдруг порывисто кидается к нему.

- Жалтыр? Ты?!
- Как видишь – я.
- Откуда? Какими судьбами?
- Тихо. Тихо. Спокойно.
- Скажи, он приехал?
- Да, да. Слава богу, добрался, наконец, до родных мест.

Они разговаривают быстро, полупшепотом, воровски озираясь вокруг. И трудно узнать теперь в Мардане корреспондента столичных газет.

– Он один или у него есть товарищи? – спрашивает Мардан.

– Человек с пяток наберется. Но все люди один к одному, боевые, бывалые.

— Он с кем-нибудь уже встречался в районе?

— Нет. Пока не доверяет никому. Да и немудрено. Ведь бедняки в степи стали теперь совсем другими. На них былой надежды уже нет.

— Что верно, то верно. Правильно делает, что никому не доверяет. Об одном помни, что бы с вами не произошло, у вас один ответ — меня вы знать не знали и видеть не видели.

— Это нам ясно. Будь спокоен.

Мардан достает из кошелька увесистую пачку денежных знаков и вместе с извлеченным из письменного стола обрезом вручает все в руки Жалтыра. Жалтыр поспешно прячет сверток с деньгами и обрез за пазуху.

— И еще один совет — задерживаться здесь вам долго нельзя. Забирайте нужное количество коней и скота и поскорей скрывайтесь в пески, поближе к границе, — говорит Мардан.

— Так мы и думаем сделать.

— И еще вот что учтите. В ближайшие дни в долине Актала появится девушка Алуа. Это дочь нашего бывшего табунщика, Сатая. Учтите, она слишком много знает о моем прошлом. А я хотел бы вступить в партию. Догал мне не брат. И фамилия у меня теперь совсем другая. Я взял ее от четвертого предка Есена. Теперь тебе все ясно?

— Все, все, Мардан.

— В таком случае — прощай. Уходи. Здесь тоже опасно.

И Жалтыр, обменявшись с Марданом торопливым, крепким рукопожатием, исчезает из комнаты.

З а т е м н е н и е.

Степь, покрытая зеленым пламенем весенней травы. Высокое, умиротворяющее голубое небо. Много воздуха, света, тепла и простора. По степи едет верхом на красивом, рослом, белом, как кипень, жеребце Алуа, в сопровождении нескольких всадников. Перед нами словно ожил тот самый белый скакун, на котором бросился отец Алуы в свою смертельную схватку, несколько лет тому назад, с напавшим на аул Догала барымтачами. В числе прочих всадников мы видим и гарцюющего на своем скакуне Сексека.

Приблизившись к Алуе, стремя к стремени, Сексек говорит девушке:

– Ты знаешь, что твой скакун – сын того самого байского жеребца, на котором погиб твой отец в схватке с барымтачами?

– Да, я это знаю, – говорит, грустно вздыхая Алуа. – О, как много воды с тех пор утекло, Сексек.

– Да, много воды утекло, и многое тут изменилось. Посмотри, какое красивое селение виднеется вдаль.

– Да, очень красивое. Ведь это урочище Кеп-Су. Ты помнишь, Сексек, как мы отсюда бежали с тобой в волость?

– Еще бы не помнить!

– Тогда здесь торчали только одни юрты. А теперь, видишь, какое прекрасное село.

К мирно беседующим спутникам приближается третий, всадник – Жаппар.

– Теперь юрту увидишь, пожалуй, только в музее. Народ с удовольствием перешел на оседлость, – говорит Жаппар, включаясь в беседу.

– Все меняется. Вот даже и наш Оспан стал совсем другим человеком. От прошлого у него остались только усы, – подшучивает над своим сверстником Сексек.

– А вот ты даже и усы свои сдал в багаж, – шутит в свою очередь над Сексеком и Оспан. – Все, мой друг, молодиться.

– Еще бы не молодиться при такой жизни. Мне не только за себя, но и за отца хочется пожить теперь вволю на белом свете.

Всадники приближаются к огромному вспаханному массиву. Вдали стрекочет трактор. Большая группа колхозников, во главе с председателем колхоза, окружив тесным кольцом Алуу, горячо приветствует ее рукопожатиями, теплыми словами, улыбками. Все наперебой говорят:

– О, если бы ты знала, Алуа, как народ доволен твоей помощью.

– Еще бы! Ведь мы только понаслышке знавали раньше о тракторе.

– Ты целого слона подарила нам, дочка! Ну и силища же у него.

Расступившись, колхозники дают дорогу черномазому русскому трактористу Саше. Застенчиво улыбаясь, Саша здоровается за руку с Алуой.

— Ну, как дела, Саша?

— Порядок, товарищ Алуа. Пашем, не дремлем.

— Я вижу. Много вы целины за это время подняли.

Появляется невесть откуда взявшийся, щегольски одетый молодой джигит на горячем коне. Это гидротехник Арман. Бегло поздоровавшись с Бейсеном, Оспаном и Жаппаром и обменявшись с Алуой чуть заметным поклоном, Арман стал упрекать Бейсена:

— Ну, что ты меня подводишь? Где твои люди? До каких пор ждать?

— Люди, как видишь, на селе.

— На селе, на селе. А кто нам арык будет проводить? Дядя? Разве это тоже не страдное дело?

— Вы кто — гидротехник? — приветливо спрашивает Алуа Армана.

— Он самый.

— Очень приятно. Полезное дело делаете.

— Полезное-то полезное, да помощи никакой.

— Вот покончим с посевной — поможем.

— Старая песня.

— И старые песни бывают хороши.

— Мне они не по нраву...

— Что ж поделаешь. С народом надо считаться.

— А с гидротехникой — тоже.

— Мы и считаемся. Но выделить вам людей сию минуту не можем. Вот через три-четыре дня покончим с севом — тогда пожалуйста. Не так ли, товарищи колхозники? — говорит Алуа, обращаясь к окружающим ее колхозникам.

— Правильно! Правильно, Алуа!

— Через три дня, все, как один, на арык выйдем!

— Ну вот и договорились. Все, товарищ Арман. Поставим на этом точку.

— Безобразия! Вы недооцениваете значение гидротехники. Вы мне срываете строительство важнейшего гидросооружения. Я на вас буду жаловаться куда следует, — почти кричит разгорячившийся, нервный Арман, и с ожесточением хлестнув плетью по крупу своего коня, скачет прочь.

– Ну, и горяч парень! – говорит Алуа, глядя с улыбкой вслед удаляющемуся на полном карьере всаднику.

Все это время Жаппар не сводит влюбленных глаз с Алуы. Он ревновал ее к Арману во время не очень мирной, запальчивой их беседы со строптивым и нервным гидротехником. И вот теперь, улучив минутку, когда Алуа, распрощавшись с колхозниками, тронулась впереди своих спутников в дальнейший путь, Жаппар, настигнув девушку, решился на доверительный разговор с нею.

– Как хорошо, Алуа, что ты, наконец, выбралась на родину. Я рад, что народ так любит тебя. Чувствуешь ли, замечаешь ли ты это?

– Народ у нас чудесный. Это я знаю. И по народу, и по родине я очень натосковалась.

– А знаешь ли, Алуа, что есть среди этого народа один человек, который особенно много и горячо думал и думает о тебе? Не замечала ли ты такого?

Вся внутренне вспыхнув, Алуа полузакрыла глаза. Она не ожидала этого объяснения, и сердце ее то замирало, то начинало тревожно и горько биться в тесной груди.

– Давно, очень давно живет мечтой о тебе этот человек. Одной мечтой, одной робкой надеждой... – продолжает говорить вкрадчивым полупшепотом Жаппар.

Но смущенная Алуа, поникнув, молчит. И только смутное подобие улыбки изредка вспыхивает на ее полных, вишневых губах, неясно озаряя смуглое, очаровательное лицо.

Все взволнованнее, все горячее дышит джигит. Все крепче и крепче прижимается он своим стремям к стремям Алуы. Все глуше и глуше звучит его прерывающийся почти на каждом слове голос:

– Не отвечай мне, родная, сейчас. Не отвечай... Не надо... Но только не рви нити моей надежды.

Наконец, Алуа, словно очнувшись от забытья, говорит, повелительно приподняв правую руку:

– Довольно. Молчите. Молчите...

Но Жаппар, порывисто на мгновение прижавшись плечом к девушке, настойчиво, требовательно шепчет ей в самое ухо:

— Не отвечай сейчас. Но приезжай завтра к подножью Текели, на овцеводческую ферму старика Назарбека. Я буду там. Я буду ждать тебя, Алуа.

Но ничего не ответив на это Жаппару, Алуа хлестнула плетью коня и поскакала в степь, прочь от Жаппара.

Счастливая улыбка вспыхивает на губах Жаппара. Он едет по-прежнему шагом. Он едет, как бы в полусне, в полузабытьи.

Алуу достигает Сексек. Ничего не подозревая об объяснении Жаппара, Сексек с жаром начинает расхваливать его.

— Ах, какой это джигит, Алуа! Ах, какой это джигит! Но почему он отстал от тебя?

— Не знаю, Сексек. Ничего я не знаю, — тихо говорит Алуа, будто отвечая не на вопрос Сексека, а на свой внутренний голос.

— Нет, правда, джигит хорош! И бригадир на славу. Ты бы посмотрела только у него на ферме овец, — продолжает расхваливать на все лады Жаппара Сексек.

Алуа, ничего не отвечая на это, по-прежнему продолжает улыбаться чему-то.

З а т е м н е н и е .

Концерт художественной самодеятельности в колхозном клубе. Зрительный зал переполнен колхозниками. В них узнаем мы былых пастухов и батраков бая Догала. Но это уже совсем иные люди. Новый облик их угадывается и в одежде, и в настроении.

Алуу окружают дети вместе с их учительницей Саруар, в которой мы узнаем одну из тех девушек, встреченных Алуой в красной юрте.

Дети вместе со своей учительницей упрашивают Алуу:

— Спойте нам городские песни!

— Научите нас новым песням!

Взрослые тоже упрашивают спеть Алуу.

Алуа соглашается спеть, идет за кулисы клубной сцены.

За сценой Алуа, в ожидании своего выхода, разговаривает с Арманом.

— Товарищ уполномоченный, а вы все-таки так и не поняли значения моей работы, — говорит со свойственной ему заносчивостью Арман.

– Откуда вы это взяли, что не поняла? Наоборот, все поняла отлично, – отвечает с приветливой улыбкой Алуа.

– Нет, ничего вы не поняли о роли первого канала в Актале.

– Уверяю вас, все поняла превосходно. Вот вы, наоборот, не поняли значения сева.

– Ах, мне этот сев! По-вашему выходит, что на свете ничего не существует, кроме посева.

– На свете существуют еще хорошие песни. И мне их сейчас придется петь.

– У вас одно на языке – сев да хлеб. Но вы хоть раз бы задумались над будущим Актальской долины. Это будет долина богатейших свекловичных плантаций и технических культур. Здесь будут возделывать рис и сахар. Воды канала – белый уголь завтрашней нашей гидростанции. Вы понимаете, что все это значит!

– Отлично, отлично понимаю, Арман, – отвечает с улыбкой ему Алуа. – Но моя мечта – отличная золотовесная пшеница. Моя мечта – хлеб, сев, сев, Арман.

Арман с отчаянием машет рукой.

– Тьфу, какая ограниченность, какая узость!

– Нет, Арман, новый сорт красной пшеницы, которую мы выведем здесь, – это будет большой победой народа, – упрямо твердит свое Алуа.

– Вы все шутите... А знаете ли вы, как расцветет при нашем канале долина Актала? Ведь тогда мы будем здесь сеять не только хлеб, но и свеклу, и другие технические культуры. Мы разведем здесь рисовые плантации. Построим сахарный завод. Это что-нибудь значит?

– Да, это очень много значит, Арман. Все это я понимаю не хуже вас. Но сейчас, повторяю вам, для меня дороже всего посевная.

Мелодичный и звонкий голос конферирующего объявляет о выступлении Алуы. Улыбнувшись Арману и шуточно пригрозив ему пальчиком, она выходит на сцену. Зал встречает свою любимицу шумными аплодисментами.

Алуа поет.

Взрывом бурных рукоплесканий отвечает зрительный зал на ее чудесную песню.

Затем мы видим Алуу в зрительном зале, рядом с Сексеком и Жаппаром. В антракте Алуа привлекает к себе

маленькую девочку Асию, которую мы видели уже среди участников самодеятельного концерта. Лаская ребенка, Алуа спрашивает ее:

– Как тебя зовут?

– Асия.

– Ты чудесно пропела нам свою песенку, Асия. Покажи нам своих папу и маму.

– У меня нет ни мамы, ни папы.

– Где же они?

– Они давно умерли. Я сирота.

– Да, эта девочка сирота. Она живет в нашем школьном интернате, – подтверждает молодая учительница Акку, которую запомнили мы по кадрам фильма, относящимся к 1926 году.

– Ты хорошо поешь. Вырастешь и, может быть, станешь знаменитой актрисой, – говорит Алуа Асие.

– Нет, я не буду актрисой. Я буду летчицей.

– Летчицей? И это тоже чудесно. Я вот тоже мечтаю быть летчицей. Давай мечтать вместе.

– Давайте, – соглашается Асия, прижимаясь своим хрупким маленьким тельцем к груди Алуы.

И снова продолжается концерт. Хорошо звучит самодеятельный струнный оркестр под управлением Сексека.

В зрительном зале рядом с Алуой – Жаппар. Под звуки оркестра Жаппар продолжает нашептывать на ухо Алуе:

– Пять лет, пять лет я думал днем и ночью об одной тебе. Все эти годы глаза на иную не глядели и от иной счастья не ждали, как поется в песне.

– Однако не совсем удачные строчки из песни вспомнились вам, – иронически улыбаясь, говорит Алуа.

– Дело, наверное, не в песне... – вздыхает Жаппар.

Помолчав, Алуа задумчиво говорит:

– Нет, Жаппар, я не хочу торопиться с ответом на ваш вопрос. Ведь я еще так мало знаю вас. Может быть, вы совсем не того поля ягода, как говорится по-русски.

– Я бы хотел, чтобы ты поведала мне тайну сердца на родном нам казахском языке.

– Молчите. Молчите. Слушайте лучше музыку.

Но помолчав, Жаппар снова вполголоса говорит Алуе:

– Сегодня ночью я еду в горы, на ферму. Не хотите ли вы посмотреть на ягнят?

– На ягнят-то, пожалуй, я бы с удовольствием посмотрела. Это очень далеко?

– Нет, не так далеко. В горах. На урочище Терен-Сай. Согласны? Поедете?

– Пожалуй, завтра смогу.

– Вот и отлично. Вот и решено. Я вас буду ждать.

– Хорошо. Постараюсь приехать к вечеру.

И Жаппар, счастливо улыбаясь, прощается с Алуой. Девушка провожает его долгим пристальным взглядом.

Между тем подслушавший последние слова в разговоре Алуы и Жаппара Арман ревниво спросил Алуу:

– И зачем это вы потащитесь в горы?

– Странный вопрос. Я должна побывать на овцеводческой ферме.

– Вот уж это не ваше дело...

– Напрасно вы думаете так, молодой человек. Уверю вас – мне до всего дело.

– До всего, кроме нашего канала.

– Погодите, доберусь и до вас, и до вашего канала...

– Долго годить приходится, – невесело отшучивается

Арман.

И тут к Алуе подсаживается председатель колхоза. По его тревожному лицу Алуа догадывается, что он пришел с неприятной новостью. Так и вышло. Склонившись к уху Алуы, председатель вполголоса сообщил:

– Случилась большая беда, Алуа. С нашей конефермы исчезли шесть отборных коней.

Лицо Алуы обрело выражение напряженной тревоги, испуга.

З а т е м н е н и е .

Лунная ночь. Около стен глинобитных могильных мазаров воровски крадутся цепочкой пять человек. Мы видим их внутри мазара. Присев на могильный холм, все пятеро совершают краткую молитву, а затем настороженно

прислушиваются к безмолвию ночи, видимо, ждут чьего-то появления.

И вот в дверях мазара появляется Жалтыр. Одному из пятерых Жалтыр в знак особого почтения протягивает для приветствия обе руки. Так он здоровается с Догалом. В Догале, обросшем черной окладистой бородой, трудно теперь узнать бывшего бая. Догал спрашивает Жалтыра:

– Ну как – продано?

– Сбыто... Слава богу, мы теперь при деньгах. А ваши кони готовы?

– Кони при нас. Хорошие кони. Они вынесут нас на другую дорогу.

Один из пятерых, тучный, наголо бритый человек, с носом, похожим на клюв хищной птицы, злобно говорит:

– Мы еще поработаем в этом колхозе. Мы еще им покажем.

– Придется поработать, друзья... – говорит Жалтыр. – Коммунисты свели с ума своим трактором аульную бедноту. Придется нам подкузьмить их в другом деле. Больно резвая птица появилась у них.

– Что за птица?

– Дочь табунщика Сатая.

– Алуа?

– Она самая. Это о ней говорил Мардан.

– А ты передай тому, чтобы он во что бы то ни стало устроил нам встречу с этой залетной птицей, – говорит в тоне приказа Догал.

– Все будет сделано, дорогой мирза, как вы хотите, – расплываясь в подобострастной улыбке, отвечает ему Жалтыр.

– Говорят, она разъезжает на моем белом жеребце? – спрашивает все тем же мрачным тоном Догал.

– Да, мирза, разъезжает. В год конфискации этому скакуну было четыре года. Сейчас он в полном соку, – говорит Жалтыр.

– Отобрать. Непременно похитить. Этот конь будет правым моим крылом, – решительно заявляет Догал.

Обменявшись в знак клятвенного союза крепкими рукопожатиями, бандиты поочередно выходят один за другим из мазара и воровски крадутся к оставленным в стороне своим коням.

З а т е м н е н и е .

Рассвет. Прижавшаяся к ущелью одинокая зимовка. Неподалеку от зимовки стадо пасущихся на холме разношерстных ягнят. За ягнятами присматривает старый чабан Назарбек. С умилением смотрит он на резвящихся на изумрудной траве своих питомцев. Но вот лицо старого чабана вдруг обретает строгое, суровое выражение. Старик настороженно к чему-то прислушивается и еще более настороженно озирается вокруг.

Из-за возвышающейся неподалеку каменной глыбы медленно поднимается голова неизвестного человека, с окладистой черной с проседью бородой. Заметив незнакомца, Назарбек вскакивает с криком:

- Эй, кто ты такой?
- Это я, Назарбек. Не пугайся.
- Догал?! Это ты, мирза Догал?
- Раньше звался мирзой. А теперь называй как хочешь...
- Откуда? Какими судьбами?

И Догал, быстро приблизившись к Назарбеку, почти-тельно здоровается с чабаном, угодливо протягивая ему обе руки.

Догал с Назарбеком садятся на камень. Переведя дыхание, Догал говорит:

– Вот судьба! Рыскаю и прячусь среди камней, как одичавший зверь. Скажи, Назарбек, осталась ли жалость в сердцах сыновей рода Жалаира? Могу ли я рассчитывать на защиту?

– Ты, что же, в бегах?

– Выходит, так... Я помню, что ты один из немногих тогда подал за меня свой праведный голос. Вот я и пришел снова к тебе, искать у тебя опоры.

– Ты что же, хочешь, чтоб я укрыл тебя от народа?

– Хотел бы...

И Назарбек, вскочив на ноги, с ожесточением крикнул:

– Нет, Догал. Теперь не прежние времена. И я не тот.

– Как ты сказал? – с тревогой и гневом проговорил Догал, пытливо вглядываясь в ожесточившееся, суровое лицо Назарбека.

– Сказал, как слышал.

— Опомнись, Назарбек! Подумай, что ты говоришь? Если мне суждено будет принять смерть у могил моих предков, то и тебя я не оставлю в живых. Помни, я буду следить теперь за каждым шагом твоим. От меня ты не уйдешь. Запомни! — угрожающе говорит Догал. И тотчас же скрывается за грудой камней, бесследно исчезая в утренней дымке.

Потеряв из виду Догала, Назарбек опрометью мчится к зимовке. Наспех седлая коня и усаживая в седло свою жену, Назарбек говорит ей:

— Скачи скорее в Костюбе. Передай Алексею из ГПУ все, как я рассказал.

— Передам, передам! — говорит жена Назарбека и, стегнув коня, она с лихостью выдавшей виды степной наездницы помчалась в полный карьер прочь от зимовки.

Затемнение.

Снова лунная ночь. Алуа с Назарбеком обходят кошары. Они осматривают овец при свете фонарей. Закончив обход, Алуа с Назарбеком выходят из кошары и останавливаются как вкопанные, чутко прислушиваясь к отчаянному лаю собак, доносящемуся от зимовки.

— Что бы это значило? — спрашивает Алуа.

— Не пойму. Хорошего в этом мало, дочка.

— Тебя тут никто не тревожит в последнее время?

— Как сказать... Нехорошие ходят слухи. Говорят, что бродят в горах какие-то всадники...

Алуа, проверив свой браунинг, кивнула старому чабану:

— Пошли.

Погасив свои фонари, Алуа с Назарбеком входят во двор зимовки. Непокойно, тревожно ведет себя привязанный к стойке оседланный белый жеребец.

Назарбек наглухо закрывает на задвижку ворота. Захлебываются лаем собаки. В ночную тишину врывается все нарастающий, все приближающийся топот конских копыт.

Назарбек с Алуой замерли у ворот.

Топот конских копыт затих. Послышался торопливый шорох шагов спешившихся всадников. Громкий, настойчивый, требовательный стук у ворот.

— Открывай!

Назарбек в смятении мечется у ворот, не зная, что ему делать – открывать или не открывать.

– Нельзя. Не открывать, – говорит строго старому чабану Алуа.

– Открывай! – хрипит по ту сторону ворот грубый, охрипший голос.

– А кто вы такие? – спрашивает чабан.

– Из районного ГПУ.

– Ну, мы таких гостей здесь не ждали, – звучит насмешливый голос Алуа.

– Не разговаривать. Открывайте!

– Нет, не откроем. Уходите прочь, иначе буду стрелять, – повелительно крикнула Алуа, дрогнувшим от гневного накала голосом.

Голоса из-за ворот:

– Ах, и ты здесь, залетная птица?!

– Вот хорошо! Нам тебя-то, голубушка, и надо!

Догал узнал Алуу по голосу, как и Алуа в свою очередь, по голосу же узнала Догала.

– Ну, теперь все, Назарбек! Настал час решительной схватки. Ты умеешь стрелять? Держи вот ружье, – сказала Алуа, протягивая чабану свой винчестер. И наскоро показав Назарбеку как обращаться с оружием, она первой выстрелила сквозь щель ворот в заседавших бандитов.

Грохнули ответные выстрелы. Поднялась, завязалась взаимная перестрелка.

Поняв, что им не под силу прорваться через хорошо забаррикадированные ворота зимовки, бандиты ринулись к единственному окошку жилой избушки старого чабана. Но расторопный старик успел уже забаррикадировать сундуками окошко.

– Дело наше худое, Алуа. Садись на своего жеребца и прорывайся сквозь распахнутые ворота в степь. На такого коня можно положиться. Он тебя спасет от погони, – сказал Назарбек.

– Это, пожалуй, правильно. Им меня не настигнуть. А через несколько минут я подыму весь колхоз и не уйти от нас этим бандитам, – сказала Алуа.

И девушка, мигом взметнув на коня, ринулась с места в карьер сквозь распахнутые чабаном ворота.

Бандиты, увидев всадницу, бросились к своим лошадям. И они ринулись в погоню за Алуой.

Погоня.

Вихрем мчится скакун Алуы по степи. Быстрее ветра летят, преследуя всадницу, на своих разгоряченных злых рысаках осатаневшие от злобы бандиты.

– Стреляй! Бей по ней! – кричит перекошенным ртом Догал.

– Не уйдешь, не спасешься, гадина! – задыхается от гневного крика один из пятерых всадников.

Точно по воздуху летит скакун Алуы. Волосы девушки треплет крепкий предутренний ветер.

Один за другим бухают позади Алуы выстрелы. Привычно и ловко держась в седле, Алуа время от времени дает ответные залпы из своего винчестера.

Мчится конь Алуы, не сбавляя темпа. Все дальше и дальше отстают позади четверо всадников. И только один из них продолжает держаться от Алуы на прежней дистанции, не прекращая пальбы.

Тогда Алуа, немного сдержав коня, решила подпустить к себе ближе наступающего ее всадника и свалить его выстрелом на наиболее верном расстоянии. Резким рывком повернув своего скакуна, Алуа сделала круг и, осадив жеребца, взяла на мушку вихрем летящего на нее бандита.

Но противник опередил своим выстрелом верный выстрел смелой девушки.

Алуа, взмахнув руками, как крыльями, повалилась из седла, как падает на землю подбитая птица. Однако, упав на землю, Алуа, последним усилием воли заставила себя приподняться. Сделав упор на правое колено, она взяла на прицел голову налетевшего на нее всадника. Выстрел. И враг, выронив ружье, упал ниц лицом на луку седла, судорожно вцепившись руками в гриву коня. Конь, описав гигантский круг, понес своего подбитого всадника назад, в сторону далеко отставших бандитов. Истекающая кровью, теряющая последние проблески сознания, Алуа успела еще заметить конную кавалькаду, вырвавшуюся из-за холма. Она поняла, что это были свои люди – сотрудники ОГПУ с колхозниками из долины Актала. Она даже услышала

завучавшую вдали перестрелку и догадалась, что люди эти настигли бандитов.

Вдали запылало багровое зарево пожара. Это горела подоженная налетчиками зимовка Назарбека.

Пылает зимовка. В огне кошары. Окровавленный, раненый Назарбек то и дело бросается в огонь, спасая ягнят.

Наконец, пожар затихает. К зимовке подводят колхозники поднятую в степи раненую Алуу. Из степи возвращаются всадники — работники ОГПУ и колхозники, конвоируя переловленных в степи пятерых бандитов, среди которых пришедшая в себя Алуу узнает, к своему ужасу, Жаппара.

Долго, пристально долго смотрит Алуу своими огромными, округлившимися от изумления, гнева и ужаса глазами в потемневшее лицо Жаппара.

— Жаппар! Ты был с ними? — наконец, собравшись с силами, спрашивает Алуу.

Жаппар, потупясь, молчит.

— Ах, жалко, что я промахнулась и пуля моя не сразила мое заблуждение, — говорит Алуу, презрительно глядя в мертвое, точно окаменевшее лицо недавно любимого ею человека.

Затем Алуу перебрасывается короткими фразами с Арманом.

— Ну, не я ли говорил вам... — первым начал было Арман.

— Вы корить меня решили? — строго и осуждающе спрашивает его Алуу. — Не будь вас сегодня в числе моих спасителей, я бы удивилась вчерашнему вашему предвидению, — добавляет она уже мягче, тепло взглянув на Армана.

Затемнение.

Просторная, залитая солнечным светом больничная палата. На койке сидит в халате выздоравливающая Алуу. Рядом с Алуой — Нина. В глазах Алуы — слезы. Обняв слабой, тонкой рукой плечи подруги, Алуу говорит:

— Стыдно мне. Очень стыдно, Нина. Стыдно перед партией. Подумать только, впервые в жизни полюбила я так страстно, так горячо. И кого? Своего врага. Ах, как жестоко наказана я! Ах, как я наказана! Ну куда я теперь годна?

Внимательно слушая Алуу, Нина сдержанно улыбается и ласково, как ребенка, гладит девушку по пышным ее темным волосам.

— А как я хорошо начала жить и работать! Так мне было легко и радостно трудиться вместе с нашим народом, с народом, который столь бесконечно мне доверял...

— Да, это было большой радостью не только для тебя, Алуа, но и для всех нас, — говорит задумчиво Нина.

— Да, это было большой радостью, моя Нина... И вот — все кончено. Все пошло насмарку... Ах, как стыдно, как горько мне. Как теперь я посмотрю в лицо наших комсомольцев? Что отвечу я партии?

И уронив в колени голову, Алуа начинает рыдать безутешно, как рыдают несправедливо наказанные дети.

Дав выплакаться вволю девушке, Нина бережно приподнимает ее за плечи и говорит:

— А теперь посмотри на меня.

Алуа доверчиво, как ребенок, смотрит в приветливо улыбающееся лицо своей подруги.

— Вот и хорошо, что ты выплакалась, — говорит Нина. — Не дешевы эти выстраданные тобой слезы. Я хорошо понимаю тебя, дорогая моя. Но отчаиваться тебе совсем нечего. Ошибку в личных делах можно поправить. Подумай, ведь у тебя все в будущем. А будущее у нас прекрасно. В нем много поэзии и пафоса, труда и борьбы. Горячо верю, что еще раскроешь себя, все свои богатые душевные силы. И за это тебе скажет спасибо партия. А для этого нам с тобой, милая, надо много учиться. И мы будем учиться. Не правда ли?

— Будем, будем учиться, Нина. Ведь нам так многое надо еще узнать, — говорит Алуа, восторженно глядя в лицо своей верной подруги.

— Ты права, дорогая. Нам многое надо узнать еще в жизни. И мы узнаем с тобой. Мы увидим прекрасное будущее, о котором так много мечтали и за которое так много страдали, боролись целые поколения.

— Значит, ты простишь меня, Ниночка? — спрашивает Алуа, испытующе вглядываясь блестящими глазами в лицо подруги.

– Ах, какая ты дурочка, Алуа! Да как же ты можешь спрашивать меня об этом?! – говорит Нина, заключая хрупкое тело девушки в крепкие, дружеские объятия.

У часть

Кабинет истории СССР. Вдоль стен стеллажи, туго набитые книгами. В глубине – длинный стол, покрытый алым сукном. На столе – букеты живых цветов в хрустальных вазах. За столом – казахские и русские ученые. Большинство из них – люди среднего возраста. Есть среди членов этого ученого совета и несколько женщин-казашек. Среди них мы видим и элегантно одетую, слегка располневшую Нину Ивановну Ершову.

Председательствующий на ученом совете – казах, делает знак рукой.

– Прошу пожаловать, товарищи, к столу. Сейчас вы услышите оценки ученого совета по вашим дипломным работам.

Эти слова председательствующего обращены к молодым людям, юношам и девушкам, появившимся в дверях кабинета. Молодые люди, войдя в кабинет, занимают свои места.

– Товарищ Сатаева Алуа. Прошу вас к столу, – говорит председательствующий.

И мы видим поднявшуюся со своего места, решительно направившуюся к столу Алуу такой, какой ее прежде не видели и не знали. Она выглядит выше, слаженнее, стройнее, привлекательнее.

– Ученый совет оценил дипломную работу Алуы Сатаевой на тему “О коммунистическом женском движении” как отличную работу, имеющую самостоятельное научное значение, – говорит председательствующий. И он вручил диплом Алуе, поздравляя ее, крепко пожимает руку смущенной девушке.

После вручения диплома другим студентам председательствующий говорит:

– Дорогие друзья! От всего сердца желаю вам дальнейших творческих успехов в будущей вашей практической и научной деятельности. Я и мои коллеги убеждены в том,

что вы своими трудами заслужите добрую славу, всеобщее признание и любовь нашего народа.

Выпускники-студенты обмениваются с научными работниками крепкими рукопожатиями, преподносят членам учебного совета букеты цветов.

И вот мы видим члена ученого совета института — Ни-ну Ивановну Ершову рядом с другими членами учебного совета, и между ними завязывается следующий разговор:

— Алуа Сатаева написала свою дипломную работу весьма серьезно и вдумчиво, — говорит один из профессоров.

— О, да, — поддерживает Нина Ершова. — Эта девушка пришла в институт с богатым жизненным опытом. Вот почему в ее дипломной работе столько глубокого смысла и подлинно научных обобщений.

— На мой взгляд, Сатаеву следовало бы направить в аспирантуру, — говорит один из профессоров.

— Вы правы, профессор. Я тоже об этом думала, — поддерживает его Нина Ершова.

В разговор ученых вмешается подошедший к ним щегольски одетый казах в роговых очках, которого Нина Ивановна знакомит с присутствующими:

— Это профессор Есенов. Известный казахский ученый, недавно вернувшийся в наш институт из Москвы, — представляет Есенова ученым Нина Ивановна.

И мы узнаем в Есенове Мардана.

— Я с интересом прислушивался к вашим лестным отзывам о Сатаевой. Я читал ее дипломную работу и пришел в восторг от широты ее научных обобщений, от глубины мысли, от подлинно творческого отношения к материалу. И мне тоже думается, что эту одаренную девушку следовало бы оставить в аспирантуре при нашем научно-исследовательском институте.

— Мнения наши сходятся, кажется, и я очень этому рада, — заключает Нина Ершова.

Затем в сопровождении Мардана Нина Ершова проходит по коридору в одну из комнат института, где встречается лицом к лицу с Алуой.

— Поздравляю вас, Алуа, поздравляю с отличным дипломом, — говорит Алуе Мардан, почтительно расшаркиваясь перед девушкой и пожимая ее тонкую смуглую руку.

- Благодарю вас, Мардан-ага...
- Вопрос о вашей аспирантуре можно считать пред-
решенным, – говорит Нина Ивановна, обращаясь к Алуе.
- О, боже! Как я рада, Нина Ивановна! Вы знаете, я
испытываю сию минуту сложное чувство радости и тре-
воги – радости за настоящее и тревоги за будущее. Ведь
наука такой источник, которой не утоляет жажды, а еще
больше усиливает ее.
- Что правда, то правда. Если жажда к знаниям
сильна в человеке, значит, – будущее за ним, – тоном
непререкаемого авторитета говорит Мардан. – Я предлагаю
вам, Алуа, стать аспиранткой нашего института.
- Благодарю вас, Мардан-ага, весьма польщена таким
предложением.
- Любопытно знать, какую вы тему изберете для
диссертации? – спрашивает Мардан.
- Пока затрудняюсь назвать эту тему, Мардан-ага.
- А мне думается, – говорит Нина Ивановна, – что
тема уже predeterminedена вашей дипломной работой. Воп-
рос о женском движении в нашей республике – весьма
актуальный и почти совсем пока не освещенный в науч-
ной литературе вопрос. Вот вам-то тут и все карты в руки.
- Вы говорите о женском движении в Казахстане? –
спрашивает Алуа Нину Ивановну.
- Да, да, именно в Казахстане.
- Стало быть, я должна писать в своей диссертации о
том, что дал Октябрь казахской женщине. Не так ли?
- Да, разумеется, так. И только так, – решительно
говорит Нина Ивановна.
- Тут нужно серьезно подумать, – глубокомысленно
замечает Мардан. – Я, например, полагаю, что такая
постановка вопроса несколько ограничит широту научных
обобщений. А ведь вам надо писать не журнальную статью,
не брошюру, а большой самостоятельный научный труд,
отвечающий требованиям мировой исторической науки.
- Да, трудностей будет немало. Все это я отлично
понимаю, Мардан-ага. И ко всему этому внутренне себя
подготовила, – говорит Алуа.

Затемнение.

Бал. В большом, залитом электрическим светом зале льются светлые звуки крылатой мазурки. Пара за парой проходят в танце элегантно одетые молодые люди и нарядные девушки. На переднем плане мы видим грациозно танцующую Алуу в паре с юной и очень очаровательной девушкой.

Среди присутствующей на балу публики мы замечаем Сексека с Арманом. Арман следит за танцующей Алуой ревниво и восхищенно. Алуа изредка бросает на Армана мимолетные, несколько насмешливые, лукавые взгляды. И в перерыве между танцами, Арман, улучив минуту, подходит к Алуе.

— О, как вы изменились! — говорит Арман, глядя на девушку восхищенными глазами.

— В худшую или в лучшую сторону? — кокетливо улыбаясь, спрашивает его Алуа.

— Как вы можете спрашивать об этом! Вы очень повзростели, еще больше похорошели вообще... Я слышал о ваших успехах в институте. От души поздравляю. От души!

— Благодарю вас, Арман. И я про вас кое-что лестное слышала. Говорят, вы тоже учитесь в институте?

— Не совсем точная информация. Я уже окончил его.

— Какой именно?

— Энергетический.

— Вот как! Значит, с гидротехникой вы распростились.

Жаль.

— И не думал. Наоборот, став энергетиком, я думаю вновь вернуться в родные края на Актал.

— На Актал?! Что же вы будете делать там?

— То самое, о чем мечтал и о чем говорил с вами когда-то. Поеду строить большую гидроэлектрическую станцию на Актале. Буду делать то самое, за что вы когда-то меня обозвали фантазером.

— А вы на меня до сих пор дуетесь?

— Нисколько.

— То-то же, Арман.

— Я надеюсь увидеть вас в скором времени на берегах Актала.

— Очень хорошо делаете, что надеетесь. Думаю, что увидимся.

В разговор вмешивается подошедший к Алуе с Арманом Сексек. Обращаясь к Алуе, Сексек шутит:

— Неужели ты не нашла для танцев лучшего джигита, чем твоя барышня?

— А чем из меня не джигит?

— Не знаю. Я до сих пор был убежден, что все-таки больше была похожа на девушку.

Все смеются.

Вновь льются звуки бального танца. И Арман приглашает Алуу на тур вальса. Алуа отказывается, вновь беря себе в пару все ту же юную и очаровательную девушку.

Помрачнев, Арман смотрит ревнивым взглядом за кружащейся в вальсе Алуой. Ему не по себе. Он не отвечает на шутливые вопросы Сексека и, тяжело вздыхая, медленно, как незрячий, уходит из зала, протискиваясь сквозь толпу нарядно одетых людей.

Затемнение.

В просторном и светлом, со вкусом обставленном, деловом и строгом кабинете секретаря обкома партии сидят в глубоких кожаных креслах друг перед другом секретарь обкома Сапар и Нина Ершова. Они как бы продолжают давно начатый разговор.

— Ты понимаешь, Нина Ивановна, в Актальском районе явно хромает работа среди женщин. Я очень прошу тебя подумать — кого бы из женщин направить туда.

— Я об этом уже задумывалась. И подходящая кандидатура имеется. Но...

— Что но?

— Видишь ли, Сапар, как коммунистка, как член обкома, я готова направить туда эту женщину. Но как работник института, я не могу решиться на этот шаг.

— Кого ты имеешь в виду?

— Алуу Сатаеву. Помнишь такую?

— Еще бы! Она окончила учебу?

— С отличием. Оставлена аспиранткой при Институте истории и этнографии.

– Вот как! Выходит, талантливая девушка?
– Определенно. Собирается писать диссертацию о женском коммунистическом движении в республике.

– Очень хорошо! Вот поэтому-то ее и надо послать в Актальский район. Именно ее. Никого другого. Это ей окажет большую практическую пользу в научной работе. Для научного опыта мало одной эрудиции, почерпнутой из литературы. Необходимо еще знать жизнь, нашу действительность. Не так ли, Нина Ивановна?

– Все это так, конечно. Все это я отлично понимаю. Но, признаюсь, мне жалко расставаться с Алуой.

– Что же делать? Интересы партии превыше всего. Значит, по рукам, договорились?

– Если так нужно партии – договорились.

И Сапар с Ниной Ивановной, обменявшись крепким рукопожатием, оба улыбаются той лучистой и доброй улыбкой, которая говорит о том, что оба эти человека отлично понимают друг друга и что партийные, государственные интересы одинаково близки и дороги их сердцам.

Затемнение.

Алуа, сидя на полу в уютной, ярко освещенной солнечным светом комнате, укладывает в чемодан вещи. Рядом на стуле сидит Сексек. Он явно расстроен. Алуа, поглядывая на загрустившего Сексека, улыбается.

– Ты все смеешься! – говорит с укоризной Сексек.

– Уж не плакать ли мне прикажешь?

– Не знаю, как ты, а я, глядя на тебя, заревел бы, – признается еще более мрачнейший при этом Сексек.

Алуа заразительно смеется.

– Да ты, что? Спятил, Сексек? С чего бы это тебе проливать горькие слезы?

– Жалко мне тебя, вот с чего.

– Жалко? Это за что же?

– За то самое.

– Не понимаю.

– Замуж тебе пора.

– Вот как!? Давно ты об этом надумал?

– Давно думаю... Училась, училась, а что толку? Теперь

бы только тебе подстать найти достойного джигита, да и в ЗАГС. А ты вот снова улетаешь в пустыню. Или думаешь, что там только настоящие женихи?

— Ах, Сексек, оставь меня. Вот об этом-то как раз я меньше всего думаю.

— Очень плохо думаешь.

— А из тебя, Сексек, скажу тебе прямо, неважный сват получается. Ведь это по твоей милости однажды уже обожглась я на одном джигите... И вот с тех пор я, как туго завязанный узел. Все заглохло, уснуло во мне. И бог весть, когда развяжется этот узел, да и развяжется ли.

Тяжело вздохнув, Алуа снова оживляется и спрашивает Сексека:

— Скажи лучше, почему не женишься ты? Неужели не встретил до сих пор достойную девушку? Или звезды ваши не сходятся?

— Выходит, не сходятся...

— Интересно. Отчего бы это?

— Хочу найти себе девушку не только по душе, но и по росту.

— По росту? Вот это интересно!

— А неужели ты думала, что я выберу себе такую длинноногую, как ты? Ведь мне, чтобы поцеловать такую, придется лестницу с собой носить.

И Алуа и Сексек оба долго заразительно смеются.

Шофер, появляясь в дверях, говорит:

— Все в порядке, товарищ Сатаева. Машина на полном ходу.

— Я готова. Едем! — отвечает Алуа, торопливо укладывая в чемодан последние вещи.

Сексек не очень проворно и ловко помогает в сборах.

Накинув на плечи легкий дорожный плащ, Алуа бросает на Сексека прощальный взгляд и протягивает ему руку.

— Ну, счастливо оставаться, Сексек. Желаю тебе все-таки найти невесту по росту.

— До свиданья, моя дорогая. Надеюсь, что и ты найдешь, наконец, своего жениха. Говорят, что тебя, как Баян-Сулу, поджидают девяносто витязей в песках Бетпакадалы. Смотри, только не нарвись вместо витязя на сухое, бесплодное дерево.

Обменявшись крепкими рукопожатиями, Алуа и Сексек выходят к стоящему у крыльца “газику”. Алуа садится в машину, прощально помахивая рукой грустному, задумчивому Сексеку.

Машина трогается, и Сексек провожает ее долгим, печальным взглядом и такой же невеселой улыбкой, смутно озаряющей его смуглое лицо.

Затемнение.

На экране раскрывается во всем своем пленительном великолепии цветущая долина Актала. Вместе с Алуой и ее новым спутником — Бейсеном Сатовым, в котором мы узнаем бывшего батрака Догала, вышедшим из машины, мы любуемся с высокого холма настезь распахнутым простором долины, ее садами и пашнями, дымящимися вдаль трубами ее заводов и трепетным шлейфом дыма над уходящими вдаль паровозами. Отсюда, с вершины холма, хорошо видны окрестные села колхозов, строгие очертания жилых кварталов и приусадебных участков, ослепительно сверкающие на солнце белые корпуса станционных зданий “Костюбе”.

Блестящими от восторга и восхищения глазами смотрит на этот, залитый солнечным светом мир, Алуа с вершины холма.

— Вот, Алуаш, и родная наша долина. Прекрасно, не правда ли? — говорит Бейсен.

— Ах, чудесно, чудесно, Бейсен.

— Подумай, как тут все изменилось. Ведь тогда вся эта долина принадлежала семи баям рода Жалаир. А сейчас здесь раскинулись цветущие сады и пашни семидесяти колхозов. Трудно поверить, что когда-то эта долина была для нас с тобой долиной горя, бед и обид. Помнишь ли ты эти годы? Знаешь ли ты, сколько было пролито в этой долине нашим народом пота и слез?

— Все, все помню, Бейсен. Такое не забывается.

— Да, такое не забывается... А теперь — полюбуемся! Вон, видишь, трубы двух сахарных заводов? А вон — рисовые плантации. А вон — свекольные поля. Эти земли принадлежат теперь 70 колхозам. Каждый из колхозов имеет сейчас свои школы и клубы. В районе две средних школы.

В ближайшее время мы развернем строительство большой гидростанции на Актале, — говорит Бейсен, ведя под руку Алуу к машине.

И сев в машину, спутники трогаются в дальнейший путь. Мы видим их мчащимися по широкой гудро-нированной дороге мимо колхозных садов и пашен, мимо благоустроенных сел, мимо золотящихся под жарким солнцем пшеничных массивов, свекольных полей и рисовых плантаций.

И все теми же горящими от восхищения глазами любуется Алуу на эти родные, воскрешенные к жизни места.

Затемнение.

В кадре — красивый фасад здания школы со скромной вывеской на фронтоне. Это колхозная средняя школа имени Абая.

Алуу и Саруар входят в настезь распахнутые двери школы. Затем мы видим девушек уже в дверях пятого класса. Ученики — мальчики и девочки — бесшумно встают, приветствуя вошедших. Поздоровавшись с юной казашкой-учительницей и посмотрев классный журнал, Алуу идет в сопровождении Саруар и директора школы — пожилого казаха в очках — Жаксенова, из одного класса в другой. Поочередно они проходят от пятого до десятого класса. И мы замечаем, — чем старше класс, тем все меньше и меньше в нем девочек-казашек. А в десятом классе Алуу встречает всего одну ученицу, в которой узнаем мы выросшую за эти годы, очень похорошевшую Асию — ту самую Асию, которую встретила и приласкала когда-то Алуу на концерте художественной самодеятельности в одном их колхозных клубов.

Асия, увидев Алуу, бросилась к ней навстречу. Алуу по-матерински обняла и приласкала девочку.

— Как я рада, что вы узнали меня, тате Алуу, — захлебываясь от восторга, говорит Асия.

— Я тоже очень рада, Асия.

— Помните ли вы нашу встречу в колхозе “Актал”? Это было в 1931 году.

— Очень хорошо помню, Асюша. Однако, как ты выросла!

– Да, я стала больше... – смущенно улыбаясь, говорит Асия.

– Значит, ты кончаешь десятилетку? Это хорошо. Но почему, кроме тебя, я не вижу среди учащихся ни одной девушки-казашки?

– Потому что они у нас не учатся, тате.

– Не учатся? Почему? – с тревогой спрашивает Алуа, обращаясь уже к Саруар и к директору школы.

– Трудно сказать, – уклончиво отвечает директор.

– А что скажете вы, Саруар?

– Не знаю, что и ответить. Так уж заведено у нас: дальше седьмого класса казахские девочки не идут.

– Очень плохо. Очень плохо, товарищи, – говорит со строгой укоризной Алуа. – Странно, что ни вы, Саруар, как заведующая отделом народного образования, и ни вы, товарищ Жаксенов, как директор школы, не замечаете этих явно ненормальных явлений. Разве мыслимо в наше советское время мириться с такими феодально-байскими пережитками? А в этом очень ярко отражаются такие пережитки. Вы согласны со мной?

– Да, вы, видимо, правы, – тихо говорит Саруар.

– Если от вас я не могу добиться ответа, то придется поискать его у других, – строго говорит Алуа.

– Каких именно других вы имеете в виду? – не очень любезно спрашивает директор.

– В первую очередь, родителей, – также сухо и строго отвечает ему Алуа.

И вот мы видим уже Алуу на родительском собрании, в актовом зале школы. Здесь собрались и молодые матери, и престарелые казахские женщины. Здесь же присутствуют и совсем юные девушки – это бывшие ученицы школы. Здесь же и Асия. Собрание похоже больше всего на задушевный, доверительный, мирный разговор случайно собравшихся здесь людей.

– Ну, вот, дорогие мои бабушки и матери, – продолжает беседу Алуа. – Скажите, положив руку на сердце, в чем тут причина? Почему ваши девочки не идут дальше седьмого класса? Ведь большинство из них учились хорошо и отлично.

Длительное, тягостное молчание. Наконец, одна из престарелых женщин говорит:

— А мы тут при чем, родимая? Мы за них не в ответе. Если девушке исполнилось пятнадцать лет, то ей, наверное, уже не до наук...

— А бывает, что и отцы многих удерживают, — вставляет свое слово другая женщина.

— Взять меня. Я женщина преклонных лет. Муж еще меня старше. Оба мы заняты на работе в колхозе. Если бы наша дочка училась, кто бы стал следить за порядком в доме? — говорит одна из участниц этой беседы.

И разговор начинает принимать все более оживленный характер. Перебивая одна другую, женщины говорят:

— Семь лет проучиться — великое дело. Для девушки это перешло да стукнуло. Не всем же им докторами или инженерами быть. А кто тогда станет хозяйничать в доме?

— Что правда, то правда.

— Ведь так всех джигитов в ауле можно без невест оставить...

Дав вволю выговориться женщинам, Алуа обратилась к присутствующим на собрании бывшим ученицам этой школы.

— Старшие высказались. Теперь слово за вами, девушки. Признайтесь, что заставляет вас расставаться со школой? Вот я ваша старшая сестра, бывшая байская батрачка. Благодаря советской власти я, круглая сирота, получила образование, вышла в люди. Или, скажем, вот Асия Жабаяева. Ведь ей ничто не помешало с успехом заканчивать десятый класс. Неужели же вы не стремитесь к культуре, к образованию? В чем тут причина? Давайте поговорим откровенно.

И опять долгое, тягостное молчание. И снова одна из девушек, шустрая на вид, миловидная Жанат, сидевшая рядом с Асией, заговорила первой, заговорила, энергично жестикулируя, быстро, запальчиво, гневно.

— А скрываться от вас, апа Алуа, не стану. Скажу все начистоту. Не мы не хотим учиться, а родители наши не хотят нас учить. Мне так и сказали: тебе, дорогая, пятнадцать лет, и тебе пора замуж.

При этих словах Жанат пожилые женщины, бабушки и матери приходят в движение. Они недовольны смелой, обличительной речью бойкой Жанат.

— Или неправду говорю? — продолжает Жанат, обращаясь к старшим женщинам. — Знаю, что вам не совсем по душе слова мои. Я понимаю вас. Вы — старые люди. Вы живете прошлым, и не сразу отучишь вас от тех пережитков, о которых так хорошо говорит товарищ Сталин. Разве не совершаете вы ваших пяти намазов? Не гадаете на овечьем помете? На кумалаке? Разве не хотите просватать нас тотчас же, как нам стукнет пятнадцать лет? Молчите? Значит, правду я говорю! — заключает Жанат под одобрительные кивки и возгласы своих подруг.

Одобрительные возгласы девушек, поддерживающих Жанат, вдруг переходят в шквальную бурю протестующих криков:

- Во всем наши матери и отцы виноваты!
- Они не пускают нас учиться!
- К очагам на аркан привязали!
- Пораньше сплавить нас замуж — одна у них забота!
- Верните нас, тате Алуа, в школу!
- Верните! Верните!
- Мы все хотим учиться!

С трудом утихомирив возмущенную молодежь, перед которой притихли, робко запереглядывавшиеся старшие женщины, Алуа сказала, заканчивая беседу:

— Мне все ясно, дорогие друзья. Вижу, что все девушки страстно хотят одного — учиться. И в этом никто не в праве мешать им. Ни отцы, ни матери. Советская власть дала священное право каждой девушке, каждому юноше — стать образованным человеком. Давайте не будем лишать этого права наших детей.

При этих словах Алуы девушки, сорвавшись со своих мест, ринулись к ней и, окружив ее тесным кольцом, восторженно глядя в лицо своей защитницы счастливыми, сияющими глазами, наперебой кричали:

— Учиться хотим! Учиться! Учиться!

И вот восторженные, звонки возгласы девушек вдруг переходят в громкий детский плач. И мы видим уже на экране около дюжины малышей дошкольного возраста. Все они, предоставленные самим себе, томятся под лучами жаркого солнца в открытом поле, на меже большой свекольной плантации. Одни ребятишки орут, барахтаясь друг с другом, другие безутешно плачут. Третьи безучастно

пялят изумленные, широко раскрытые глаза на своих матерей, занятых трудоемкой работой на свекольном поле.

И Алуа, заметив ребятшек, бросается к ним, стараясь успокоить каждого. Впрочем, ей плохо удается это. Одна из старших девочек говорит Алуе, показывая жестом в сторону свекольного поля:

– Все наши мамы там. Они работают. Меня оставили здесь. А я ничего не могу поделать с этими ревами.

По знаку Алуы к детям подходят матери. Детский плач тотчас же замирает. Между Алуой и женщинами идет разговор:

– Какого колхоза свекольные поля?

– Колхоза “Актал”.

– Почему же вы таскаете ребят с собой на работу?

– Да как же иначе-то? Куда же их деть?

– А ясли?

– Что ты, голубушка? У нас о них только говорят.

– Уж который год открыть обещают.

– Плохо ваше дело, товарищи. Очень плохо. И председатель у вас, видать не ахти как хорош. Придется всерьез поговорить нам с ним об этом на колхозном собрании, – говорит Алуа, быстро делая какие-то записи в своем блокноте.

И вслед за этим мы видим уже Алуу, наспех записывающую что-то в своем блокноте на базе молочной фермы. Около Алуы суетится старик Назарбек. И тут же толпятся доярки.

– Жаловаться не станем. Молока у нас – реки. Коров стада. Маслобойня работает круглые сутки, – тараторит Назарбек.

– Хорошо, хорошо, Назарбек. Все это я уже знаю. Меня сейчас интересует другое. Кто среди вас, – говорит Алуа, обращаясь к дояркам, – ходит в передовиках?

– О, милая Алуа, да у нас нет плохих. Мы все передовые, – отвечает пожилая дородная женщина.

– У нас ни передних, ни задних. У каждой из нас десять пальцев, – вставляет слово бойкая и смазливая доярка.

– Стало быть, все они у тебя стахановки? Или, может быть, так – серединка на половинку, как говорится по-русски? – спрашивает Алуа Назарбека.

– Вот это, пожалуй, правильно. Так оно и есть, вроде этой серединки на половинку... – признается Назарбек.

И тут бойкая, смазливая доярка, вдруг взяв серьезный тон, говорит, обращаясь к своим товаркам:

– Вы, я вижу, бабы, не понимаете, о чем речь ведет Алуа. А я поняла. Все мы слышали про Салиху Онгарбаеву. По заслугам прославили женщину на всю республику. А вот мы своей Салихой похвалиться не можем. Но разве среди нас не нашлось бы такой Салихи? Думаю, что нашлась бы, если бы мы того захотели.

– Правильно. Конечно, нашлась бы. И не одна! – горячо поддерживает бойскую доярку Алуа. И тут же просить ее назвать свое имя.

– Меня зовут Айбала... И я скажу прямо, Алуа, почему из нас не выходит стахановок. Дело у нас худо организовано. Тут – дойка, а дома – и за ребятишками вовремя до-гляди, и обед свари, и по хозяйству управиться успеи. Вот и разрываешься целый день на части. А разве толк из такой суетни будет? И выходит, что на ферме работаем мы вполсилы и дома спустя рукава.

– Правильно говорит баба.

– Нас тут не ценят, не замечают.

– Какие уж тут стахановки! – дружными одобрительными возгласами поддерживают Айбалу все ее товарки.

Алуа, торопливо ведя записи в своем блокноте, говорит:

– Да, неважно, неважно у вас организован труд на ферме. То же самое можно сказать и про полеводческие бригады. Не лучше дело и у свекловичниц. Много, очень много придется изменить в вашем колхозе.

– Ох, давно бы пора, дорогая Алуа, давно бы пора, – говорят доярки.

– Да, пора вам выходить на большой простор, на большую дорогу, – заключает Алуа.

И мы видим на экране большой простор. Перед нами раскрывается снятая откуда-то с высоты панорама строительства колхозной электростанции. Ключом бьет трудовой пульс на сооружении плотины, среди арматурщиков и бетонщиков, среди землекопов и монтажников.

Высоко поднимаются в небо леса основного корпуса гидроэлектростанции, внутри которого уже идут работы по мон-

тажу колхозной гидротурбины и по установке гидрогенератора.

Алуа в сопровождении начальника строительства Армана, появляясь на разных участках стройки, внимательно присматривается к занятым своим делом людям и на ходу замечает Арману:

– Я обратила внимание, что среди квалифицированных рабочих на вашем строительстве нет ни одной женщины. Вы говорите, что двадцать пять процентов рабочих, занятых на строительстве, составляют женщины. Это хорошо. Но плохо, что все эти женщины знают у вас только одну черновую работу.

– К сожалению, это так, Алуа. Но не моя вина в этом.

– А я думаю – только ваша.

– Здравствуйте! Это почему?

– Потому что вы не проявили заботы. Если бы вы создали условия – женщины охотно пошли бы на квалифицированный труд.

– Не понимаю, о каких условиях вы говорите.

– Об очень простых. Ведь у вас даже детских яслей нет.

– Вот еще не хватало мне с яслями здесь возиться! С меня хватит и одной гидростанции.

– Ваше дело проявить заботу и инициативу. Ваше дело, наконец, организовать производственную учебу женщин на строительстве.

– Не хотите ли вы, Алуа, чтобы я свою стройку превратил в учебный комбинат?

– А отчего бы и не так? Разве на наших государственных стройках одновременно не готовят кадры различной квалификации? Почему бы вам не задуматься над этим?

– У меня и без этого дум хватает...

– Нет, нет, Арман, вы не правы. Строительство подходит к концу. Гидростанция скоро будет готова к пуску. А есть ли у вас люди, которые смогут управлять этим сложным сооружением?

– Было бы сооружение, за людьми дело не станет.

– Не говорите так. С неба специалисты не упадут. Их вам на месте готовить надо.

– Странная вы, Алуа. Никак нас с вами мирный разговор не берет. Вы то и дело меня чем-нибудь попрекаете и ругаете.

– Что ж делать, заслуживаете.
– Надеюсь, что не всегда?
– Во всяком случае, очень часто, – говорит с лукавой улыбкой Алуа.

Оба смеются.

– Это только начало, Арман. Большая ругачка у нас с вами вся еще впереди, – заключает Алуа, подавая на прощанье руку Арману.

Затемнение.

Просторный кабинет секретаря райкома партии, полный народу. Секретарь райкома Бейсен ведет заседание бюро. В распахнутые створчатые окна видны яблоневые ветки, отягощенные плодами, и далекий степной простор.

Слово берет русский человек, как видно, руководитель большого промышленного предприятия. Он говорит:

– В наших колхозах и совхозах, среди свекловичниц и рисоводов, должны вырасти свои Паши Ангелины, Марии Демченко, Салихи Органбаевы. Претворяя в жизнь указания великого Сталина, мы должны вырастить, воспитать среди наших женщин Героев Социалистического Труда и государственных деятелей. И мы сделаем это, товарищи!

Затем звучит взволнованная, страстная речь Алуы:

– Учтите, это не просьба. Это – требование. Именно женщины вправе требовать, а не просить. Это право дано нам Лениным и Сталиным. Я рассказала здесь обо всем, что видела своими глазами. Вот почему от моих слов краснеет и директор школы, краснеют и присутствующие здесь председатели колхозов, не сумевшие толком организовать труд, не организовавшие до сих пор детских яслей и детских садов. И особенно должно быть стыдно начальнику строительства гидростанции Арману. Но вместе с этими людьми должен испытывать законную неловкость и политический руководитель района – секретарь райкома товарищ Бейсен. Это надо прямо сказать, в порядке самокритики. Если женщины Актальского района не имеют до сих пор равных условий труда, то, значит, они не обрели еще великого равенства в общественной и семейной жизни.

Закончив выступление, Алуа вытирает раскрасневшееся возбужденное лицо кружевным батистовым платочком и

садится, не спуская лихорадочно блестящих глаз с секретаря райкома.

После некоторой паузы Бейсен резюмирует:

— Чего и говорить, принципиальное выступление товарища Сатаевой. Принципиальное и критичное. Я это признаю. Но в то же время я твердо обещаю, что в ближайшее время у нас будет все. Будут ясли и детские сады. В больницах мы откроем детские отделения. Все это будет сделано. Я думаю, что вам необходимо при наших школах открыть агрономические и электротехнические курсы. Нам нужны железнодорожники и электрики, специалисты по сахароварению и высококвалифицированные строители. А раз нужны, мы сделаем так, что они будут у нас. Работа не легкая. Но на то мы и большевики, чтобы не робеть перед трудностями. Все сделаем. Все в наших силах. Это я говорю не только от своего имени, но и от имени всего партийного актива нашего района. А за критику, за большой принципиальный разговор на этом бюро большое спасибо вам, в первую очередь, товарищ Сатаева, — заключает секретарь райкома партии.

Все с уважением смотря на раскрасневшееся, взволнованное лицо Алуы. Не отрываясь, смотрит на нее и Арман, говоря при этом с незлоливой улыбкой:

— Задала она перцу всем. Ругаться товарищ умеет!

“Прошло два года” — говорится в титрах фильма.

И мы видим Нину Ивановну Ершову, Алуу и Сексека, идущими нам навстречу по той же самой дороге, по которой некогда ехала в “газике” Алуа по возвращении из столицы республики в район. Проплывают в кадрах сады и колхозные нивы, кварталы новых жилых домов и корпуса общественных зданий.

На экране фасад знакомой нам колхозной школы-десятилетки имени Абая. Девушки-казашки в коричневых форменных платьях с белыми кружевными воротниками восторженно приветствуют Алуу у входа в школу. И мы узнаем среди этих девушек тех, которые так шумно и бурно вели себя на собрании в актовом зале этой школы два года назад. Все они теперь ученицы старших классов.

Горячо пожимая руки старшекласниц, Алуа проходит в сопровождении Нины Ивановны и Сексека сквозь толпу благодарно улыбающихся ей учениц. А в следующем кадре — Алуа также дружески пожимает руки свекловичниц на колхозном поле, среди которых узнаем мы немало знакомых нам по предыдущим кадрам женских лиц.

Нина Ивановна Ершова разворачивает перед окружившими ее свекловичницами номер столичной газеты, на первой полосе которой мы видим портрет знатной свекловичницы из колхоза “Актал” Жанат, награжденной за рекордные урожаи свеклы орденом Ленина.

Свекловичниц сменяют встретившиеся с Алуой среди колхозной улицы знакомые нам доярки. И мы замечаем на груди у многих из них ордена и медали, а у одной даже значок члена республиканского правительства.

Оживленно беседуя со своими многочисленными спутницами, Алуа проходит по центральной улице опрятного, утопающего в зелени садов и палисадников колхозного села, мимо новеньких, необычайно уютных, веселых домиков с белоснежными занавесками и цветами в окнах — детских ясель и садов.

И вот волны солнечного тепла и света переходят в море электрического сияния. Вместе с Алуой мы входим в огромный, ярко освещенный гигантскими электрическими лампами турбогенераторный зал колхозной гидроэлектростанции. Алуу встречает миловидная казахская женщина в комбинезоне электрика. Алуе приветливо кланяется, улыбаясь, другая казашка — дежурный инженер гидроэлектростанции, сидящая за пультом управления.

— Вот вам и новые наши кадры! Вот вам и казахские женщины инженеры и электротехники. А вы говорили! — говорит с улыбкой Арман Алуе.

— Рада, что слова мои пошли впрок. Очень рада, Арман, — отвечает ему Алуа.

И глаза Алуы, и глаза присутствующих в турбогенераторном зале женщин-казашек излучают в это мгновение какой-то особый, радостный свет.

Потоками света залит турбогенераторный зал гидроэлектростанции. Потоками света залиты в ночную пору и улицы колхозного села.

И только широкая аллея тенистого колхозного парка не очень ярко освещена золотым, как дутая казахская серьга, месяцем, высоко поднявшимся в небо. По аллее медленно идут навстречу нам Алуа с Арманом. Бережно придерживая Алуу под руку, Арман вполголоса продолжает с ней разговор:

— Ну, теперь, я надеюсь, вы не будете так ко мне придирчивы и жестоки, как прежде?

— Как вам сказать? Для этого у меня сейчас как будто бы поменьше оснований... Серьезно, Арман. Я счастлива. Я многим и многим довольна. Подумать только, как все изменилось за эти два года во всей Актальской долине! Будем справедливы, в этом немалая ваша заслуга. Точнее сказать — вашей гидростанции.

— Благодарю за признание. А помните, как тогда вы взяли на работу меня? Это давало мне основания полагать, что чувство гнева и раздражения очень часто заслоняли другие светлые стороны вашей души.

— Возможно, возможно, Арман. Я подчас бываю горяча и вспыльчива.

— Слава богу, что не всегда... Я уверен, что в сердце вашем есть место для нежности и для радости.

— Должно быть, Арман. Ведь я, в конце концов, женщина. К сожалению, мне до сих пор некому было раскрыть души и сердца.

— Неужели и теперь наглухо закрыта ваша душа?

— Трудные вопросы начинаете задавать вы мне, Арман... Знаете, в юности мне пришлось пережить нечто похожее на то, что я испытываю сейчас. Но тогда, похоже, что я наложила запрет на горячие чувства. Я заморозила их в себе. Точно вместо сердца был до сих пор в груди у меня ледяной ком... И вот теперь, откровенно говоря, боюсь вновь споткнуться, очень боюсь, Арман.

Арман, не отрываясь, смотрит влюбленными глазами в освещенное луной лицо Алуы. Он долго молчит. Он очень волнуется, не в силах владеть собою. Наконец, он вполголоса говорит:

— О, как благодарен я вам, Алуа, за это признание.

Они останавливаются и долго стоят друг против друга в глубоком молчании. И по их взаимно нежным,

красноречивым взглядам нетрудно понять, как они дороги в эту минуту друг другу и как им трудно об этом сейчас говорить...

Из боковой аллеи появляется Нина Ивановна с Сексеком. Встретившись с Алуой и Арманом, Нина Ивановна и Сексек обмениваются с друзьями рукопожатиями, затем все четверо в ряд медленно движутся по аллее. Нина Ивановна говорит:

— Нет, не узнать, не узнать теперь долину Актала. За два последние года преобразилось здесь все. Иная природа, иные люди. Вот когда придется вам, Алуа, засесть за свою диссертацию. В ваших руках блестящий материал. Вы должны рассказать об успехах актальских колхозников и колхозниц, и я убеждена, что, идя от этих жизненных фактов, от этой прекрасной действительности к большим творческим, научным обобщениям, вы создадите хорошую книгу.

— Не торопитесь хвалить, Нина Ивановна. У меня еще много неясного. Я не могу пока разобраться в своих многочисленных записях и наблюдениях, — говорит Алуа.

— Дело не легкое. Но в процессе работы все станет на свое место. Короче говоря, давайте-ка, собирайтесь, голубушка.

— Куда же?

— Едете со мной завтра в Алма-Ату.

— Кто вам сказал, Нина Ивановна?

— Так сказал областной комитет партии. И для этой цели я приехала сюда. Едем утренним поездом.

Алуа не в силах скрыть своего волнения и радости, смотрит в смущенное и растерянно улыбающееся лицо Армана.

И Нина Ивановна, и Сексек, поняв, что им следует оставить на какое-то время Алуу с Арманом, сначала приотстают от них, а затем скрываются в боковой аллее.

Оставшись вдвоем, Алуа с Арманом долго молча смотрят в глаза друг другу. Освещенное луной лицо Алуы обретает в эти минуты подчеркнуто скорбное выражение. Таким же выглядит и лицо Армана. Нелегко расставаться им, хотя оба они понимают и чувствуют, что расстанутся не навсегда.

Затемнение.

Большой читальный зал научно-исследовательского института. Все стены заставлены книжными шкапами. За отдельными столиками сидят углубленные в работу научные сотрудники казахи и казашки. На переднем плане мы видим Мардана за большим письменным столом, заваленным книгами, рукописями и журналами. Напротив Мардана стоит Алуа.

– Я полагаю, что у меня достаточно теперь материала для моей диссертации, – говорит Алуа.

– Вы намерены ограничиться материалами современности? – довольно сухо спрашивает Мардан.

– Я думала так. Материала у меня в избытке. Главное теперь – в его освоении и в обобщении.

– Все это так, дорогая моя. Но мне думается, что вашего материала хватит только на половину диссертации.

– Что вы, что вы! Я боюсь, что не уложу этот материал и в двадцать печатных листов.

– Дело отнюдь не в листаже, – тем же сухим и нравоучительным тоном продолжает Мардан. – Вам не следует забывать о строгих требованиях исторической науки. Всякое современное явление должно быть освещено светом предшествующих исторических событий и фактов.

– Я не совсем понимаю вас, – признается Алуа.

– Вот это и плохо. Стало быть, рановато вы беретесь за диссертацию... Извольте, тогда объясню свою точку зрения. Для того, чтобы писать диссертацию на современном материале, вам необходимо глубоко изучить историческое прошлое нашего народа со времен Казахского ханства. Вы должны назубок знать такие вещи, как, скажем, отражение эпохи хана Тауке и шариата на положение казахской женщины. Вам надо изучить легендарные образы таких казахских женщин, как Караулек и Кортка, как Баян-Сулу и Кыз-Жибек с Айман-Шолпан. Понятно? Так вот, ученый совет института поручил вам заняться этим делом. А насчет диссертации будем говорить позднее.

Алуа смотрит на неподвижное, равнодушное лицо Мардана и чувство недоумения, обиды, протеста и гнева на мгновение отражается во всем ее облике. Она пытается что-то сказать. Но в это мгновение в зале вдруг вспыхнуло

всеобщее смятение. Люди, сорвавшись с мест, бросаются к репродуктору. Через минуту читальный зал наполняется народом – учеными и техническими сотрудниками института. У всех встревоженные, растерянные лица.

В напряженной тишине звучат позывные московской радиостанции. Затем раздается голос диктора:

– Передаем важное правительственное сообщение...
Война!

VI часть

Жаркий июльский день. Перрон станции “Костобе”. У перрона – длинный воинский эшелон. Перрон запружен народом. Кишмя кишит от людей и вся привокзальная площадь. Здесь собрались трудящиеся Акतालского района для проводов своих верных сынов и дочерей на фронт.

К перрону подходит пассажирский поезд с табличками на вагонах: “Алма-Ата – Ташкент”. Из одного из вагонов выходит Алуа с небольшим чемоданом в руках.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, быстрым решительным шагом идет вдоль воинского эшелона Алуа. Ее шумно приветствуют молодые люди в военной форме, среди которых многих мы узнаем по прежним кадрам фильма то как бывших школьников, то как колхозников, то как партийных и советских работников района. Вместе с Алуой идет секретарь райкома Бейсен и престарелый директор школы Жексенов. Бейсен на ходу спрашивает Алуу:

– Вы недавно из Алма-Аты?

– Только что с поезда. Очень боялась опоздать.

Навстречу Алуе из вагона выпрыгивает подтянутая, одетая в военную форму Асия. Обнявшись и расцеловавшись с Алуой, Асия говорит:

– Ухожу на фронт добровольцем.

– Поздравляю тебя, дорогая. Ты ведь первая казашка из нашего района, уходящая на фронт. Знай, дорогая, что мы, твои родные и близкие, оставшись в тылу, не подведем тебя в нашем труде. В добрый путь! В добрый путь! Желаю тебе с честью выполнить великий долг патриота нашей любимой родины. Желаю тебе вернуться с победой!

И снова, крепко обняв Асию, Алуа горячо целует ее в губы.

В эту минуту перед Алуой как из-под земли вырастает Арман. В военной форме он выглядит сейчас подвижнее обычного, собранней, строже.

— Как? И ты, Арман, тоже?!

— Да, Алуа, и я тоже. Как видите по кубикам, я старший лейтенант, — говорит, смущенно улыбаясь, в струнку вытянувшись перед Алуой, Арман.

Вспыхнув, Алуа бережно берет под руку Армана и идет с ним по перрону. Звучит их негромкий, глубоко душевный, искренний разговор.

— Я навсегда запомню те немногие ваши слова, Алуа, которые сказали вы мне тогда, в ту лунную ночь, перед отъездом в Алма-Ату. Я знаю, что вы говорили тогда от всего вашего светлого сердца. Эти слова звучат во мне, как музыка, и я сохраню их в душе навеки, — говорит, волнуясь, Арман.

Смущенная, глубоко растроганная искренним тоном Армана, Алуа плохо владеет в эту минуту собой. Крепко прижимая к себе локоть Армана, она говорит:

— Да, Арман. Это был самый чудесный вечер в моей жизни. Я тоже никогда не забуду его.

— Правда, Алуаш? Не забудете? О, как дороги для меня эти ваши слова. О, как счастлив я в эту минуту!

— Вы помните, как я сказала тогда вам о том, что сердце мое было сковано льдом?

— Конечно, помню! Все помню, моя дорогая!

— А вот сейчас вам могу признаться. Вы растопили во мне эту ледяную броню. В такую минуту мне не стыдно признаться вам в этом.

— Спасибо, спасибо, моя дорогая, за это признание. Я верю, что твоя любовь спасет меня в предстоящих боях.

— И я тоже верю в это, Арман. Помни о моей горячей и чистой любви и будь счастлив, мой дорогой!

И Арман, заключив Алуу в объятия, осыпает ее долгими, страстными поцелуями.

Тревожный гудок паровоза. Лязг буферов. Последние прощальные возгласы провожающих. Мелькание поднятых

в знак прощанья рук. И воинский эшелон медленно уходит из кадра.

Вокзальный перрон сменяется полем аэродрома. Приземляется самолет, из которого первым выходит Сапар. Сапара встречает Алуа в сопровождении двух человек. Обменявшись с Сапаром рукопожатиями, Алуа отвечает на его вопрос:

– Судя по последней сводке, радостного пока на фронте мало.

– Как с Ленинградом?

– Город блокирован. Прервано железнодорожное сообщение.

– Да, невеселые вести, – задумчиво говорит хмурый Сапар. – Но ничего, духом падать не будем. Наша задача – усилить поддержку фронта тылом. Я только что побывал в Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областях. Везде наблюдается необычайный трудовой подъем. Везде люди работают не покладая рук во имя победы, во имя помощи фронту. И вот, знаешь, Алуа. Мне пришла одна хорошая мысль. Хочется, чтобы ваш район проявил инициативу в одном большом деле. Пойдем и потолкуем об этом.

Взяв под руку Алуу, Сапар отводит ее в сторону от самолета.

Затемнение.

Мы видим собрание колхозников в колхозном клубе “Актала”. Большинство из присутствующих – женщины и подростки. На сцене – за столом президиума – Алуа, Жанат, русская девушка Зина Бойченко.

Звучит струнный оркестр, которым дирижирует все тот же Сексек. Под звуки оркестра хор колхозной молодежи исполняет кантату на стихи Джамбула: “Ленинградцы, дети мои”.

Замирают последние звуки кантаты и начинает звучать голос Алуы.

– Дорогие товарищи! Я скажу коротко. Я скажу о том, что мы все с вами чувствуем. А чувство у нас одно – желание скорейшей победы над врагом, вероломно напавшим на нашу священную землю. Но мало только желать победы. Ее

надо завоевать нашим упорным самоотверженным трудом. И здесь должны сказать свое веское слово мы, женщины Актальского района. Я призываю вас встать всем, как один, на фронтovou вахту. Поднимем знамя соревнования во имя скорейшей победы между всеми бригадами и колхозами нашего района. И бросим клич на всю республику: поддержать в этом деле нас.

И последние слова Алуы тонут во взрыве бурных рукоплесканий.

Затем в кадрах мелькают лица колхозников и колхозниц, ставящих свои подписи под обращением к казахскому народу с призывом становиться на фронтové вахты во имя скорейшей победы над врагом.

И снова льются звуки оркестра и снова звучит мощный хоровой напев. И как клятва волнуют нас в эти минуты проникновенные, пророческие слова Джамбула из его знаменитого обращения к ленинградцам.

Под обращением актальцев растут тысячи подписей. Мелькают знакомые лица. Проходят в кадрах казахи и русские, корейцы и уйгуры.

И как иллюстрация клятвенным заверениям народа проходят в кадрах один за другим трудовые процессы этих людей, вставших на фронтovou вахту.

Кипит горячая работа в цехах сахарного завода. Самоотверженно трудятся знакомые нам по предыдущим кадрам женщины — русские и казашки, у станков, на фабриках и заводах, в турбогенераторном зале Актальской гидроэлектростанции, на молочно-товарных фермах колхозов, на колхозных токах. На глазах растут золотые вороха зерна. Бесконечными вереницами тянутся по степным дорогам обозы, груженные хлебом. Текут бурные потоки сахарного песка по желобам, и густое молоко пенится в наполненных флягах.

Везде и всюду бьет ключом напряженная трудовая жизнь. В этом строгом, четко слаженном ритме труда людей ощущается их жизненная воля к победе.

И везде — в цехах заводов и фабрик, на колхозных фермах и токах, над обозами с золотовесным зерном и рисом, — всюду мы видим пламенеющие плакаты и транспаранты с призывными словами: “Все для фронта! Все для победы!”

Бесконечен поток автомашин и подвод, груженных отборным зерном и рисом, хлопком и шерстью.

Бесконечен поток и тяжеловесных железнодорожных эшелонов, груженных подарками фронту.

На экране – перрон вокзала Алма-Аты. На перроне – большое скопление народа. Мы видим здесь руководящих работников, представителей правительства республики, среди них – Сапара и Нину.

На путях – большой эшелон товарных вагонов. На вагонах – лозунги и транспоранты: “Все для фронта, все для победы!”, “Горячий привет землякам, защитникам Родины от родного Казахстана!”.

В кадрах проходят эпизоды заканчивающейся загрузки вагонов подарками тружеников тыла для фронтовиков. Грузятся бочки масла, золотистые окорока бекона и фрукты – прославленный алма-атинский апорт.

В тамбуре классного пассажирского вагона, стоявшего в хвосте эшелона, показываются люди. Это – делегация трудящихся республики, сопровождающая эшелон подарков на фронт. Здесь – рабочие и колхозники, мужчины и женщины. И среди них – Алуа.

Увидев Алуу, Нина бросается к ней с распростертыми объятиями. Горячо целуя подругу, Нина крепко жмет ее руку и говорит:

– Поздравляю тебя, дорогая моя. От души рада за тебя, за весь ваш район. Поздравляю!

Мы видим снятое крупным планом изумленное лицо Алуы: она, видимо, не понимает еще, в чем тут дело.

А Нина, блестя восторженными глазами, сияя от радостной, украсившей лицо ее светлой улыбки, говорит:

– Счастливая ты у нас, Алуа.

– Да что такое, товарищи? – недоуменно озираясь вокруг, спрашивает Алуа.

И Сапар, горячо пожимая руку Алуе, отвечает:

– Поздравляем тебя, Алуа. Рад сообщить, что Актальскому району присуждено переходящее Красное Знамя Наркома Оборона. Получена поздравительная телеграмма вождя на имя руководителей вашего района. И это еще не все...

— Боже, что же еще?! — восклицает взволнованная, сияющая Алуа.

— Двадцать колхозников и колхозниц Актальского района, и в том числе ты, Алуа, удостоены высокого звания Героев Социалистического Труда. Ты — в числе пятнадцати женщин-героинь. Поздравляю!

Все присутствующие на проводах делегации руководители партии и правительства республики горячо поздравляют Алуу с высокой наградой.

И Нина, вновь обнимаясь с подругой, говорит на прощание:

— Ты едешь на фронт с большой победой. Расскажи же там нашим фронтовикам о героях и героинях надежного нашего тыла.

— Расскажу, дорогая. Все расскажу, товарищи! — отвечает взволнованная, счастливая Алуа, прощаясь с провожающими.

И под напутственные возгласы и прощальные взмахи рук провожающих эшелон с подарками трогается в далекий свой путь и медленно уходит из кадра.

Затемнение.

Командный пункт дивизии в прифронтовом лесу. На поляне, скупо освещенной осенним солнцем, мы видим рослого, подтянутого генерала — командира дивизии, и рядом с ним комиссара дивизии, в котором тотчас же узнаем Бейсена. Вокруг — офицеры и солдаты. Седой генерал, встав во фронт, принимает рапорт руководителя делегации трудящихся Казахстана — Алуы Сатаевой. Звонко и четко звучит в напряженной торжественной тишине голос Алуы:

— Товарищ генерал! Эшелон с подарками для фронтовиков-земляков от трудящихся Казахстана прибыл на место назначения в адрес вашей дивизии. Мы привезли вам не только сотни тонн мяса и фруктов, риса и сахара — продуктов труда героев тыла, но и горячие, сердечные приветы от матерей, жен, от детей и отцов ваших славных бойцов, верных защитников нашей родины.

Приняв рапорт, генерал и его комиссар обмениваются крепкими рукопожатиями с Алуой и с членами ее делегации.

И затем мы видим Алуу вместе с членами делегации в окопах, в землянках, в ходах сообщения и в блиндажах. И везде радостными улыбками и жаркими объятиями встречают бойцы-казахстанцы своих земляков.

Пробираясь по ходу сообщения, генерал, Бейсен, Алуа и другие члены делегации казахстанцы на ходу ведут разговор, обмениваясь своими впечатлениями о героических делах фронта и тыла.

– Лучшей героиней нашей дивизии была Асия Жабаева, – произносит, наконец, генерал.

И при этих словах генерала Алуа останавливается, как вкопанная. Странная тревога отразилась на ее строгом лице.

– Что значит – была? Разве ее уже нет, товарищ генерал? – спрашивает Алуа глухим, дрогнувшим голосом.

– Разве вы не слышали?

И Бейсен вполголоса говорит генералу:

– Я хотел скрыть на первых порах от Алуу эту печальную весть.

– Да, я должен сообщить вам, товарищ Сатаева, и вам, товарищи делегаты, – говорит генерал, – что наша любимая Асия пала смертью храбрых в одной из схваток с фашистами. Но дорого немецкие изверги заплатили за жизнь Асии. Целое подразделение фашистов уложила она из верного своего пулемета. И только тогда, когда из раскаленного ствола пулемета вылетела последняя пуля, только в это мгновение героическая пулеметчица была сражена насмерть фашистской гранатой.

Молча выслушивает Алуа вместе с членами делегации это тяжкое известие. Но ни один мускул не дрогнул при этом на суровом, тройне прекрасном от скорби лице девушки. С минуту все стоят молча, в знак светлой памяти о погибшей героине. Затем, словно очнувшись от мгновенного забытья, Алуа, встряхнув головой, вновь продолжает свой путь во главе делегации по траншее, светло и радостно улыбаясь бойцам.

Так же светло и радостно улыбается Алуа и в землянке переднего края, где мы видим ее при свете фронтовой коптилки среди бойцов-земляков. У солдат заметно приподнятое настроение. Присутствие женщины, посланца

родной страны, вносит в суровый фронтовой быт особую теплоту, чувство уюта, сердечности.

Алуа подает одному из солдат шинель, к которой она только что пришила пуговицу. Принимая шинель, солдат весело улыбается.

— Ой, спасибо тебе, дорогая. Вот что значат золотые женские руки. На пуговицу красота теперь посмотреть. Пулей не оторвешь.

Солдаты смеются.

— Мы ведь с вами земляки, товарищ Сатаева. Я тоже актаец. Вы случайно не знаете там такую девушку — Жанат? — спрашивает один из солдат казахов.

— О, еще бы не знать! Она сейчас у нас в славе. Одна из лучших звеньевых в районе.

Боец, счастливо улыбаясь, благодарно кивает Алуе. А русский солдат, любуясь огромным плодом золотисто-бархатного апорта, подшучивает над казахом:

— Вот это яблоко посылала твоя Жанат тебе, а оно, хватать, да и попади в мои руки.

И опять вспыхивает в землянке всеобщий заразительный смех.

— Как я уже вам рассказывала, — говорит Алуа, — нелегко нам живется в тылу. Но народ ничего не жалеет для вас, дорогие, для нашей победы: ни сил и ни средств. Я много вам рассказала, но мне бы хотелось послушать о том, как вы тут живете и как бьете врага?

— Воюем не плохо. Обещаем еще лучше дубасить фрицев.

— Мы что! Мы деремся, обыкновенно, как все. А вот посмотрели бы вы на бывшего командира. Вот это действительно был герой! — говорит другой из бойцов казахов.

— Для нас он был душой, а для врагов грозой, — вставляет третий.

— Что с ним — погиб? — спрашивает Алуа.

— Да, сплеховали мы, не смогли уберечь его в одном бою.

— Да, что и говорить, не человек — орел был Арман Баисович, — сказал со вздохом один из казахов бойцов, с юношеским румянцем на смуглой коже.

При этих словах солдата Алуа, вздрогнув, изменившись в лице, глухо переспросила:

— Как, как вы сказали?!

Заметив тревогу в лице Алуы, солдат замялся и, наконец, тихо ответил:

— Арман Баисов...

Алуа покачнулась. Мертвенная бледность покрыла ее лицо. Двое из бойцов, вскочивших на ноги, бережно поддержали ее.

В землянке воцарилась напряженная тишина. С минуту Алуа сидела, прикрыв лицо ладонями, и крупные капли жарких слез покатались по ее рукам, просачиваясь сквозь пальцы.

И в эту трагическую для Алуы минуту вдруг прозвучал четкий голос появившегося в дверях солдата:

— Товарищ полковник, разрешите доложить, что капитан Баисов найден на поле боя живым. Только что его доставили в санбат.

И Алуа, встрепенувшись при этих словах стоявшего в дверях солдата, вдруг бросилась к нему с распростертыми объятиями, точно навстречу к самому Арману.

Затемнение.

И мы видим Армана Баисова на койке в палатке санбата. Мы видим и Алуу, стоящую перед раненым на коленях. Обнимая руками неподвижно лежащего Армана, Алуа чуть слышно шепчет:

— Боже мой! Боже мой! Что же это такое?

Алуа, не сводя глаз, смотрит в обострившееся, обескровленное лицо Армана, на котором сейчас незаметно какого бы то ни было признака жизни. Но вот спекшиеся, крепко сжатые губы раненого дрогнули. Еще мгновение — трепетно задрожали его ресницы. И он медленно, видимо с большим усилием воли, чуть приоткрыл глаза.

Глаза Армана устремились на Алуу. Но трудно было понять — узнал он ее или не узнал.

— Жив ли я? — чуть слышно проговорил Арман, точно спрашивая об этом самого себя.

И Алуа, обняв порывистым движением неподвижное тело Армана, страстно проговорила:

– Жив, жив, дорогой. Жив и жить будешь! Я это твердо знаю. Будешь, будешь, мой милый!

Затемнение.

Теперь на экране просторная, уютно, со вкусом обставленная комната. И мы видим Алуу за письменным столом. С карандашом в руках, она склонилась в глубоком раздумьи над большой увесистой рукописью. Рядом с Алуой – Нина Ивановна. Чувствуется, что они утомлены долгой и трудной работой.

– Теперь я вот что тебе скажу, моя дорогая, – как бы продолжая начатый прерванный разговор, говорит Нина Ивановна. – Как твой оппонент, должна отметить, что ты долго и упорно трудились. Но, на мой взгляд, кое-где ты трактуешь современный материал с неверных позиций. Недоумеваю – зачем так много места было отводить шарияту с адатом – обычаям? Зачем было перечислять такие псевдоисторические личности, как, например, Караулек, оплакивавшая ханов Золотой орды. Чем увлекла тебя Кыз-Жибек – безнадежная пленница старых обычаев? С чего это ты восхваляешь на все лады Бопай – верную сестру злостного врага казахского и русского народов Кенесары?

– Мне же сказали, что моя работа без этих глав не будет иметь самостоятельного научного значения.

– Вот еще глупости. Да кто же это мог тебе сказать такое?

– Мой второй оппонент – профессор Мардан Есенов.

– Поздравляю вас. Вот куда дело, оказывается, зашло. Мало того, что он сам по уши увяз в лжеисторической науке, так и тебя туда же за собой потянул. Нет, это поистине возмутительно. Как же это так, ты, политически зрелый, широко образованный человек, попала на удочку этого буржуазного националиста? А вся твоя жизнь, вся твоя судьба – это ли не яркая история современной казахской женщины? Как ты не можешь понять таких простых истин?

– Я понимаю. Ведь и я до встречи с Марданом так же думала.

– Думала, да не додумала.

— Так, выходит... — грустно поникнув над рукописью, глухо произносит Алуа.

Затемнение.

Раскрывается на экране перспектива одной из красивейших, утопающих в зелени улиц казахской столицы. Вдали поднимаются над зеленым поясом садов зубчатые снежные вершины Заилийского Алатау. Яркое солнечное утро. Из калитки перед красивым особняком выходит пара, опрятно и строго, по-летнему одетых людей, в которых мы узнаем Алуу и Армана.

Мы замечаем — Арман прихрамывает. Весело разговаривая с Алуой, Арман подходит к стоявшей у подъезда машине. Услужливо открыв заднюю дверцу кабины, он почтительно уступает дорогу садящейся в автомобиль Алуе.

Арман и Алуа едут в автомашине по городу. Затем они останавливаются у подъезда строгого трехэтажного дома. По широкой мраморной лестнице, устланной малиновым ковром, Алуа и Арман поднимаются на один из верхних этажей и входят в большой, светлый зал. В зале тесно от людей. Среди них мы узнаем Сексека.

За столом президиума — маститые ученые, члены ученого совета, профессора, академики.

Первым слово получает Мардан Есенов, выступающий по диссертации Алуы Сатаевой в качестве ее оппонента.

— Придется еще раз повторить, уважаемые члены ученого совета, что диссертация Алуы Сатаевой, на мой взгляд, не может представлять самостоятельной научной темы. Несмотря на обилие собранного ею исторического материала, она не сумела научно обобщить этот материал. И вот вам результат. Вместо широкого научного труда дело свелось, в сущности, к весьма заурядной брошюрке, которая разве только и пригодится как рядовой блокнот для агитатора женотдела. Резюмируя все ранее высказанное мною, я должен заявить, что не могу брать на себя ответственности подать свой голос за присвоение товарищу Сатаевой ученой степени.

На лице Алуы ни тени смятения и беспокойства. Почти равнодушно, невозмутимо выслушивает она заключительные слова Мардана.

Зато среди слушателей в зале и среди членов ученого совета и президиума последние слова оппонента вызвали волнение, граничащее с возмущением. Посыпались реплики слушателей:

- Подумать, какие жестокие выводы!
- Необъективно и недоброжелательно!
- Больше того – просто враждебно.
- Вот именно!

Председательствующий на ученом совете, рослый, внушительного вида, неловкий в движениях казах, с большим трудом наводит в зале должный порядок.

– Слово предоставляется Алуе Сатаевой, – объявляет председательствующий.

Зал притих.

Крутым, решительным шагом Алуа проходит через зал и поднимается на трибуну.

Выдержав небольшую паузу, Алуа, внимательно присмотревшись к слушателям, спокойно и уверенно начинает свою речь.

И мы видим по лицам слушателей и в зрительном зале, и в президиуме, какое огромное впечатление произвели на них слова Алуы, когда она с железной логикой начала наносить сокрушительные удары по враждебным концепциям лженаучной теории буржуазного националиста Мардана.

– Товарищи! В заключение я должна буду сказать следующее. Профессор Есенов смеет обвинять меня с этой трибуны в том, что я в своей диссертации ни словом не обмолвилась о Караулек и Бопай. Позвольте мне напомнить профессору Есенову о том, как он в 1939 и в 1941 годах настойчиво рекомендовал мне уделить значительное внимание в своей диссертации образам этих женщин – Караулек и Бопай. Должна признаться, что я так и сделала. Я основательно изучила образы этих женщин и ту историческую эпоху, в которой становились и складывались их характеры. Повторяю, я добросовестно изучила материал, но преднамеренно не воспользовалась им при работе над диссертацией. Я сделала это потому, что самой благодарной темой для своей диссертации я считаю тему, избранную мной, – это тема коммунистического движения среди

женщин нашей страны. Между тем, как пресловутые Караулек и Бопай были представительницами не трудового народа, а Казахского ханства, оплакивающими такого врага казахского и русского народа, каким был Кенесары.

По залу прокатывается гул одобрения. Звучат дружные, горячие аплодисменты.

— Надо прямо сказать, — продолжает Алуа, — что профессор Есенов хотел спровоцировать меня на идеализирование Золотой орды и Казахского ханства и тем самым попытаться втянуть меня в болото буржуазного национализма.

Снова движение в зале. Снова вспышки аплодисментов, снова председательствующий требует внимания и тишины.

— И последнее, — заключает Алуа. — Я считаю своим долгом сообщить членам ученого совета и всем присутствующим в этом зале товарищам следующее: в 1926 году один степной феодал бай Догал попытался силой взять меня в третьи жены. Этот же бай в 1931 году организовал на меня покушение. И бай этот является родным братом вам, профессор Есенов.

Движение в зале. Возмущенные, протестующие возгласы. Искаженное злобой и смятением лицо Мардана.

— Тогда же, в 1926 году, я бежала от вашего брата, профессор Есенов, и нашла убежище у советской власти в красной юрте. Здесь, за столом президиума сидит русская женщина, защитившая тогда меня своей грудью от нападения разъяренных байских приспешников. И сегодня она вновь пришла мне на помощь, предупредила возможную ошибку, тяжелую ошибку мою. И спасибо тебе за это, хороший русский человек! — говорит она, глубоко кланяясь Нине Ивановне.

Заключительные слова Алуы потонули в буре аплодисментов. Аплодировал весь зрительный зал. Аплодировали в президиуме члены ученого совета. И спокойная, волевая, внутренне собранная в эти минуты Алуа, покинув трибуну, скромно заняла свое место рядом с Арманом. Все были предельно возбуждены. Все с восхищением поглядывали на Алуу, одобрительно кивая ей. А Сексек просто не находил себе места. Он то и дело вскакивал со стула и продолжал

ожесточенно хлопать в ладоши, восторженно глядя на Алуу даже тогда, когда аплодисменты затихли.

И только один Мардан Есенов сидел, собравшись в комок, и в его быстро бегающих глазах нельзя было ничего заметить теперь, кроме тупой злобы. Как затравленный волк, исподлобья поглядывал он по сторонам, похрустывая пальцами и кусая подрагивающие губы.

И пока члены ученого совета о чем-то тихо совещались между собой, Сексек тем временем вдруг завязал разговор со своей маленькой, похожей на подростка, но уже несколько пожилой соседкой.

— Ах, ловко! Ах, здорово отчитала его Алуу. Он теперь как мыльный пузырь, того и гляди лопнет! — бойко стрекотала соседка Сексека.

— Такая маленькая, а язык как бритва, — сказал Сексек, высокомерно поглядев на свою соседку.

— Да и вы ведь тоже не ахти какой великан, — отпарировала девушка, насмешливо взглянув на Сексека.

И Сексек, присмотревшись к соседке, вдруг с изумлением заметил, что рядом с ним сидел не подросток, а очень милая девушка. От удивления он даже несколько приоткрыл рот. Блаженная улыбка расплылась по лицу Сексека. Он почувствовал, понял, что случай свел его с той самой девушкой, о которой он так много и жадно мечтал в жизни. Он смотрел на соседку, не отрываясь, и уже чувствовал, что пол у него уходит из-под ног. Он даже обожал теперь в ней — и рост, и блеск ее темных агатовых глаз, и пышные ее вороновые волосы, и ее звонкий певучий голос.

— Скажите, скажите мне что-нибудь еще, айналайн, айналайн! — умоляющие глядя на девушку, говорил Сексек.

— Что же еще сказать? Я вижу, что вы тоже не великан, не одnogорбый верблюд какой-нибудь!

— Ах, боже мой, боже мой! Как хорошо, как хорошо, что мы оказались рядом... — твердил не то самому себе, не то девушке Сексек. — Скажите мне хоть одно еще слово.

— Да что ж вам сказать?

— Я и сам не знаю что. Муж у вас есть?

— А если нет, тогда что? — кокетливо прищурился на Сексека, ответила девушка.

– Если мужа нет, тогда дело другое... – пробормотал Сексек и смутился.

Оба они – и Сексек, и его соседка – продолжали сидеть на своих местах, когда зал уже опустел после того, как были объявлены результаты голосования по диссертации Алуы Сатаевой, за которую Алуе было единогласно присуждено звание кандидата исторических наук.

Наконец, собравшись с духом, Сексек сказал соседке:

– Выслушайте, ради бога, меня. Я все скажу сразу. Знаете, до сих пор, как легендарный оратор Жиренше, бесплодно искал подобную себе женщину. Но Жиренше искал равную себе по красноречию, а я – по росту.

– Ростом и, правда, мы с вами, кажется, одинаковы...

– Да, да, голова в голову. Скажите мне, как вас зовут?

– Балжан.

– О какое прелестное имя! Балжан – мед и душа! Боже мой, как это все хорошо! – твердил Сексек, глядя на обожаемую девушку влюбленными глазами.

Затемнение.

Внутренность комфортабельного пассажирского самолета. В креслах – один женщины. В первом ряду мы видим рядом с полной русской женщиной – Алуу. На других пассажирских местах – женщины Советского Востока: туркменки, узбечки, азербайджанки, киргизки, таджички. Здесь же мы видим представительниц Сирии, Ливана и Черной Африки.

Глаза пассажиров устремлены в окна кабины. Они любуются раскрывающейся перед ними внизу панорамой гигантского города.

Самолет, сделав медленный разворот, идет на посадку. И на устах пассажиров разных национальностей и разных языков звучит одно и то же слово:

– Пекин! Пекин!

И проплывают в кадрах кварталы Пекина, окруженные многочисленными стенами. Мы видим Наружный город. Вай-чен или Вай-Ло-чен. Затем – новый, Внутренний город – Най-чен. Но и этот Внутренний город разделен стенами. Здесь мы видим Хуан-чен – Царский город и Цзы-цзин чен – Тайный Красный город.

В окнах кабины самолета проплывают высокие пагоды имаратов, дворцов.

И вот из приземлившегося самолета появляются пассажиры. Радостными улыбками, приветственными взмахами рук и восторженными возгласами встречают гостей китайские женщины. Среди них видим мы много кореянок. Здесь же представители Всемирной федерации демократических женщин — французские и английские женщины.

Ветер полощет разноцветные флаги разных стран мира. На транспорантах — приветственные лозунги на русском, китайском, арабском, индийском, английском, корейском, вьетнамском языках.

— Да здравствует Первая конференция женщин азиатских стран! — читаем мы на одном из транспорантов.

Гости садятся в поданные автомобили. Толпы китайских женщин забрасывают их цветами.

Автомобили трогаются в путь с аэродрома через Внешний город и проплывают мимо усадеб и парков китайской столицы, мимо храма Неба и Фа-юань-сы — дома молитвы, останавливаются у отеля.

Затем мы видим наших делегатов в Загородном дворце Ци-ен летней резиденции китайской императрицы.

Гости проходят по длинной, необычайно живописной галерее. В огромном, роскошно убранном зале делегатов встречает китайская женщина и объявляет им:

— Мэр города Пекина будет счастлив принять вас в своей резиденции.

На торжественном приеме у мэра Пекина руководитель советской делегации сказал Алуе:

— Делегация женщин мусульманского Востока изъявляет желание побеседовать с представителями женщин Советского Востока. Думаю, что вы не откажетесь провести с ними такую беседу.

— Очень счастлива буду. С удовольствием, — говорит Алуа.

И вот видим Алуу среди женщин мусульманского Востока, беседующую с ними в одном из зал дворца. Этот зал уставлен многочисленными изваяниями Будды, драконов, многоголовых змей и каких-то зубастых чудовищ.

Мрачной фантастикой и мистикой веет от этих изваянных из бронзы и серебра, из сургуча и фарфора, из гипса и дерева изображений. Такая обстановка как бы гармонирует с внутренним духовным миром тех фанатически религиозных мусульманских женщин, с которыми ведет сейчас свою мирную беседу Алуа. Алуу окружают иранские, тюркские, сирийские и ливанские женщины. Здесь есть и старые, и молодые. Одни из женщин в национальных нарядах, другие — в платье европейского покроя. Иранка средних лет и седая турчанка, недружелюбно поглядывая на Алуу, готовы к спору с ней.

Турчанка говорит Алуе:

— Казахи, узбеки, татары, туркмены и таджики раньше назывались российскими мусульманами. До принятия ислама эти народы были дикими. Не скажете ли вы, какие обновления принес ислам женщинам этих стран?

Но не успела Алуа открыть рта для ответа, как ее перебила иранка:

— Что же может ответить вам на это безбожница!

— Ну, разумеется, она ничего не ответит, — говорит турчанка, и уже обращаясь к Алуе: — Не знаете, каким благом является религия наша для других народов, а охаиваете ее. Известно ли вам, что сказал основатель ислама — Магомет Мустафа? Нет, наверное, неизвестно.

Алуа, выслушав с улыбкой все эти не очень-то любезные слова турчанки и иранки, спокойно возразила им:

— Напрасно вы думаете, что я не знаю.

— А если знаете, то скажите. К примеру, разве пророк Магомет наложил запрет на учение для женщин? — спросила турчанка.

И Алуа, по-прежнему улыбаясь, отвечает:

— Нет. Магомет запрета на учение для женщин не накладывал.

Мусульманки с удивлением, с интересом смотрят на спокойно улыбающееся лицо Алуы. А Алуа произносит на безукоризненно чистом арабском языке изречение Магомета:

— Эль-гильми фаризатун галя кулли муслимина уа муслиматун. Т.е. по-русски это значит так: “Учение и

соблюдение мусульманства — святой долг мужчин и женщин”. Так сказано в учении пророка. Но как это ни странно, вот в этом-то изречении кроется причина рабства и темноты женщин мусульманского мира.

Мусульманки шумно и протестуяще возражают Алуе:

— Нет, пророк тут не при чем. Его исказили последователи, невежественные фанатики. Они виноваты в этом.

— Взять, например, гаремы султанов и шахов. Разве они созданы по учению пророка? Разве пророк говорил, чтобы женщины носили чадру и чачван? Когда же пророк призывал к тому, чтобы в каждом доме были темные женские покои?

Алуа все с той же очаровательной улыбкой возражает своим оппонентам:

— Это правда. Ничего такого пророк не говорил. Однако Магомет в своей жизни женился девять раз. Ведь это он сам, влюбившись в Гайшу, которой едва минуло девять лет, утверждал, что она созрела для брака. И если основатель религии творил такие дела, то чего же было стесняться разным султанам и шахам, эмирам и халифам? Нет, не в религии путь к освобождению женщин Востока.

— Мы боремся за счастливую долю и свободу наших женщин. Но мы, мусульмане, не перестанем повторять: “альхамды-лиллахи!” — звучит грозный голос седой турчанки.

— Вот в этом-то вся беда женского движения в ваших странах, — говорит с мягким упреком Алуа. — Мы здесь встретились все как матери, как сестры и как подруги. На чести каждого из нас — судьбы миллионов старых и молодых женщин Востока.

Сварливая турчанка гневно перебивает Алуу:

— Вы не агитируйте, не сбивайте нас с правильного пути, не отлучайте нас от религии.

— Я и не думала агитировать, — проникновенно и мягко говорит Алуа. — Я только сказала вам правду. Ведь буржуазное движение среди женщин началось не с Турции и Ирана. Оно возникло давно, во Франции, Америке, Англии. И так как это движение было связано с религией — у одних с христианством, у других с буддизмом, у третьих с исламом,

то это движение было и есть движение консервативное. Вот почему до сих пор женщины мусульманского Востока остаются рабынями. Другое дело – женщины Советского Востока.

– Агитация! Агитация! – злобно закричала седая турчанка и демонстративно пошла прочь от Алуы, увлекая за собой иранку и афганскую женщину.

Однако оставшиеся с Алуой делегатки мусульманского Востока окружили советскую делегатку еще теснее, и по их лицам можно было понять, как волновала их беседа с представительницей Советского Союза и какой огромный интерес проявляли они к каждому слову Алуы.

Большой зал, переполненный делегатами Первой конференции женщин азиатских стран. Здесь видим мы женщин – представителей Советского Востока, Китая, Кореи, Бирмы, Вьетнама, Индонезии, Индии, Ирана, Афганистана, Сирии, Аравии, Ливана. Здесь же мы видим среди группы советских делегатов и Алуу.

На трибуне индийская делегатка:

– В Индии женщин на тринадцать с половиной миллионов меньше, чем мужчин. Многих женщин губит раннее замужество, – говорит индийская делегатка.

– В Японии до сих пор продаются в рабство женщины и дети, – говорит с трибуны японка.

– В Бирме женский труд оплачивается наполовину ниже, чем труд мужчины. Закон социального обеспечения и страхования на женщин не распространяется, – говорит бирмская делегатка.

– В Сирии еще до сих пор продают и покупают женщин. У нас существует многоженство, узаконенное шариатом, – звучат с трибуны слова сирийки.

– Губитель свободы мусульманских женщин – шариат, до сих пор сохраняет свою силу в Иране и Афганистане. И брак, и развод зависят у нас только от мужчины, – заявляет иранская делегатка.

И вот председательствующая предоставляет слово представительнице женщин Советского Востока. Зал встречает Алуу продолжительными бурными аплодисментами.

Алуа на трибуне. Ее лицо вдохновенно. Глаза пылают. Жесты сдержанно выразительны.

— Дорогие сестры, — женщины народов Азии! — говорит Алуа. — Много горькой правды о тяжелой доле женщин мусульманского Востока услышали мы с этой трибуны. Но далеко не обо всем рассказано здесь. Много из того, о чем говорили с этой трибуны делегатки женщин Азии, я сама не только видела, а и испытала в своем раннем детстве, в канун Великой Октябрьской революции. Меня, несовершеннолетнюю девушку, бай хотел силой взять в третьи жены. Но я избавилась от этого позора, найдя надежный приют под кровом советского закона. Я получила не только свободу и равноправие, но и образование. Я нашла свое счастье в нашей стране. Я в прошлом дочь потомственных батраков, сейчас являюсь кандидатом исторических наук и членом нашего республиканского правительства. Я стала такой вовсе не потому, что была какой-то особенной женщиной. Нет. Я рядовая советская женщина. Для каждой из нас в нашей Советской стране открыты все дороги к труду и к науке, к творчеству и созиданию. Вот почему в нашей стране так много знатных, прославленных женщин, чьи имена с уважением произносит советский народ. Советские женщины прославились мировыми рекордами по выращиванию свеклы и сбору хлопка. Они создают конструкции новых самолетов и изобретают машины. Они наравне с мужчинами трудятся на полях и управляют государством. И от всего своего горячего сердца я хочу пожелать миллионам женщин азиатских стран одного — чтобы до них дошла правда о нашей Советской Родине.

Дорогие матери, милые сестры! Дорогие друзья — женщины стран Азии! До каких же пор ваши судьбы будут зависеть от законов, установленных две с половиной тысячи лет тому назад, законов Сидхарты, Гаутамы, Будды? До каких пор над вами будет довлеть кодекс Ману, установленный более двух тысяч лет тому назад? До каких пор будут руководствоваться в решении судьбы женщины издевательским законом брахманизма и индуизма, установленным полторы тысяч лет назад? До каких пор будет господствовать в ваших странах шариат, обрекший мусульманскую женщину на рабство и издевательство? Вот какие вопросы хотела я поставить перед вами. Вот о чем

надо задуматься всем женщинам Азии. Это вопросы чести. Это вопросы нашего времени и убеждена, что недалек тот час, когда вы сумеете на них так же правильно ответить, как на них ответили в свое время и как отвечают теперь женщины Советского Союза.

В кадрах проплывают взволнованные лица делегатов разных национальностей. И по тревожному блеску их глаз, по улыбкам, по всеобщему возбуждению в зрительном зале мы догадываемся, что многие из этих женщин уже внутренне готовы к правильному ответу на вопросы, поставленные делегаткой Советского Союза.

К о н е ц

**ҒЫЛЫМИ
ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР**

“Қазақ халқының ұлы ақыны”

Мақала қазақ әдебиетінің ұлы классигі Абай Құнанбаевтың қайтыс болғанына 50 жыл толуына орай жазылып, 1954 жылы “Әдебиет және искусство” журналының № 9 санында жарияланды. Осы мақаланың орысша нұсқасы “Новый мир” журналының 1954 жылғы № 7 санында жарық көріп, “Жизнь и творчество Абая” деген атпен Москваның “Знание” баспасынан жеке кітапша болып шықты, кейін М. Әуезовтің жиырма томдық шығармалар жинағының 18-томына (42–62-бб.) енді.

Жазушы мақалада негізінен Абайдың өмірі мен шығармашылығы жайындағы ойларын тұжырымдап қорытқан. Абай шығармашылығының ерекшеліктері мен халықтығына, өлеңдерінің тақырыптық, философиялық негіздеріне тоқталып, ақын мұрасын зерттеудегі міндеттерге айрықша назар аударған. Сондай-ақ мақалада жазушы Абай шығармашылығы мен орыс, шығыс әдебиетінің байланысына терең зерттеулер жасалуын, ақын дәстүрін жалғастырушылар арасындағы сабақтастықты анықтау жайын неғұрлым кең, жан-жақты саралап қарастыру керектігін айтқан.

М. Әуезовтің елу томдық шығармалар жинағының осы томына мақаланың “Әдебиет және искусство” журналының № 9 санында жарияланған нұсқасы мен жиырма томдық шығармалар жинағының 18-томындағы басылымы салыстырылып берілді.

А. Болсынбаева

“Реалистік драма жолында”

Бұл – М. Әуезовтің 1954 жылы өткен қазақ жазушыларының III съезінде жасаған баяндамасы. Қазақ әдебиеті тарихында ерекше орын алған осы съезде 1939 жылы өткен II съезден бергі 15 жыл аралықтағы қазақ әдебиетінің жайы, даму барысы жан-жақты, мұқият талданған. Роман, повесть, поэма, өлең, драма, балалар әдебиеті салалары бойынша негізгі баяндамалардан, талқылаулардан тұрған съезд жұмысы М. Әуезовтің құттықтау сөзімен ашылған. Бұл сөзде өтпек съездің негізгі мақсаттары, бағыты, талаптары жайында нақты ойлар айтылған. Съезд материалдары 1956 жылы “Қазақстан жазушыларының III съезі” атты кітапта берілді.

Баяндама мәтіні “Реалистік драма жолында” тақырыбымен 1954 жылы “Әдебиет және искусство” журналының № 11 санында жарық көрді. Баяндама-мақаланың біраз қысқартылған орысша нұсқасы “На пути к реалистической драме” атымен осы жылғы “Советский Казахстан” журналында басылды. Жазушының 20 томдық шығармалар жинағына баяндама мәтіні “Қазақстан жазушыларының III съезі” кітабындағы (1985. 19-т. 299–336-бб.) нұсқа бойынша берілді.

“Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының мұрағатындағы 230, 240, 254-бумаларда баяндаманың қолжазбалары сақталған. 230-бумада қолжазбаның машинкада басылған төрт данасы бар. 1, 2-нұсқалар 52 беттен, 3, 4-нұсқалар 57 беттен, 1, 2-даналары таза басылған, ешқандай түзетулері жоқ, 3, 4-нұсқалардағы мәтін үстінен автор қолымен қызыл қарындашпен редакцияланған, түзетілген, сызылған жерлері бар. Баяндамаға “Реалистік драма жолында” деп тақырып қойылған. 240-бумадағы баяндама мәтінінің алдына “Қазақстан жазушыларының III съезінде сөйлеген сөзі мен баяндамасы. “Реалистік драма жолында” деп жазылған. Қолжазбаның соңына автор қолын қойып, “1954 жыл, 15/VIII – Алматы” деп жазған. Баяндама мәтінін автор өз қолымен түгелдей редакциялап шыққан. 254-бумада 230-бумадағы мәтінмен бірдей бір нұсқа бар. Қолжазба 15-бетке дейін автор қолымен

редакцияланған. Аталған қолжазбалардың автор қолымен редакцияланған нұсқалары негізінде жарияланған вариантпен сәйкес келеді.

М. Әуезов баяндамасында 1952–1953 жылдардағы мақалаларда кездесетін көсемдер аттары, идеологиялық дәріп-теулер мен баяндаулар мүлдем дерлік жоқ. Жазушы 1953 жылы “Литературная газетада” шыққан “Заметки о теории советской драмы” атты мақаласында драма жанрына қатысты терең теориялық ойлар айтып, өзінің драмалық шығарма поэтикасын өте нәзік сезінетінін көрсеткен болатын. 15 жыл ішіндегі қазақ драмасын түгел қамтыған баяндамасында аталған мақаладағы әдеби-танымдық деңгей анық көрінген. Жеке драмалық шығармаларға таза көркемдік-теориялық талдаулар жасап, тақырыптық-идеялық, жағымды-жағымсыз образдық баяндауларға мүлдем дерлік бармаған. Тек 1946–1948 жылдардағы көркем әдебиетке қатысты идеологиялық қаулыларға (мысалы, 1946 жылғы 26 тамыздағы “Драма театрларының репертуарлары және оны жақсарту шаралары туралы” қаулы) қатысты аздаған орыс драматургиясына, социалистік реализм әдісіне байланысты айтқан жерлері ғана бар. Баяндама болғандықтан автор екі съезд аралығында драмалық шығарма жазған авторларға түгелге жуық тоқталған. Талдау деңгейі әдеби-тарихи очерктен гөрі драмалық шығарманың поэтикасын арнайы теориялық тұрғыда алып, жеке көркемдік мәселелерді зерттейтін еңбектердің дәрежесінде. Кейінгі зерттеушілердің, қазіргі кез әдебиеттануының бағалауымен қарағанда, баяндамадағы М. Әуезов ойлары көркемдік танымның, әдеби талдаудың үздік үлгісі екені байқалады. Мақала мазмұнынан И. Сталин қайткен болғаннан кейін келген жылымықтың әсері көрінеді. Баяндама соңындағы социализм құрылысы, тың игеру тақырыптары, партияның басшылығы туралы айтқандары сол кездегі әр мақалада айтылуға тиісті жайлар ғана.

М. Әуезовтің академиялық толық басылымының бұл томына баяндама мәтіні журналдағы нұсқамен салыстырылып, 20 томдық шығармалар жинағының 19-томындағы мәтін бойынша берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Большая судьба” (бірінші нұсқасы)

М. Әуезовтің еш жерде жарияланбаған киносценарийі. Киносценарийдің қамтыған оқиғалары, кейіпкерлер жүйесі, сюжеті жазушының “Алуа” пьесасымен, “Әйел жолы” кино-әңгімесімен сәйкес келеді. Әуезов шығармаларының ішінде қолжазба нұсқалары мол сақталынған үлгілеріне “Алуа” пьесасы, “Әйел жолы” кино-әңгімесімен қатар, бірнеше атаумен берілген “Большая судьба” киносценарийінің варианттары жатады. Жазушы мұражайының қолжазба қорындағы 148, 149, 150, 151, 152, 157, 163–164-бумаларда аталған киносценарийдің автор қолымен редакцияланып, машинкада таза басылған нұсқалары бар. Осылардың мәтіндерін салыстыру барысында бір-бірінен айқын ерекшеленетін үш нұсқа анықталды. Бұлардың ішінде “Большая судьба” атауымен берілген 149 және 152-бумадағы нұсқалардың алдыңғысының мәтіні киносценарий талаптарына сәйкес жазылған болса, екіншісінікі көркем проза талаптарына сай келеді. 157-бумадағы “Ее доля” атауымен берілген нұсқасы таза киносценарий үлгісінде, тіптен, жұмыс сценарийі ретінде жазылған. Үш нұсқаның стильдік, поэтикалық тұрғыдағы ерекшеліктерін сценарийлердің алғашқы жолдарынан-ақ байқауға болады. 149-бумадағы “Большая судьба” (1-нұсқа) киносценарийі мәтінінің бірінші абзацы былай басталады:

“Ненастная ночь. Аул бая Дулата в юртах. Между юртами слабые тростниковые изгороди. Бушует ураган. Отчаянной жалобой стонут густые кустарники. Со свистом склоняются стебли чия. Тревожный шум стоит и над аулом. Напуганные ураганом блеют овцы и козы, мычат коровы, воют верблюды. Возбужденно и яростно лают собаки, слышно ржание коней”.

152-бумадағы 2-нұсқаның алғашқы абзацы:

“Ночь... Жестокий шквал разгулялся в степи... Вихри песка и сухой травы несутся, стелясь над землей, сквозь редкие разрывы стремительно пролетающих облаков мелькает луна, мгновение – пелена мутного снега, мгновение – непроглядная

тьма и снова дикие тени скользят над землей... Жалобу, стон, вопль, свист, плач и хохот можно уловить в шумах бури”.

197-бумадағы “Ее доля” атауымен берілген нұсқадағы бірінші абзац:

“С непогожей, ураганной, бурной ночи начинается этот фильм. Над окрестной степью, над юртами раскинувшегося на живописном холме аула полыхают мятежные огни беспрерывных молний. Бушует шквальный ветер с ливнем. Тревожной музыкой звучат то замирающие вдали, то нарастающие грозвые раскаты”.

Үш нұсқаның осындай өзіндік ерекшеліктері мәтіннің өне бойында сақталады, суреттеліп отырған өмірлік материалдары бір болғанмен, үш мәтін бір-бірін қайталамайды.

1-нұсқа ретінде алынып отырған 149-бумадағы мәтін “Әйел жолы” атауымен берілген қазақша варианттағы мәтінмен бірдей дерлік. Бұл қазақша нұсқаның тікелей аудармасы болу керек. Бұл нұсқа мәтіні 148, 149, 150, 151-бумаларда бар. 159-бумадағы нұсқаның алғашқы тараулары да осы вариантпен сәйкес келеді. 150-бумадағы мәтін “Такой не бывало” атауымен беріліп, астына “подстрочный перевод с казахского” деп жазылған. Бұл ескертпе осы нұсқа мен “Әйел жолын” салыстырған кезде анық байқалады. 148-бумадағы мәтін де 149-бумадағы мәтінмен бірдей. Бұл бумадағы машинкада басылған мәтін М. Әуезовтің қолымен қызыл қарындашпен, көк, күлгін сиямен редакцияланған, алынған, сызылған жерлер, қосылған сөздер, тіркестер, сөйлемдер бар. Осы редакцияланған мәтін 149-бумадағы мәтінмен бірдей. Сценарийге “Такой не бывало” деген атау беріліп, астына “литературный вариант сценария (подстрочный перевод с казахского)” деген ескертпе жазылған. Бұл ескертпе де осы нұсқаның “Әйел жолының” тікелей аудармасы екенін көрсетеді. Бірінші титулды бетте “Москва, декабрь 1951 года” деген мәлімет берілген. Бұл нұсқа мәтіндерінің басқа бумалардағы даналарында 1952 жыл көрсетілгенмен, 1951 жылдың соңына қарай жазылып біткен деуге негіз бар. Бұл нұсқа киносценарийдің “кино-әңгіме” деп берілген қазақша нұсқасына дәлме-дәл келетін болғандықтан, кино-әңгіме деуге келеді.

“Әуезов үйі” ФМО қолжазба қорында (613-бума, 19–21-бб.) “Типовой сценарный договор Московской киностудии в лице и.о.директора Жучкова Л.А., с одной стороны, и Ауэзова М.О., с другой, на литературный сценарий “Большая судьба” атты құжат сақтаулы. Құжатта жаңа кеңестік замандағы

қазақ әйелінің тағдыры туралы көркем сценарий жазуға идеологиялық сипаты айқын тапсырыс берілген (1951 ж. 30 тамыз). Мұны ҚР Орталық мемлекеттік мұрағатында сақтаулы “Заключение по сценарию М. Ауэзова “Путь женщины” или “Ее доля” атты құжаттағы (ф. 1678, оп. 2, д. 54, л. 53–59): “...показ судьбы казахской женщины... поставил значительную и интересную задачу...” деген дерек те айғақтайды. Бұл құжаттың датасы – 1952 жылғы 7 маусым. 148-бумадағы мәтінде берілген датаға, жоғарыда келтірілген құжаттардағы деректерге қарағанда, сценарийдің алғашқы нұсқасы 1951 жылы жазылып біткен. “Әуезов үйі” ФМО қолжазба орталығында сақталған, 1953 жылдың 18 наурызында киностудияның сценарлық бөлімі бастығынан келген хатқа қарағанда, М. Әуезов 1951 жылдың соңына қарай мәтіні дайын болған сценарийді киностудияға өткізбеген. Өйткені хатта: “Несмотря на то, что все сроки предоставления сценария “Ее доля” (“Большая судьба”) прошли, сценарий Вами еще не представлен... прошу вас не позднее 20 марта с.г. представить сценарий...” деп ескертпе жасалған. Мұражайдың қолжазба қорында осы сценарий бойынша әдеби-шығармашылық кеңесшілікке тағайындалған Борис Липатовтың 1953 жылы көкек айында жазған хаты бар. Хатта Липатов Әуезовке “Сіздің жайбасарлығыңыздан көктемде берілуге тиісті сіздің сценарийіңіз келмей қалып, студия менімен келісімін үзді. Осының әсерінен мен тиісті ақшамды ала алмай қалдым. Сіздің 1954 жылдың көкегіне дейін жаңа келісім жасауыңыз керек” дегендей өкпесін айтады. Бұл деректер М. Әуезовтің дайын сценарийді өткізуге асықпағандығын көрсетеді.

Жоғарыда айтылған киностудиямен жасалған келісімде авторға қатал идеологиялық талаптар қойылған. Сценарий нұсқаларының титулды беттерінде И. Сталиннің “Такой женщины не было и не могло быть в старое время” деген сөзі берілген. Бұл деректер М. Әуезовті оның көркемдік ұстанымдарына қайшы келетін мағынадағы шығарма жазуға міндеттегенін көрсетеді. 1950 жылдардың алғашқы жартысында Әуезовке жөнсіз солақай сындар айтылып, қатал идеологиялық айыптар тағылған мақалалар жарияланған. Әр түрлі ресми идеологиялық мекемелер қатал қысымға алып, 1953 жылы Мәскеуге кетуге мәжбүр болған. Осындай жағдайда жазылған шығарманы М. Әуезов көркемдікке, әдеби шындыққа барып тірелетін ойларына байланысты ұстаңқыраған болу керек. Сценарийдің басқы бөлігіндегі қазақ халқының шынайы

өмірінен алынған реалистік сипаты, көркемдік өрнегі әрі қарайғы, кеңестік өмірді сипаттайтын тарауларда басқалау бағытта кетеді. “Барымтада”, “Абай жолында”, жазушының басқа да шығармаларында суреттелген қазақ халқы өмірінің әлеуметтік сипатын, белгілі бір қырларын айқын беруден басталған сценарий әрі қарай кеңестік өмірді шартты түрде суреттеуге ойысқан.

Бұрын еш жерде жарияланбаған киносценарийдің бұл нұсқасын басқа варианттарымен салыстыра келіп, 149-бумадағы нұсқаны ұсындық.

Р. Әбдіғұлов

“Большая судьба” (екінші нұсқасы)

М. Әуезовтің “Алуа” пьесасы мен пьеса негізінде жазылған “Әйел жолы” киносценарийінің “Большая судьба” атауымен берілген орысша мәтінінің екінші нұсқасы. Мәтін еш жерде жарияланбаған. “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында сақталған (152-бума). Машинада таза басылған, түзетілген, қысқартылған, қосылған жерлері жоқ. Қолжазба қорында бұл нұсқаның бір ғана данасы бар.

“Большая судьба” киносценарийінің бірінші нұсқасы “Әйел жолының” мәтінімен сәйкес келіп, негізінде киносценарий талаптарына сай болса, бұл нұсқа көркем прозаға жақын. “Алуада”, “Әйел жолында” суреттелетін оқиғаларды, кейіпкерлер әрекетін автор драмалық талаптар аясынан шығарып, еркін баяндаған. Әсіресе алғашқы бөлігін шынайы өмірге жақындатып, реалистік сипатын арттырып, қажет жерінде драмалық шығармаға келмейтін, киносценарий үшін қажет емес суреттеулер қосқан. Суреттелген оқиға барысында біраз өзгерістер бар. Бірінші нұсқа мен үшінші нұсқада (“Ее доля”) боранды, барымталы түні Сатай жылқыдан шаршап, үсті су болып, үйіне жаңа келіп отырғанда, барымта туралы хабарды Дулат бай мен баласы Доғал әкелсе, екінші нұсқада бұл кезде Сатай үйінде ауырып жатады. Барымта хабарын жылқыдан шауып келген басқа жігіт жеткізеді. Бұл нұсқада барымта соғысы кезінде Сатайды Дулатқа жауығып жүрген бай Жалтыр атса, басқа екі нұсқада барымташы жігіт Бұлан атады. Мұнда бірінші және екінші нұсқада аталмайтын қосалқы кейіпкерлер бар. Осындай өзгешеліктер, детальдар шығарманың өн бойында кездесіп отырады. Көркемдігі жоғары проза үлгісінде басталған шығарманың кеңес үкіметінің жақсылықтарын суреттейтін соңғы бөлімдеріне қарай шарттылық нышандары көрініп, прозалық баяндаудан гөрі киносценарий шарттарына ойысу байқалады.

М. Әуезовтің академиялық толық басылымының бұл томына 152-бумадағы мәтін беріліп отыр.

Р. Әбдігіұлов

“Ее доля”

Осы томда орыс тіліндегі үш нұсқасы беріліп отырған киносценарийдің бұл нұсқасын автор “Ее доля” деп атаған. Бұл киносценарийге “Большая судьба”, “Из дали веков”, “Такой не бывало”, “Ее доля” деген атаулар қойып, соңында “Большая судьба” атауына тоқталған. “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында сақтаулы осы сценарийді қабылдау туралы актіде “Большая судьба” деп аталған. Киносценарийдің “Ее доля” атауымен берілген бұл нұсқасы 157-бумада сақталған. Машинкада басылған мәтін соңғы, таза басылған данасына ұқсайды, редакцияланған, түзетілген жерлері жоқ. 163–164-бумалардағы мәтін үстінен автор өз қолымен жөндеу жұмыстарын жүргізген. Бұл бумадағы мәтіннің редакцияланған қалпы 157-бумадағы мәтінмен сәйкес келеді.

Киносценарийдің аталмыш нұсқасы таза кинодраматургия талаптарына сай жазылған деуге болады. Оның мазмұны, баяндалу қалпы “Большая судьба” киносценарийі варианттарының алғашқысына (149-бума) жақын келеді. Мұндағы “...начинается этот фильм”, “...в кадре – сраженный наповал Кулан с Буланом”, “По цифрам, вспыхнувшим на экране, мы узнаем, что шел 1962-й год” сияқты тіркестер осы нұсқасының кино түсіру жұмысына ең жақындатылған вариант екенін көрсетеді. 149-бумадағы бірінші нұсқаны автор “Әйел жолынан” тікелей аударғаны байқалса (автор “Әйел жолын” кино-әңгіме деген), “Ее доля” нұсқасын М. Әуезов арнайы тағайындалған мәскеулік кеңесшінің (Борис Липатов) көмегімен қайта жазып шыққанға ұқсайды. Екі нұсқаның фабуласы, сюжеті бірдей болғанмен, мәтіндері бір-бірімен толық сәйкес келмейді. “Ее доля” нұсқасындағы эпизодтардың көлемін, мағынасын сақтай отыра, кино жанрының өзіндік ерекшелігіне орай бір қалыпқа түсірген. Прозалық баяндаудан гөрі кинематографиялық көріністі суреттеулер айқынырақ берілген.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық жинағының бұл томына “Ее доля” нұсқасы 157-бумадағы мәтін бойынша берілді.

Р. Әбдіғұлов

МАЗМҰНЫ

I. МАҚАЛАЛАР	3
Қазақ халқының ұлы ақыны.....	4
Реалистік драма жолында	27
II. КИНОСЦЕНАРИЙЛЕР	65
Большая судьба (бірінші нұсқасы).....	67
Большая судьба (екінші нұсқасы).....	207
Ее доля.....	297
IV. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	399

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ

Шығармаларының елу томдық толық жинағы

32-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:

С. Назарбаева, Б. Қанапиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан, А. Шаихова*

Көркемдеуші редакторы *С. Оспанова*

Техникалық редакторы *Н. Ромахова*

Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 10.07.2014 ж. қол қойылды.
Пішімі 84x108 ¹/₃₂. Офсеттік қағаз.
Қаріп түрі “Таймс”.
Шартты баспа табағы 21,6.
Таралымы 4000 дана.
Тапсырыс № 1320.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: rpik-daur81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-174-6

9

7 8 6 0 1 2 9 4 1 7 4 6